

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна»
Высшая школа печати и медиатехнологий

XVIII Всероссийская научная конференция

ПЕЧАТЬ И СЛОВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сборник научных трудов

Петербургские чтения – 2016

*Часть 1. Книжное дело. Культурология.
Межкультурные коммуникации*

2017 Санкт-Петербург
СПбГУПТД

УДК 655
ББК 76
П 31

Редакционная коллегия

директор ВШПМ СПбГУПТД, зав. каф. КИиКТ	Н. Б. Лезунова
доцент кафедры КИиКТ СПбГУПТД ВШПМ	Т. П. Вязовик
доцент кафедры КИиКТ СПбГУПТД ВШПМ	Н. Г. Николаюк

Составители и научные редакторы	Н. В. Аверина	
	И. Г. Ландер	
	А. В. Смирнов	
	Л. В. Назарова	
Ответственный за выпуск	И. В. Фатеева	
	Редактор	А. В. Никандрова
	Оформление, верстка	И. Е. Адамантов

П31 **Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): в 2 ч.
Ч. 1: Книжное дело. Культурология. Межкультурные коммуникации:
сб. науч. тр. — СПб.: СПбГУПТД, 2017. — 302 с.**

ISBN 978-5-7937-1426-6

ISBN 978-5-7937-1486-0 КНИЖНОЕ ДЕЛО. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Новый выпуск сборника научных трудов «Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2016» выходит в свет как очередной отчет о прошедшей в прошлом году XVIII Всероссийской конференции и традиционно состоит из двух частей.

Первая часть второй год подряд включает в себя четыре раздела: «Книжное дело», «Культурология», «Художник и книга» и «Межкультурные коммуникации».

Редакция и авторы сборника надеются, что этот выпуск «Печати и слова Санкт-Петербурга» найдет своего читателя и будет интересен специалистам книжного дела, культурологам, иллюстраторам, дизайнерам и всем тем, кто увлекается книговедением и искусством книги.

УДК 655
ББК 76

ISBN 978-5-7937-1426-6

ISBN 978-5-7937-1486-0 КНИЖНОЕ ДЕЛО. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

© СПбГУПТД, 2017

Содержание

К читателю

9

Книжное дело

- Н. Б. Лезунова Развитие книжного дела в контексте межкультурных коммуникаций
12
- Н. Г. Николаюк Место контроля в управлении издательским проектом
17
- Н. А. Гринченко Книжный магазин Министерства народного просвещения (1800–1860-е гг.)
23
- С. Б. Байкова К истории формирования корабельной библиотеки для кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» (1826–1829)
29
- Л. А. Тимофеева «Юбилейные книги» И. А. Крылова
36
- Н. А. Мозохина Распространение и продажа открытых писем в России в начале XX в.
44
- Е. Ю. Гордеева Материалы по истории российской журналистики на страницах библиографических изданий (1902–1903)
50
- Н. С. Беляев Картотека дарственных надписей и Картотека личных собраний в системе справочно-библиографического аппарата Библиотеки Пушкинского Дома: история, организация, пути совершенствования
55
- А. Ю. Бабкина Опыт издания произведений А. П. Гайдара
63

В. А. Гринфельд (Соболь)	Проблема комментирования классических текстов в современной издательской практике 68
Е. Е. Цесник	Особенности раскрытия темы имени в эзотерической литературе 72
М. И. Вилков	Особенности оформления издания романа Джона Фаулза «Куколка» 79
А. И. Любименко, М. В. Чигринова	Проблемы защиты авторского права в электронных и интернет-изданиях и пути их решения 86
Н. В. Аверина	Продвижение чтения в Санкт-Петербурге: примеры внутриотраслевого и межотраслевого взаимодействия 91
Э. Б. Мельцина	Об опыте создания интернет-сайта научно-популярного журнала для школьников 96
Культурология	
М. А. Вильцина, Л. Е. Кочешкова, Н. В. Смирнов	«Утраченные храмы Петроградской стороны»: образовательный потенциал темы и опыт внедрения комплекса методических материалов 102
С. В. Кардинская	Этнические сообщества в социальных сетях Санкт-Петербурга: конструирование сетевой идентичности 108
А. Б. Лярский	Лев, гимназистка и зашифрованный дневник. Из истории подросткового поведения в России XX в. 115
М. О. Мельцин, А. А. Цылина	Князь Александр Долгоруков — «поэт одного года». 122
Н. В. Полякова	«Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина: интеллектуальный и политико-идеологический контекст 137
А. В. Смирнов	Повседневная жизнь в творчестве ленинградских писателей 1960–1970-х гг. 143
И. В. Столярова	Все, как у людей (С. Носов о тайной жизни петербургских памятников) 149
Е. Е. Цесник	Тенденция отказа от письменного текста в движениях NewAge 154

- Н. В. Чигринова,
А. И. Любименко   Аспекты менталитета в формировании и транслировании
идентичности бренда
160
- Е. О. Матвеева   Окказиональные образования в текстах современной
российской рекламы
165
- О. В. Асташова   Визуальное воздействие в рекламном тексте
170

Художник и книга

- А. Г. Метелкина   Петербургский график Андрей Ефимович Мартынов
(1768–1826). Новые материалы
180
- И. Г. Ландер   Город как альбом (Серия «Забытый Петербург» издательства
«Гиперион»)
186
- Д. М. Махо,
П. Г. Махо   Формирование ленинградской школы дизайна детской книги
в 1920–1930-е гг.
194
- Г. Б. Лавренко   Проблемы авторской индивидуальности художников книги
на примере творчества Санкт-Петербургского художника
Олега Яхнина
205
- Е. И. Григорьянц   «Книга художника» — территория эксперимента
211
- О. Н. Фахрутдинов,
А. А. Евменова   Системный подход к проектированию электронного
и печатного издания на примере выпускной
квалификационной работы «Дизайн электронного журнала
DOTS»
217

Межкультурные коммуникации

- В. А. Ямшанова   Быть или иметь? (на материале немецких пословиц и их
русских эквивалентов)
224
- М. Л. Малышев   Значение максим Грайса в преподавании межкультурной
коммуникации
231
- И. В. Лисковец,
Н. М. Магалова   Формирование профессионального
вокабуляра у студентов направлений подготовки ИТ
234

- А. А. К р у ч и н и н а   Учебный исследовательский проект как средство формирования универсальных учебных действий
238
- Е. К. Гу л о в а   Цель формирования интегрированного курса «Иностранный язык и риторика» при обучении иностранному языку в неязыковом вузе
246
- Н. В. Б о г д а н о в а   Требования к участникам бинациональных групп в рамках тандем-метода обучения иностранным языкам
251
- Т. А. Б а е в а,
К. И. К у б а ч е в а   Формирование иноязычной читательской компетенции аспирантов медицинских вузов
255
- М. К. А л т у х о в а   Критерии отбора песенного материала в обучении дошкольников и младших школьников иностранному языку
261
- С. В. К а т а е в а   Конъюнктив как грамматическое средство выражения вежливости в немецком языке
266
- А. Н. Я к о в л ю к   Термин «валентность»: возможность или реализация?
270
- Н. С. Ш а п о в а л о в а   Сопоставительный анализ каузативных конструкций в английском и русском языках
273
- Н. Б. С м о л ь с к а я   Особенности функционирования произведений словесного искусства на мифопоэтической стадии
277
- Ю. В. С м и р н о в а   Роль англосаксонского стандарта красоты для афроамериканцев США в 30–40-х гг. XX в. (на материале романа Т. Моррисон «The Bluest Eye»)
285
- Г. В. В о с к р е с е н с к а я   Магические и мифологические символы «Кровавой комнаты» Анджели Картер
291

Список авторов

297

К читателю

Очередная 18-я конференция «Печать и слово Санкт-Петербурга» традиционно состоялась в апреле 2016 г. В трехдневных «Петербургских чтениях» приняли участие книговеды, культурологи, лингвисты, филологи, историки — представители высших учебных заведений Санкт-Петербурга и других российских городов. Заметно расширился и круг практиков — сотрудников библиотек и преподавателей общеобразовательных учреждений, в чьих выступлениях обобщен опыт непосредственной работы с читательской аудиторией.

Настоящий ежегодный сборник научных трудов подготовлен по материалам докладов, прозвучавших на заседаниях секций, что и определило его структуру. Часть 1-я включает разделы «Книжное дело», «Культурология», «Художник и книга», «Межкультурные коммуникации». Таким образом, проблемы книгоиздания вписаны в широкий культурный контекст и демонстрируют динамику движения исследовательской мысли, приоритетные проблемы книжной культуры.

Раздел «Книжное дело» открывается статьей Н. Б. Лезуновой «Книжное дело в контексте межкультурных коммуникаций», что соответствует концепции настоящего тома, объединившего в своих границах разнообразные направления исследовательской мысли. Публикуемые статьи убедительно свидетельствуют: интерес к историческому аспекту книгоиздания не снижается. Детальное исследование фактов создает выразительную картину преемственного развития книжной культуры. Это характерно для статей Н. А. Гринченко «Книжный магазин Министерства народного просвещения (1800–1860-е гг.)»; С. Б. Байковой «К истории формирования корабельной библиотеки для кругосветного плавания на шлюпе „Сенявин“ (1826–1829)»; Л. А. Тимофеевой «„Юбилейные книги“ И. А. Крылова»; Н. А. Мазохиной «Распространение и продажа открытых писем в России в начале XX в.»; Е. Ю. Гордеевой «Материалы по истории российской журналистики на страницах библиографических изданий (1902–1903)»; Н. С. Беляева «Картотека дарственных надписей и Картотека личных собраний в системе справочно-библиографического аппарата Библиотеки Пушкинского Дома: история, организация, пути совершенствования». Издательская практика не столь далеких лет рассмотрена в работе А. Ю. Бабкиной «Опыт издания произведений А. П. Гайдара». Освещены и некоторые актуальные вопросы редакторской подготовки справочного аппарата изданий — статья В. А. Гринфельда «Проблема комментирования классических текстов в современной издательской практике». Это важно, если учесть что значительный сегмент книжного рынка занимают сейчас переиздания классики. Не менее интересны и новые тенденции в книжном дизайне, они освещены в работе М. И. Вилкова «Особенности оформления издания романа Джона Фаулза „Куколка“». О трудностях продвижения книги к читателю рассказывает Н. В. Аверина в статье «Продвижение чтения в Санкт-Петербурге: примеры внутриотраслевого и межотраслевого взаимодействия».

В статьях М. В. Чигириновой, А. И. Любименко «Проблемы защиты авторского права в электронных и интернет-изданиях и пути их решения», Э. Б. Мельциной «Об опыте создания интернет-сайта научно-популярного журнала для школьников» уделено внимание новым тенденциям, связанным с развитием информационных технологий.

В разделе «Культурология» преобладают работы, многогранно представляющие культуру Петербурга: М. А. Вильциной, Л. Е. Кочешковой, Н. В. Смирнова «Утраченные храмы Петроградской стороны»; С. В. Кардинской «Этнические сообщества в социальных сетях Санкт-Петербурга: конструирование сетевой идентичности»; И. В. Столяровой «Все, как у людей (С. Носов о тайной жизни петербургских памятников)»; А. В. Смирнова «Повседневная жизнь в творчестве ленинградских писателей 1960–1970-х гг.».

В статьях исторического плана (А. Б. Ляровский «Лев, гимназистка и зашифрованный дневник. Из истории подросткового поведения в России начала XX в.»; М. О. Мельцин, А. А. Цылина «Князь Александр Долгоруков — „поэт одного года“»; Н. В. Полякова «„Записка о древней и новой России“ Н. М. Карамзина: интеллектуальный и политико-идеологический контекст») сочетается глубокий анализ фактов и увлекательное их изложение.

Значим для всех тех, кто занят конструированием издания, раздел «Художник и книга». Предпочтения авторов отданы петербургским традициям художественного оформления: А. Г. Метелкина «Петербургский график Андрей Ефимович Мартынов (1768–1826)»; И. Г. Ландер «„Город как альбом“ (серия „Забытый Петербург“ издательства „Гиперион“); Д. М. Махо, П. Г. Махо «Формирование Ленинградской школы дизайна детской книги в 1920–1930-е гг.»; Г. Б. Лавренко «Проблемы авторской индивидуальности художников книги на примере творчества Санкт-Петербургского художника Олега Яхнина»; Е. И. Григорьянц «„Книга художника“ — территория эксперимента», О. Н. Фахрутдинов, А. А. Евменова «Системный подход к проектированию электронного и печатного издания на примере выпускной квалификационной работы „Дизайн электронного журнала DOTS“».

Лингвисты в разделе «Межкультурные коммуникации» рассматривают в своих статьях широкий спектр вопросов — как сугубо языковедческих, так и методологических, связанных с обучением иностранному языку.

Наиболее полно представлены исследования профессорско-преподавательского состава Высшей школы печати и медиатехнологий (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна). Растет интерес к «Петербургским чтениям» и со стороны других вузов, крупных учреждений культуры, школ. Участие в конференции приняли СПбГЭУ, Государственный медицинский университет, Государственный университет им. П. Ф. Лесгафта, Государственный политехнический университет Петра Великого, Государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Военная академия связи, СПбГУ, Центральная военно-морская библиотека, РНБ, Отдел БАН при ИРЛИ, гимназия № 85 и школа № 553. Расширяется и география: на конференцию приехали специалисты из Керчи, Нижнего Новгорода, Москвы, Провиденса (США).

Организаторы «Петербургских чтений» и редакционная коллегия сборника видят дальнейшую перспективу в привлечении к участию в конференции новых участников, в публикации исследований, посвященных не только важным аспектам книжного дела, но и сложнейшему историко-культурному контексту, в котором оно функционирует и развивается.

Книжное дело

Н. Б. ЛЕЗУНОВА

Развитие книжного дела в контексте межкультурных коммуникаций

Статья посвящена актуальным проблемам книгоиздания и книжной торговли, как одну из главных автор выделяет конкуренцию между традиционными и коммуникационными технологиями. Проанализированы изменения в литературном процессе, все явственнее приобретающем массмедийный характер. Зафиксированы изменения в структуре восприятия, обусловленные новыми каналами распространения информации. Охарактеризован рынок электронных изданий и интернет-литературы. Дается сравнительный анализ книжной торговли в сетевых и независимых магазинах.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации; рынок книжной продукции; литературный процесс; современный читатель; электронные издания; сетевая литература; формы работы с читателем в книжных магазинах разных типов; общекультурные проекты.

N. B. LEZUNOVA

Development of book publishing industry in the context of intercultural communications

The article is devoted to the essential problems of book publishing and book trade, the author singling out the competition between traditional and communication technologies as one of the significant issues. Changes in the literary process, increasingly acquiring mass media nature, have been analyzed, while recording the perceptual structure alterations caused by new information dissemination channels. The market of electronic publications and Internet literature has been characterized. A comparative analysis of book trade in network and independent book stores has been carried out.

Keywords: intercultural communications; market of book products; literary process; modern reader; electronic publications; network literature, activities for readers in various types of bookstores, common culture projects.

Отрасль книжного дела проходит в настоящее время достаточно сложную стадию. Причиной подобной сложности во многом является конкуренция между традиционными технологиями, т. е. передача информации на вещественных носителях, и технологиями коммуникационными, охватывающими все большие области общественной жизни.

Полное исследование многообразных факторов, определяющих воздействие внешней и внутренней среды на отрасль книжного дела, является сложной задачей, решение которой должно проходить на основе моделирования с использованием серьезных маркетинговых, статистических и других инструментов.

Начало XXI в. в культурной и литературной жизни нашей страны было отмечено значительным ростом количества государственных инициатив: конкурсов, фестивалей и иных значимых событий. Годы культуры, литературы, чтения, кино должны были дать серьезный импульс для реализации комплексной государственной программы, направленной на сохранение и развитие интереса к русской и мировой литературе, на пропаганду чтения и книжной культуры.

Конец 90-х — начало 2000-х были наполнены ожиданием некоего прорыва в литературном творчестве и зависящем от него издательском деле. Великие периоды в истории русской литературы, Серебряный век и «оттепель» во

второй половине XX в. создали ощущение исторической закономерности их появления, чем, видимо, и объясняется ожидание нового литературного чуда.

Но прорыва не произошло. Литературный процесс отражает всю кризисную ситуацию начала столетия: кризис сознания культуры, отсутствие в литературе ярких фигур, новых сюжетов и форм; эксплуатация издателями уже хорошо известных читающей публике имен (на профессиональном сленге — «дойных коров»). Неизвестные молодые авторы не имеют шансов быстро найти своего читателя.

Литературные журналы, число которых сократилось до минимума, не влияют на читательские вкусы, и встреча автора, критика и читателя происходит сегодня в основном в виртуальной среде. Литературное творчество писателя перестало носить сакральный характер и приобрело массмедийный, прагматический абрис.

Быстрому достижению популярности автора в значительной степени способствует общественное признание. Казалось бы, для формирования такого признания созданы максимально благоприятные условия. Перечень литературных премий различного уровня насчитывает более двухсот названий. Есть долгосрочные, хорошо финансируемые проекты, есть и одногодки. Время их существования и степень влияния, как правило, зависят от наличия в жюри знаковых имен и привлекаемых спонсоров. Но в шорт-листах этих премий мало по-настоящему талантливых авторов, и литературные произведения победителей не становятся предметом широкого обсуждения. Увы — новый всплеск интереса к литературе возможен только при условии сформированного обществом запроса.

Влияет на ситуацию и определенная замкнутость российского книжного рынка. История повторяется. Как и сто лет назад, в 20-е гг. XX в., централизация книжного дела только усиливается. Издательские центры по-прежнему находятся в Москве и Санкт-Петербурге, аккумулируя большую часть проектов. Но законы рынка приводят к тому, что маркетинговая стратегия этих центров меняется, они вынуждены переходить на выпуск малых тиражей, развивать печать по индивидуальным заказам, формировать рынок электронной книжной продукции.

Деятельность региональных издательств также обретает свою новую и издательскую, и технологическую специфику. Регионалы, которые традиционно стремились обеспечивать своих потребителей справочной, учебной и краеведческой литературой теперь работают, по большей части, в формате пэкеджинга: готовят оригинал-макет и делегируют печать тиража столичным центрам.

В силу всех названных причин, на фоне сокращения рынка книжной продукции и падения тиражей, для осуществления межкультурных коммуникаций становится важна возможность свободного интерактивного общения читателя с книгой.

Современный читатель существует в системе стремительно развивающихся гаджетов, дающих возможность быстрого получения информации. Свобода и быстрота получения информации не могли не изменить структуру восприятия и картину мира в сознании культуры в целом и в сознании каждого отдельного носителя этой культуры.

Современный читатель обладает уже, в известном смысле, измененным мышлением, в котором могут быть нарушены логические связи, в один ряд ставятся важные и ничтожные события, отсутствует критический подход и анализ, прерывается связь времен. Культура чтения и письма обретает новые «экранные» характеристики.

Появляется новое поколение читателей, для которого книжный текст уже не является главным носителем информации, им привычнее воспринимать новые знания и впечатления через визуальные формы или видео. Основная тенденция рынка электронных читающих устройств проявляется в нарастании разнообразия моделей, снижении цен и, вследствие этого, большей доступности. Они становятся все более совершенными и дают ощущение легкости восприятия, создавая объемную интерактивную среду.

В обозначенных условиях происходит динамичное развитие рынка электронных изданий. Электронно-издательская платформа, не несущая дополнительных расходов, имеет возможность выставлять книгу по цене более низкой, чем печатное издание. Развиваются и бизнес-модели продаж электронной книги в виде файлов, мультимедийных приложений к электронным книгам и по подписке.

По прогнозам специалистов, рынок электронных изданий мог бы достичь к 2020 г. 50 % от общего объема продаж, но сценарий явно не будет реализован. Пиратство, отсутствие юридического статуса электронных файлов и недостаточная активность издательств в изменении своей организационной структуры, видимо, приведут к реализации другого, пессимистического сценария, когда рост рынка электронных книг будет медленным и постепенным.

Не менее интересным и значимым стало возникновение в начале XX в. интернет-литературы, которая дает автору и читателю возможность общения без посредников, создавая ощущение причастности к литературному процессу. Характерными признаками сетевой литературы стали возможность публикации без профессионального отбора и оценки, виртуализация автора, промоушен и в итоге создание объединений близких по интересам людей.

Но даже самое богатое воображение не смогло бы представить, что произойдет в литературном пространстве на рубеже 20-х гг. XXI в. Лавинное возникновение в Интернете литературных порталов, блогов, сайтов, клубов, литературных мастерских, держателями которых выступают писатели, редакторы, педагоги, читатели, привело к созданию сетературы и ее разновидности блог-литературы.

Соблазну опубликоваться в блогах подвержены прежде всего молодые авторы, так как это ведет в некоторых случаях к быстрой популярности и рождает иллюзию причастности к интеллектуальной и художественной сфере. На страницах блогов появляются и известные авторы, предлагая непубликованные или малоизвестные произведения. Иногда они пишут по заказу, если их привлекает заданная тема. В блогах развиваются и модели коллективного авторства (менее привычного, чем индивидуального). В итоге обсуждение на страницах блогов часто становится столь же престижным, как и публикация в известных литературных журналах.

Новые черты приобретает и борьба за покупателя в традиционной книжной торговле. В настоящее время уже сложилась система сосуществования двух типов магазинов: сетевых и независимых.

Магазины сетевой торговли обладают видимыми преимуществами: структурированный мерчандайзинг, шаговая доступность для покупателя, широкий ассортимент сопутствующих товаров, развитая информационно-справочная поддержка, удобство заказа и получения товара.

Однако следует признать, что, несмотря на явные экономические преимущества, интеллектуальное первенство пока остается за магазинами независимыми. Взыскательные покупатели, чьи интересы не ограничиваются сферой массовой культуры, ценят такие достоинства независимых магазинов, как возможность найти или заказать малотиражное издание, обсудить свои

потребности с квалифицированным специалистом (продавцом-консультантом). Ассортимент сопутствующих товаров в этих магазинах значительно уже, чем в сетевых, но их качество и оформление, как правило, существенно отличаются в лучшую сторону.

И сетевые, и независимые магазины давно практикуют разнообразные формы работы с читателями, используя для этого всевозможные площадки: рекреационные, досуговые, развлекательные и др. Причем, если сетевые книготорговые предприятия предпочитают методы, ориентированные на максимально широкий круг покупателей, учитывая только возрастной критерий, независимые магазины чаще выбирают более профилированный подход к клиентам: клубную работу; встречи с авторами, интересными для избранной, узкой аудитории; разные формы дискуссий и обсуждений. Все эти коммуникационные модели, конечно, трудно назвать новаторскими, они практиковались и раньше, но в других условиях и на других площадках.

Процессы, происходящие в рассматриваемом выше бизнес-секторе культуры, издательском деле и книжной торговле, теперь оказываются непосредственным образом связанными с государственным сектором культуры — библиотечным делом. Несмотря на программу «Поддержки книги и чтения», количество читателей в библиотеках сокращается.

Складывается ощущение, что государственные программы не дают нужного результата в силу ограниченности периода проведения, недостаточности ресурсов и разрозненности усилий разных ведомств. В своих отчетах библиотеки по-прежнему оперируют книговыдачей и количеством проведенных мероприятий, хотя уже давно пришло время предложить новые единицы измерения эффективности их работы. В итоге количество универсальных библиотек в стране сокращается. Детские библиотеки работают как центры творчества и досуга, а школьные перестают быть центром для подрастающего поколения в связи с ограниченностью фондов.

В 2015 г. был инициирован масштабный проект Национальной электронной библиотеки, существующей в интернет-пространстве и имеющей приложения для всех современных платформ. Она должна помочь конкретному пользователю получать персонализированную информацию. Реализация этого проекта рассчитана на длительный период и требует серьезного финансирования.

Пока, наблюдая процессы, развивающиеся во всех сферах, так или иначе связанных с чтением (образовательной, библиотечной, издательской, книготорговой и др.), можно сделать вывод, что, во-первых, процессы эти стали знаковыми для нашего времени и во всех перечисленных сферах развиваются по общему алгоритму; а во-вторых, решение большинства проблем в той или иной степени зависит от выработки новых подходов и методик, использующих самый широкий спектр возможностей, создаваемых информационными технологиями. Наиболее успешными могут стать общекультурные проекты, интегрирующие усилия разных сфер и учреждений культуры. Примеры таких масштабных разработок существуют.

Отрадным выглядит возникновение региональных, городских, студенческих, школьных, клубных, библиотечных, театральных, музейных проектов, ведущих к объединению думающей и читающей молодежи. Наличие разных социальных сетей и сайтов, современная терминология делают процесс общения доступным и интерактивным. Центрами возрождения юношеского литературного творчества стали Нижний Новгород, Воронеж, Сочи, Москва, Санкт-Петербург, Самара, Архангельск, Вологда, Псков, школы при посольствах и консульствах России в зарубежных странах.

Особым направлением литературного творчества можно считать школы журналистики и издание школьных СМИ. Наверно, труднее сегодня найти школу, где нет своего издания, чем перечислить те, где они есть. Собственное творчество, как правило, ведет к сравнению и изучению литературного наследия и современного литературного процесса. Опыт, полученный юными литераторами в школьные и студенческие годы, наверно, не приведет к увеличению количества написанных и изданных романов, повестей и рассказов, но число образованных и грамотных людей, конечно, возрастет.

Н. Г. НИКОЛАЮК

Место контроля в управлении издательским проектом

В статье рассматриваются вопросы, связанные с контролем основных составляющих издательской деятельности. Внимание уделено в первую очередь контролю качества книжной продукции. Отмечается явное несовершенство способов и методов контроля, о чем свидетельствует небрежная редакторская подготовка многих изданий. Затронуты проблемы координации деятельности подразделений издательства. Охарактеризован как инструмент контроля график прохождения рукописи. Отмечены преимущества метода проектного управления. Особое внимание уделяется составу документов, регламентирующих деятельность сотрудников.

Ключевые слова: контроль и менеджмент; контроль бюджета; контроль графика; контроль качества; контрольные карты; декомпозиция работ; графики; контроль выполнения планов; распорядительные документы.

N. G. NIKOLAYUK

Control relevance in the publishing project management

The article deals with issues related to the control of the main activities in publishing process. Attention is given primarily to the quality control of book products. A clear imperfection of the control assurance techniques and methods is evidenced by the careless editorial preparation of many publications. The problems of activities coordination between the publishing house departments have been touched upon, a monitoring tool for the task schedule control in the manuscript treatment being described. The advantages of the project management method have been noted. Particular attention is paid to the scope of documents regulating the activities of employees.

Keywords: control and management; budget control; task schedule control; control; quality assurance; control charts; work breakdown structure; timetable, implementation monitoring; executive documents.

Контролируется все: предметы, люди, действия.
Анри Вайоль

Контроль в сфере книгоиздания — тема еще недостаточно разработанная. Общая теория управления, неотъемлемой частью которого является контроль, позволяет распространить некоторые ее позиции на издательскую деятельность. Это в первую очередь контроль количественных показателей: выявление отклонений от запланированного бюджета конкретного издания, отклонения от сроков, зафиксированных в графике его предпечатной подготовки. Сложнее обстоит дело с показателями качества. Между тем читателя мало заботят бюджет и график. Он оценивает качество подготовки, и оценивает взыскательно: «Купил „Один день Ивана Денисовича“ и „Раковый корпус“». Столько разных ошибок, опечаток и несуразностей не встречал ни в одной книге. Впечатления самые негативные. Позорное издательство», «Вроде бы самое большое издательство в России, а ошибки делают глупее некуда. Лично я никогда не куплю ни единой книги издательства АСТ», «Дорогое издательство, а у вас корректоры вообще есть? Если нет, то наберите... Но это же невозможно, ё-мое. Опечатки, ошибки,

запятые не в тему. Ладно, если бы одна-две, но ощущение такое, что текст вообще не читают», «Как будто бы собралась деревенская шайка-лейка и клепают все подряд, им главное свой карман набить, зачем о людях думать».

Конечно, падение уровня подготовки свидетельствует о неумении или нежелании контролировать качество, но следует помнить, что и количественный контроль, основанный на «волонтаристских» критериях, вредит книге. Стремление снизить издержки (тем самым повысить прибыль) побуждает сокращать сроки подготовки издания, что и приводит к названным выше читателями недочетам. «Оптимизация» бюджета влечет за собой сокращение команды и экономию на бумаге, материалах и печати.

Управление издательским проектом можно рассматривать как управление его базовыми составляющими — временем, деньгами, качеством. Для управления временем необходим график, для управления деньгами — бюджет, для управления качеством — критерии оценки. Эти элементы можно представить как своего рода шаблоны, необходимые для контроля сроков и качества, поскольку суть контроля — в соотношении результата работы с заданными изначально стандартами. Мы сопоставляем запланированный результат с реально достигнутым, что позволяет выявить отклонения и внести необходимые коррективы.

Срок исполнения работы каждым сотрудником соотносится с графиком, затраты на каждый вид работы соотносятся с бюджетом (сметой), качество выполненных работ — с соответствующими параметрами, зафиксированными в регламентах, распорядительных документах, в том числе в контрольных картах.

Важно установить точки контроля на всем пути прохождения рукописи. Решить, кто выступает в качестве контролера — руководитель проекта (редактор, зав. редакцией, главный редактор), что на конкретном этапе является объектом контроля и какие «подсобные инструменты» (типовые формы, инструкции, контрольные карты и т. д.) помогают оптимизировать контроль.

Существует известная каждому издателю определенная последовательность событий от начала до конца производства издания. Первая позиция в схеме — авторский оригинал, однако не следует считать, что контроль начинается с момента поступления рукописи в издательство. Поступлению предшествует авторская заявка и план-проспект, договор, пробные главы, при необходимости — внешняя рецензия. Уже на этой стадии должен осуществляться контроль исходных документов — заявки и плана-проспекта. В них охарактеризованы все стороны будущего издания — его функциональное назначение, тема, жанр (для художественной литературы), структура (как правило, это перечень рубрик, желательно с краткой аннотацией), состав (для сборников), читательский адрес, а также технические параметры — объем, количество и особенности иллюстраций.

В связи с этим необходимо сделать общее замечание: то, что вы собираетесь контролировать, и те критерии, которыми будете руководствоваться, должны быть известны всем участникам проекта, иначе ваши требования окажутся необоснованными, а исполнители упустят в работе отдельные стороны. Разумеется, с издательскими требованиями к заявке должен быть ознакомлен автор. В последнее время на сайтах издательств помещают шаблон, который содержит важные для издательства позиции. Сейчас этап, называемый организационно-подготовительным, не менее важен, чем редакторский, ведь истоки всех неудач, и в первую очередь финансовых, таятся здесь.

Следующий важный документ контроля содержит требования к техническому оформлению рукописи, которые должны быть сформулированы в «Памятке автору», прилагаемой, как правило, к договору.

Следующий контрольный пункт — момент предоставления рукописи в издательство, требующий соблюдения определенной процедуры. На этой стадии очень важен детальный контроль, так как отступление автора от параметров будущего издания (объем, количество иллюстраций), заданных в заявке, плане-проспекте, договоре, может привести впоследствии к потерям и времени, и денег, и качества.

Итак, рукопись считается поступившей, и начинается работа по ее подготовке к печати, которую осуществляют сотрудники (штатные и внештатные). Важный инструмент управления персоналом и контроля качества исполнения — должностные инструкции, которые содержат профессиональные стандарты, помогают провести инструктаж внештатных исполнителей.

Здесь же следует сказать и о бюджете издания. Контроль выполнения финансового плана начинается с составления производственной сметы и корректируется в случае необходимости. Основным инструментом контроля за бюджетом является смета данного издания. При дальнейшей работе над изданием, после утверждения сметы, необходим постоянный контроль за бюджетом, так как расходы на подготовку данного издания «вписаны» в готовый финансовый план. Естественно, при составлении сметы руководитель проекта должен знать расценки, по которым будет оплачиваться труд сотрудников, принимающих участие в данном проекте. Во всех издательствах эти расценки разные.

Следующий этап подготовки рукописи — ее редактирование. Первая стадия редактирования — всесторонняя оценка рукописи по существу, оформленная в виде письменного документа — редакторского заключения. Наличие контрольной карты позволит на раннем этапе контролировать работу редактора, а впоследствии послужит инструментом контроля за устранением всех отмеченных недостатков рукописи.

Контроль работы редактора, ведущего издание, относится не только к качеству, но и к соблюдению графика, для чего необходимо знать, какой объем времени требуется на тот или иной процесс редакторской подготовки издания. Здесь основой должны стать нормы выработки редактора, учитывающие трудоемкость работы над разными видами и типами литературы. Подобные нормативы существуют и для работающих над данным проектом корректора и верстальщика. Контроль работы корректора и верстальщика также можно осуществлять по определенным стандартам, зафиксированным в контрольных картах. Контроль за качеством и сроком исполнения художественного оформления можно осуществить, соотнеся представленную художником работу с издательским заказом (используется типовая форма «Заказ на художественное оформление»).

В каждом издательстве эти нормативы и регламенты могут различаться, необходимо только, чтобы они выполняли свою главную цель — оптимизацию процесса прохождения рукописи — и давали руководителю проекта объективную картину этого процесса.

Система документооборота, комплекс распорядительных документов, регламентов и шаблонов — надежный инструмент управления, с помощью которого контроль за издательским процессом становится наиболее полным. Примерный перечень документов: заявка (план-проспект), аннотация, шаблон готовится издательством, это так называемый опережающий контроль; договоры с авторами — несколько шаблонов в соответствии со спецификой деятельности; документ, фиксирующий поступление рукописи (фактическая дата, фактический объем); редакционное заключение (письмо автору); смета издания (типовая форма); совокупность всех издательских планов; отчеты исполнителей; график прохождения рукописи (календарный график); картотека движения рукописи; должностные инструкции; расценки; нормативы; ГОСТы.

Контроль бюджета

Как график структурирует время, так смета структурирует денежные затраты. Как и для графика, исходной точкой составления сметы является момент, когда у редактора, заказывающего рукописи, появляется идея проекта для определенного целевого рынка (автор предлагает издательству идею в виде заявки или готовую рукопись). На этой стадии разрабатывается спецификация проекта, включающая формат, объем, количество иллюстраций, использование цвета и тип обложки. Жизнеспособность проекта проверяется следующим образом. Редактор прикидывает, по какой цене будет продаваться книга в розничной торговле и какова может быть отпускная цена, учитывая при этом платежеспособность целевой аудитории.

Редактор создает смету на основе оценки расходов на всех этапах работы от написания текста до выпуска книги. В большинстве издательств используется специальная форма, и редактору остается лишь заполнить графы, соответствующие категориям расходов. Они делятся на две основные группы: прямые и косвенные издержки. Прямые издержки связаны с выпуском конкретного наименования — иными словами, это деньги, потраченные только на данный проект. Косвенные издержки, т. е. не связанные с одним проектом, обычно называют накладными расходами.

Чтобы получить одобрение своего предложения, редактор должен предоставить смету, которая демонстрировала бы жизнеспособность проекта: он должен быть, как минимум, безубыточным, а лучше — прибыльным. Нельзя забывать, что именно прибыли дают возможность компании продолжать свою деятельность.

После этого редактор вычитает из этой суммы прямые расходы, т. е. расходы на изготовление книги, и получает норму валовой прибыли, а затем вычитает накладные расходы — и получает норму чистой прибыли. Принимая решение о том, какие книги издавать, издатель руководствуется определенными финансовыми показателями. Один из таких показателей — это отношение нормы чистой прибыли к общей сумме расходов, выраженное в процентах. При этом у издателя имеется минимальный, или контрольный, уровень этого показателя. Если предложенный проект не достигает приемлемого уровня, редактор должен изменить такой проект или отказаться от него. Иногда бывает, что издатели одобряют и такие проекты, которые не достигают контрольного показателя — либо потому, что они продвигают нового автора или новый план изданий, либо потому, что эта работа является важным вкладом в направление науки и тем самым поднимает репутацию всего тематического плана. Если издательство приняло решение одобрить проект, не достигающий контрольного уровня показателей, за этим стоит уверенность, что в плане есть другие названия, которые превышают целевой показатель нормы прибыли, и что проект в итоге будет, как минимум, безубыточным. Опуститься ниже целевого показателя нормы прибыли — это не то же самое, что не достичь безубыточности или не получить прибыль.

Можно понять с помощью простого арифметического действия, что когда издержки возрастают — как прямые, так и накладные, — норма прибыли падает. А задача менеджера проекта — добиться, чтобы издержки не возрастали.

Если работник организации не соблюдает сроки, от этого также возрастают накладные расходы, поскольку его производительность труда не соответствует предполагаемой, исходя из его зарплаты.

После одобрения предварительный расчет становится сметой, и в обязанности руководителя проекта входит контроль за ее соблюдением. Для этого существует четыре способа:

1. Обеспечить соответствие сметы проекту.

2. Договориться об оплате работы с внештатными сотрудниками в соответствии со сметой.
3. Контролировать качество по ходу работы.
4. Соблюдать график работ.

Контроль соблюдения графика

Проблемы, связанные с графиком, наиболее болезненны для российского издателя. Конечной точкой для него является в лучшем случае срок сдачи в типографию, но уж никак не публикации, т. е. даты появления книги на прилавке магазина. Планирование носит, так сказать, рекомендательный характер и отражает скорее намерения издателя, нежели жесткую временную заданность. Лабильность конечного срока связана с тем, что у российского издателя, как правило, нет обязательств перед торговлей по поставке товара. Это, в свою очередь, объясняется отсутствием системы заблаговременного сбора заказов (за полгода до выпуска книги). В лучшем случае торговые партнеры оповещаются на стадии печати книги в типографии, чаще же работа с торговлей начинается с момента готовности тиража. Подобная ситуация обусловлена, с одной стороны, территориальным фактором, с другой стороны, разрушением существовавших коммуникаций — той системы книгораспространения, которая в былые годы централизованно осуществлялась «Союзкнигой». Пока не возродится обязательный в советское время выпуск каждым издательством тематических планов, заблаговременный сбор заказов неосуществим. Сегодня график может быть ориентирован только на дату — выпуск книги в свет. Уже не от внешних обстоятельств, а от дисциплины и воли издателя зависит ее неотменяемость, обязательность для всех участников «критического пути».

У нас имеется опыт приурочивания выхода книги в свет к объективно значимой дате, влияющей на ее продажу. Российские издатели в той или иной степени понимают выгоды использования подобных ситуаций, но сколько мы знаем примеров, когда благие намерения выпустить книгу к юбилею или выставке, или периоду выпускных, вступительных экзаменов так и не осуществлялись.

Между тем основная задача всех участников подготовки издания — наиболее полно удовлетворить потребности целевой аудитории, т. е. максимально реализовать во всех элементах издания его функциональное назначение. Но перед коммерческим издательством стоит еще одна задача — максимально сократить сроки подготовки издания. Таким образом, основная проблема современного издательского дела — сроки и качество подготовки изданий. Чтобы оптимально разрешить эту оппозицию, снизить количество отклонений в процессе и объем издержек, следует наладить поэтапный контроль в соответствии с разработанной в издательстве системой документирования.

Система контроля должна соответствовать организационной структуре издательства. Крупные издательства, как правило, стараются подготовить развернутую инструкцию о порядке выпуска. В качестве примера можем привести выдержки из одного подобного документа.

Устанавливается понятие «полностью скомплектованная рукопись». Это рукопись с полностью внесенной редакторской правкой, согласованной с автором; со списком иллюстраций (если таковые предусмотрены проектом) и подписями к ним, а также рабочее содержание, в котором представлены все рубрики, показана соподчиненность заголовков, подзаголовков, разделов, подразделов и т. п.

На титульной полосе указывается информация о данном издании: объем в авторских листах, формат, автор, заголовок, подзаголовок, серия, дата

одобрения, номер и срок действия договора, ISBN. Комплектность рукописи проверяется руководителем редакции.

К рукописи прилагается памятка корректору с указанием индивидуальных грамматических особенностей текста, а также список принятых сокращений.

Для несерийных и улучшенных изданий указывается необходимость разработки принципиального макета верстки или пополосного макета.

Руководитель производственного отдела регистрирует рукопись и выписывает карточку прохождения рукописи, в которой фиксируются все этапы работы. Затем рукопись передается на вычитку в корректорскую.

После вычитки рукопись из корректорской поступает в редакцию на снятие вопросов и подготовку выходных сведений. Затем оператор набора вносит правку в электронную версию работы.

Затем рукопись с пометой «На верстку», подписями редактора, руководителя редакцией с указанием адреса хранения электронной версии поступает техническому редактору для подготовки к верстке.

Заявка на художественное оформление издания должна быть подготовлена редакцией и передана одновременно со сдачей первой корректуры верстки на правку, при этом следует использовать типовую форму заказа на художественное оформление.

Срок подготовки художественного оформления издания устанавливается таким образом, чтобы оригинал-макет согласованного и утвержденного оформления был сдан одновременно с внутренней сверкой, передаваемой для изготовления оригинал-макета издания.

Любые дальнейшие изменения параметров издания вносятся только главным редактором или директором.

Редакторская (смысловая) правка — кроме конъюнктурной — в верстке не допускается.

Оригинал-макет вместе с оформленным паспортом издания, после проверки всех параметров издания, подписывается в печать. На подпись генеральному директору оригинал-макет издания передается вместе с оригинал-макетом художественного оформления.

Естественно, что в издательствах разных типов подобного рода распорядительные документы могут различаться и по объему, и по составу. Однако необходимость такого рода документов подтверждается примерами из современной книгоиздательской практики. Мы можем прийти к выводу, что если в издательстве нет продуманной системы контроля, то нет и системы обратной связи, а без этого издательский процесс движется хаотично, издательская продукция приносит разочарование читателю и финансовые проблемы издателю.

Н. А. ГРИНЧЕНКО

Книжный магазин Министерства народного просвещения (1800–1860-е гг.)

На основе архивных документов рассмотрена издательская деятельность Министерства народного просвещения. Распространением учебников, изданных министерством и им приобретенных у авторов, занимался книжный магазин, который в первой половине XIX в. в условиях недостаточного развития частной книжной торговли обеспечивал учебной литературой гимназии и училища. Его работа прекратилась в 1860-е гг., право издания и продажи учебников было передано книгопродавцам.

Ключевые слова: книжная торговля; комиссионеры; Глазуновы; Я. А. Исаков; книжный магазин Министерства народного просвещения.

N. A. GRINCHENKO

The Ministry of National Education Bookstore (the 1800s—1860s)

Publishing activities of the Ministry of National Education are considered on the basis of archival documents. The distribution of textbooks issued by the Ministry as well as acquired from the authors, was handled by the bookshop, which provided educational literature for gymnasiums and schools in the first half of the 19th century in the conditions of insufficient development of the private book trade. It closed down in 1860, the right of publication and sale of textbooks being transferred to the booksellers.

Keywords: book trade; commissioners; the Glazunovs; Y. A. Isakov; bookstore of the Ministry of National Education.

В первой половине XIX в. обеспечением учебных заведений Министерства народного просвещения учебными изданиями занимались книжный магазин Департамента народного просвещения¹ и комиссионеры этого ведомства. Книжный магазин министерства, организованный в конце XVIII в. при Комиссии об учреждении народных училищ² занимался рассылкой изданных министерством и им приобретенных у авторов и издателей учебников в учебные заведения этого ведомства*. Книги выдавали из магазина** на основании заявок учебных заведений, которые оплачивали

* Департаментом народного просвещения было напечатано: в 1840 г. 94 500 экз. и приобретено у издателей 22 200 экз.; в 1842 г. — соответственно 118 000 и 19 466 экз., в 1844 г. — 155 200 и 52 401 экз., в 1845 г. — 87 500 и 21 110 экз., в 1846 г. — 162 000 и 18 755 экз., в 1848 г. — 100 100 и 58 692 экз., в 1853 г. — 190 000 и 50 267 экз. Разослано в учебные заведения: в 1840 г. — 103 907 экз., в 1842 г. — 81 013 экз., в 1844 г. — 130 732 экз., в 1845 г. — 123 108 экз., в 1846 г. — 115 314 экз., в 1848 г. — 164 902 экз., в 1853 г. — 211 550 экз. (См.: Отчет Министерства народного просвещения за 1840 год, СПб., 1841. С. 109; То же ... за 1842 год. СПб., 1843. С. 96; То же ... за 1844 год. СПб., 1845. С. 90; То же ... за 1845 год. СПб., 1846. С. 98; То же ... за 1846 год. СПб., 1847. С. 116—117; То же ... за 1848 год. СПб., 1849. С. 131; То же ... за 1853 год. СПб., 1854. С. 113).

** В магазине МНП имелось следующее количество экземпляров: к 1 января 1840 г. — 196 374 экз., 1844 г. — 243 904 экз., 1847 г. — 302 805 экз., 1848 г. — 312 869 экз., 1850 г. — 301 361 экз., 1854 г. — 261 564 экз., 1856 г. — 388 683 экз. (Отчет Министерства народного просвещения за 1840 год, СПб., 1841. С. 109; То же ... за 1844 год.

эти заказы по мере приобретения книг учениками, т. е. книги предоставлялись в долг до их распродажи. Такой порядок, как отмечалось позднее в отчете министерства, был «необходим и полезен», когда «книжная торговля не имела надлежащего развития и когда нельзя было ожидать, чтобы частная предприимчивость могла доставить учебным заведениям хорошие руководства по доступным ценам»³. Некоторая часть изданий доставлялась в учебные заведения через комиссионеров министерства — петербургских книгопродавцев А. Ф. Смирдина и Глазуновых***.

Комиссионерство как способ взаимовыгодного сотрудничества между издательско-книготорговыми предприятиями⁴ и государственными учреждениями было в XIX в. достаточно распространенным явлением российского книжного дела⁵. Комиссионеры брали на себя обязательства по выпуску в свет и продаже изданий, принадлежавших различным министерствам, ведомствам, обществам, и по обеспечению последних книгами и периодикой на основе договора, в соответствии с которым торговцы получали определенный процент от прибыли, им обеспечивались более благоприятные условия продажи изданий. Таким образом, звание комиссионера давало ряд льгот и было выгодным для книготорговцев. Комиссионеры имели право размещать сведения о принадлежности книгопродавца тому или иному учреждению на бланках и вывесках своего заведения.

На основании договора, заключенного между Министерством народного просвещения и Глазуновым, торговец рассылал книги в учебные заведения ведомства⁶, которое производило оплату в установленные сроки по мере получения счетов.

Однако с 1 марта 1844 г. по распоряжению министра народного просвещения розничная продажа учебников, изданных министерством, производившаяся до этого только его комиссионерами — Смирдиным и Глазуновым — в небольшом количестве экземпляров и с соблюдением ряда условий, была разрешена «свободно всякому желающему». Книготорговцы получали скидку в размере 10 % от установленной министерством цены, которую следовало указывать на учебниках и в Журнале Министерства народного просвещения в разделе министерских распоряжений. Книгопродавцы должны были вносить деньги при получении книг и продавать их в С.-Петербурге и других городах России по ценам, установленным министерством. Цена могла увеличиваться только на размер оплаты за пересылку. Торговец имел право перепродать издания другому, но с обязательством последнего распространять учебники по цене, назначенной министерством. Торговцы могли печатать сведения об имевшихся у них в продаже изданиях министерства, но с указанием установленных цен. Сохранились счета об отпуске книг книгопродавцам Н. Г. Овсянникову, В. П. Печаткину, В. П. Полякову, А. Панькову, С. П. Лоскутову и другим⁷.

Такой порядок, при котором издание и распространение учебников возлагались на государство, а рассылка, производившаяся на огромные расстояния, занимала много времени, привел к тому, что учебные заведения были

СПб., 1845. С. 90; То же ... за 1846 год. СПб., 1847. С. 117; То же ... за 1847 год. СПб., 1848. С. 119; То же ... за 1849 год. СПб., 1850. С. 121; То же ... за 1853 год. СПб., 1854. С. 113; То же ... за 1855 год. СПб., 1856. С. 136).

*** Издательско-книготорговая фирма Глазуновых, основанная в Москве в 1781 г., работала до 1917 г. и к 1860-м гг. сменила нескольких владельцев; в Петербурге ими были: Матвей Петрович, Иван Петрович и Василий Петрович Глазуновы; с 1831 г. — Илья Иванович Глазунов, с 1849 г. — Иван Ильич и Константин Ильич Глазуновы. Глазуновы являлись также комиссионерами Академии наук и Императорской Публичной библиотеки. Звание комиссионера передавалось наследникам.

вынуждены выписывать пособия для обучения в большем, чем им требовалось количестве, для обеспечения их запаса. По этой причине, а также из-за введения новых учебных руководств к 1850-м гг. во многих училищах скопились непроданные издания на значительную сумму. К 1864 г. эта задолженность составила 36 000 р., «почти безнадежных к взысканию»⁸. Министерство покрывало эти расходы из средств, получаемых от сдачи в аренду лавок Шукина рынка*, которые после пожара в 1862 г. были переданы в ведение Министерства финансов, и тем самым учебное ведомство лишилось возможности возмещать эти расходы, составлявшие около 60 000 р. серебром ежегодно.

Имея в виду эти обстоятельства и учитывая развитие «издательской предприимчивости» и книготорговой отрасли, в начале 1860-х гг. были осуществлены меры, которые привели к уничтожению монопольного права Министерства народного просвещения на издание и распространение учебников. Они отразились в министерских отчетах и архивном документе, в котором изложена суть изменений и содержатся распоряжения министра народного просвещения А. В. Головнина⁹.

Первоначально — в 1862 г. — предполагали переложить обязанности по печатанию и рассылке книг, принадлежавших министерству и им приобретенных у авторов, на учебные округа. Но по ряду причин, связанных с отсутствием средств и ограниченностью мощностей университетских типографий, от этих планов отказались¹⁰.

В конце 1863 г. при рассмотрении сметы на следующий год было предложено прекратить «книжную операцию» в Департаменте народного просвещения. В заключении министра финансов отмечалось: «В настоящее время по случаю развития книжной промышленности и значительного числа типографий не встречается уже надобности в принятии правительством участия в издании и рассылке учебников»¹¹. Государственный совет вынес решение о закрытии книжного магазина Министерства народного просвещения, на основании которого в феврале 1864 г. Александр II подписал распоряжение о прекращении книжной торговли, осуществлявшейся этим ведомством.

Распространение учебников было решено передать книгопродавцам, с каждым из них следовало заключить договор. На основании этого документа торговец обязывался обеспечивать книгами учебные заведения Министерства народного просвещения по установленной цене, получая заказы и деньги прямо из этих заведений: «...иметь условие с книгопродавцем, который обязался бы снабжать по известной цене книгами и учебными пособиями учебные заведения Министерства народного просвещения, получая требования и деньги прямо от сих заведений и не производя в Департаменте народного просвещения никакой по сему предмету переписки»¹². С учебных заведений были списаны все числившиеся на них долги за неоплаченные книги. Запас изданий в магазине министерства в количестве 209 145 экз.¹³ следовало разослать бесплатно в учебные заведения, находившиеся преимущественно в отдаленных регионах или в небольших городах. Всем желающим было предоставлено право печатать и издавать книги, принадлежавшие Министерству народного просвещения.

Вводя новый порядок, следовало уточнить ряд вопросов: например, об обязательности выписывать книги через комиссионера министерства — Глазунова или через другого торговца. Министерство предоставляло учебным

---

* Лавки Шукина рынка находились в распоряжении Министерства народного просвещения с 1835 г. Доход от аренды в 1847 г. составил 58 891 р. серебром, в 1848 г. — 57 130 р. 22 к., в 1853 г. — 61 995 р. 19 к., в 1855 г. — 61 639 р. 13 к. серебром (Отчет Министерства народного просвещения за 1847 год. СПб., 1848. С. 118; То же ... за 1848 год. СПб., 1849. С. 130; То же ... за 1853 год. СПб., 1854. С. 113; То же ... за 1855 год. СПб., 1856. С. 136).

заведениям право выбора: «Департамент со своей стороны полагает не стеснять в этом отношении учебные заведения и затем предоставить им выписывать учебники по ближайшему их усмотрению чрез комиссионера или чрез других книгопродавцев»¹⁴. В создавшейся ситуации остро встал вопрос о цене: было очевидно, что она изменится, но для предотвращения ее значительного увеличения следовало обязать комиссионера «поставлять упомянутые учебники по продажной цене со скидкой или надбавкой известного кредита, смотря потому, какое состоится по сему предмету соглашение»¹⁵. В ответ на это предложение Головнин заметил: «Известная (здесь и далее выделено в документе. — Н. Г.) цена означает сбавку небольших процентов с продажной цены в лавках. Эта сбавка весьма натуральна, ибо учебные заведения покупают в значительном количестве книги, а не по одному экземпляру. Следует предоставить учебным заведениям приобретать книги как, где и чрез кого пожелают, нисколько не стесняя их: Министерство указывает им на своего комиссионера как на книгопродавца, которого оно более других знает, но во все не обязывает обращаться к нему. Надобно также нажать на Товарищество общественной пользы»¹⁶.

Предоставляя право издавать всем желающим учебники, принадлежавшие Министерству народного просвещения, ведомство принимало меры, чтобы они постоянно находились в продаже по доступной цене, иначе учебные заведения могли бы остаться без учебных руководств, что привело бы «ко вреду преподавания»¹⁷. Чтобы избежать сбоя в снабжении книгами, министерство предполагало вести списки издателей для сообщения этих сведений учебным заведениям и принимать меры, чтобы учебники постоянно находились в продаже по доступной цене. Таким образом, министерство оставляло за собой контроль «за этой отраслью книжной торговли» и могло «принимать своевременные меры к предупреждению недостатка в учебниках и несоразмерного возвышения цен на оные»¹⁸. Головнин на это заметил: «Дабы не встретилось недостатка в учебниках следует только придать <...> гласность бывшей операции Департамента, объявив <...>, сколько, каких и по какой цене рассылались учебников. Частная промышленность немедленно возьмется за печатание книг, на которые есть сбыт, но следует торопиться объявлениями»¹⁹.

Изменения стали своевременной мерой, поскольку прежний порядок препятствовал развитию частной книжной торговли: было «желательно освободить министерство от операции, ныне вовсе несвоевременной и стесняющей частную промышленность»²⁰ и предоставить обеспечение учебных заведений печатной продукцией «свободной конкуренции книгопродавцев и издателей»²¹.

Таким образом, учебные заведения могли выписывать необходимые издания как через комиссионера — Глазунова, так и через других торговцев*. С Глазуновым был заключен договор, на основании которого книгопродавец брал на себя обязательство рассылать учебники, изданные учебным ведомством, по ценам, им назначенным, а все другие учебные издания — с уступкой от 8 до 10 % с оплатой доставки во все регионы России за исключением Сибири и Кавказа. В соглашении оговаривались сроки оплаты²².

В начале 1864 г. — в период проведения реформы — комиссионером министерства был назначен также петербургский книгопродавец Яков Алексеевич

---

* Еще в 1862 г. попечитель Харьковского учебного округа отмечал, что для более быстрого и дешевого получения книг учебные заведения обращались не только к комиссионеру министерства, но и к другим торговцам. Так, дирекция училищ Курской губернии имела деловые связи с московским книгопродавцем А. Черениным, который предоставлял уступку в размере от 5 до 20 %, осуществлял пересылку за свой счет и выполнял требования точно и своевременно (ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 23).

Исаков, уже имевший комиссионерские соглашения с целым рядом учреждений, ведомств и обществ^{6**}. Он предложил учебному ведомству свои услуги по продаже книг, издаваемых министерством, и по доставке изданий на русском, французском, немецком, английском и других языках в учреждения ведомства. «Я нахожусь в состоянии удовлетворять оными по всем отраслям знаний немедленно по их выходе», — сообщил книгопродавец в письме к Головнину в апреле 1864 г.²³ Исаков брал на себя обязательства по продаже изданий министерства по цене, установленной для розничной продажи, с отчислением торговцу 10 % с рубля за комиссию; по доставке российских изданий (кроме официальных) с уступкой 15 % с рубля цены, объявленной издателем для продажи; по пересылке заграничных изданий по курсу рубля, ниже установленного, а периодики — со скидкой 5 % от цен его магазина²⁴. В случае принятия этих условий, Исаков просил присвоить ему «официальное звание комиссионера Министерства народного просвещения». Состоявшееся назначение было воспринято им как «лестная награда за 35-летнюю деятельность по книжной торговле»²⁵.

По распоряжению министра к распространению учебников было привлечено Товарищество «Общественная польза»²⁶, занимавшееся изданием «общеполезных сочинений» по различным областям знания. Это объединение приняло обязательство по доставке книг с уступкой на издания товарищества 25 % с цен, объявленных в каталогах, и 10 % на все другие издания.

Архивные документы Министерства народного просвещения раскрывают особенности ведомственного книгоиздания и книгораспространения в первой половине и середине XIX в. В дальнейшем издание учебной литературы перешло частным предпринимателям, которые, вкладывая капитал в эту сферу книжной отрасли, извлекали значительную прибыль.

Примечания

¹ *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 9–10.

² *Мартынова М.И., Мартынов И. Ф.* Петербургский книгоиздатель и книготорговец XVIII. Е.К.Вильковский и издание учебных пособий для народных училищ // История книги и издательского дела: сб. науч. тр. Л., 1977. С. 62–95.

³ Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах (с приложениями). СПб., 1865. С. 16

⁴ *Смоляр И. Е.* Голос заграничного книгопродавца: об устройстве русской книжной торговли : (письмо г. А. И. Кошелеву) (1) // Рус. беседа. 1858. Т. 4. С. 100; Книжная торговля, как коммерческое предприятие, и ее общественное значение // Вестн. книгопродавцев. 1901. № 25. С. 387–388; № 26. С. 403–405; Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет, 1782–1882. СПб., 1903. С. 17–19, 46–50.

⁵ *Люттов С.Н.* Развитие военной книжной торговли в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестн. МГУП. 2004. № 4. С. 65–72; *Горшков Ю. А.* Экономическая модернизация книжного дела России XVIII — первой половины XIX в. М., 2009. С. 79, 132–133.

⁶ Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП). 1844. Ч. 41. С. 40–42.

** На печатном бланке книжного магазина Я. А. Исакова значилось, что книгопродавец являлся комиссионером Главного управления военно-учебных заведений, Генерального штаба, Главного инженерного управления, С.-Петербургского, Московского и Харьковского университетов, Лесной академии, Земледельческого института, Обществ географического, Вольно-экономического и российского садоводства и других.

- ⁷ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 108. Д. 167. Л.3, 25.
- ⁸ Там же. Д. 624. Л. 59об.
- ⁹ Там же. Д. 624.
- ¹⁰ ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 19–28.
- ¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 108. Д. 624. Л. 60.
- ¹² Там же. Л. 280 об.
- ¹³ Обзор деятельности Министерства народного просвещения... С. 19.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 108. Д. 624. Л. 4об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 7об.
- ¹⁸ Там же. Л. 8.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 282об.
- ²¹ Обзор деятельности Министерства народного просвещения... С. 20.
- ²² РГИА. Ф. 733. Оп. 108. Д. 624. Л. 80.
- ²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 108. Д. 624. Л. 79.
- ²⁴ Там же. Л. 79–79об.
- ²⁵ Там же. Л. 79об.
- ²⁶ *Баренбаум И. Е., Костылева Н. А.* Книжный Петербург – Ленинград. Л., 1986. С. 228–229; *Патрушева Н. Г.* Издательство «Общественная польза» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. тр. Л., 1990. Вып. 5. С. 68–75.

С. Б. БАЙКОВА

К истории формирования корабельной библиотеки для кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» (1826–1829)

На основе архивных документов рассмотрен процесс подготовки корабельной библиотеки для кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» (1826–1829). Анализируются документы по закупке книг для экспедиции, рассмотрено участие Морской библиотеки и Морской типографии при подготовке корабельной библиотеки. Представлены основные отечественные издания о морских экспедициях конца XVIII — начала XIX вв.

Ключевые слова: корабельные библиотеки; Морская библиотека; Морская типография; шлюп «Сенявин»; Ф. П. Литке.

S. B. BAIKOVA

Historical aspects of forming the "Senyavin" sloop library for the circumnavigation in 1826–1829

The process of collecting the ship's library for the circumnavigation on the "Senyavin" sloop (1826–1829) is reviewed on the basis of archival documents. The purchase documents for books for the voyage and the participation of the Naval Library and the Navy Printing House in raising the ship library are analyzed. The major Russian editions on the voyages and expeditions from the late XVIII century to the early XIX century are exposed.

Keywords: ship library; Naval Library; the Navy Printing House; sloop "Senyavin"; F. P. Litke.

Центральная военно-морская библиотека (ЦВМБ) известна в России и Европе своими частными владельческими коллекциями. Помимо частных книжных собраний, в фондах ЦВМБ хранятся корабельные библиотеки XIX в., в частности, издания, побывавшие в кругосветном плавании на шлюпе «Сенявин». С 1990-х гг. сотрудниками ЦВМБ ведется работа по их изучению и выделению в коллекции. На сегодняшний день в отдельную коллекцию сформирована библиотека корабля «Надежда», составляется и пополняется библиографический указатель «Библиотека корабля „Надежда“» как информационный ресурс первого российского кругосветного плавания под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803–1806).

Корабельные библиотеки отличаются от частных владельческих собраний в первую очередь тем, что они являются «инструментом», специально созданным для осуществления определенных научных целей. Основные отличительные особенности корабельных библиотек: цели создания, структура собрания, пользователи, содержание, значимость книг для научного успеха экспедиции. Корабельные библиотеки собирались обычно коллективно всей командой. Ученые-участники экспедиции и опытные моряки каждый для своих нужд подбирали книги, содержащие проверенные научные данные и отражающие все новые сведения в выбранной научной отрасли. В таких библиотеках практически отсутствуют «лишние» книги, так как количество груза на корабле было ограниченным.

В настоящее время в библиотеке ведется работа по реконструкции и составлению библиографического указателя библиотеки шлюпа «Сенявин»,

совершившего кругосветное плавание в 1826—1829 гг. под командованием Федора Петровича Литке (1797—1882). Краткие сведения о существовании библиотеки на шлюпе «Сенявин» с перечислением отдельных изданий даются в монографии, опубликованной заведующей отделом комплектования ЦВМБ Ольгой Михайловной Федоровой¹. В 2016 г. были выявлены ранее не упоминаемые документы, хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ), относящиеся к подготовке книг для экспедиции под командованием Ф. П. Литке, что позволило получить расширенное представление об участии ЦВМБ в подготовке корабельных библиотек для отечественных морских экспедиций первой трети XIX в.

Для организации кругосветного плавания под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Литке и капитан-лейтенанта Михаила Николаевича Станюковича (1786—1869), командовавшего вторым шлюпом экспедиции «Моллер», было затрачено множество сил. Одним из существенных аспектов подготовки путешествия стало формирование корабельной библиотеки, которая в XIX в. являлась неотъемлемой частью морской экспедиции.

Первое упоминание о необходимости книг для экспедиции Ф. П. Литке появляется в письме от Государственного Адмиралтейского департамента, направленного в Государственную Адмиралтейств-коллегию 8 марта 1826 г. за № 302: «...чтобы они заблаговременно доставили в Департамент сведения, какими именно инструментами, книгами, картами и прочими вещами, нужно снабдить их для предстоящего им вояжа...»². Подготовкой книг занималось Гидрографическое депо и Библиотека Гидрографического депо в частности. Сбор книг для «Сенявина» шел по четырем направлениям. Первая часть книг была получена из Библиотеки Гидрографического депо в начале мая 1826 г. Командир шлюпа «Сенявин» капитан-лейтенант Литке представил в Государственный Адмиралтейский департамент рапорт «О книгах потребных мне для возлагаемой на меня экспедиции имею честь представить при сем в Государственный Адмиралтейский Департамент роспись»³. «Определили: Спросить указом библиотекаря, могут ли означенные в росписи книги быть отпущены из библиотеки Департамента»⁴. Самой росписи в документах не прилагается, но имеется ответный рапорт Петра Андреевича Цеплина (1772—1832)* библиотекаря 7-го ранга Библиотеки Гидрографического депо: «Могут быть выданы книги имеющиеся в количестве больше одного экземпляра»⁵.

В списке указано 9 изданий, из которых 7 описаний отечественных морских экспедиций:

- Путешествие российского императорского шлюпа Дианы, из Кронштата в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта (ныне капитана 1-го ранга) Головина в 1807, 1808 и 1809 гг. (СПб., 1819);
- Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг.: По повелению его императорского величества Александра Первого, на кораблях Надежде и Неве, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана второго ранга, Крузенштерна, Государственного Адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук члена (СПб., 1809);

---

* Цеплин (Zepelihn) Петр Андреевич (Петр Даниил Фридрих) (1772, Росток — 13 июля 1832, С.-Петербург), историк, библиотекарь, надворный советник. С 1823 Ц. — помощник заведующего (заведующие — И. Ф. Крузенштерн, с 1827 — Ф. Ф. Шуберт) библиотекой Адмиралтейского департамента (с 1827 находилась в ведении Гидрографического бюро, впоследствии Библиотека Морского министерства, ныне Центральная военно-морская библиотека в С.-Петербурге). Ц. стал первым «ученым библиотекарем» библиотеки, привел ее в порядок после своего предшественника, запустившего дела.

- Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг., по повелению его императорского величества Александра Первого, на корабле Неве, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского (СПб., 1812);

- Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним (СПб., 1810—1812);

- Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану.. (СПб., 1802);

- Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога, и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-восточному океану в 1791 году.. (СПб., 1811);

- Путешествие российского императорского шлюпа Дианы, из Кронштата в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта (ныне капитана 1-го ранга) Головнина в 1807, 1808 и 1809 гг. (СПб., 1819);

Кроме того, в списке значатся два переводных издания английских мореплавателей — второе путешествие Кука и путешествие лорда Ансона.

Из иностранных книг П. А. Цеплин указал 9 изданий, среди которых:

- Portlock N. An abridgment of Portlock and Dixon's voyage round the world, performed in 1785, 1786, 1787, and 1788. (London, 1789);

- Broughton W.R. A voyage of discovery to the North Pacific Ocean in which the coast of Asia, from the lat. of 35 north to the lat. of 52 north, the island of Insu (commonly known under the name of the land of Jesso), the north, south and east coasts of Japan, the Lieuchieux and the adjacent isles, as well as the coast of Corea, have been examined and surveyed : performed in His Majesty's sloop Providence and her tender, in the years 1795, 1796, 1797, 1798 (London, 1804);

- La Pérouse J.-F.C. de Voyage de La Pérouse autour du monde (Paris, 1797).

Вторая часть книг, 11 изданий на русском языке, была предоставлена в конце июня 1826 г. из Морской типографии по рапорту командира Литке⁶, среди которых:

- Торше де Буамэле Ж. Б. Всеобщая история о мореходстве, содержащая в себе начало оного у всех народов, успехи, нынешнее состояние и морские как древние, так и новейшие походы / Пер. с фр. яз. переводчиком Иваном Черкасовым и при отдании ее в учрежденный при государственной Адмиралтейской коллегии Комитет издана под смотрением начальствующего оным. Т. 1—7 (СПб., 1801—1826);

- Бобров С. С. Древний российский плаватель, или Опыт краткаго дееписания, с присовокуплением инде критических замечаний на некоторыя чужестранныя повести о прежних морских походах россиян / Сочиненное, на основании разных исторических свидетельств, надворным советником Семеном Бобровым (СПб., 1812);

- Дункен А. Описание примечательных кораблекрушений, в разныя времена случившихся / Сочинение господина Дункена; С английского перевел и пополнил примечаниями и пояснениями, в пользу российских мореплавателей, флота капитан-командор Головнин. Напечатано по повелению Государственного Адмиралтейского департамента (СПб., 1822);

- Сарычев Г. А. Дневные записки плавания вице-адмирала, члена Государственной Адмиралтейств-коллегии, почетного члена Адмиралтейского департамента и гидрографа Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 и 1805 гг. (СПб., 1808).

Специально для экспедиции были закуплены книги⁷ у книгопродавца Вильгельма Греффа в Санкт-Петербурге. Книготорговая фирма В. Греффа

относилась к числу успешных частных предпринимательских заведений первой половины XIX в. Книжный магазин В. Греффа находился недалеко от Адмиралтейства в доме Щербатова на углу Адмиралтейской площади и Невского проспекта, в продаже всегда были французские, немецкие, английские и итальянские издания, а также географические карты и эстампы⁸. Как свидетельствуют архивные документы ЦВМБ, В. Грефф был одним из постоянных комиссионеров библиотеки Гидрографического депо.

В июне 1826 г. по распоряжению Адмиралтейств-коллегии специально для экспедиции библиотекарем 7-го ранга Библиотеки Гидрографического депо П. А. Цеплиным были приобретены шесть книг на русском языке и пять иностранных изданий на сумму 185 руб. 50 коп.⁹ у книгопродавца В. Греффа. Среди изданий на русском языке были три книги В. Н. Берха «Хронологическая история открытия Алеутских островов» (СПб., 1823), «Первое морское путешествие россиян» (СПб., 1823) и «Хронологическая история всех путешествий в Северное полушарие страны» (СПб., 1821—1823), издание С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (СПб., 1786). А также три части издания «Путешествия Коцебу» (СПб., 1821) стоимостью 75 рублей с «раскрашенными фигурами». Иностранные издания:

- G. W. Steller «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka...» (Описание земли Камчатки...) (Leipzig, 1774);
- J. E. Fischer «Sibirische Geschichte von der Entdeckung» (Сибирская история с самого открытия Сибири) (St.Petersburg, 1768);
- Compte O'Hier de Grandpré «Abrégé élémentaire de géographie physique» (Введение в начальную физическую географию) (Paris, 1825);
- J. V. Biot «Traité élémentaire d'astronomie physique» (Трактат по основам физической астрономии) (Paris, 1810—1811);
- французский астрономический ежегодник «Connaissance des temps...» (Paris, 1826—1827).

Перед отправкой на корабль издания были переплетены и добротные кожаные переплеты, о чем можно судить по сумме, потраченной на переплетные работы — 26 руб.¹⁰

Вторая покупка книг у В. Греффа состоялась для нужд натуралиста экспедиции Александра Филипповича Постельса (1801—1871), естествоиспытателя и минералога. По распоряжению Адмиралтейств коллегии библиотекарю А. П. Цеплину предписывалось купить семь книг у книгопродавца В. Греффа на общую сумму 345 руб.¹¹ Три издания, указанные в списке, отмечены как цветные, наиболее дорогостоящей покупкой была книга Н. М. Ducrotay de Blainville «Manuel de malacologie et de conchyliologie» (Paris, 1825) (Руководство по малакологии и конхиологии) с двумя цветными атласами, общей стоимостью 100 руб.; раскрашенное издание А. G. Desmarest «Considérations générales sur la classe des crustacés» (Paris, 1825) (Общие рассуждения о классе ракообразных) — 80 руб., и раскрашенное издание С. Duméril «Considérations Générales Sur La Classe Des Insectes» (Paris, 1823) (Общие рассмотрение класса насекомых) — 84 руб. За такую дорогостоящую покупку В. Грефф уступил 10 % от стоимости приобретаемых книг¹².

Активное участие в подготовке книг для кругосветного плавания шлюпа «Сенявин» принимал Иван Федорович Крузенштерн (1770—1846), мореплаватель, адмирал, руководил Морской библиотекой в 1823—1827 гг. В июне 1826 г. И. Ф. Крузенштерн подал рапорт о том, что он полагает нужным снабдить шлюп «Моллер» и «Сенявин» атласами и картами, всего в списке значится 12 карт и атласов. Тогда же было отправлено указание в Морскую типографию и чертежную выделить необходимые издания¹³.

Стоит отметить, что не все желаемые книги удалось заблаговременно приобрести в России (например, «Атлас Западного океана» Морская типография не успела отпечатать до отправления экспедиции¹⁴). Было принято решение о покупке недостающих книг в Англии, во время стоянки на этот случай Ф. П. Литке имел необходимые средства.

Архивные документы ЦВМБ, имеющие отношение к корабельной библиотеке шлюпа «Сенявин», датированы 1829 г. и относятся ко времени возвращения экспедиции в Петербург. В переписке между директором Библиотеки Гидрографического депо генерал-майором Федором Федоровичем Шубертом (1789—1865)* и библиотекарем 7-го класса П. А. Цеплиным есть список книг корабельной библиотеки шлюпа «Сенявин», которые возвращены в библиотеку после трехлетнего кругосветного плавания. «Командир шлюпа Сенявин капитан лейтенант Литке при рапорте от 15 сентября, представил в Гидрографического Депо, чрез находившагося на порученном ему шлюпе Мичмана Крузенштерна, по описям книги и атласы, как отпущенные ему из Музеума Адмиралтейского департамента, так купленные в Англии для порученной ему Экспедиции, припровождая при сем копию списка книг и Атласов Гидрографического Депо рекомендует Вашему Высокоблагородию принять оныя и по приеме донести все ли сполна доставлены книги и какия имянно еще не описаны в Каталоге книги, а коих в Библиотеке находится довольно количество экземпляров»¹⁵.

Список разбит по языкам, а не по месту издания книг, также отдельно выделены атласы. Всего в списке значится 77 изданий на русском, английском, немецком, французском языках, некоторые издания в нескольких томах. Документ имеет маргиналии. П. А. Цеплин отметил книги, купленные в Англии и приобретенные в Петербурге перед отправлением экспедиции. Помечены книги, не полученные из плавания в библиотеку Гидрографическое Депо: несколько книг, было утеряно входе экспедиции, несколько изданий были «отданы на времена в Ревельскую обсерваторию»¹⁶.

В более поздней переписке П. А. Цеплин получил предписание, по которому он должен был включить купленные у В. Греффа издания в каталог библиотеки, что не было сделано ранее по причине спешки с отправлением экспедиции¹⁷. Издания, купленные в Англии, «рекомендуем Вашему Высокоблагородию записать в приход»¹⁸.

В общей сложности на сегодняшний день удалось выделить более 100 наименований книг, состоявших в корабельной библиотеке шлюпа «Сенявин».

Задачи, стоящие перед экспедицией, определили состав корабельной библиотеки:

- издания по навигации;
- картографические издания (карты и атласы);
- описания морских экспедиций, выдающихся отечественных и иностранных путешественников;
- литература по естественным наукам (физика, астрономия, минералогия, биология, зоология);

---

* Ф. Ф. Шуберт (1789—1865) — генерал-майор, генерал от инфантерии, топограф, гидрограф. Начальник триангуляции Санкт-Петербургской губернии (с 1818). Первый начальник корпуса военных топографов (с 1822), член Военного Совета (с 1844). Директор Гидрографического депо Главного Морского штаба и его библиотеки в 1827—1837 гг. Ф. Ф. Шуберт распоряжался финансами библиотеки, просматривал книги, представленные книгопродавцами. Составил новые правила: книги выдавали на 3 месяца под расписку — штаб-офицерам на сумму до 500 р., обер-офицерам до 100 р. В шкаф, откуда была выдана книга, клали билет с номером книги, датой ее выдачи и фамилией читателя.

- периодические издания (астрономические ежегодники, месяцесловы, записки Адмиралтейского гидрографического департамента, журнал «Северная пчела»).

Для корабельной библиотеки шлюпа «Сенявина» характерно наличие большого количества русских книг. Издание книг по морским наукам стало развиваться в России с 1701 г., и к первой четверти XIX в. в России было издано около 175 книг по морской тематике¹⁹. Книги издавались за счет казны по высочайшей воле, от Адмиралтейского департамента, Академии наук и частными издательствами (И. К. Шнора, И. П. Глазунова, Н. И. Греча и др.).

В библиотеке шлюпа «Сенявин» представлены описания практические всех отечественных путешествий Г. А. Сарычева, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головина, О. Е. Коцебу. Издания путешествий имели несколько «мореходную» часть, содержащую таблицы широт и долгот судна на каждый день, метеорологические и другие примечания, мореходные описания, описания течений. Это позволяло использовать их в качестве логий и практических пособий по мореплаванию. Также описания путешествий содержали полезную информацию о народах, флоре и фауне далеких стран, в «Двукратном путешествии в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова» (СПб., 1810—1811) опубликован «Словарь наречий народов, называемых Колюжами, обитающих между заливом Чугачою и Якутатом». (Речь идет о племенах индейцев колоши (тлинкиты) — индейский народ, проживающий на юго-востоке Аляски и в прилегающих частях Канады). Описания путешествий имели приложение в виде атласа или «картин к путешествию» в тексте, которые давали наглядное представление о населении далеких стран их обычаях, традициях.

Английские книги в библиотеке шлюпа «Сенявин» представлены путешествиями таких выдающихся мореплавателей как Ж. Ф. Лаперуз, Дж. Диксон и Н. Портлок, М. Флиндерс. На корабле было новое английское издание третьего путешествия сэра У. Э. Парри, организовавшего одну из первых экспедиций на Северный полюс и назначенного почетным членом Петербургской Академии наук в конце 1826 г. В Англии были приобретены издания двух путешествий Дж. Кука, вышедшие в Лондоне. Французское издание путешествия Л. А. де Бугенвиля — капитана первой французской кругосветной экспедиции 1766—1769 гг.

Обнаружение корабельной библиотеки «Сенявина» важно с исторической и книговедческой точки зрения. Книги способствовали самообразованию мореплавателей, помогали делать новые научные открытия. На базе этих изданий можно проследить, какими именно научными сведениями обладал капитан корабля, его помощники, натуралисты и естествоиспытатели, состоящие в команде; как книги способствовали новым научным открытиям.

В ходе исследования проводилась работа по идентификации книг из библиотеки шлюпа «Сенявин» в общем библиотечном фонде ЦВМБ. Эта работа трудоемкая и сложная, так как издания корабельных библиотек начала XIX в., в отличие от аналогичных библиотек второй половины XIX в., не имеют экслибрисов или штампов. Поиск книг в фонде можно вести по маргиналиям, переплетам и историческим экслибрисам библиотеки Гидрографического депо, которые относятся к периоду 1827—1837 гг. (библиотека находилась в разных подчинениях и имела разные названия. Каждому историческому периоду соответствует свой исторический экслибрис). По характерному однотипному переплету (коричневый кожаный перетреплет с золотым тиснением на корешке в виде четырех цветочных узоров и названия издания) удалось идентифицировать шесть изданий из первой покупки, сделанной у книгопродавца В. Греффа в 1826 г.: три книги В. Н. Берха «Хронологическая история открытия Алеутских

островов» (СПб., 1823), «Первое морское путешествие россиян» (СПб., 1823) и «Хронологическая история всех путешествий в Северное полушарие страны» (СПб., 1821—1823), издание С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (СПб., 1786), G. W. Steller «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka...» (Описание земли Камчатки...) (Leipzig, 1774), J. E. Fischer «Sibirische Geschichte von der Entdeckung» (Сибирская история с самого открытия Сибири) (St. Petersburg, 1768). Все шесть изданий имеют соответствующие исторические экслибрисы библиотеки Гидрографического депо. В издании Стеллера «Описание земли Камчатки» имеются карандашные пометки на русском и немецком языке. Почерк пометок похож на почерк Ф. П. Литке, чьи оригинальные письма хранятся в архиве РГАВМФ.

Примечания

¹ Федорова О. М. Сохраняя морскую историю России: крат. ист. очерк о Центр. воен.-мор. б-ке. М., 2007. С. 68—75.

² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 664. Л. 43.

³ РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 795. Л. 27.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 65.

⁷ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 664. Л. 178.

⁸ Гринченко Н. А. Книготорговая фирма В. Греффа — Э. В. Гетца: из истории иностранной книжной торговли в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. 2012. № 1(10). С. 85.

⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 664. Л. 179.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 257.

¹² Там же.

¹³ РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 795. Л. 65.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 664. Л. 63.

¹⁵ Материалы и переписка по библиотеке. 1829. Дело № 1. С. 72.

¹⁶ Там же. С. 77.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Там же. Л. 76.

¹⁹ Соколов А. П. Русская морская библиотека 1701—1851: Исчисление и описание книг, рукописей и статей по мор. делу за 150 лет / А. П. Соколов; под ред. [и с предисл.] В. К. Шульц. 2-е изд. СПб., 1883. С. 45.

Статья посвящена книгам, находившимся в качестве сувенира на торжественном обеде, посвященном юбилею И. А. Крылова в 1838 г. Три экземпляра из этого собрания сегодня хранятся в фонде Библиотеки Академии наук.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук; редкая книга; биография И. А. Крылова.

The article is devoted to the collection of Ivan Krylov's books published during his lifetime. The collection was gifted to him at the anniversary dinner in his honor in 1838. The Library of the Russian Academy of Sciences currently has in possession three copies from the collection.

Keywords: the Library of the Russian Academy of Sciences; a rare book; Ivan Krylov's biography.

В Петербурге, в большом зале Благородного собрания, располагавшемся в доме В. В. Энгельгардта на Невском проспекте, 2 февраля 1838 г. состоялся праздничный обед, посвященный 50-летию литературной деятельности и 70-летию со дня рождения старейшего и известнейшего российского писателя И. А. Крылова.

В настоящее время год его рождения не считается точно установленным¹, но при жизни писателя полагали, что это был 1768-й. Именно эта дата, о которой напомнил Н. А. Полевой в биографической статье о Крылове, опубликованной летом 1837 г., стала одним из поводов для проведения публичного торжества².

Подробности относительно второго юбилея были менее известны современникам баснописца, считавшим началом его творческой биографии издание журнала «Почта духов» и создание первых драматических сочинений³. Так, один из первых биографов, П. А. Плетнев, весьма осведомленный в обстоятельствах жизни и творчества Крылова и лично с ним знакомый, сообщал: «2 февраля 1838 года со дня рождения Крылова должно было исполниться ровно семьдесят лет. Хотя еще с лишком за год перед тем совершилось пятидесятилетие со времени появления его «Филомелы» в печати, но вспомнили о том только по случаю приближавшегося дня его рождения»⁴.

Сам Крылов считал, что его писательская жизнь началась с появления в печати первых басен — сочинений, принесших ему впоследствии всероссийскую известность. Они были опубликованы в 1788 г. в журнале «Утренние часы», и Крылов в преддверии биографического юбилея сам напомнил друзьям о том, что год его 70-летия совпадает с 50-летием этих публикаций⁵.

Торжество поначалу планировалось друзьями как частное мероприятие. В начале ноября Крылов, будучи в гостях у четы Карлгоф, получил от хозяина, Вильгельма Ивановича, приглашение на обед, который должен был состояться 2 февраля 1838 г. Карлгофы любили собирать у себя литературную и околослитературную публику. Среди их постоянных гостей были Н. А. Полевой, Н. В. Кукольник, К. П. Брюллов, В. Г. Бенедиктов, В. Г. Тепляков, Е. Ф. Розен. У Карлгофов был и опыт проведения домашнего приема в честь писателя: в январе 1836 г. они давали обед по случаю приезда в Петербург Д. В. Давыдова, на котором среди прочих литераторов присутствовали Пушкин и Крылов⁶.

Подивившись столь раннему планированию домашних мероприятий, Крылов сообразил, в чем дело, и дал согласие. На торжество были приглашены все присутствующие гости. Однако в начале 1838 г. петербургские литераторы решили отметить двойной юбилей старейшего писателя более официальным образом. После согласования с министром народного просвещения графом С. С. Уваровым и получения дозволения от государя был образован учредительный комитет для организации торжества. Председателем комитета избрали А. Н. Оленина — давнего друга и покровителя Крылова. Членами комитета стали князь П. А. Вяземский, князь В. Ф. Одоевский, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев и зачинатель юбилейного движения — В. И. Карлгоф.

Главным мероприятием должен был стать торжественный обед. Приготовления к нему начались в двадцатых числах января 1838 г. Менее чем за две недели были собраны средства, продуманы изысканное меню и музыкальная программа, написаны речи и разосланы приглашения, часть которых распространялась через книжную лавку А. Ф. Смирдина.

2 февраля, в день рождения, юбиляр в сопровождении Карлгофа и Плетнева прибыл в зал Благородного собрания. После первых дружеских поздравлений он принял от графа Уварова орден св. Станислава 2-й степени и выслушал наградной рескрипт императора. Затем Иван Андреевич был приглашен в небольшое помещение, где его приветствовали малолетние сыновья Николая I — великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич⁷. Этот знак личного внимания императора растрогал Крылова, но остался не известным российской публике, поскольку о нем тогда не сообщила ни одна из юбилейных корреспонденций.

Торжество вспоминали многие современники, а обстоятельства самого мероприятия были сообщены в хронике столичных газет⁸, а затем в журнальных статьях⁹. Позднее, к столетию Крылова, был опубликован ряд документов, дополнивших сведения о подготовке и проведении праздника. На нем присутствовало около 300 гостей, как непосредственных участников обеда — друзей Крылова, литераторов, официальных лиц, так и зрителей — дам, разместившихся на хорах, а также музыкантов лейб-гвардии Измайловского полка, исполнявших любимую музыку юбиляра. «Дань любви, признательности и почтения выразилась так свободно, единодушно и полно, — писал П. А. Плетнев, — что в честь частного человека едва ли бывал когда подобный праздник»¹⁰.

Кроме организации обеда, члены учредительного комитета продумали и несколько памятных деталей. Для участников торжества была напечатана брошюра с речами и тостами¹¹. Тираж ее, по-видимому, составлял — по числу гостей — около 300 экземпляров, которые хорошо представлены в наших библиотеках. Как правило, сохранившиеся брошюры переплетены вместе с литографированным меню, картинку которого с портретом Крылова и изображением его басенных персонажей нарисовал К. П. Брюллов.

Вторым памятным знаком была юбилейная медаль с портретом Крылова. Ее предполагалось изготовить на благотворительные средства, но летом 1838 г. в количестве 115 экземпляров она была отчеканена за государственный счет. Золотую медаль вручили юбиляру, еще 10 бронзовых ему передали «для вручения их друзьям». Остальной тираж в золоте, серебре и бронзе по распоряжению императора был направлен государственным учреждениям и официальным лицам¹².

Памятным событием, связанным с юбилеем, стала и именная стипендия, фонд которой был собран к осени 1838 г. Она предназначалась по выбору самого Крылова для обучения малоимущих юношей.

Судьба еще одного, книжного, сувенира осталась не известной. Единственное подробное описание этой детали оставила Е. А. Карлгоф, чей биографический очерк о Крылове был опубликован в начале 1844 г. в журнале «Звездочка» и с тех пор не перепечатывался в полном виде, хотя многие сведения из него были использованы в более поздних исследованиях и мемуарах¹³.

Елизавета Алексеевна сообщила: «Прекрасное зрелище представляла зала: она была великолепно освещена, стол накрыт в виде буквы П, роскошно убран деревьями, цветами и разными украшениями. Иван Андреевич сидел посередине; против его, в алькове, сделанном из деревьев, стоял его бюст и осенял небольшой стол, покрытый красным сукном с золотою бахромою; на нем лежали все сочинения Крылова в различных изданиях, номера журналов, в которых он участвовал, переводы его басен на иностранные языки. Все это было изящно переплетено и увенчано лавровыми венками и цветами»¹⁴. Это были «разные издания всех сочинений Крылова, какие только смогли собрать тогда»¹⁵, — напишет позднее П. А. Плетнев, а М. Е. Лобанов отметит, что они были переплетены роскошно¹⁶.

Книги, представлявшие пятидесятилетнюю литературную деятельность Крылова, предназначались для раздачи всем желающим: «По окончании стола, одни из гостей взяли на память букеты миртов, гиацинтов или нарциссов, другие брали по выбору своему одну или две книги из множества изданий разных сочинений Крылова, разложенных на особом столе»¹⁷.

И Е. А. Карлгоф, принимавшая деятельное участие в подготовке обеда, и член учредительного комитета П. А. Плетнев, по-видимому, имели возможность ознакомиться с книгами. Но, к сожалению, дав представление о репертуаре юбилейной подборки и ее внешнем виде, никто из них не сообщил ни об общем количестве книг, ни об экземплярности отдельных изданий.

Основу этого собрания должны были составлять басни — самые популярные и самые тиражные книги Крылова. Они впервые были напечатаны в 1809 г. и к 1830 г. увеличились по составу от одной до восьми «книг», составлявших разделы басенных сборников. Весной 1830 г. право на издание «Басен в осьми книгах» сроком на 10 лет и обязательством напечатать за это время 40 000 экземпляров приобрел А. Ф. Смирдин. Он регулярно, количеством от 2000 до 12 000 экземпляров в разных форматах переиздавал этот сборник и, начиная с 1835 г., обозначал на титульном листе порядковую тысячу тиража¹⁸.

Благодаря этому рекламному приему можно достаточно точно определить, каков был общий тираж смирдинских изданий к началу 1838 г. — не менее 36 000 экземпляров¹⁹. Смирдин принимал участие в подготовке юбилея и, вероятно, постарался с возможной полнотой представить собственные книги.

Кроме «Басен» и их переводов на иностранные языки в число «всех сочинений» могли входить издания самого Крылова: «Зритель» (1792), «Почта духов» (1789, 1802), «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), отдельные выпуски пьес, а также журналы, в которых публиковались его первые литературные опыты: «Утренние часы» и «Российский феатр». Все эти книги, как и первые издания «Басен», в конце 30-х гг. уже были редкими. Кроме них, были представлены и более поздние журналы, в которых печатались басни и стихи, о чем упомянула Е. А. Карлгоф.

К сожалению, какие из такого рода изданий можно было достать в Петербурге зимой 1838 г., не известно. Единственным источником книготорговой информации этого периода является каталог И. И. Глазунова, напечатанный в 1845 г. Из книг, имевших непосредственное отношение к Крылову, в нем указаны только две части первого издания «Почты духов» (4 руб. 30 коп.) и три части «Зрителя» (2 руб.). Кроме них, осталось нераспроданным и одно из малоформатных смирдинских изданий «Басен» (2 руб.)²⁰. С большой степенью

вероятности можно предположить, что экземпляры этих книг, переживших и юбилейную дату, и самого Крылова, могли находиться в зале Благородного собрания.

Собиратели и исследователи крыловианы, такие как Н. П. Смирнов-Сокольский, С. М. Бабинцев и К. Л. Михеев (его коллекция находится в музее-усадьбе «Приютино»), о «юбилейных книгах» не сообщали. По-видимому, на них не было экслибрисов или памятных надписей от организаторов торжества. Кроме того, что все издания были роскошно переплетены, мы ничего о них не знаем. Взятые в качестве сувениров, они оказались в частных библиотеках и могли быть выявлены только при наличии каких-либо владельческих помет, связанных с событиями 1838 г. Такие книги, на первый взгляд, не имеющие отношения к юбилею Крылова, обнаружались в фонде Отдела редкой книги БАН.

Это переплетенные вместе 3–4 и 5–6 части «Драматического вестника» — петербургского журнала, посвященного театральным проблемам²¹. Обозначенный на титуле 1808 г., он выходил до апреля 1809-го и насчитывал 93 (должно быть 104 — по два раза в неделю) номера, составивших 6 частей. Подготовленные, но не вышедшие номера журнала представлялись в Санкт-Петербургский цензурный комитет до конца 1809 г.²²

Крылов был одним из инициаторов и активным автором этого издания. Он опубликовал там девятнадцать басен, рецензию на пьесу А. П. Сумарокова «Марфа Посадница» и два стихотворения. Первый номер «Драматического вестника» был полностью «крыловским» и состоял из рецензии А. А. Шаховского на пьесу «Модная лавка» и басни «Ворона и лисица». Некоторые исследователи причисляли Крылова к издателям и учредителям «Драматического вестника», однако сохранившийся черновик письма Д. И. Языкова к А. А. Шаховскому от октября 1809 г. свидетельствует о том, что издателями журнала были Д. И. Языков и А. Н. Оленин. Языков сообщал: «Я бегал от всяких ссор, а особливо за театральные пиесы, но как издатель журнала, от которого почти все сотрудники (авторы. — Л. Т.) отвернулись, я должен чем-нибудь его кончить <...>. Ежели вы так убедительно меня просите не издавать сих листочков, то я согласен буду на это, ежели только согласится Алексей Николаевич (Оленин. — Л. Т.) ...»²³

На одном из одинаково оформленных конволютов «Драматического вестника», состоящего из 5 и 6 частей журнала, находится запись, подтверждающая его нахождение на юбилее. Том содержит два автографа, сделанные одной рукой, орешковыми чернилами разного оттенка. На правом лицевом форзаце сверху написано: «Февраля 2-го 1838. года. С золотой свадьбы И. А. Крылова и его Музы». Эта запись фиксирует дату юбилея и напоминает о «Стихах, петых на обеде, данном И. А. Крылову», темой которых стал многолетний брачный союз Крылова с музой поэзии. Стихи П. А. Вяземского, положенные на музыку Мих. Ю. Вьельгорским, были несколько раз исполнены во время обеда и напечатаны в памятной юбилейной брошюре.

На обороте листа, в обратную сторону, запись: «1839. года Декабря 31-го 11 часов (пополудни) и 58. минут». Никаких отметок об авторстве записей на книгах нет, однако анализ почерка позволяет предположить, что они могли быть сделаны генералом, начальником военно-учебных заведений Яковом Ивановичем Ростовцовым (1803/4—1860). Он был дружен с Крыловым и в последние годы жизни баснописца часто навещал его на квартире в Первой линии Васильевского острова, где Крылов жил после отставки от службы в Публичной библиотеке. Именно ему доверил Крылов быть своим душеприказчиком. В рукописных документах Ростовцова есть характерная деталь — точки после чисел, по-видимому, имеющая отношение к немецкому языку, по

правилам которого после порядкового числительного, записанного цифрами, обязательна точка. Одна из записей датирована 31 декабря, а Ростовцов родился 28-го. Если книга принадлежала ему, возможно, автограф мог быть связан не только с наступающим новым годом, но и с днем рождения.

Обе книги заключены в полукожаный переплет с толстыми картонными крышками, покрытыми темно-зеленой мраморной бумагой. Небольшие уголки оклеены темно-зеленой, почти черной кожей, ею же обтянут скругленный корешок, богато оформленный золотым тиснением. В верхней части корешка вытиснена фамилия «Крыловъ», в средней — название журнала, в нижней римскими цифрами обозначены вдвоенные номера частей. Все текстовые фрагменты корешка гладкие и более выпуклые по отношению к серединной части, где вытиснен золотой орнамент. Особенностью корешка являются углубления в месте сгиба, на краях рубчика. Они предохраняют сгиб корешка от потертости и разрыва с книжным блоком. Корешок обрамлен точечным золотым тиснением вдоль рубчика, все его композиционные части разделены линейками. Верхний и нижний бортики корешка широкие, плоские и также украшены золотым тиснением, геометрический рисунок которого сужается к капталу (плотной ленте на торце книжного блока). В книжный блок вплетена цветная тканевая закладка. Обрез ровный, крапчатый, сочетающийся с переплетом по цветовой гамме. Форзацные листы — из плотной светлой бумаги. Переплеты сделаны основательно и рассчитаны на долгий срок использования.

На втором экземпляре журнального конволюта (части третья и четвертая) владельческих помет нет, но на корешке находятся бумажные наклейки: сверху — номер 361, а внизу — буква «Р», надписанные черными чернилами. На левой части форзаца сохранился библиотечный экслибрис Санкт-Петербургского императорского историко-филологического института. На нем указан полочный шифр книги, соответствующий наклейкам на корешке. На титульном листе — синие овальные штампы государственных хранилищ советского времени: ГИРК (Государственный институт речевой культуры) и ЛНИЯ (Ленинградский научный институт языкознания).

Историко-филологический институт был основан в 1867 г. для подготовки учителей в средние учебные заведения Министерства народного просвещения²⁴. Он располагался в здании, где сейчас находится филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В институте была собрана большая библиотека, формировавшаяся за счет закупок и даров и содержащая весьма редкие издания. В 1897—1901 гг. тремя выпусками был издан систематический каталог, содержащий 5369 описаний и отразивший лишь часть фонда этой библиотеки²⁵.

В 1919 г. институт преобразовали в Педагогический институт при Петроградском университете. Книги, оставаясь в своем здании, были переданы Научно-исследовательскому институту им. А. Н. Веселовского, в котором занимались сравнительным изучением языка и литературы. В 1930 г. он стал называться Государственным институтом речевой культуры, затем — Ленинградским научным институтом языкознания, закрытым в 1937 г. Штампы этих учреждений и сохранились на титульном листе тома с третьей и четвертой частями «Драматического вестника».

После ликвидации института языкознания библиотека бывшего Педагогического института поступила в БАН. Ее историческая часть находится сейчас в филиале БАН при Санкт-Петербургском институте истории РАН, книги по филологии — в основном фонде БАН и в Пушкинском Доме, библиотека которого является отделом БАН.

После обнаружения автографа на «Драматическом вестнике» стало понятно, как выглядели «юбилейные книги». К сожалению, идентичных переплетов

среди просмотренных книг, которые могли иметь отношение к Крылову, в БАН больше не нашлось. Книга, похожая на конволюты «Драматического вестника» по виду переплета и корешка, была обнаружена в библиотеке Пушкинского Дома.

Это сплетенные в один том третья и четвертая части второго издания журнала «Почта духов». Его полное название: «Почта духов, ежемесячное издание или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Сатирический журнал Крылова печатался в Петербурге в 1789—1790 гг. и был переиздан в 1802 г. в четырех частях отдельным изданием, не разделенным на номера.

Владельцем конволюта в 1881 г. был Николай Суровцов, который написал свое имя и дату орешковыми чернилами в верхней части правого форзаца. Вторым владельцем был некий Martchenko, его фамилия записана печатными буквами черными чернилами на шмуцтителе вдоль корешка²⁶.

Оформление этого тома отличается от «Драматического вестника» цветом переплета и корешка, которые решены в желто-бежевых и коричневых тонах. Толстые крышки оклеены светло-коричневой мраморной бумагой с темно-зелеными разводами, небольшие уголки — желтой кожей. Обрез книги ровный, крапчатой окраски.

Кожаный корешок — твердый, рельефный, двухцветный, тисненый золотыми линейками и цветочным орнаментом. По краю рубчика — точечное тиснение. Бортики корешка, как и в экземплярах «Драматического вестника», украшены золотым тиснением, которое сочетается по рисунку с ниточным переплетением каптала. Розетка в середине корешка в уменьшенном виде (из-за малого формата книги) повторяет элементы тиснения на корешках «Драматических вестников». В верхней части корешка «Почты духов» обозначена фамилия — «Крыловъ», в средней — название издания, в нижней — сдвоенный номер частей римскими цифрами. В отличие от одноцветных корешков «Драматического вестника», текстовые записи расположены на фрагментах, окрашенных в черный цвет.

Экземпляр «Почты духов» происходит также из библиотеки Санкт-Петербургского императорского историко-филологического института. На корешке сохранились бумажные библиотечные наклейки с рукописными записями: сверху — номер 313, в нижней части — буква «Ж». Эти обозначения соответствуют шифру, который указан на типографском экслибрисе библиотеки на левой лицевой странице форзаца. Описание именно этого экземпляра (без 1 и 2 частей) вошло в печатный каталог библиотеки историко-филологического института. «Почта духов» была занесена в отдел российской словесности послепетровского времени. Как и «Драматический вестник», «Почта духов» побывала в ликвидированных к 1937 г. языковых институтах. Их овальные печати остались на титульном листе.

Никаких помет, свидетельствующих о принадлежности этого экземпляра к «юбилейным книгам», нет. Однако сходное оформление переплета, одинаковые шрифты и орнаментальное тиснение на корешке, тип корешка и его высокое качество, а также включение в цветовую гамму переплета темно-зеленых оттенков, гармонирующих с цветом переплета «Драматических вестников», позволяют с большой вероятностью отнести экземпляр «Почты духов» к числу книг, находившихся в зале Благородного собрания 2 февраля 1838 г.

Каким образом эти книги попали в Императорский историко-филологический институт — не известно. При подготовке сводного каталога русской периодики первой четверти XIX в. автографы на «Драматическом вестнике» были описаны библиографами БАН, но не вошли в печатный текст указателя,

в задачи которого не входила фиксация маргиналий. Возможно, что в государственных и частных собраниях России будут обнаружены и другие экземпляры из памятной подборки книг И. А. Крылова — теперь известно, как выглядели их переплеты и роскошные корешки с золотым тиснением и обозначением фамилии юбиляра.

Примечания

¹ Десницкий А. В. 1766 год как год рождения Крылова // Рус. лит. 1962. № 2. С. 148—157; Бабинцев С. М. К вопросу о годе рождения И. А. Крылова // Рус. лит. 1959. № 3. С. 183—186; Гордин М. А. Крылов Иван Андреевич // Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 177; Голубева О. Д. Крылов Иван Андреевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биогр. указ. СПб., 1995. Т. 1. С. 292.

² Полевой Н. А. Иван Андреевич Крылов // Живописное обозрение. 1837. Т. 3. Л. 1. С. 21—24.

³ Кеневич В. Ф. Пятидесятилетний юбилей Крылова // Сб. ст., читанных в Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН. СПб., 1869. Т. 6. С. 307.

⁴ Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 224—225. Пьеса «Филомела» была написана в 1786 г. и напечатана в 1793 г. Самым первым известным сочинением была опера «Кофейница», написанная в 1783—1784 гг. и опубликованная в 1869 г.

⁵ Кеневич В. Ф. Материалы для биографии Крылова // Сб. ст., читанных в Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН. СПб., 1869. Т. 6. С. 306.

⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 386—387.

⁷ Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Крылов И. А. Полн. собр. соч. СПб., 1847. Т. 1. С. LXXVII.

⁸ Праздник русской словесности // Санкт-Петербургские ведомости. 1838. № 29. 5 февраля; [То же] // Московские ведомости. 1838. № 13. 12 февраля, № 14. 16 февраля; [Юбилей И. А. Крылова] // Русский инвалид. 1838. № 31. 4 февраля, № 32. 5 февраля; [Юбилей И. А. Крылова] // Северная пчела. 1838. № 32. 8 февраля.

⁹ Федоров Б. М. Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову, в зале Благородного Собрания, 2 февраля 1838 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 17. С. 213—223; Плетнев П. А. Праздник в честь Крылова // Современник. 1838. Т. 9. С. 57—70.

¹⁰ Плетнев П. А. Иван Андреевич Крылов // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 187—188.

¹¹ Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности, на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного Собрания. СПб., 1838.

¹² Кеневич В. Ф. Пятидесятилетний юбилей Крылова. С. 314.

¹³ Карлгоф Е. А. Крылов // Звездочка: Журнал для детей. 1844. Ч. 9. № 1. С. 51—60.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 226.

¹⁶ Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Там же С. 85.

¹⁷ Федоров Б. М. Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову, в зале Благородного собрания, 2 февраля 1838 года. С. 222.

¹⁸ Смирнов-Сокольский Н. Н. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960. С. 256—264.

¹⁹ В РНБ есть экземпляр издания «Басен» 1837 г. с указанием: «36-я тысяча» (шифр: Л30~БО/23).

²⁰ Реестр русским книгам <...> И. Глазунова. СПб., 1845. С. 11, 53—54.

²¹ БАН, Отдел редкой книги. Инв. № 4474п (Ч. III—IV); № 9244п (Ч. V—VI).

²² Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 2000. Т. 2. С. 76—77.

²³ РО РНБ. Ф. 542. № 779. Сообщил Л. В. Тимофеев.

²⁴ *Ендольцев Ю. А.* Императорский Историко-филологический институт // Нева. 2003. № 7. С. 223—227.

²⁵ Петербургский Историко-филологический институт. Библиотека: кат. Б-ки Император. Санкт-Петербург. ун-та. [Разделы 1—3]. СПб., 1897—1901.

²⁶ Почта духов. [2-е изд.]. СПб., 1802. Ч. III—IV. 186, 180 с. ИРЛИ РАН, шифр: 1953и/1199; инв. № 159332.

Н. А. МОЗОХИНА

Распространение и продажа открытых писем в России в начале XX в.

Впервые на основе архивных документов рассматривается вопрос о том, кем и каким образом в России начала XX в. производилось распространение открыток. Путь открытки от издателя в магазин не был прямым; открытки частного изготовления можно было приобрести только в магазинах самого издателя. К середине 1900-х гг. появились предприниматели, занимавшиеся исключительно распространением открыток. Благотворительные общества стремились распространять открытки через своих членов, а при обращении к массовому выпуску открытых писем налаживали собственные торговые точки, поскольку распространители открыток весьма неохотно брали на реализацию заведомо более дорогие издания.

Ключевые слова: распространение открыток; издательства открыток начала XX в.; фирма-посредник по распространению открыток; открытки благотворительных обществ.

N. A. MOZOKHINA

Distribution and sale of postcards in Russia in the early 20th century

For the first time on the basis of archival documents the issue is considered who and how in Russia distributed postcards in the early 20th century. The way of a postcard from the publisher to the shop being not direct; cards of private production could be acquired only in the publishers' shops. By the middle of the 1900s businessmen engaged only in postcard distribution had appeared. Charities aimed to spread postcards through their members, and in case of mass release of postcards set up their own outlets as postcard distributors very reluctantly took for sale obviously more expensive editions.

Keywords: distribution of postcards; publishing houses of postcards in the early 20th century; intermediary distributor of postcards; postcards of charitable societies.

В современную эпоху широко развитых торговых сетей и доступности любых товаров иногда сложно себе представить, как, например, хотя бы только сто лет назад люди приобретали те или иные вещи. Так, открытки сейчас можно приобрести практически в любом продуктовом магазине, не говоря уже о книжных или канцелярских магазинах, почтовых отделениях, газетных киосках. В начале XX в., который признанно во всем мире называют «золотым веком открытки», купить открытку можно было далеко не везде. Развитие торговых связей, да и собственно издание открытых писем отечественными издателями, были еще не на столь высоком уровне, чтобы в любом уездном российском городе был широкий выбор открыток на любой вкус.

Кроме того, распространение открытых писем имело некоторые ограничения. Необходимо было получить специальное разрешение на их продажу у градоначальника. В фонде Инспекции надзора за типографиями, литографиями и т. п. заведениями и книжной торговлей при Управлении Петербургского градоначальства и столичной полиции в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 706) хранится множество дел с подобного рода ходатайствами от частных лиц, среди которых были как собственники издатели открыток, так и продавцы. Разрешение было необходимо для тех, для кого продажа печатной продукции не была основной сферой деятельности, причем оно было именно на продажу, а не на издание. Издание

открыток частными лицами было разрешено постановлением министерства внутренних дел от 19 октября 1894 г., поэтому здесь отдельного разрешения не требовалось.

Основными способами распространения открытых писем были:

- продажа в магазинах издателя;
- в книжных, писчебумажных и т. п. магазинах;
- торговля в разнос;
- на железнодорожных вокзалах в специально устанавливаемых киосках;
- распространение на почте;
- на выставках, спектаклях, базарах, благотворительных сборах.

Обычно репертуар открыток, распространявшихся одним способом, не пересекался с репертуаром открыток, распространявшихся другим способом.

Самым распространенным вариантом распространения была продажа открыток в книжных и писчебумажных магазинах. Однако она не могла охватить все без исключения издания, поскольку частная инициатива иногда ограничивалась выпуском только 1-2 серий, и сотрудничество с такими издателями не приносило магазинам особых выгод, только хлопоты.

Кроме того, в 1890-е гг., когда в России только был разрешен выпуск открыток частными лицами, к этой деятельности зачастую обращались предприниматели, ранее не занимавшиеся книгоизданием, что также затрудняло установление торговых связей.

Ярким примером этого является начало издательской деятельности Общины св. Евгении. Когда в 1896 г. она выпустила первые конверты, а затем в 1898 г. художественные открытки по рисункам Н. Н. Каразина, то сразу столкнулась со сложностью их распространения. Для этого она занялась рекламой своих изданий. На тот момент перед издательством не стояла задача распространения конвертов и открыток на территории всей России, к тому же при отсутствии специальных технических сотрудников это было практически невозможно осуществить; ему было важно найти сбыт поначалу хотя бы в Петербурге. С этой целью Община обратилась в ведущие петербургские газеты, в том числе французско- и немецкоязычные («Новое время», «Новости», «Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Петербургский листок», «Свет», «Journal de S.-Petersbourg», «S.-Petersbourger Zeitung», «S.-Petersbourger Herold»), где на правах благотворительного учреждения могла давать бесплатные объявления. Согласно этим объявлениям, первые издания Общины можно было приобрести всего в нескольких местах в центре Петербурга: у швейцара Главного управления Красного Креста (Инженерная, 9), в магазинах Фельтена (Невский, 22), Коссовского (Невский пр. у Казанского моста), Полякова (Невский, 30) и Исакова (№ 25 в Гостином дворе)¹. Спустя два года круг петербургских магазинов, в которых можно было приобрести издания Общины, несколько расширился, но все равно охватывал только центральную часть города.

Эта ситуация отражает неразвитость рынка распространения открыток в конце XIX столетия. Русских издателей открыток было еще не так много, причем в основном они выпускали видовые открытки, поэтому круг их продажи был ограничен только одним городом. Очень часто в небольших провинциальных городах издателем видовых открыток становился владелец какого-либо магазина, располагавшегося на одной из центральных улиц города. Он либо сам заказывал местному фотографу сделать несколько снимков города или выкупал уже готовые снимки и печатал их в местной или столичной типографии, либо направлял заказ в крупные фотографические фирмы в Москве, и фотограф фирмы приезжал и снимал по заказу виды, которые печатались на открытках, обычно снабженных наименованием этой

фирмы. Потом такие открытки продавались только в этом провинциальном магазине и его филиалах, а также в магазинах, которыми владели знакомые издателя. Среди такого рода издателей часто выступали не столько книготорговцы, сколько владельцы булочных, мелочных лавок, писчебумажных магазинов, аптек.

В Петербурге, например, изданием видовых открыток занимался Р. Р. Лютерман (Люттерманн), владелец склада и мастерской искусственных цветов, зелени и принадлежностей для цветов, основанных в 1882 г., по видимому, его отцом. Его магазин находился на Невском проспекте, дом 34 — в одном из домов Екатерининской церкви. Расположение его магазина на главной улице столичного города позволило ему расширить бизнес, и наряду с изданием видовых открыток, которых им было выпущено огромное количество, так как они постоянно пользовались спросом как у приезжих, так и собственно у жителей Санкт-Петербурга, в начале 1900-х гг. он выпустил несколько серий черно-белых репродукционных открыток, исполненных фотографическим способом с картин из собраний отечественных музеев, а во второй половине 1900-х гг. обратился к изданию художественных открыток по рисункам современных русских и западноевропейских мастеров под маркой издательства «Ришар». Им были выпущены открытые письма по рисункам Е. М. Бем, А. Ф. Афанасьева, С. С. Соломко, Е. П. Анохиной-Лебедевой, Л. Ф. Лагорио, Н. Н. Каразина, В. В. Верещагина, И. И. Шишкина, Н. С. Самокиша и других художников, главным образом петербургской пейзажной школы, последователей передвижников. Р. Р. Лютерман налаживал контакты с иностранными «агентами» по продаже изображений и стал приобретать у них уже готовые открытки в листах без адресной стороны. В петербургской типографии Товарищества Р. Голике и А. Вильборг на них надпечатывались названия, рисунок адресной стороны, и затем листы разрезались на открытки, издателем которых значился... Р. Р. Лютерман под фирмой «Ришар»². Эти открытки распространялись не только в цветочном магазине предпринимателя, но и во многих магазинах страны.

Постепенно многие отечественные издательства сами стали заниматься вопросами распространения выпущенных ими открыток через штатных агентов по распространению. Таких агентов имела московская фирма А. Ф. Постнова, которая занималась выпуском открыток под именем владельца или под маркой «А.Ф.П.» Об этом свидетельствует тот факт, что автор пособия по извлечению прибыли с помощью продажи различных предметов с помощью услуг почты «Продажа по корреспонденции» А. К. Ашихмин³ рекомендовал покупать открытки для распространения в публице у А. Ф. Постнова, Москва, Цветной бульвар, 26. В том же пособии предлагалось приобретать открытые письма и у другого московского издателя открыток — Я. А. Корницкого по адресу: Москва, Покровка, Девятинский пер., 4⁴. Эти предприниматели, скорее всего, занимались распространением не только открыток своего издания, но и приобретали их у агентов зарубежных фирм, так как если в издании А. Ф. Постнова вышло достаточно много открыток, то открытых писем издания Я. А. Корницкого слишком мало, чтобы можно было в пособии рекомендовать обращаться за заказами на открытки именно к нему.

В Киеве издательство «Рассвет» также оказывало посреднические услуги по распространению открыток для новичков в издательском деле, а к началу Первой мировой войны его деятельность в этом направлении настолько разрослась, что оно открыло свое отделение в Москве. Так, «Рассвет» включил в свои каталоги серию, выпущенную Обществом возрождения художественной Руси: «Общество возрождения художественной Руси выпустило в прекрасном исполнении Товарищества А. А. Левенсон серию открыток с картин

художника В. А. Плотникова и нас уполномочило распространять ее по всей России. Мы это издание, готовящее еще новые серии с картин русских художников, приветствуем как высоко художественное и весьма интересное и горячо рекламируем нашим постоянным покупателям. Всех рисунков 10. Пакованы в художественный конверт. Цена за 100 штук — 5 рублей»⁵.

Постепенно в крупных полиграфических центрах России, где процветало издание открыток (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Одесса), появился круг предпринимателей, занимавшихся исключительно распространением открыток, но не издававших их. Например, Община св. Евгении, стремясь наладить на юге России сбыт своих изданий, обратилась к помощи киевского Товарищества «Писчебумажное дело». Договор о представительстве по распространению на комиссионных началах художественных изданий Общины в Киеве и в районе Юго-Западных железных дорог был заключен 21 июня 1906 г.⁶ Возглавлял Товарищество некто М. М. Бенземан, который, судя по переписке с Общиной, хорошо знал ситуацию с изданием и распространением открыток на юге России. В одном из писем М. М. Бенземана содержатся уникальные факты, касающиеся истории распространения открыток и позволяющие говорить о том, что в России к середине 1900-х гг. сформировался развитый рынок открытки, документы по истории которого не сохранились, а оценить масштаб которого можно лишь по случайно обнаруженным отрывкам в переписке: «Интерес здешней публики к открыткам Красного Креста очень незначителен, интерес продавцов = 0, и вот причина последнего явления: торговцы заваливаются заграничным товаром в кредит по самым возмутительным ценам, бромосеребряный расценивается по 32 и 35 р. за 1000, цветной товар очень хорошей работы, например, Коллеровский 3 р. — 3 р. 25 к., и только один Тук расценивает по 4 р. сотню. И по таким ценам продают в кредит такие большие фирмы, как Стольтефорт в Москве и Островский в Одессе <...> Товарищество за три года перевернуло большую гору открыток, и торговлей этого рода только и живет, и без преувеличения можно сказать, что на сотню заграничных открыток вряд ли приходится продать и одну открытку Красного Креста»⁷. Если целая фирма могла существовать только за счет посредничества при распространении открыток (хотя она могла иметь громкое название, а работать в ней и владеть ею всего один человек), то за месяц через нее должны были проходить десятки, а то и сотни тысяч открыток. А таких фирм по всей стране было немало.

Каждая из них работала обычно в каком-то одном регионе, но у них были налажены контакты между собой и, по-видимому, производился обмен открытками на взаимовыгодных условиях. Упомянутый М. М. Бенземаном Э. А. Стольтефорт основал свою фирму в 1900 г.⁸ и первоначально занимался разнообразной деятельностью: рекламой и продажей писчебумажных изделий. В 1904 г. он занялся распространением художественной продукции разного рода, в том числе и открыток заграничного производства, которые он получал от более, чем шестидесяти издателей⁹.

Такого рода распространителей интересовала только прибыль, поэтому для распространения принимались самые дешевые издания. Открытки же, выпускаемые благотворительными обществами, как более дорогие изначально, принимались ими весьма неохотно или не принимались вообще. Поэтому благотворительные общества, которые часто выпускали именно высокохудожественные открытки, искали свои пути распространения и фактически формировали параллельный рынок распространения открыток. Многие из них распространяли свои издания на выставках, концертах и спектаклях. В императорских театрах имел право распространять свои открытки только фотограф и владелец крупной московской типографии К. А. Фишер,

обладавшей монополией в этой области как имевший звание «фотографа Московского Императорского Университета и Театров, Московского Публичного и Румянцевского музеев и Музея изящных искусств императора Александра III»¹⁰. Поэтому благотворительные общества могли устанавливать свои киоски по продаже открыток в остальных театрах, а также Народных домах и театральных залах, которые сдавались внаем частным или гастролирующим труппам или антрепренерам для проведения концерта одного артиста. Очень часто в таких залах киоски устанавливались на короткий срок гастролей той или иной труппы или того или иного артиста, поэтому агентов по распространению открыток такая краткосрочная возможность продажи открытых писем не интересовала.

Община св. Евгении, как наиболее последовательный из всех благотворительных обществ издатель, открытых писем помимо установки киосков на культурных мероприятиях добилась разрешения продавать свои открытки на почте, где раньше можно было приобрести только почтовые карточки государственного издания с надпечатанными почтовыми марками, но без рисунков. Для этого Главным управлением почт и телеграфов был выпущен циркуляр № 57 от 27 марта 1904 г. «О продаже в учреждениях почтово-телеграфного ведомства бланков открытых писем Санкт-Петербургского Попечительного комитета о сестрах Красного Креста». Почтово-телеграфное ведомство имело с этих продаж 10 %, которые распределялись «между чинами учреждения начальником оно»¹¹.

Община св. Евгении также обратилась к такой форме распространения открыток, как киоски. Хотя определенно не удалось установить, кто конкретно из сотрудников издательства был автором идеи установки фирменных киосков по продаже открытых писем на станциях железных дорог, эта затея оказалась весьма продуктивной. По-видимому, она была позаимствована у А. С. Суворина и некоторых других предпринимателей, уже владевшими киосками на вокзалах, в которых продавались не только открытки, но и разного рода печатные издания. 2 мая 1903 г. Общиной св. Евгении было получено особое разрешение от министра путей сообщения на «право установки на железнодорожных станциях в Санкт-Петербурге и Москве, в залах I класса витрин для продажи художественных открытых писем Красного Креста»¹². Первый подобный киоск был открыт в конце 1903 г. на Николаевском (ныне Московском) вокзале в Петербурге¹³. Постепенно эта привилегия распространилась и на другие железнодорожные вокзалы и станции. Киоски на крупных вокзалах и железнодорожных узлах работали круглогодично, киоски, установленные по линиям железных дорог в дачной местности, работали соответственно только в летнее время. В этих торговых точках можно было приобрести только издания со знаком Красного Креста. Однако это правило можно было обойти, если Община принимала на себя распространение открыток других изданий. В таком случае она допечатывала на адресной стороне свой штамп. Так, она занималась реализацией открыток издания С. М. Прокудина-Горского, а также Склада Ее Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны и находившейся под ее же покровительством Царскосельской общины, уже имевших на адресной стороне в рисунке издательской марки знак Красного Креста.

Таким образом, за короткий срок — всего за 20 лет — в Российской империи стремительно развился специализированный бизнес по распространению открытых писем. Он несколько отличался от книготоргового, имел свою специфику, поэтому им занимались не только профессиональные и крупные книготорговцы, но и частные предприниматели, для которых посредничество по распространению открыток было единственным источником их дохода.

Документальные источники по истории этого вида торговли практически не сохранились. Анализ архивов только крупных, обычно благотворительных или научно-просветительских, издательств дает возможность (скорее всего, только в общих чертах) ее реконструировать.

Примечания

¹ ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 314. Л. 4.

² *Мозохина Н. А.* Издательство открытых писем Рихарда Лютермана «Ришар» в Санкт-Петербурге — Петрограде // Издательство «Ришар»: каталог иллюстрированных почтовых открыток. Киров, 2014. С. 20.

³ *Мозохина Н. А.* Практический курс продажи по корреспонденции» А.К. Ашихмина, или как это работало // Почтовые карточки Российской империи с рекламными объявлениями. Цельные вещи. Киров, 2014. С. 34—47.

⁴ *Ашихмин А. К.* Продажа по корреспонденции. Киев, 1917. С. 96.

⁵ РГИА. Ф. 793. Оп. 1. Д. 8. Л. 86об.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 1284. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 72об.—73.

⁸ *Эд. А.* Стольтефорт в Москве // Открытое письмо (Умань). 1906. № 1 (25 июля). С. 7.

⁹ *Цуканов П. Д.* Издательские знаки московских издателей открытых писем // Жук: журн. коллекционеров открыток. 2005. № 1 (5). С. 10.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 662. Л. 2об.

¹¹ Там же. Д. 914. Л. 13об.

¹² Там же. Д. 2222. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 2225. Л. 6об.

Е. Ю. ГОРДЕЕВА

Материалы по истории российской журналистики на страницах библиографических изданий (1902–1903)

Автор изучает, как библиографические издания начала XX в. освещали 200-летний юбилей российской журналистики. В статье выявляется роль специализированных изданий в организации торжества и значение опубликованных материалов для дальнейшего развития теории и истории отечественной журналистики.

Ключевые слова: история русской журналистики; библиографический журнал; 200-летний юбилей отечественной журналистики.

E. YU. GORDEEVA

The materials on Russian journalism history in bibliographical publications (1902–1903)

The author investigates the coverage of Russian journalism's 200th anniversary in bibliographical periodicals in the early 20th century. The paper reveals the role of the specialized press in organizing the celebration and further developing the theory and the history of Russian journalism.

Keywords: history of Russian journalism; bibliographical periodical; 200th anniversary of Russian journalism.

В начале XX в. российское общество готовилось к 200-летию юбилею прессы. В связи с этим во всех изданиях актуализировалось обсуждение вопросов, связанных с функционированием журналистики в России. О. Р. Кулаков отмечал: «В предъюбилейный и юбилейный процессы были вовлечены все наиболее популярные СМИ начала XX века. Газеты: „Русские ведомости“, „Новое время“, „Право“, „Санкт-Петербургские ведомости“; журналы: „Русская мысль“, „Образование“, „Мир божий“, „Русское богатство“, „Русский вестник“, „Обозрение“, „Исторический вестник“, „Известия по литературе, наукам и библиографии“, „Вестник и библиотека для самообразования“, „Филологические заметки“ <...>»¹.

Как видим, этим процессом были охвачены и универсальная пресса, и специализированная периодика. Под журналом «Известия по литературе, наукам и библиографии» автор, видимо, имел в виду «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. Иллюстрированный библиографический журнал». Это издание, наряду с другими библиографическими журналами — «Литературным вестником», «Книжным вестником» и др., действительно активно включилось в обсуждение проблем, связанных с историей и современным положением отечественной журналистики.

В связи с тем, что на рубеже XIX—XX вв. бытовало еще расширительное толкование понятия «библиография», программы многих из библиографических журналов далеко выходили за полагающиеся им рамки. Изучение данных изданий убеждает в том, что, называясь «библиографическими», они по существу выполняли функции книговедческих, а иногда и историко-литературных журналов. Это обстоятельство, в том числе, обусловило и серьезный интерес

редакций указанных изданий ко всему, что связано с развитием культуры и словесности.

Среди авторов библиографических изданий можно назвать имена выдающихся книговедов С. А. Венгерова, Н. М. Лисовского, А. М. Ловягина, А. Д. Торопова и др., уделявших внимание и развитию отечественной журналистики. Так, в обширном материале Н. Лисовского² «Периодическая печать в России. 1703—1903», опубликованном в «Литературном вестнике»³, на основании собранного библиографического и статистического материала прослеживается вся история отечественной прессы, делаются важные прогнозы в отношении ее дальнейшего развития.

Обозревая двухсотлетнюю историю российской журналистики, Н. М. Лисовский отмечал: «В 1702 году 16 декабря последовал указ Петра I о печатании курантов, а 2 января 1703 года появился в Москве и первенец русской печати „Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти“»⁴.

Примечательно, что при подготовке к 200-летию юбилею отечественной журналистики исследователи, как свидетельствует приведенная выше выдержка из работы Лисовского, считали, что первый номер созданной Петром Великим газеты «Ведомости» вышел в свет 2 января 1703 г. Однако до сих пор нет единого мнения о начале выхода этого издания: указываются такие даты, как 16, 17, 27 декабря 1702 г., а также 2 января 1703 г.⁵

Материал Н. М. Лисовского в «Литературном вестнике», содержащий указание на основные этапы и закономерности развития русской журналистики, до сих пор не утратил своего значения для специалистов, хотя в нем и можно заметить определенные пропуски (например, не обозначена роль М. В. Ломоносова, отсутствуют даже упоминания об эпохе «мрачного семилетия» и др.).

Подводя промежуточные итоги своего продолжающегося на тот момент исследования, Лисовский отмечал превалирование газетной периодики над журнальной. Вместе с тем он указывал, что «рядом с прессой большой (политической), развивается и так называемая — малая, которая завоевывает все большие круги грамотного люда, вызывая в нем интерес к чтению и к общественности»⁶.

О появлении малой или дешевой прессы пишет и П. Г. Мижухев в том же номере «Литературного вестника»: «<...> мы говорим о рождении дешевой прессы, о рождении органов, рассчитанных на огромный сбыт и расходящихся в сравнительно огромных количествах экземпляров <...>. Не вдаваясь в оценку качества этих изданий, мы, тем не менее, радуемся уже одному тому, что читателей в России стало так много, что опытные и предприимчивые люди находят уже возможным наживать деньги на рублевых журналах или четырехрублевых газетах»⁷. Таким образом, обсуждение новых с точки зрения типологии периодических изданий перерастает в разговор о новом типе издателей, как и новом типе российских читателей.

Статьи Н. Лисовского и П. Мижухева вошли в специальный юбилейный номер «Литературного вестника», который был приурочен к 200-летию российской прессы. Помимо указанных материалов, в него были включены следующие тексты: Каллаш Вл. «К истории нашей старинной журналистики»⁸, Максимов А. Г. «Московский Меркурий 1803 года. Ежемесячный журнал, издание П. И. Макарова»⁹, Кубасов И. «Эпизод из журнальной деятельности Н. И. Греча»¹⁰, Боцяновский Вл. «Н. А. Полевой как издатель «Русского вестника»»¹¹, Грот К. Я. «К истории журналистики в сороковые годы прошлого века. «Современник» Плетнева и сатира Я. К. Грота»¹², Венгеров С. А. «Ежедневная печать конца дореформенной эпохи»¹³, Городецкий Д. М. «Зарождение карикатуры в России. Первые сатирические и юмористические журналы и

первые карикатуры на журналистов»¹⁴, Ловягин А. М. «История немецкой „С.-Петербургской газеты“»¹⁵ и др.

Кроме статей, специально подготовленных для юбилейного выпуска «Литературного вестника», в него были включены и перепечатки, например известная статья К. Г. Градовского из «Сборника статей по истории и статистике русской периодической печати 1703—1903 гг.» (СПб., 1903). Автор статьи сетует: «Одни открыли Америку, указывая, что начатые Петром Великим „ведомости“ не имеют ничего общего с современной независимой и частной печатью. Другие пришли к заключению, что политическая печать зародилась в России лишь с 1862 года, когда в газетах стали появляться передовые статьи. „В ближайшем будущем, — возвещают нам, — политической русской печати исполнится не два века, а всего только 40 лет“. Совершенно верно, что ежедневная печать, гласность, свобода обсуждения государственных дел и вопросов <...> получили у нас свое развитие главным образом во второй половине прошлого века, совпадая с эпохой освободительных преобразований; но если идти дальше по тому же логическому пути, то можно пожалуй натолкнуться на заключение, что русской печати, русской публицистики, русской литературы еще не существует <...>. Ведь и теперь еще область цензуры безгранична, а карательная система выражается почти исключительно в судебных процессах о диффамации, злословии и клевете»¹⁶.

Внимание к правовому положению нашей журналистики действительно обострилось в связи с празднованием ее 200-летия¹⁷: «<...> в основном празднование вылилось в разговор о бесправном, угнетенном положении прессы в России, — отмечает С. Я. Махонина. — Много писали о цензурных запретах, административных преследованиях, полном отсутствии права на свободное слово»¹⁸.

Обсуждение вопросов, связанных с законодательством в области печати, ведется в библиографических журналах не столько напрямую (как, например, в упомянутой статье А. Г. Максимова), сколько опосредованно, например в рецензиях на соответствующие работы. Так в одном из номеров «Известий книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» за 1903 г. читаем: «В двух первых номерах „Права“ напечатана весьма интересная статья К. К. Арсеньева¹⁹ „Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования“. Маститый публицист доказывает необходимость пересмотра и изменения к лучшему действующего законодательства о печати. Таким улучшением было бы, по его мнению, подчинение печати закону, только закону»²⁰.

В организации и проведении торжества, приуроченного к 200-летию российской печати, принимали участие различные столичные и провинциальные общества: Санкт-Петербургское библиологическое общество, Московское библиографическое общество и др. Их деятельность систематически отражала библиографическая периодика: «В московском библиографическом обществе идут работы по подготовке имеющего выйти к двухсотлетнему юбилею периодической печати „Указателя“ прессы. В конце будущего августа или начале сентября предполагается созвать общее собрание, к участию в котором будут приглашены представители всех местных газет и журналов, для окончательной выработки программы юбилейных торжеств»²¹.

Рассказывалось и о работе юбилейного комитета под председательством профессора А. И. Кирпичникова. Важно, что на призывы комитета по подготовке выставки прессы, сбору средств «для работников печати, потерявших способность к труду» и пр., откликнулись свыше 400 периодических, преимущественно провинциальных изданий²².

Однако 200-летний юбилей российской печати воспринимался библиографической журналистикой не только как период подведения определенных

итогах, связанных с осознанием своего места в мире, но и как время укрепления корпоративного единства и выработки новых профессиональных ориентиров. Так, в одном из ноябрьских номеров «Книжного вестника» за 1903 г. появляется материал, автор которого скрывающийся за псевдонимом «Библиофил», приветствует происходящее на фоне юбилея объединение редакций многих московских газет: «Словом, вся наиболее видная часть московской повременной печати, наконец, оставила всякое разногласие и местничество и соединилась для обсуждения общего дела. Таким делом явился проект устава Московского Общества деятелей периодической печати <...>»²³. Однако автор указывает и на «положение петербургской печати, по-прежнему разъединенной и разъедаемой внутренней рознью»²⁴.

Несмотря на многочисленные юбилейные мероприятия, поддержанные библиографической периодикой (выставка в Московской синодальной типографии рукописных оригиналов, источников и печатных номеров газеты «Ведомости», создание при кассе взаимопомощи литераторов и ученых особого фонда по случаю исполняющегося 200-летия повременной печати и др.), в целом она признала, что «чествование юбилея печати можно считать неудавшимся»: «Не нашлось в настоящее время объединяющего и авторитетного органа, могущего сплотить существующие литературные партии <...>. Многие московские журналисты перессорились на заседаниях, устроенных по поводу чествования юбилея, в Петербурге рознь сказалась в образовании нескольких юбилейных комитетов, не могших, отчасти вследствие разъединения сил, создать что-либо достойное недолгого, но и трудного и полезного служения печати интересам России»²⁵.

Но эта разобщенность не смогла умалить значение юбилея. В опубликованных, в том числе в библиографической периодике, материалах «были заложены научные основы, по которым наука история журналистики и собственно журналистика получили развитие далее, уже в советское и постсоветское времена»²⁶.

Накануне предстоящего юбилея и в последующий за ним период на страницах библиографических журналов обсуждались вопросы свободы печати, авторского права, подготовки журналистских кадров, языка и стиля периодических изданий, положения провинциальной прессы, не утратившие своей дискуссионности и актуальности и сегодня.

Примечания

¹ Кулаков О. Р. «Ведомости» (1702–1727): становление и жанровые приоритеты газеты: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. С. 8.

² Автора фундаментального труда «Русская периодическая печать 1703–1900 гг.» (СПб., 1915).

³ Лисовский Н. Периодическая печать в России. 1703–1903. (Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий) // Лит. вестн. 1902. Т. IV. Книжка 8. С. 281–306.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ Подробнее см. указанную работу Кулакова О. Р., а также Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб., 2003 и др.

⁶ Лисовский Н. Указ. соч. С. 306.

⁷ Мижуев П. Г. Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей) // Лит. вестн. 1902. Т. IV. Книжка 8. С. 309.

⁸ Там же. С. 312–316.

⁹ Там же. С. 317–334.

¹⁰ Там же. С. 335–342.

- ¹¹ Там же. С. 352–361.
- ¹² Там же. С. 362–376.
- ¹³ Там же. С. 377–403.
- ¹⁴ Там же. С. 404–419.
- ¹⁵ Там же. С. 420–422.
- ¹⁶ *Градовский Г. К.* К 200-летию печати. Возраст русской публицистики // Там же. С. 429.
- ¹⁷ *Жирков Г.В.* Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов. СПб., 2011. С.32.
- ¹⁸ *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2002. С. 17.
- ¹⁹ Автора известной книги «Законодательство о печати» (СПб., 1903).
- ²⁰ Изв. кн. магазинов т-ва М.О.Вольф. 1903. № 4. С.73.
- ²¹ Книжный вестник. 1902. № 32. С. 1007.
- ²² Там же. № 35. С. 1108.
- ²³ Там же. 1902. № 44. С. 1403.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Литературный вестн. 1902. Т. IV. Книжка 8. С. 432–433.
- ²⁶ *Кулаков О. Р.* Указ. соч. С. 9–10.

Н. С. БЕЛЯЕВ

Картотека дарственных надписей и Картотека личных собраний в системе справочно-библиографического аппарата Библиотеки Пушкинского Дома: история, организация, пути совершенствования

Библиотека Пушкинского Дома — одно из крупнейших книгохранилищ Петербурга. Она обладает значительным фондом — более 650 000 экземпляров. Первоначально основу библиотечного фонда составляли частные собрания, принадлежавшие писателям, литературоведам, журналистам и другим деятелям отечественной культуры. Для более детального отражения этой части коллекции библиотеки были созданы Картотека дарственных надписей и Картотека личных библиотек. Они входят в общую систему каталогов и картотек библиотеки Пушкинского Дома, выполняя свои самостоятельные функции, связанные с информированием читателей.

Ключевые слова: Картотека дарственных надписей; Картотека личных собраний; Библиотека Пушкинского Дома.

N. S. BELYAEV

The Inscription Card File and Private Collection Card File in the bibliographical reference system of The Library at Pushkin House: history, organization, ways to improve

The Library at Pushkin House is one of the largest book depositories of St. Petersburg with a considerable stock of over 650,000 copies. Initially, it included private collections which belonged to writers, literary critics, journalists, etc. For more detailed accounting of this part of the library collection The Inscriptions Card File and Private Collection Card File were created, included in the overall catalogues and card indices system of The Library at Pushkin House to perform their separate functions related to informing the readership.

Keywords: Inscription Card File; Private Collection Card File; The Library at Pushkin House.

Библиотека Института русской литературы была организована вскоре после создания Пушкинского Дома и вместе с другими научно-вспомогательными подразделениями — Литературным музеем и Рукописным — отделом уже более ста лет служит отечественной литературоведческой науке¹. Она обладает значительным фондом — более 650 000 экземпляров. Главной особенностью формирования книжного и журнального фонда библиотеки является то, что в его основу легли частные собрания, принадлежавшие писателям, литературоведам, журналистам и другим деятелям отечественной культуры. Первоначально регулярные поступления в библиотечный фонд были затруднены отсутствием государственного финансирования, и только уже в советский период комплектование библиотеки осуществлялось в значительной степени за счет приобретений необходимой литературы.

Справочно-библиографический аппарат Библиотеки Пушкинского Дома состоит из целой системы читательских и служебных каталогов и картотек, организованных по общебиблиотечным правилам, но с целым рядом специфических отличий, возникших в ходе практической работы и обусловленных профессиональными потребностями ее читателей. Как известно, Библиотека Пушкинского Дома входит в сеть академических библиотек, возглавляемую Библиотекой Академии наук, обслуживающих научно-исследовательские институты и другие научные учреждения РАН. Следовательно, основными ее пользователями являются сотрудники Института русской литературы, читатели БАН, а также лица из других научных, культурных и образовательных учреждений, имеющие соответствующие документы в виде направлений-отношений с места работы. Всех пользователей библиотеки, в основном, объединяет общность научных интересов — история русской и зарубежной литературы.

Итак, в справочно-библиографический аппарат библиотеки входят: Генеральный алфавитный каталог (русская и иностранная части), Картотека статей из периодических изданий, картотеки трех кабинетов библиотеки — Пушкинского, Лермонтовского и Горьковского, а также топокаталог, предназначенный исключительно для служебного использования.

Картотека дарственных надписей (КДН)* и Картотека личных библиотек (КЛБ) также включены в общую систему и как выполняют самостоятельные функции, так и кооперируются с другими справочно-поисковыми элементами библиотеки Пушкинского Дома для выполнения совместных задач по информированию ее пользователей**. Картотека автографов прошла паспортизацию, Картотека личных библиотек, напротив, еще не получила своего законченного облика и находится на данный момент только в служебном пользовании***.

Картотека личных собраний стала вестись в библиотеке уже в первые годы ее существования, к сожалению, крайне нерегулярно, к тому же, она не учитывала все книжные коллекции даже тех лиц, кто имел непосредственное отношение к литературе и литературоведению. Порядок расположения массива карточек — первоначально, в алфавите владельцев личных библиотек, затем по языковому признаку, а далее — в алфавите авторов и заглавий. Основным критерием для отбора материала, как правило, являлась значимость той или иной персоны с точки зрения ее роли в культурной, научной, политической жизни страны. Данный аксиологический подход к формированию картотеки, как показала практика, оказался уязвимым во многих отношениях. Во-первых, политические и идеологические установки, существовавшие в советский период, влияли на отбор тех лиц, чьи библиотеки отражались в картотеке. Так, собрания представителей русской аристократии, эмигрантов и репрессированных лиц в большинстве своем не находили своего места в этой картотеке. И здесь, безусловно, на такое положение дел влияла государственная цензура, представители которой не только изымали книги из библиотечного фонда, но регулярно просматривали картотеки и каталоги

---

* Официальное название — Картотека автографов, однако с научной точки зрения такое название не совсем верно, так как автограф имеет более широкое значение, чем дарственная надпись.

** Существенный вклад в пополнение этих картотек внесла главный библиотекарь Л. Г. Мироненко, прежде всего, это касалось вновь поступающей литературы в библиотечный фонд.

*** Информация о принадлежности издания к личной библиотеке или наличии дарственной надписи на нем фиксировалась в Генеральном алфавитном каталоге, предназначенном для читателей. В силу ряда причин это происходило не систематически, что привело к неполноте отраженных сведений.

Библиотеки Пушкинского Дома в поиске карточек с библиографическим описанием на запрещенные монографии, сборники, журналы, в том числе это касалось, как Картотеки дарственных надписей, так и Картотеки личных библиотек. Но в данном случае исчезали карточки с указанием на автограф, некоторые из дарственных надписей вымарывались или просто вырезались с титульного листа изданий. Безусловно, такое отношение власти к культурному наследию влияло, в целом, на мотивацию конкретного библиотекаря, занимавшегося ведением этой картотеки, поэтому библиотеки лиц, которые даже гипотетически могли быть признаны нежелательными, часто не были отражены в ней. Кроме того, можно проследить случаи, когда, несмотря на то, что владелец библиотеки, иногда имел самое непосредственное отношение к литературе или литературоведению, порою даже был сотрудником Института русской литературы РАН, книги из его собрания, часто бывшие дублетными к основному фонду библиотеки, оформлялись вторым экземпляром или заменялись на более ветхий библиотечный экземпляр. При этом принадлежность книги ее бывшему владельцу не фиксировалась. И исходя из всего сказанного, казалось, наиболее правильным являлся бы чисто формальный подход к организации массива картотеки, т. е. учета всех личных библиотек.

Однако и здесь возникает целый ряд непростых задач. Как уже было отмечено ранее, фонд отдела БАН при ИРЛИ РАН насчитывает более 650 000 единиц хранения, постоянной и планомерной работы по фиксации частных собраний практически не велось, имеющаяся ныне картотека, в основном, отражает лишь существенную часть отдельно выделенных наиболее ценных библиотек, а остальные издания из других личных коллекций, растворившиеся в ее большом фонде, так и остались неучтенными. К тому же, в штате библиотеки Пушкинского Дома не предусмотрен хотя бы один сотрудник, в обязанности которого входило бы исключительно ведение картотеки личных собраний. С учетом простого просмотра и самой элементарной фиксации выявленного материала эта работа заняла бы много лет. Нельзя не учитывать и другой важный момент: массив частных библиотек, как по своей принадлежности, так и по составу — неравнозначен. Встречаются книжные и журнальные собрания, принадлежавшие лицам, совершенно не имеющим отношение к культуре, науке, политике, чьи читательские интересы и предпочтения малоценны для исследователей. Названные обстоятельства не позволяют использовать исключительно формальный подход к делу. С нашей точки зрения, наиболее обоснованным был бы комбинированный подход к учету данного сегмента библиотечного фонда, который, прежде всего, должен ориентироваться на интересы читательской аудитории библиотеки Пушкинского Дома, связанные с литературой и ее изучением.

Исходя из этого принципа, в первую очередь в картотеке должны отражаться собрания, ранее принадлежавшие писателям, критикам, журналистам, историкам литературы, лицам, имеющим непосредственное отношение к Российской академии наук, а также крупным представителям науки, культуры и политики. В последние десятилетия отечественных библиотековедов все более стали привлекать книжные и журнальные коллекции русской аристократии, которые являются небезынтересным феноменом в истории русского биофильства. В фонде Библиотеки Пушкинского Дома присутствуют как отдельные издания, так и целые собрания, находившиеся во дворцах русской знати. Достаточно упомянуть в этом перечислении имена трех последних российских императоров — Александра II, Александра III, Николая II, великих князей — Михаила Павловича, Константина Николаевича, Николая Николаевича, прославленные фамилии графов Строгановых, князей Юсуповых, герцогов Мекленбургских и т. д. Среди великокняжеских собраний, безусловно,

своего рода жемчужиной является библиотека Константина Константиновича (старшего), государственного деятеля, президента Императорской Академии наук, поэта, переводчика, широко известного под псевдонимом К. Р., поступившая из Мраморного дворца в 1920-е гг. Ее изучение включено в научно-исследовательский план Библиотеки Пушкинского Дома.

Реконструкция отдельных книжных и журнальных коллекций русских ученых является одной из приоритетных задач отечественного библиотековедения. И в этом ключе небезынтересно, что известный петербургский исследователь литературы XVIII в. К. Ю. Лаппо-Данилевский в сферу своих научных интересов включил изучение библиотеки, принадлежавшей его прадеду, историку и академику Петербургской АН А. С. Лаппо-Данилевскому. После смерти ученого в 1919 г. его многочисленное собрание было приобретено Академией наук и затем поступило в БАН, после чего растворилось как в общем фонде центральной библиотеки, так и ее филиалов. Несколько экземпляров из коллекции А. С. Лаппо-Данилевского попали в Отдел БАН при ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) и были совсем недавно обнаружены благодаря начавшемуся фронтальному просмотру книжного фонда. Один из них — это отдельный оттиск статьи И. Ф. Анненского² с дарственной надписью — «Глубокоуважаемому Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому — рецензент».

В конечном итоге, наиболее важной проблемой является создание банка данных по личным собраниям, находящимся в Библиотеке Пушкинского Дома, по выше определенным критериям. И эта задача не может быть выполнена без «покнижного» просмотра всего библиотечного фонда, прежде всего, его наиболее старой части, что потребует не один год работы, однако, принесет ощутимые результаты. Как известно, основным критерием отнесения того или иного издания к определенному частному собранию является владельческая надпись, экслибрис, штамп и т. д. Однако далеко не все издания из личных библиотек содержат какие-либо видимые признаки, позволяющие их идентифицировать. И в этом плане вполне справедливо возникает вопрос о документах, фиксировавших частные собрания, как до их передачи в Библиотеку Пушкинского Дома, так и, собственно, в момент поступления этих изданий в ее фонд. Между тем, лишь незначительная часть личных коллекций, попавших в библиотеку, была закаталогизирована их бывшими владельцами, как например собрание М. Н. Лонгинова. Даже в современной библиотечной практике передаточные акты составляются далеко не всегда, например, книжное и журнальное собрание академика РАН Г. М. Фридлендера поступило в 2014 г. без всяких списков. Однако в этом плане наметились определенные положительные тенденции, так, упомянутая библиотека Фридлендера была зафиксирована в Картотеке личных библиотек сразу же после ее оформления на баланс.

На первоначальном этапе картотека будет, в основном, состоять из кратких библиографических описаний на отдельные издания из личных собраний. Затем после создания полноценной базы в традиционном карточном виде, она должна появиться и в автоматизированном режиме. Первоначальная выборка личных библиотек для их последующей фиксации зависит от значимости того или иного частного собрания и научной заинтересованности со стороны исследователей, занимающихся как творчеством и биографией отдельных авторов, так и воссозданием отдельных частных библиотек для их дальнейшей публикации³. И в этом контексте очень важно, чтобы над этой проблемой работали как литературоведы, историки, так и, главным образом, профессиональные библиотекари, поскольку именно такое соединение творческих и научных сил должно привести к серьезному результату. Каждая библиотека будет представлена отдельным файлом, внутри которого материал получит

разделение по языковому принципу, затем на книги и периодические издания, приведенные в алфавитном порядке с обязательным указанием шифра. Однако со временем описание отдельных изданий можно будет расширить дополнительными данными: наличием владельческих помет и прочих маргиналий в тексте книги или журнала, воспроизведением дарственных надписей, особенностей переплета и т. д. Безусловно, что картотека личных библиотек должна быть дополнена картотеккой государственных учреждений и общественных организаций, собрания которых в связи с определенными обстоятельствами пополнили фонд Библиотеки Пушкинского Дома. В основном, это культурные и образовательные учреждения, прекратившие свое существование в период революции 1917 г. Между тем, среди них есть и те, которые существуют и в наше время, как например, библиотеки Государственного Эрмитажа, музеев-заповедников Царского Села и Павловска. Это позволит Библиотеке Пушкинского Дома участвовать в проектах по реконструкции фондов этих книжных собраний.

Не меньшей ценностью в библиотеке Пушкинского Дома обладает Картотека дарственных надписей (инскриптов) *, она включает в себя два основных отдела: первый составлен на дарителей, второй отдел отражает адресатов, т. е. тех лиц, которым были предназначены дарственные надписи. Картотека дарственных надписей, как и Картотека личных библиотек, существует с первых лет организации Библиотеки Пушкинского Дома и включает в себя более 7000 единиц **. Инскрипты очень часто служат единственным признаком для определения принадлежности книги к той или иной личной библиотеке. Дарственная надпись на издании является важным источником для исследователей. Прежде всего, это касается определения круга знакомств, как дарителя, так и его адресата, а даты, указанные в конце маргиналии, позволяют определить хронологические рамки их личных отношений. Кроме того, развернутые дарственные надписи, созданные в стихотворной или прозаической форме, являются серьезным элементом в творчестве поэта, прозаика или литературоведа; они — ценная составная часть многих академических полных собраний сочинений писателей. Не менее важен здесь не только содержательный, но и количественный аспект, позволяющий судить насколько тот или иной деятель отечественной или зарубежной литературы считал для себя важным и возможным оставлять дарственные надписи на изданиях, предназначенных определенному кругу лиц. Иногда, дарственные надписи дают возможность совершенно по-иному подойти к изучению личности писателя, найти в ней те моменты, которые не были ранее столь известны. Так, в Библиотеке Пушкинского дома, хранятся подносные экземпляры с автографами И. А. Гончарова, адресованными великим князьям и самому императору Александру III.

Вообще, характер дарственной надписи во многом определен той личностью, к кому конкретно она обращена: к официальному лицу, государственной или общественной организации, близкому другу или знакомому. Так, скажем, по количеству подаренных книг библиотеке, которые содержат сопроводительные надписи, можно в определенной степени судить насколько качественно она удовлетворяет запросы своих читателей. К сожалению, большинство инскриптов составлено по общеизвестной форме: «кому и от кого», без каких-то уточняющих подробностей. Особенно в этом плане будет к месту пример с библиотекой известного русского литературоведа и библиографа С. А. Венгерова, также находящейся в библиотеке ИРЛИ. Как известно,

---

* Официальный статус она получила в 1921 г.

** На 1981 г. она включала всего 300 карточек с библиографическим описанием.

он являлся автором знаменитого шеститомного «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» (СПб., 1886—1904), что во многом определило сферу его общения со многими литераторами, литературоведами, историками, философами, библиографами, учеными в других направлениях гуманитарного знания. С большей частью из них Венгеров был знаком, в основном по их печатным трудам или педагогической деятельности. Между тем, присылаемые на его адрес сочинения и научные исследования разных авторов из самых удаленных уголков Российской империи с инскриптами, обращенными к нему, не могут рассматриваться как акт близкого знакомства, однако, они позволяют включить этих дарителей в число деятелей науки и литературы, связанных с Венгеровым профессиональными интересами.

В некоторых случаях дарственные надписи являлись поводом к изъятию изданий, их содержащих. Хорошо известно, каким было отношение со стороны властей к Д. С. Мережковскому — его книги изымались из библиотек, а имя известного русского писателя и философа было окрашено в ярко негативный цвет. Безусловно, что эта общепринятая позиция не могла не сказаться и на фондовой политике Библиотеки Пушкинского Дома. При визуальном просмотре Картотеки дарственных надписей не было найдено ни одного описания, содержащего хотя бы один инскрипт Мережковского, только в ходе начавшегося обследования библиотечных собраний, поступивших в фонд в 1920—1930-е гг., в основном, в книжных коллекциях С. А. Венгерова, Я. П. Полонского, Н. А. Котляревского, Ф. К. Сологуба и др., были найдены книги с его дарственными надписями.

Сотрудники библиотеки, в обязанности которых входило ведение этой картотеки, сталкивались со многими сложностями практического плана. Во-первых, для ведения подобной работы необходимо иметь опыт прочтения рукописных материалов, хорошо разбираться в различных почерках, знать источники, по которым их можно идентифицировать. В этом плане незаменимую помощь оказывает Рукописный отдел Пушкинского Дома, содержащий огромное количество документов с образцами почерка самого широкого круга лиц. Во-вторых, владеть справочным аппаратом, позволяющим, иногда по косвенным данным, определить имя адресата или самого дарителя, если эти сведения отсутствуют в самой дарственной надписи. В-третьих, в тех случаях, когда невозможно прочитать автограф, а по некоторым признакам, он может представлять культурную и научную ценность, обратиться к профессиональным экспертам-почерковедам.

Между тем нельзя сказать, что все 7000 дарственных надписей, отраженных в картотеке, представляют бесспорную ценность для специалистов-литературоведов. Чисто формально библиотечарь, безусловно, стремится фиксировать все дарственные надписи, особенно те из них, где четко прочитываются даритель и его адресат, тогда как на самом деле есть материал, который вряд ли будет востребован современными учеными в данный момент, но никто не может с твердостью сказать, что он не станет предметом исследования через какое-то время. Исходя из этого положения, формальный метод фиксации этого вида маргиналий в данном случае вполне правомерен. В то же время было бы неверно искусственно увеличивать массив автографов за счет дарственных надписей на изданиях, составленных по просьбе сотрудников библиотеки. Акт «подношения», как и надпись, сопровождающая его, — есть вещь добровольная и зависимая лишь от личного желания дарителя. На формирование массива картотеки, безусловно, влияет и региональный момент — большинство дарителей и их адресатов были каким-либо образом связаны с Петербургом — Петроградом — Ленинградом — Петербургом. К сожалению, не так много автографов есть в фонде библиотеки, принадлежавших людям,

живущим в других городах нашей страны, особенно эта тенденция касается писателей-москвичей, составляющих вместе с петербуржцами существенную часть литературного олимпа. Дарственные надписи на изданиях — это не только великолепное подспорье для ученых-литературоведов, но и еще прекрасный материал для выставок, организуемых различными музейными и библиотечными организациями. В частности, Литературный музей Пушкинского Дома на своей постоянной и временных экспозициях очень часто использует книги из собрания отдела БАН при ИРЛИ РАН.

В 2011 г. руководством Библиотекой Пушкинского Дома было поддержано предложение о переводе существенной части картотеки с инскриптами на русском языке на отечественных изданиях в электронную форму. К 2013 г. эта большая работа была завершена. Одновременно с ней стал готовиться каталог «Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского Дома», первый выпуск которого вышел в 2014 г.⁴ Основная цель этой работы: включить инскрипты, имеющие научную и культурную ценность, все издание было сопровождено расширенным именованным указателем, как на самих дарителей, так и на их адресатов, который включал следующие сведения: фамилию, имя, отчество (полностью), даты жизни, информацию о профессии и месте работы. Все инскрипты, предназначенные для публикации, были просмотрены *de visu*, что в значительной степени позволило исправить неточности и ошибки. Каталог предполагалось опубликовать в трех выпусках в зависимости от алфавита фамилий дарителей: первый — «А–Д», второй — «Е–К», третий — «Л–Я». Кроме того, в последний выпуск войдут материалы, которые по разным причинам не были учтены ранее. В более отдаленной перспективе имело бы смысл опубликовать инскрипты на иностранных языках, а последующие выпуски, формировать инскриптами из вновь поступающих личных собраний в фонд Библиотеки Пушкинского Дома. Однако столь нужный и ценный для специалистов каталог, не решает проблемы фиксации всего массива инскриптов. И в этом ключе имеющаяся электронная база данных остается актуальным локальным источником информации. Между тем, она требует некоторых действий по ее совершенствованию. Прежде всего, это касается просмотра всего содержащегося в ней материала *de visu*, за исключением описаний, вошедших в ранее названное издание, с целью проверки и дополнения библиографических записей, отсутствующими элементами, а самое главное — сличение инскриптов с их оригиналами. К тому же, следует учитывать, что за столь долгое существование картотеки некоторые издания могли быть по разным причинам утрачены.

С точки зрения технического оснащения также возникают определенные проблемы. С 2016 г. все филиалы БАН стали переходить на электронный продукт «ИРБИС», что приведет к постепенному переводу учета и каталогизации всего вновь поступающего библиотечного фонда исключительно в рамках этой программы. Однако данная автоматизированная система не позволяет осуществлять те поисковые функции, которые заложены в «Картотеке личных библиотек» или «Картотеке дарственных надписей (инскриптов)». Следовательно, имело бы смысл либо добавить в данную компьютерную программу соответствующий функциональный набор, либо создать специальный ресурс, соответствующий предъявляемым требованиям. В дальнейшем, программа, предназначенная для фиксации инскриптов, должна, с нашей точки зрения, содержать кроме типового описания, изображение самой дарственной надписи, а также более или менее развернутые биографические сведения, касающиеся как дарителей, так и их адресатов. Кроме того, мало исследуемой темой до сих пор остается вопрос, связанный с инскриптами на иностранных языках. При их изучении, безусловно, необходимо привлечение специалистов, не

только хорошо владеющих, прежде всего, французским и немецким языками, а именно на них создано большинство дарственных надписей на зарубежных изданиях, но и еще почерковедческим опытом. Между тем возникают и другие вопросы, которые следовало бы решить. Прежде всего, по какому принципу формировать ряд записей, имеющих в своем составе тексты на русском и иностранных языках, вышедших за рубежом, поскольку их массив явно неоднороден и предполагает несколько вариантов для дальнейшей систематизации: дарственная надпись на русском языке на иностранном издании; дарственная надпись на иностранном языке на русском издании; дарственные надписи, как на русском, так и на иностранном языке на изданиях русского зарубежья. Все эти проблемы, связанные с идентификацией этих изданий и с их дальнейшей систематизацией, еще предстоит детально разработать, как в рамках традиционной карточной формы регистрации, так и при создании единой базы данных.

Естественно, что всю эту объемную работу необходимо осуществлять совместно с другими подразделениями Института русской литературы РАН — Рукописным отделом и Литературным музеем, соединив все имеющиеся электронные ресурсы в одну общую поисковую систему.

Примечания

¹ Степанов А. Н. У книг своя судьба... Л., 1974.

² Анненский И. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Е. Барсова. Два тома. М. 1887: [рец.]. Отд. отт. : Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Т. ССLVI, кн. 4, апр.

³ На данный момент всего только две библиотеки были изучены и описаны. См.: Библиотека А. Н. Островского : описание / БАН; сост. А.Н. Бруханский, К.Ф. Ванягина, Ф.В. Ильина. Л., 1963; Библиотека А. А. Блока : описание: [в 3 кн.] / БАН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР; сост. О. В. Миллер и др.; под ред. К.П. Лукирской. Л., 1984—1986.

⁴ Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского Дома: каталог. Вып. 1: А—Д / сост. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева; БАН. СПб., 2014.

А. Ю. БАБКИНА

Опыт издания произведений А. П. Гайдара

В статье проанализированы издания произведений Аркадия Петровича Гайдара (1904–1941) с точки зрения редакционно-издательской и текстологической подготовки. В настоящий момент практически нет научных исследований, посвященных изучению творческого наследия писателя и редакторской работе с текстами его изданий, чем и обусловлена актуальность темы данного анализа.

Ключевые слова: Аркадий Гайдар; прижизненные издания; посмертные издания; редакторская подготовка.

A. YU. BABKINA

Publishing works by Arkady Gaidar

The article analyzes the editorial and textological prepublishing aspects of Arkady Gaidar's (1904–1941) work publications. The lack of contemporary scientific research devoted to studying the writer's creative heritage and editorial treatment of his publications stipulates the relevance of the analysis target.

Keywords: Arkady Gaidar; lifetime editions; posthumous publications; prepublishing.

Творческий путь А. Гайдара начался в 1925 г. с публикации повести «В дни поражений и побед», напечатанной в сокращенном виде в книгах 1 и 2 литературно-художественного альманаха «Ковш». Подписана она была еще настоящей фамилией писателя — Голиков.

В 1926 г. в пермской газете «Звезда» с 10 января по 3 марта публикуется повесть «Жизнь ни во что (Лбовщина)». Повесть была тепло принята читателями и литературными критиками. Произведение посвящено революционным событиям, развернувшимся на Урале в 1905–1908 гг. При создании текста автор использовал архивные документы, но допускал и художественный вымысел. «Все главнейшие факты, отмеченные в повести, верны, но, конечно, обработаны <...> Имена главных героев — подлинны», — писал Аркадий Гайдар в предисловии к газетной публикации¹.

Также в 1926 г. в газете «Звезда» (№ 83–97) публикуется повесть «Р.В.С.». Можно считать, что в основе этой повести лежат наблюдения А. П. Гайдара как командира взвода и роты в Украине в 1919 г. Точные хронологические рамки написания повести не установлены. Но задумана она, по-видимому, еще в тот период, когда начальник второго боевого района Частей Особого Назначения А. Голиков приехал из Хакасии в Красноярск в штаб ЧОН Сибири².

Следующая публикация А. П. Гайдара выходит спустя три года. В 1929 г. в журнале «Октябрь» (№ 4–7) впервые публикуется повесть «Обыкновенная биография» в разделе «Пережитое». Следует отметить, что позже, в издании 1930 г. (издательство «Детиздат»), повести будет дано название «Школа», под которым мы и привыкли ее видеть.

В 1930 г. повесть «Обыкновенная биография» («Школа») публикуется по частям в московском издании «Роман-газеты для ребят» (№ 8(3), № 9(4)).

Через три года в журнале «Пионер» (№ 24, 1933) появляется рассказ «Патроны». В том же году «Пионер» (сентябрь, № 17–18 и октябрь № 19) публикует рассказ «Пусть светит», написанный ко дню пятидесятилетия

комсомола. Следует отметить, что эта публикация рассказа «Пусть светит» единственная, отдельным изданием рассказ вышел только после смерти писателя.

Через два года, в 1935 г., в «толстом» литературном журнале «Красная Новь» (№ 2) впервые выходит в свет повесть «Военная тайна». Повесть адресована детям среднего возраста.

В 1936 г. в № 1 журнала «Пионер» был опубликован рассказ «Голубая чашка». Отметим, что рассказ вызвал многочисленные отклики в печати. Начавшаяся дискуссия продолжалась три с половиной года. В итоге Наркомат просвещения СССР запретил дальнейшее печатание рассказа. Однако при жизни Аркадия Петровича «Голубая чашка» выйдет в 1936 г. отдельным изданием. А в 1940 г. А. П. Гайдар включит «Голубую чашку» в сборник «Рассказы» (М.—Л., «Детиздат», иллюстрации Б. Дехтерева, П. Алякринского и А. Ермолаева) и в сборник «Мои товарищи» (М., «Советский писатель», иллюстрации А. Морозова-Лас). Сам Гайдар считал это небольшое произведение важной ступенькой в своем творчестве. Об этом можно судить по «Автобиографии» 1937 г., в которой он называет лучшие своим произведения, в том числе повести «Р.В.С.», «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна» и рассказы «Голубая чашка», «Четвертый блиндаж»³. А В. Шкловский отмечал: «Начиная с „Голубой чашки“, у Гайдара появляется новый голос и новое литературное умение. Он как-то более лирически понял жизнь»⁴.

Следующая публикация А. П. Гайдара появляется в 1939 г. в литературно-художественном журнале «Красная Новь» (№ 2), в котором был опубликован рассказ «Телеграмма». Гайдар начал писать его в 1938 г., а позже, в книжном издании 1939 г., дал рассказу название «Чук и Гек», под которым мы и привыкли его видеть. Читатели, взрослые и дети, тепло встретили новое произведение Гайдара, писателя к тому времени уже зрелого и широко известного.

В статье «Новый рассказ А. Гайдара» В. Б. Шкловский писал: «С удачей можно поздравить его и по поводу „Чука и Гека“... Писатель вырос и не перестал от этого быть понятным и любимым детьми. А критика все встречается с Гайдаром, как малознакомый дядя с чужим мальчиком: „Это чей мальчик? Вы, мальчик, опять выросли. Вас узнать нельзя, мальчик“. Это потому, что дядя сам не растет и не расширяет своего опыта так, как растет Гайдар. У хорошего писателя юность и рост долгие»⁵.

В 1939 г. журнал «Пионер» в № 2 публикует рассказ «Дым в лесу», текст которого иллюстрировал художник В. Цильмер. Рассказ написан для детей младшего возраста.

Затем в 1940 г. в журнале «Пионер» (№ 7–8) публикуется киносценарий «Тимур и его команда» с иллюстрациями художника Б. Винокурова. В том же 1940 г. газета «Пионерская правда» в номерах, вышедших с 5 сентября по 8 октября, печатает повесть «Тимур и его команда» из номера в номер на четвертой странице. И вдруг печать повести была остановлена, а над А. П. Гайдаром и коллективом «Пионерской правды» нависла угроза ареста. Если в 1935 и 1936 гг. сигналы об «идейных шатаниях автора» носили публичный характер, то сейчас они приобрели форму тайных доносов. Писателя обвиняли в попытке подменить деятельность пионерской организации имени В. И. Ленина «игрой в команды» и в намерении создать неконтролируемое ни взрослыми, ни партией подпольное детское движение. Однако эти обвинения были сняты и повесть «Тимур и его команда» продолжили печатать⁶.

Три моноиздания 1939 г. принадлежат издательству «Детиздат». Повесть «Судьба барабанщика» с рисунками художника К. Кузнецова выходит тиражом 25 000 экз. Рассказ «Чук и Гек», текст которого иллюстрировал

А. Ермолаев, — тиражом 50 000 экз. А рассказ «Дым в лесу» с иллюстрациями того же художника — тиражом 50 000 экз.

Нужно отметить, что в 1938 г. по договору с Одесской киностудией А. П. Гайдар приступил к написанию сценария фильма «Судьба барабанщика», но эта работа была прервана. Год спустя писатель заключил договор уже с московской киностудией «Союздетфильм». Подготовка кинокартины при жизни писателя так и не началась.

В текст повести писатель вносил изменения, несколько раз менял причину ареста отца героя повести Сергея Щербачова. По первоначальному замыслу отец был арестован по доносу. В повести его арестуют за растрату. В незаконченном сценарии «Судьба барабанщика» отец арестован за утерю важного военного документа.

Повесть начала публиковаться в газете «Пионерская правда» от 2 ноября 1938 г. Продолжение планировалось опубликовать в следующем номере газеты. Но этого не случилось ни в следующем номере, ни через номер. «Детиздат» приостановил работу и над книгой. Над автором, редакцией «Пионерской правды», отделом печати ЦК ВЛКСМ нависла угроза ареста. В этот период книги Гайдара спешно изымали с библиотечных полок. Спасло всех причастных к публикации чудо: 1 февраля 1939 г. газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении „Знаком Почета“ за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» и список награжденных. В этом списке из 172 советских писателей было имя и Аркадия Гайдара. Поэтому в июле 1939 г. повесть «Судьба барабанщика» все же вышла отдельной книгой в «Детиздате»⁷. Общий тираж за 1939 г. — 135 000 экз.

Итого, при жизни писателя в период с 1925 по 1941 г. на страницах периодических изданий вышло 23 публикации произведений А. П. Гайдара. Его произведения были опубликованы в литературно-художественном альманахе «Ковш», в журналах «Пионер», «Красная Новь», «Октябрь», «Роман-газета для ребят», «Мурзилка», в газетах «Звезда», «Пионерская правда», «Ленинские искры». По два маленьких рассказа было опубликовано в «Детском календаре» 1940 и 1941 гг. В это же время вышло сорок восемь моноизданий и четыре авторских сборника. Одельными изданиями вышли девять повестей, пять рассказов, одна сказка и один киносценарий.

Как у всякого начинающего писателя тиражи изданий А. П. Гайдара сначала были невелики. Растут они начали с 1933 г., когда произведения писателя обрели популярность. В период с 1926 по 1932 г. показатели тиражей колеблются от 5 000 экз. до 60 600 экз. С 1933 г. тиражи резко возрастают: в 1933 г. общий тираж составил 220 000 экз., и в период с 1933 по 1941 г. показатели тиражей колеблются от 135 000 экз. (1939) до 608 200 экз. (1937). Самый высокий прижизненный годовой тираж пришелся на 1937 г. — 608 200 экз.

Осенью 1941 г. А. П. Гайдар погиб на фронте. Весной 1942 г. в Москву стали приходить сообщения о гибели писателя. Власти считали эту информацию ложной, а Гайдара объявили изменником Родины. Именно поэтому во время расследования дела о гибели писателя (1943–1944) его произведения печатались мало: издателям было запрещено выпускать произведения писателя. Ситуация повторилась в 1990-е гг.: в это время появилось много негативных интерпретаций его творчества. В научном гайдароведении этого периода главной становится задача переоценки творчества и жизни писателя: «научно-обоснованного отделения мифа от правды об А. П. Гайдаре»⁸. Кроме того, в 1990 г. была отменена государственная цензура, стали издаваться запрещенные до этого времени произведения, которые по тем или иным причинам были недоступны гражданам СССР, поэтому произведения Аркадия Петровича отошли на второй план.

Всего в период с 1942 по 2015 г. вышло 214 авторских сборников, семь собраний сочинений, 302 моноиздания, в числе которых девять повестей, пять рассказов, две сказки, два киносценария. Один из рассказов — «Поход» — переиздавался в виде книжки-раскраски для детей дошкольного возраста, а в 2000-х гг. вышло четыре аудиокниги — повести «Р.В.С.», «Школа», «Судьба барабанщика» и сборник повестей и рассказов. Произведения А. П. Гайдара вошли в 35 коллективных сборников, 20 из которых — хрестоматии, предназначенные для внеклассного чтения.

Нужно отметить, что все произведения А. П. Гайдара выходили в массовых изданиях, поэтому порядок их рассмотрения хронологический. Другой возможный принцип организации материала — деление изданий по возрастным категориям. Но уточнения читательского адреса, данные издателями, настолько хаотичны и бессистемны, что учитывать их было бы нецелесообразно (например, повесть «Школа» предназначается как детям младшего школьного возраста, так и детям старшего школьного возраста).

Больше всего в этот период в виде моноизданий издавалась повесть «Тимур и его команда» — 55 раз, 51 раз издавалась повесть «Школа», 40 раз — рассказ «Чук и Гек», 36 раз — «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове». Вышло 21 моноиздание повести «Р.В.С.», по 17 — повестей «Дальние страны» и «Судьба барабанщика». Далее в порядке убывания по количеству моноизданий идут сказка «Горячий камень» (14 моноизданий), рассказ «Голубая чашка» (12 моноизданий), повесть «Военная тайна», рассказ «Поход» (по восемь моноизданий), рассказ «Дым в лесу» (семь моноизданий), рассказ «Пусть светит», повесть «На графских развалинах» (по четыре моноиздания), киносценарий «Комендант снежной крепости» (три моноиздания), повесть «Четвертый блиндаж», очерк «Ракеты и гранаты», очерк «Храброе сердце», киносценарий «Клятва Тимура», повесть «Жизнь ни во что (Лбовщина)» (по одному моноизданию).

Авторским сборникам, как правило, издатели дают названия «Повести», «Рассказы» или «Рассказы и повести». Часто встречаются сборники без общего заглавия только с перечислением вошедших в них произведений на титульном листе. А если у сборника есть название, то оно дается ему по названию одного из произведений. Наиболее частые названия — «Чук и Гек» (33 сборника), «Тимур и его команда» (18 сборников) и «Горячий камень» (10 сборников). Выбор названий «Тимур и его команда» и «Чук и Гек» объясняется тем, что эти произведения одни из самых популярных произведений А. П. Гайдара. Выходят сборники и под заглавиями, никак не связанными с жанром или названием произведений: «Детям», «Подарок», «Лесные братья», «Восемь лучших произведений в одной книге». В вышедший в 2010 г. сборник «Восемь лучших произведений в одной книге» (Москва, «АСТ», «Астрель») вошли повести «Тимур и его команда», «Р.В.С.», «Школа», «Дальние страны», «Судьба барабанщика», рассказы «Чук и Гек», «Голубая чашка», сказка «Горячий камень».

В авторские сборники чаще остальных произведений входили повести «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда», «Школа», «Р.В.С.», «Четвертый блиндаж», «Дальние страны», киносценарий «Комендант снежной крепости», рассказы «Голубая чашка», «Чук и Гек», «Дым в лесу», маленькие рассказы, «Автобиография».

Авторские сборники А. П. Гайдара в большинстве представляют собой собранные под одной обложкой наиболее популярные произведения автора, адресованные детям разных возрастов. Однако обзор изданий показал, что сборников произведений писателя, посвященных, например, детям дошкольного возраста, не выходило. Поэтому создание сборников произведений

для разных возрастных групп (дошкольников, младших школьников, детей среднего и старшего школьного возраста) представляется нужным и правильным. Отдельным изданием можно выпустить сборник произведений для взрослых. Единственным сборником, посвященным конкретной возрастной категории — взрослому читателю, — стал сборник «Обрез», выпущенный издательством «Ad Marginem» в 2012 г.

Самый высокий годовой тираж в период с 1942 по 2015 г. пришелся на 1955 г. — 2 735 000 экз. Такое число сложилось из тиража изданий повестей «Дальние страны», «Тимур и его команда», «Р.В.С.», «Военная тайна», «Сказки о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове», рассказов «Голубая чашка» и «Чук и Гек» и двух изданий собраний сочинений А. П. Гайдара. Также высоки показатели 1954 г. — 1 305 000 экз.: издание рассказа «Дым в лесу», сказки «Горячий камень», повестей «Дальние страны», «Судьба барабанщика», «Школа» и «Р.В.С.», собрания сочинений и трех авторских сборников. Самый низкий тираж пришелся на 2011 г. — 45 000 экз.: моноиздание повести «Тимур и его команда» и три авторских сборника.

Что же касается коллективных сборников, в которые входили произведения А. П. Гайдара, стоит отметить, что всего в период с 1942 по 2015 г. произведения Гайдара вошли в состав тридцати пяти коллективных сборников. Двадцать из них были напечатаны в сериях «Школьная библиотека», «Хрестоматия. Начальная школа», «Все произведения для 5 класса», «Полная библиотека внеклассного чтения» и «Внеклассное чтение», что наглядно доказывает популярность и востребованность произведений Гайдара в системе школьного обучения.

Отметим, что сегодня нет ни одного полного научно подготовленного собрания сочинений, включающего развернутые текстологические, критические, словарные, историко-литературные, реальные и другие виды комментариев. Комментарии в изданных собраниях сочинений используются в основном библиографические.

Примечания

¹ Гайдар А. П. Лесные братья / сост., послесл. А. Никитин. М., 1987. С. 295.

² Там же. С. 305.

³ Камов Б. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. М., 2011. С. 28.

⁴ Шкловский В. Новый рассказ А. Гайдара // Детская литература. 1939. № 4. С. 37.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Камов Б. Указ. соч. С. 29.

⁷ Там же. С. 28–29.

⁸ Подробнее об этом см.: Казачок М. В. А. П. Гайдар в критике и литературоведении: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2005. 195 с.

В. А. ГРИНФЕЛЬД (СОБОЛЬ) **Проблема комментирования
классических текстов в современной
издательской практике**

Автор статьи рассказывает о своем опыте составления комментария при работе над современным изданием известных романов: «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» Александра Пушкина и романа «На западном фронте без перемен» Эриха-Марии Ремарка.

Ключевые слова: издание классики; комментарии; Пушкин; Ремарк; роман.

V. A. GRINFELD (SOBOL) **On the problem of commenting
classical texts in modern publishing
practice**

The author talks about his experience of commenting famous novels „Eugene Onegin“ and „The Captain's Daughter“ by Alexander Pushkin along with „All Quiet on the Western Front“ by Erich Maria Remarque.

Keywords: classics publishing; comments; Pushkin; Remarque; novel.

Английский историк написал, что каждое новое поколение переписывает историю по-новому¹. История изучает действия людей, живших в прошедшие эпохи, и служит самопознанию человека. С таких же позиций мы можем подойти и к изучению литературы. Даже известные произведения, те, что приобрели статус классических, нуждаются в новом прочтении. «Рефлексия по поводу интерпретации становится важной частью сознания литературы как искусства и формы знания»². В сущности, мы можем утверждать, что текст — сумма различных прочтений и не существует сам по себе, а лишь в восприятии реципиента.

Такие послышки стали оправданными для издательства АСТ и его петербургского филиала «Астрель-СПб», когда они запускали в производство серию «Иллюстрированная классика». Первая книга появилась в 2008 г., это было издание повести Джека Лондона «Белый клык». Затем вышли книги Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней», Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и др. Автор настоящей работы принял участие в подготовке двух изданий — сборника Александра Пушкина, в который вошли роман «Евгений Онегин» и повесть «Капитанская дочка», и романа Эриха-Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен». Отрефлексированные принципы подхода к подготовке изданий сформулированы им в предлагаемом тексте.

Когда литературный текст принадлежит ушедшей эпохе, внимательное чтение требует и знания реалий, упоминаемых в тексте, и интерпретации фабулы с позиции дня сегодняшнего. При подготовке серии «Иллюстрированная классика» издательство, прежде всего, сделало акцент на расшифровку материальных артефактов. Литературоведческая составляющая отходила на второй план, а то и вовсе элиминировалась из комментариев. Поэтому в настоящей работе мы сделаем упор именно на прочтение текста, а его иллюстрация достаточно хорошо и полно представлена в опубликованных изданиях.

Работа над текстами А. Пушкина была одновременно и простой, и сложной. Простота определялась тем, что комментарии к русским текстам

были написаны такими замечательными исследователями, как Ю. Лотман³ и В. Набоков⁴. Нам предстояло выбрать то, что представляло интерес для читателя дня сегодняшнего и адаптировать к его знаниям и способностям. В сущности, основная целевая аудитория серии — школьник и школьный учитель, и предполагалось, что описания предметов быта помогут первому в обучении, а второму в классной работе. Что же касается интерпретации текстов, то здесь при внимательном чтении выявилось несколько новых любопытных сюжетов для комментирования.

Так, например, в главе четвертой «Евгения Онегина» оказалось важным расшифровать суждение А. Пушкина: «Не в первый раз он здесь явил души прямое благородство». Такое замечание поэта идет в разрез с обычной школьной интерпретацией отношений Онегина и Татьяны. Ученикам предлагается расценивать поведение Евгения, как снобистское, мол, житель столицы российской империи не сумел разглядеть душевные качества девушки, воспитанной в провинции. Такой подход во многом определяется еще и речью Ф. Достоевского⁵. Тем не менее, стоит указать сегодняшним школьникам, что Татьяна предлагает Онегину не замужество, а — себя. Откровенно и безвозвратно. Отказ Евгения воспользоваться романтическими движениями души девушки как раз и подтверждает мнение поэта о своем герое. «Не каждый вас как я поймет, к беде неопытность ведет». Подробный разбор этого эпизода может быть полезен как в литературном, так и в социально-психологическом плане.

В повести «Капитанская дочка» ученикам обычно преподносится фабула встречи дворянского отпрыска с вождем крестьянского восстания. При таком угле зрения основное внимание уделяется историческому фону и социологии повести, и не понятен эпитаф, поставленный А. Пушкиным. Емельян Пугачев представляется человеком более значительным, чем Петр Гринев и прочие его жертвы. С этой точки зрения сделаны иллюстрации С. Герасимова и картина Перова. Но если прочесть текст с позиций времени сегодняшнего, как история искушения, проверки молодого человека несчастьями и смертью, то все перипетии фабулы делаются достаточно прозрачными, а текст подтверждает эпитаф: «Береги честь смолоду». При таком угле зрения в центре внимания оказывается именно судьба юноши, обдумывающего происходящее и выбирающего верный путь жизни.

Также возможна современная интерпретация романа Ремарка. Но при этом необходимо основываться на тщательном исследовании текста. Эпитаф романа: «Только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов», — также оказывается при обычном подходе загадочным. Мы уже приучились рассматривать роман, как историю школьников, брошенных в страшную бойню Первой мировой войны, Великой войны. Таким оказалось, например, прочтение американского режиссера Льюиса Майлстоуна, поставившего классическую версию экранизации романа. На экране зритель видит растерянных парнишек, не способных противостоять разрушительной силе Истории. Сейчас мы предлагаем несколько иное прочтение, которое во многом основывается именно на изучении реалий, приведенных в романе.

Надо иметь в виду, что роман Ремарка появился в 1928 г. на страницах немецкой газеты. Целевой аудиторией романа были современники автора — те, кто сами прошли через окопы и траншеи обоих немецких фронтов, а потому разгадывали импрессионистские построения автора без особого труда. Современному читателю нужно показать, что стоит за многими эпизодами, и каким образом все они работают на единый замысел писателя.

Мы предположили, что главный герой романа — Пауль Боймер — и его друзья, не гимназисты, но бывшие рабочие и крестьяне, — не просто солдаты,

но служат в элитной части немецкой армии — штурмовых отрядах. Для нас, как правило, понятие *штурмовики* ассоциируется с боевиками Эрнста Рема. Но именно Рем взял для своих подчиненных термин *штурмовик*, как значимый для тех, кто пережил Первую мировую.

Военные историки показывают⁶, что после резких и быстрых операций осени 1914 г. Западный фронт остановился и замер. Обе стороны огородили подступы к своим траншеям рядами проволочных заграждений и ожидали то приказа своего командования, то действий противника. Колючая проволока, изобретение американского фермера, оказалась крайне эффективным средством. Для того чтобы преодолеть три ряда подобного укрепления, пехоте требовалось 20 минут. А фланковым пулеметным огнем батальон мог быть уничтожен всего за пять. И немцы, и англичане с французами искали способ атаковать врага с минимальными потерями. Сначала для использовали артиллерию, но она оказалась слишком неэффективной — до полутора сотни снарядов на один проход. Англичане изобрели машину — танки. Именно танки должны были проделывать проходы в заграждениях, куда устремлялась пехота. Немцы далеко не сразу поняли значение танков. Они решили использовать человеческий фактор и создавали штурмовые отряды.

Штурмовики действовали небольшими группами. Поначалу их объединяли тройками. Они скрытно проникали под заграждениями и врывались в траншею, где вели рукопашные бои. Оружие — револьверы, гранаты, дубинки, ножи, саперные лопатки. Читатели романа Ремарка помнят знаменитую сцену, когда Пауль убивает ножом французского солдата. Но использовать холодное оружие умеет далеко не всякий солдат, да и не у всякого есть под рукой достаточно эффективное. Также Пауль, готовясь к атаке, тщательно затачивает саперную лопатку. Когда отец спрашивает, случалось ли Паулю участвовать в рукопашной, тот отмалчивается, но таким образом, что читателю делается совершенно ясно, что же остается за текстом: «Нет, — говорю я, встаю и выхожу из комнаты»⁷. Более того, резонно предположить, что Пауль не просто солдат, но унтер-офицер, командир подразделения. У него Катчинский просит револьвер, когда хочет пристрелить смертельно раненого новобранца, а подобное оружие не выдается простому солдату. Более того, писатель в конце книги определенно указывает на элитный характер части, в которой служат герои: «Наш полк входит теперь в состав летучей дивизии, которую всегда бросают туда, где что-нибудь неладно»⁸. И если мы принимаем подобную точку зрения, то совершенно оправданным выглядит эпиграф, в котором Ремарк пишет и о тех, кого война убила физически, и о тех, кого она искалечила морально. Пауль Боймер был романтически настроенным гимназистом, читал классиков, писал стихи, а потом превратился в военную машину, способную эффективно уничтожать себе же подобных. «Эта книга не является ни обвинением ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов»⁹.

Таким образом, рассмотренный опыт работы над современным изданием классических произведений в серии «Иллюстрированная классика» подтверждает тезис, что в сегодняшнем книжном мире классические тексты нуждаются в комментариях. Комментариях, которые помогают читателю разобраться в реалиях, упоминаемых в книгах, и в комментариях, которые дают возможность новому поколению точнее понять интенции, с которыми писатель приступал к работе над новым произведением.

Примечания

¹ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 2012. 488 с.

² *Новиков В. И.* К феноменологии критической интерпретации (мировой контекст и отечественный опыт) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 2 (март–апрель). С. 61–71.

³ *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995. 847 с.

⁴ *Набоков В. В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / пер. с англ.; под ред. А. Н. Николюкина. М., 1999. 1008 с.

⁵ *Достоевский Ф. М.* О русской литературе / вступ. ст. и коммент. Ю. И. Селезнева. М., 1987. С. 301–315.

⁶ *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2001. 592 с.

⁷ *Ремарк Э. М.* На западном фронте без перемен: роман / коммент. В. Соболя. М., 2014. С. 160.

⁸ Там же. С. 189.

⁹ Там же. С. 7.

Особенности раскрытия темы имени в эзотерической литературе

В статье приводится анализ литературы внеконфессионального эзотерического характера. Предметом исследования стали особенности современной литературы, указывающей читателю на возможность с помощью полученных знаний обрести определенные блага. Таким образом, выделяются наиболее обсуждаемые проблемы, среди которых детально разбирается тема имени в историко-философском срезе.

Ключевые слова: эзотерика; мистицизм; астрология; оккультизм; толкование имен; философия имени.

Particularities of esoteric literature illustrated by the topic „Name“

The article provides the analysis of the nondenominational esoteric nature literature. The research is focused on modern literature features, which indicate to the reader an opportunity to gain certain benefits using the acquired knowledge. Thus, the most important issues are highlighted, among which the theme of the name is elaborated in the historical and philosophical perspective.

Keywords: spirituality; mysticism; astrology; occultism; interpretation of names; philosophy of the name.

Книга, независимо от формы и носителя, является важнейшей силой в современном мире, где информация становится главным вопросом регулирования и управления не просто в законодательной или интеллектуальной сфере, но и в духовной. Проблема религиозности становится исключительно личной, индивидуальной, ее не принято обсуждать и традиционные формы получения духовного наставничества и передачи религиозного опыта, требующие личного общения, выглядят пугающими для многих людей. Обращение к доступной информации необходимым образом ставит читателя перед проблемой выбора. Результатом становится то, что на возникающие вопросы наш современник зачастую ищет ответы в эзотерической литературе.

Очертить круг эзотерической или мистической литературы такого типа непросто. Так, например, религиовед и исследователь новых религиозных движений Е. Г. Балагушкин пишет: «Представления о мистике и мистицизме довольно неопределенны и во многом противоречивы, и не только в быденном сознании, но даже в религиоведении...»¹. Особенности современных эзотерических учений нередко становятся объектом исследований ученых всего мира, что объясняется возросшей популярностью и большим количеством этих учений. Тем не менее, многие ученые отмечали сложность терминологического определения и уточнения представлений об эзотеризме и мистицизме в науке, в том числе из-за множественности и разнообразия мистических движений в современном мире. Эзотеризм или эзотерику можно определить через доминирующую черту тайны, закрытости. Тем не менее, современные эзотерические учения, судя по множеству вполне доступной литературы, почти утратили это качество, сохранив все-таки ощущение избранности и чувство противоборства с «эзотерическим» большинством (например, осуждения медицинских способов лечения болезней как неэффективных или даже вредных, объясняя их распространение желанием официальной медицины заработать на пациентах).

Нельзя не обратить внимание на разнообразие рассматриваемых в эзотерической литературе тем: здоровье, семейные отношения, карьера. Одна из широко обсуждаемых и весьма популярных тем оккультного характера — тема имени. Имена выбирают молодые родители, их обсуждают при знакомстве, и порой уже взрослые люди меняют свои имена согласно новому взгляду на свою жизнь.

Обратимся к истории обсуждения темы имени в России. Особенно актуальной она стала в начале XX в. и связана эта тенденция была со спором имяславцев и имяборцев, разгоревшемся в русской православной церкви. Проблема имени, таким образом, оказалась напрямую связана со специфической темой имени Бога. Имяславие — это монашеское движение начала XX в., возникшее в одном из русских монастырей на Афоне, признающее то, что имя Бога есть сам Бог, важность этого предположения продиктовано практикой чтения Иисусовой молитвы. Учение имяславцев не было признано церковью, но дискуссия об имени Божьем вызвала к жизни специфическую тему слова и имени в философии.

Одним из защитников имяславия стал Павел Александрович Флоренский, написавший сочинение «Имена», в котором можно отметить точку сближения проблематики религиозной философии и эзотерики, так как о. Павел пишет не просто о значении имени или истории его носителей, но их анализ приводит автора к мысли о влиянии имени на историю жизни и даже формирование личности человека. Вероятно, отождествление имени Божьего и Бога ведет к выводу об аналогичном процессе во взаимодействии личности и имени.

Сергей Николаевич Булгаков в книге «Философия имени» пишет о том, что общение, разговор с другим выражает истинное назначение языка. Идея, которую несет слово, через диалог становится общей у собеседников. Но язык объединяет не только людей, но и весь универсум, частью которого является личность. И его имя становится связующей нитью между Богом и человеком, заключающейся не только в слове, но и в самой человеческой жизни: «...Бог именует себя в человеке и через человека своим откровением, однако совершается это через религиозный опыт, мистическое созерцание, философское умозрение, научное постижение, нравственный подвиг, одним словом через человеческое творчество и жизнь»². Тем не менее, сам процесс именования должен соотносить человека с вечностью, имя содержит потенциальные возможности человека, которые он в своей жизни может осуществить или не осуществить. Хотя имя есть звук, он срощен со смыслом (имя есть известная синема, конкрет, но оно облекается в фонему и вне ее не существует»³), что, вероятно, показывает внутреннее единство мира, созданного триипостасным Богом. И так же, как в едином Боге таинственным образом содержится тройственность, к человеку прирастает его имя: «Каждый человек одновременно есть индивид и вид, свобода и закономерность, нечто и все»⁴. Имя для Булгакова становится формой или эйдосом личности.

Алексей Федорович Лосев писал о своем увлечении исихазмом и имяславием, посвятив теме имени несколько работ, среди которых «Философия имени» и «Вещь и имя». Лосев безапелляционно заявляет о тождестве вещи и его имени. Имя представлено в его работах как главный фактор общения. Без имени невозможно общение ни между людьми, ни между человеком и вещью: «имя вещи есть то, пользуясь чем мы можем иметь общение с самой вещью, и не только мы, но и все существующее»⁵. Философ пишет, что даже думать о безымянном невозможно, имя выхватывает из окружающей тьмы, из ничто тот образ, который становится собеседником, тем, к кому можно обратиться. Этот образ обретает четкость и ясность, значение и смысл. Именован, называть, значит отличать и значит общаться. Имя дополняет

свой объект, они диалектически действуют друг на друга и значит оба обладают реальной энергией и динамикой, но при этом всегда связаны друг с другом. И основное предназначение имени в создании ситуации общения: «Только в имени своем действительность открывает себя всякому разумному оку...»⁶ — пишет философ. Имя направляет силу и образ действительности вовне, то есть организует коммуникативное пространство.

Тема имени в современных книжных изданиях представлена многочисленными толкованиями и характеристиками носителей тех или иных имен. Авторы этих книг связывают имя и судьбу человека, определяя по имени, времени рождения, а иногда и отчеству характер человека, вероятные болезни, успешность отношений с противоположным полом, удачу в работе и т. д. Традиция подобных толкований имен очень древняя и известна у самых разных народов. Об этом также пишет П. Флоренский, замечая многоплановость народной именной культуры, из которой и берут начало характеристики имен, она соединяет христианскую агиографию с представлениями о судьбоносности имени. Так, например, были распространены суеверия, основанные на банальной аналогии: «Если священник даст крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика, — и жизнь сойдет на одно сплошное мучение»⁷.

Сегодня наибольшее распространение получили книги Бориса Хиггера — автора множества произведений, таких как «Тайна имени», «Как правильно назвать ребенка» и даже «Как назвать вашу собаку». Но также в качестве примера можно привести книги Е. О. Беликовой «Код вашего имени», Натальи Шешко «Самая нужная книга о тайне имени», Дмитрия и Надежды Зима «Лучшее имя для вашего ребенка» и многие другие, большинство этих работ дает только краткую характеристику для определенного перечня имен. И в этом контексте обращают на себя внимание работы, в которых есть теоретическое обоснование значения имени, потому как они дают возможность выявить характерные особенности современного эзотерического подхода к данной теме, по сравнению с рассмотренным выше философским подходом.

Обратимся к книге П. Глобы «Астрология имени». П. Глоба — автор множества астрологических книг и циклов различных программ в средствах массовой информации, руководитель курсов для астрологов. Астрология известна с древнейших времен, «но никогда в прошлом не достигала она таких масштабов и такого авторитета, как в наши дни»⁸, — замечает религиовед Мирча Элиаде, объясняя эту популярность тем, что астрология приоткрывает некую связь человека с космосом, структурой вселенной, в которой наша жизнь — не случайность, а продуманный и важный результат сплетения всех космических сил. «Это космическое предопределение человеческого существования представляет собой тайну: это означает, что вселенная движется по заранее установленному плану, что человеческая жизнь и сама история развиваются по некоторой схеме и постепенно движутся к определенной цели»⁹, — пишет Элиаде, показывая важность четкого самоопределения для человеческого сознания и психики.

В своем творчестве П. Глоба использует ссылку на зороастризм, который называет мировой религией, созданной древними ариями. В «Астрологии имени» автор объясняет, что имен в соответствии с убежденностью ариев, должно быть много. Первое — тайное, которое содержит «кодovou информацию о нас... Это космический код нашей судьбы, причем сверхсекретный, так как он позволяет полностью управлять нашей судьбой. Поэтому этот код тщательно охраняется от сил зла, чтобы не дать возможность нами манипулировать»¹⁰. Это тайное имя представлено как имя данное человеку Богом, т. е. оно единственное правильное и отражает если не суть человека, то, как

минимум, план его судьбы. Это имя используется только в разговоре с высшими силами в молитве.

Сакральное имя есть у каждого человека. Сосредоточиться же следует на «веере имен», который укрывает истинное имя от сил зла. А помогает составить этот «веер» астрология, потому что астролог может получить и передать человеку информацию о нем, «которую Господь Бог записал на небе в момент его рождения»¹¹.

Так три имени из «веера» связаны с календарными циклами. Иранский календарь признается автором единственным, соответствующим божественному замыслу, показывает наилучшую систему жизни космоса, он «выходит на сакральное время, базовые циклы мира, он является хранителем Божьей благодати, которую иначе называли Хварной»¹². Первое имя дается от Солнца (в честь царя), второе — от Луны (в честь жреца), третье — от звезд (в честь воина).

Что характерно, Глоба проводит аналогии с православными святыми, показывая универсальность арийского учения, и в православном календаре находя место для Заратустры и Будды: «19 ноября по новому стилю считается днем памяти Преподобного Варлаама и царевича индийского Иосафа. Варлаам — это искаженный Валахшан или Балахшан, один из эпитетов великого пророка Заратуштры... А житие индийского царевича Иосафа воспроизводит жизнь Будды»¹³. Христианскую традицию давать ребенку имя в честь святого, почитаемого в день рождения или крещения, Глоба также связывает с авестийским учением.

Еще несколько защитных имен являются родовыми, данными в честь наиболее достойных предков, «чтобы обеспечить пробуждение у них лучших генов». Использование имен рода имеет длительную традицию у самых разных народов, этот факт служит для Глобы доказательством правильности учения древних ариев. В использовании родовых имен Глоба отмечает несколько особенностей, например для мужчин второе имя в роду является уязвимым, а для женщины наоборот второе имя будет благоприятным. Наиболее счастливым для мужчин пятое имя, а для женщины — седьмое. Обоснования этих утверждений производятся либо с помощью немногочисленных исторических примеров, либо отсутствуют.

Пятое защитное имя — личное имя, данное согласно астрологическим представлениям о судьбе именуемого, называется «именем от созвездий». Личных имен также может быть несколько. Так, одного человека называют в детстве уменьшительным именем, в юности — полным, а в зрелости именем и отчеством.

Шестое имя — хорарное, выбираемое человеком самостоятельно с определенной целью, примером является присвоение псевдонимов, кличек и т. д.

Седьмое имя — духовное, которое дает духовный наставник, например при посвящении в духовный сан.

Существующую в современной России традицию именованья тремя словами (именем, отчеством и фамилией) Глоба также связывает с древними традициями, сетуя лишь на то, что защитных имен должно быть больше. (Любопытно то, что объясняя значение фамилии для человека астролог приводит ту же цитату из письма Амвросия Оптинского, что и Флоренский без ссылки на последнего.) По мнению Глобы, тройственность именованья отражает троичность мироздания, о которой говорили зороастрийцы.

Имена по Глобе также стоит разделять на «массовые, редкие и имеющие среднюю распространенность. Принадлежность к одной из этих групп накладывает на имя дополнительную характеристику»¹⁴. Так, например, массовость имени может «стереть его яркий образ в коллективном бессознательном»¹⁵,

эти имена скрывают свой «мифологический слой», именно составление гороскопа может помочь подобрать имя правильно и если оно идеально подходит человеку, то будет помогать ему. Таким образом мы видим, что астролог ссылается на множество факторов одновременно: и мифология и психологическая наука и астрология. Причем без дополнительных пояснений и ссылок, что не дает точного понимания значения «мифологического слоя» и содержания «коллективного бессознательного».

В именах Глоба находит три ипостаси: мыслеобраз, буква и звук. Три этих уровня астролог и подвергает изучению.

Для понимания мыслеобраза он предлагает:

Изучить историю и происхождение имени. Для этого Глоба рассматривает астрологические представления о различных национальных культурах, подаривших современному миру свои имена.

Перевести имя на современный язык, здесь Глоба, повторяя за Булгаковым, различает синему и фонему, как статическое и динамическое начала имени.

Найти мифологический персонаж, соответствующий имени: «С каждым именем в коллективном бессознательном связан некий прообраз, определенная символическая информация, на которую мы все подсознательно реагируем», — пишет астролог. В качестве мифологической истории у него выступает и христианская агиография.

Узнать о судьбе знаменитостей. Имя, по представлению астролога, «как губка, впитывает и хранит информацию обо всех выдающихся людях, которые так себя называли»¹⁶.

Вспомнить некоторых художественных и литературных героев, носивших изучаемое имя, которые отсылают к древнему мифологическому прообразу. Но, кроме того, имена, встречающиеся в популярных песнях, могут оказать влияние на своих реальных носителей, потому что из-за частого прослушивания и проговаривания приобретают большую энергию и именно так Жанны, под влиянием композиции «Стюардесса по имени Жанна» стараются стать борт-проводницами.

Все они задают программу имени, оставляют след в «коллективном бессознательном» и формируют мыслеобраз.

Буквы в записанном имени, по мнению П. Глобы, материализуют имя, понять это воплощение имени можно: во-первых, рассматривая его с помощью Алфавитного Зодиака, когда зодиакальный круг делят на ячейки по количеству букв алфавита и в соответствии с этим сопоставляют имя и гороскоп, во-вторых, используя нумерологию, построенную на зороастрийской традиции придания соответствия между числами, планетами, знаками зодиака и буквами; в-третьих, рассматривая количество букв и слогов и их значение в зависимости от положения в имени. Также Глоба предлагает интерпретировать буквы имени, выстраивая их в виде лестницы, в соответствии с идеей планетарной лестницы космограммы.

Звуки пробуждают имя к жизни, потому что частоты человеческой речи влияют на подсознание, а через него выходят и к «коллективному бессознательному». Глоба говорит о существовании истинных божественных звуков, отраженных в идеальном алфавите древних ариев, все остальные системы письменности являются его худшим повторением.

Таким образом, Глоба анализирует имена, отчества и фамилии, хотя и не придерживаясь определенной схемы, но ориентируясь на выбранное направление. Имена при этом он объясняет как связь с личным ангелом-хранителем, отчество как накопления рода, а фамилию как архетипический образ всего рода.

Заканчивает П. Глоба свою книгу авестийскими советами по определению сакрального имени (оно составляется из букв, входящих в защитные имена), подбору защитных имен и гороскопами отдельных людей.

Итак, текст произведения П. Глобы «Астрология имени» обладает следующими характерными чертами:

Повторение и закрепление уже сказанных мыслей. Например, когда в одной из глав рассказывается о некоей схеме отношения к изучаемому предмету, а в последующих главах части этой схемы в произвольном порядке уточняются, причем не один раз, а основная мысль воспроизводится снова и снова.

Текст, вероятно, для облегчения чтения, разделен на маленькие главы и подзаголовки, в конце каждой главы резюмируется ключевая информация. При этом систематичности в книге нет, данные предоставляется в спутанном, повторяющемся или случайном виде, что наряду с очевидной доступностью делает книгу «сложной», почти научной.

Ссылка на разные религиозные традиции древности с тенденцией к их смешению. Причем, согласно Глобе, особым авторитетом должны пользоваться именно мировые религии, хотя он и не уточняет свое понимание этого термина, называя, например, зороастризм мировой религией.

Свободное пользование терминологией как религиозного, так и научного характера, остающейся, чаще всего, без уточняющих формулировок.

Доказательства приводятся с помощью популярных исторических сведений, цитат и часто заимствованы из источников, ссылок на которые не дано. Так, мы видим, что Глоба в своей книге об имени не раз использует идеи русской философии, в которой тема имени в определенное время была очень важна, но при этом сложно изложена.

Такой характер текста соответствует задачам, которые стоят перед эзотерической литературой и о которых частично было сказано ранее: популярность языка и способ изложения информации *обеспечивает доступность* для широкой аудитории; широкое использование различной специальной терминологии позволяет читателю *почувствовать свою избранность*; исторические свидетельства показывают особую *подготовку автора, как лидера, наделенного неординарными способностями и знаниями*; ссылка на религиозный авторитет *связывает новое учение со всей мировой историей, а его адептов с мирозданием на духовном и имманентном уровнях.*

Большая популярность эзотерических учений, возможно, объясняется стремлением человека найти для себя точку опоры в непрерывно меняющейся действительности. Недаром рост интереса к эзотерике наблюдается именно в условиях кризисов. Настоящее является точкой притяжения будущего. Прошлое формирует сегодняшний миг и он отражается в будущем. При этом «сейчас» призрачно и отделить одно событие от другого в нем нельзя. Поэтому интерпретация собственной жизни, в том числе значения именованного, свойственно человеку как на эмоциональном, так и на интеллектуальном уровне. Эзотерические учения, апеллируя к эмоциональной жизни человека, рисуют образ интеллектуальной работы, которая в результате проводится лишь схематично.

Примечания

¹ Балагушкин Е. Г. Аналитическая теория мистики и мистицизма // Мистицизм: Теория и история. М., 2008. С. 14.

² Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 2008. С. 272.

³ Там же. С. 269.

⁴ Там же. С. 253.

- ⁵ Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб., 2008. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 34.
- ⁷ Флоренский П. А. Имена. Харьков; М., 2000. С. 25.
- ⁸ Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002. С. 99.
- ⁹ Там же. С. 102.
- ¹⁰ Глоба П. П. Астрология имени. М., 2007. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 9.
- ¹² Там же. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 29.
- ¹⁵ Там же. С. 29.
- ¹⁶ Там же. С. 86.

Особенности оформления издания романа Джона Фаулза «Куколка»*

Статья представляет собой редакторский анализ внешних элементов издания романа «Куколка» — последнего романа Дж. Фаулза, вышедшего в новом переводе в 2011 г. (издательство «Эксмо») в серии «Интеллектуальный бестселлер». Эта серия отличается своими изображениями на переплете, создаваемыми на заказ для каждой книги. Значительную часть статьи занимает подробный анализ иллюстрации к этому роману.

Ключевые слова: редакторский анализ; книгоиздание; Фаулз; художественная литература; интеллектуальный бестселлер; оформление издания; иллюстрация на переплете.

Design features of the edition „A Maggot“ by John Fowles

The article represents an editorial analysis of the external design elements of the book „A Maggot“ — the latest novel by John Fowles, a new Russian translation of which was published in the Intellectual Bestseller Series in 2011. The series is distinguished by the images on the cover, custom-made for each book. A detailed analysis of the novel illustration takes a significant part of the article.

Keywords: editorial analysis; book publishing; Fowles; fiction; intellectual bestseller; books design; book cover image.

Последний роман Джона Роберта Фаулза «A Maggot» издавался в России 12 раз четырьмя разными издательствами в двух переводах: В. К. Ланчикова под названием «Червь» (1996, «Вагриус», «Махаон», АСТ) и А. Сафронова в сотрудничестве с О. Серебряной под названием «Куколка» (2011, «Эксмо»). В статье рассмотрены внешние элементы первого издания романа в новом переводе и под новым названием. Особое внимание уделено изображению на верхней крышке переплета.

Впервые роман Дж. Фаулза в новом переводе вышел в серии «Интеллектуальный бестселлер» (подсерия «Читает весь мир»). Вот как она описывается в одной из рецензий: «Серия посвящена переводной прозе — произведениям всемирно известных культовых авторов. Примером могут служить „Над кукушкиным гнездом“ Кена Кизи, заново переписанные Джоном Стейнбеком легенды о короле Артуре, „голливудские“ романы Рэя Брэдбери... Некоторые из этих книг уже известны российскому читателю, другие публикуются на русском языке впервые»¹.

Оформление издания стандартное, сериальное. На передней стороне переплетной крышки указано имя автора, его фамилия (цвет шрифта варьируется от издания к изданию, в случае с Фаулзом был выбран бирюзовый цвет), черным цветом выделено название произведения, под которым приводится рецензия либо относящаяся к произведению, либо к самому автору. Однако использование на переплете рецензий — отнюдь не новый прием. Можно привести в пример хотя бы книги «Махаона» серии «Современная классика = Contemporary classic», в которой издавался рассматриваемый роман Фаулза в переводе В. К. Ланчикова. И, кстати, издательство «Эксмо» взяло тот же самый

* Автор выражает благодарность И. Г. Ландер, обратившей его внимание на символическую природу атрибутов иллюстрации.

отрывок, а именно — фрагмент из журнала *The Times Literary Supplement* (на переплете указано *Times Literary Supplement*, без артикля).

У каждой книги серии «Интеллектуальный бестселлер» издательства «Эксмо» уникальные иллюстрации: их на заказ выполняет художник-иллюстратор В. В. Еклерис, живописец Петербургской школы, выпускник Академии художеств. Его иллюстрации выполнены в очень живой манере, изображение стилизовано под живопись XVIII в. и напоминает работы художников того времени, творивших в стиле каприччио и оживлявших свои работы стаффажем. Многие работы В. В. Еклериса были номинированы на премию Интерпресскон (в том числе несколько изображений для переплетов книг из серии «Интеллектуальный бестселлер»). Иллюстрация к «Куколке», кроме того, — яркий образец живописной «обманки»: когда изображение создает иллюзию фотографии.

Как правило, изображенное на передней сторонке переплетной крышки частично или полностью отражает содержание самого издания, либо по-разному обыгрывает название произведения. Это делает честь как художнику, так и самому издательству. На наш взгляд, следует подробнее разобрать иллюстрацию в рассматриваемом издании, чтобы уяснить, является ли она в полной мере отражением содержания.

Изображение на передней сторонке переплетной крышки действительно является своеобразным зеркалом сюжета, но только на первый взгляд: если рассматривать иллюстрацию так же, как читал бы текст невнимательный читатель. На переднем плане — человек, по всей видимости, в костюме судьи (лица его нам не видно), перед ним на столе лежит закрытая, повернутая корешком от зрителя книга, которую придерживает судья. На ней с ребенком на руках стоит кукла, изображающая девушку. Перед книгой лежит небольшой листик с надписью «*Incedo per ignes*». Вокруг судьи летают две бабочки, еще одна сидит на столе. Перед судьей, помимо всего прочего, лежит открытый компас (на тыльной стороне крышки которого отражается кирпичная кладка), закрытые карманные часы и несколько монет. Справа от судьи — багровый занавес. В руках у мужчины странный предмет с небольшими часами, обрамленными крыльями. На заднем плане видим часть улицы из трех домов и виселицу.

Но стоит начать разбирать изображение по фрагментам, как станет очевидным только видимость соответствия иллюстрации тексту — так вчитывался бы в роман искушенный читатель. Начнем с судьи. С судейской мантией всё, на самом деле, просто, поскольку ее внешний вид практически не изменился с 1635 г., когда в Англии были приняты «Судейские правила». Вот только в романе ни слова не говорится о судейской мантии. Собственно, и судьи в романе нет. Одним из действующих лиц является судебный поверенный, барристер (т. е. адвокат высшего ранга) Генри Аскью. Барристеры, конечно, могут заседать в суде (и, соответственно, носить судейскую мантию), но в романе в действительности нет никаких заседаний: допросы проводятся тет-а-тет. Тем более, что единственное описание одежды Генри Аскью говорит нам о черном костюме², но никак не о судейской мантии. Наличие в романе костюма, а не мантии можно было бы списать на неточность перевода, но даже цвет не совпадает с реалиями эпохи. Летние мантии английских судей XVIII в. (а допросы проводились в июле—октябре) были пурпурными или фиолетовыми, но никак не черными; таковыми они стали только в середине XX в.³ Да, в том же описании упоминается парик, который (как непременная принадлежность судейского костюма) мог сбить с толку как иллюстратора, так и редактора, но в XVIII в. парики носили едва ли не все мужчины, даже два путешественника из первой главы появляются именно в париках, но это же не повод причислять всех носящих парики к каким-либо официальным лицам.

Книга, лежащая перед «человеком в костюме судьи», — по всей видимости Библия. Во всяком случае, это самое очевидное предположение, поскольку присяга приносилась в те времена именно на Библии (а все показания, за исключением последнего, взяты под присягой, о чем и сообщает автор).

«*Incedo per ignes*» — это фраза на латыни. Остается загадкой, зачем художник разместил ее на своей иллюстрации. Вероятно, он желал взять какую-нибудь цитату из Библии, подразумевающую прохождение через очищающий огонь. Но в Вульгате не обнаружено подобной фразы⁴. Может быть, это цитата из оригинального издания «Молота ведьм»⁵, который почти полностью посвящен очищению ведьм (и огнем в первую очередь)? Снова нет. На самом деле — это несколько измененный фрагмент строки из оды Горация «К Азинию Поппиону» (II. 1)⁶ (сама строка давно стала крылатой фразой), и к роману эти слова не имеют никакого отношения. Строки из оды в переводе Г. Ф. Церетели: «Ты пишешь по огню ступая, что под золою обманно тлеет»⁷; т. е. имеется в виду скрытая злоба, огонь, таящийся под обманчиво теплым пеплом, какие-то тайные враги.

Любопытно, что у Горация фраза звучит так: «*incedis per ignes*». В измененном виде (где вместо глагола второго лица настоящего времени изъявительного наклонения активного залога «*incedis*» инфинитив «*incedo*») эта строчка появляется уже у Жан-Жака Руссо. Впоследствии именно в таком, неточном виде строчка цитируется многими классиками (Стендаль, У. Теккерей, например).

Неизвестно, зачем перед «человеком в костюме судьи» находятся монеты. Не намекают ли они на его продажность? Но нет, Генри Аскью предстает перед читателем совершенно неподкупным человеком, преданным исключительно интересам своего хозяина. Деньги же упоминаются в романе всего несколько раз, не играют первостепенной роли, и всегда фигурирует только одна монета. Остается счесть возможным присутствие монет на иллюстрации в качестве символа эпохи. Если принять во внимание эту версию, то изображение соответствует действительности: в середине XVIII в. в Англии были в ходу золотые, медные и серебряные монеты⁸.

Изображенная за заднем плане виселица взялась, по всей видимости, оттуда же, откуда и судейская мантия. Несмотря на то что поверенный много раз угрожает допрашиваемым Тайберном, никто никого казнить не собирается. Да и, по сути, не за что. С другой стороны, на каждой странице лондонской «Исторической хроники» упоминается казнь преступников, но даже в данном случае виселица с обложки не может служить иллюстрацией, поскольку на Тайберне стояла треугольная виселица⁹, а на иллюстрации изображена Г-образная.

Находящиеся на иллюстрации позади виселицы дома — фахверкового типа, к середине XVIII в. уже ставшие архаичными. В романе практически отсутствуют описания жилых домов, поэтому читатель может только догадываться, какими они были в воображении автора. Единственное, что с натяжкой можно считать фахверковыми домами — это жилые здания городка К., куда прибыли на ночлег путники¹⁰. Но в романе говорится о тюдоровском стиле, для которого фахверки — только одна из особенностей, причем не основная. Поэтому нельзя с полной уверенностью заявлять, что именно такие строения видели герои романа (к тому же в откровенно бедном городке никак не могли находиться вполне «респектабельные» фахверковые дома с иллюстрации). Остальные описания относятся к каменному постоялому двору¹¹ (который никак не может быть фахверковым по определению), зданию Линкольнз-Инн (очевидно, оно тоже не является фахверковым) и однокомнатным халупам беднейшей манчестерской улицы¹².

Что касается компаса, то в романе он не упоминается ни разу. Изображенная же на книге кукла соответствует обыгрыванию названия произведения (сюда же относятся и бабочки, как конечная стадия развития куколки). Платье девушки вполне соответствует английской моде XVIII в. (сдержанные светлые оттенки с простым растительным орнаментом, без отделки)¹³. Хотя более разумным видится использование в иллюстрации простого платья, без фижмы, поскольку героиня романа не относится к аристократическому классу. Также согласуется с романом и ребенок, которого куколка держит на руках (сам роман представляет собой предысторию известной исторической личности, своего рода предбиографию; как сообщает сам автор, роман заканчивается там, где реальная история начинается¹⁴).

Однако если посмотреть на изображение под другим углом и начать разбирать его детально с точки зрения символов¹⁵, то перед нами предстанет совсем другая картина, аллегорическая, каждый из атрибутов которой можно расшифровать¹⁶. С такой же позиции воспринимал бы текст очень внимательный, дотошный в хорошем смысле этого слова, «профессиональный» читатель.

Первая деталь изображения, которая обращает на себя внимание (читатель иллюстрации подсознательно связывает этот атрибут картины с названием романа), — это бабочки. В христианской традиции (не будем забывать о том, что роман Дж. Фаулза в том числе и о религии) бабочка символизирует воскресение человеческой души. Цикл жизни бабочки напрямую связан с историей главной героини романа — Ребекки Ли, которая дала жизнь Анне Ли, основательнице секты трясун. Кроме того, символизм перевоплощения напрямую связан и с жизнью самой Ребекки, которая превращается из проститутки в предельно набожного человека. Наконец, в европейской живописи традиционно бабочка символизирует три этапа бытия: бренная жизнь на земле — смерть — посмертная жизнь души. Квакер Джеймс Уордли, один из новых знакомых Ребекки, ее «брат», говорит, что «всякая оболочка — прах. Бессмертна лишь душа».

Одна из бабочек находится перед листком с надписью *Incedo per ignes*, что может быть связано со стремлением бабочек (*ночных мотыльков*) к огню, гибели. Эти слова можно рассматривать и с точки зрения современной литературы, в которой фраза «шествую среди огня» стала одним из символов современного фэнтези и хоррора. Вспомним, что роман Фаулза — многослоен, и на одном из уровней восприятия представляет собой фантастическую историю.

Кроме того, лист бумаги с надписью — один из атрибутов *vanitas*¹⁷. Это жанр живописи, призванный продемонстрировать тщету земной жизни, ее суетность. Сам термин восходит к знаменитым словам из Екклезиаста «суета сует, — всё суета»¹⁸. Сама Ребекка в разговоре с Генри Аскью говорит, что ей «слишком нравилась мирская суета», до разговора с мистером Бартоломью в первой «главе» романа. В. В. Еклерис иронично подал этот символ: традиционно на таких листках пишут какие-нибудь нравоучительные надписи, а художник разместил там слова «*Incedo per ignes*» — глубокомысленные слова Горация, клишированные современным фэнтези.

Монеты, лежащие перед барристером, — также глубоко символичны. Они тоже являются атрибутом *vanitas* и означают тщеславие. Любопытно, что в романе слово «тщеславие» связано исключительно с Ребеккой (которую, надо полагать, на иллюстрации символизирует куколка перед адвокатом), причем чаще всего это слово появляется в ходе допросов, когда главная героиня обвиняет весь мир и символизирующего его Генри Аскью в тщеславии. Неслучайно художник расположил монеты перед фигурой барристера, но также перед куколкой.

Еще один символ суеты мирской — закрытые карманные часы под рукой поверенного. Как атрибут *vanitas* они символизируют быстротечность времени и, соответственно, тщетность мирских удовольствий.

В руках у поверенного в действительности ключ с пчелой, на спине которой находятся часы. Пчела — древнейший символ рождения, смерти и воскресения, а также материнства и непорочности. Вспомним, что никто точно не знает, чьего ребенка носит Ребекка, сама она утверждает, что у ребенка был только духовный родитель. А также, по аналогии с символичностью бабочки, пчела здесь означает три этапа бытия: жизнь на земле — смерть — жизнь души после смерти тела. Циферблат часов, обрамленный крыльями пчелы, напоминает крылатое сердце, символизирующее желания разумной души, т. е. стремление к тайным знаниям, посылаемым человеку свыше, откровениям. В романе этот символ находит отражение в видении Ребекки: когда ей показали рай, который она называет Вечным Июнем. Что касается самого ключа, то он символизирует власть. То, что ключ с крылатым сердцем находится в руках поверенного, может значить, что именно от его воли зависит будущее Ребекки и, следовательно, ее стремление к дальнейшим откровениям.

Но Генри Аскью не собирается выносить опрометчивые суждения, подробно расспрашивая каждого героя произведения и особенно много времени уделяя разговорам именно с Ребеккой. Лежащая перед ним на иллюстрации закрытая книга означает предостережение от опрометчивых решений, вынесенных без учета обстоятельств.

Сам адвокат на самом деле изображен в костюме поверенного, а не судьи, как могло бы показаться недостаточно внимательному читателю иллюстрации и романа. На голове у него парик — символ всевластия традиций. Именно в закоснелости и излишнем консерватизме Ребекка неоднократно обвиняет поверенного.

Кукла — это во все времена аллегория человека¹⁹. Кукла с ребенком на руках — символ материнства (Ребекка ждет ребенка). Также символично, что младенец — тряпичная кукла, соответственно, лица на нем нет. Отсутствие лица у кукол символизирует защищенность от темных сил.

Последние атрибуты, оставшиеся нерасшифрованными, — это открытый компас с зеркальной крышкой и виселица. Зеркало является символом тщеславия. Компас символизирует постоянство, верность. Вероятно, его можно отнести как к Генри Аскью, преданному своему хозяину и во главу угла ставящему только его интересы, так и к Ребекке, преданной своей вере и готовой за нее пойти на смерть (которую как раз и символизирует виселица²⁰). Причем не просто смерть, а смерть как наказание за грехи. Как тут не вспомнить речи Ребекки о спасении души, о наказаниях за грехи и о греховности этого мира («Мы встаем против греха и во спасенье души обрушимся на него с мечом в руке»).

Таким образом, иллюстрацию на передней стороне переплетной крышки можно воспринимать на нескольких уровнях, точно так же, как и текст романа. С первого взгляда изображение совершенно точно воспроизводит сюжет произведения. Если всматриваться в иллюстрацию тщательнее, изучая каждый ее элемент в отдельности, то можно найти много несоответствий с текстом «Куколки». Однако символическое значение каждого атрибута доказывает глубоко аллегорическую природу романа Джона Фаулза.

На задней стороне переплетной крышки находится портрет автора, а также отрывки из рецензий британских периодических изданий об этом романе. *The Guardian* сообщает читателю, что «Куколка» — это «наиболее характерный пример того творческого подхода, которого Джон Фаулз придерживается десятилетиями»²¹. *The Times* называет роман шедевром «психологической

глубины и силы воображения, стилистической виртуозности и композиционной смелости...²²» Books and Bookmen — изобретательным, амбициозным, филигранно выделанным, вызывающим сильное привыкание²³. Здесь же расположена рецензия Энтони Бёрджесса. Казалось бы, наконец-то подобраны наиболее подходящие рецензии, которые способны рассказать о романе и заинтересовать читателя. Так, в последней рецензии на задней стороне переплетной крышки читаем: «Версии очевидцев, на смене которых строится роман, подчеркнуто вздорны: всякое индивидуальное восприятие до неузнаваемости искажает действительность. В том числе и восприятие нынешнего простодушного читателя»²⁴. Казалось бы, вот она — замечательная рецензия, которая и намекает читателю на строение романа (версии очевидцев) и на один из авторских приемов (смена версий случившегося) и в то же время заинтересовывает читателя, буквально заставляет его немедленно начать читать роман. Так бы оно и было, если бы рецензия на этом заканчивалась. Однако редакторы решили не останавливаться: «Фаулз исподволь навязывает... иллюзию, что в „Куколке“ изображен визит летающей тарелки, а затем от души смеется над легковерными»²⁵. Автор рецензии частично раскрывает сюжет романа, предупреждает читателя, который не нуждается в предостережениях, тем более если его называют «легковерным». Это уж не говоря о том, что никакого визита летающей тарелки в романе нет. Это только восприятие критиком (из журнала «Огонек») произведения, чего, впрочем, и добивался автор: каждый человек воспринимает случившееся в зависимости от суммы его личностных качеств, привычек, внушенных норм поведения и т. п. Но зачем об этом знать будущему читателю, который, ознакомившись с этой рецензией, будет не только скептически относиться к происходящему, но и станет воспринимать роман через призму чужого восприятия?

Внешние элементы издания — это «лицо» книги, первое, на что обращает внимание потенциальный читатель. Вот почему предельно важно внимательно относиться к оформлению именно этих частей. Издательство «Эксмо», выпустив последний роман Джона Фаулза «Куколка» в серии «Интеллектуальный бестселлер», постаралось заинтересовать покупателя. Причем не только с коммерческой стороны. Каждый элемент книги можно рассматривать на трех уровнях — точно так же, как и сам роман. Первый уровень поверхностный — это несложное повествование, занимательность сюжета (детективно-мистическая, фантастическая история) с одной стороны и полное соответствие иллюстрации «легкомысленному» восприятию романа: куколка девушки, судья и виселица. Именно на эти детали изображения обратит свое внимание неискушенный читатель, ищущий от книги в первую очередь развлечения. Второй уровень более глубокий — для мыслящих читателей, любящих обращать внимание на детали. Здесь читателя ждет интересная работа по поиску соответствий в тексте и легкое удивление от когнитивного диссонанса.

Наконец, третий уровень — для профессионалов, знающих о скрытых смыслах, умеющих их находить и правильно интерпретировать. Три уровня восприятия иллюстрации для трех уровней понимания текста. Великолепная работа художника для превосходного романа и благодарного читателя.

Примечания

¹ Шатохина О. На русском языке вышел роман Джулиана Барнса «Метроленд» [Электрон. ресурс] // Российская газета. 2011. 28 окт. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/28/barns-site-anons.html> (дата обращения: 08.06.2015).

² Фаулз Д. Коллекционер. Куколка. М., 2012. С. 406. (Библиотека всемирной литературы).

³ Подробнее о мантиях английских судей и о «Судейских правилах» 1635 г. можно прочитать здесь: *Haque E.* The tradition of lawyers' dress code // The Daily Star. № 277 (7 July 2012). URL: <http://archive.thedailystar.net/law/2012/07/01/depth.htm> (date of treatment: 08.06.2015).

⁴ *Latin Vulgate.* Albuquerque. 2015. URL: <http://www.latinvulgate.com/> (date of treatment: 08.06.2015).

⁵ *Kramer H.* Malleus Maleficarium // Wikisource.org. S. 1., 2015. URL: https://la.wikisource.org/wiki/Malleus_Maleficarum (date of treatment: 10.06.2015).

⁶ *Horatii Flacci Q.* Carmina expurgate. Interpretationem, notas, ac brevem tyronum institutionem de metris... Augustae Vindellicorum, 1763.

⁷ *Гораций Флакк К.* Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970. С. 93.

⁸ *Зварич В. В.* Нумизматический словарь. Львов, 1978. С. 38, 170.

⁹ *Акунин Б.* Нехорошие места. Тайберн [Электрон. ресурс] // Goodreads.com. San Francisco, 2015. URL: http://www.goodreads.com/author_blog_posts/3736710 (дата обращения: 15.06.2015).

¹⁰ Коллекционер. Куколка. 2012. С. 307.

¹¹ Там же. С. 310.

¹² Там же. С. 577.

¹³ *Плаксина Э. Б.* История костюма. Стили и направления. М., 2004. С. 135—136.

¹⁴ Коллекционер. Куколка. 2012. С. 297—298.

¹⁵ [*Тесинг Я.*], [*Копиевский И.*]. Символы и эмблемата. Amstelaedami, 1705.

¹⁶ *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.

¹⁷ *Звездина Ю. Н.* Эмблематика в мире старинного натюрморта: к проблеме прочтения символа. М., 1997.

¹⁸ Книга Екклесиаста, 1:2.

¹⁹ *Мальцева Т. Г.* Кукла как образно-символическая форма в современной визуальной культуре // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 113—121.

²⁰ *Костыря М. А.* Образ виселицы в европейском искусстве XVI—XVII веков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9.2. С. 166—171.

²¹ Куколка. 2011.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

А. И. ЛЮБИМЕНКО,
М. В. ЧИГИРИНОВА

Проблемы защиты авторского права в электронных и интернет-изданиях и пути их решения

Развитие техники и технологии создания, хранения и тиражирования информации вызывает определенные проблемы с сохранностью авторского права на контент разных видов и в том числе книжные издания. Авторами предложены критерии классификации данных проблем и дана их характеристика. Также в статье обозначены возможные пути решения проблемы защиты авторского права в сети Интернет.

Ключевые слова: авторское право; интеллектуальная собственность; электронное издание; интернет-издание; проблемы; решение.

A. I. LYUBIMENKO
M. V. CHIGIRINOVA

Problems of copyright protection in electronic and Internet publications and their solutions

The development of techniques and technologies for information creation, storage, and replication causes certain problems with copyright preservation for various kinds of content, including book editions. The authors have proposed criteria for data classification issues and given their characteristics. Possible solutions to the problem of copyright protection on the Internet are also indicated.

Keywords: copyright; intellectual property; electronic publishing; online edition; problems; solution.

Проблемы защиты авторства произведений и авторских прав на них существуют достаточно давно. Однако наиболее остро они обозначились с появлением техники способной с меньшими издержками тиражировать авторские материалы. Одним из подобных видов оборудования является печатный станок. Его появление ускорило издательский процесс как книжной продукции, так и газет и журналов, и дало больше возможностей для нарушения прав авторов. Уже в XVIII—XIX вв. во многих странах, в том числе в России, были приняты законодательные акты по защите авторских прав. Ответственность за их нарушение предусматривалась достаточно суровая, в основном административного характера и с серьезными экономическими последствиями.

Смена носителей информации и формы ее объективного существования привели к необходимости поиска средств защиты авторских прав в цифровой среде. Однако данные проблемы являются на сегодняшний день недостаточно изученными, что и определяет актуальность статьи.

Проблемы защиты авторского права можно классифицировать по разным признакам (см. рис. 1).

Правовые проблемы связаны с несовершенством законодательства в области защиты авторских прав либо с недостаточной нормативной базой по исполнению данного законодательства.

Организационные проблемы охватывают вопросы организации контроля за соблюдением законодательства по защите авторских прав, а также обеспечение их защиты с помощью различных инструментов.

Этические проблемы связаны с целым комплексом таких факторов как уровень культуры, традиции, отношение в обществе к заимствованиям и плагиату, оценка значимости интеллектуального труда.

Рис. 1. Классификация проблем защиты авторского права в электронных и интернет-изданиях (разработка авторов статьи)

Экономические проблемы носят системный характер и проявляются как на уровнях макро- и микроокружения правообладателей, так и на глобальном уровне.

Технические проблемы обусловлены достижениями научно-технического прогресса, приведшими к смене поколения оборудования для изготовления, тиражирования и хранения авторского контента. Приход на смену аналоговой цифровой техники и носителей информации создал для недобросовестных участников возможности использования авторского контента без согласия правообладателей. Постепенно системы защиты информации от несанкционированного доступа становятся все более сложными и эффективными, но абсолютно надежной системы пока не создано.

Технологические проблемы связаны с самим процессом создания и распространения электронных изданий. В целях упорядочения требований к электронным изданиям принят новый ГОСТ Р 7.0.83–2013 СИБИД. «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения».

ГОСТ Р 7.0.83–2013 дает следующее определение понятия электронное издание: «Электронный документ (группа электронных документов), прошедший редакционно-издательскую обработку, предназначенный для распространения в неизменном виде, имеющий выходные сведения». Электронное издание, например, книга является комплексным продуктом и включает разные виды авторского контента, и, соответственно, и правообладателей у данного продукта не один, а несколько. Сроки действия авторского права у разного вида объектов, также разные. Поэтому нарушения авторских прав кого-то из участников создания электронного издания могут быть допущены не сознательно, а из-за сложного механизма их регулирования.

Под интернет-изданием понимается веб-ресурс, выполняющий роль традиционных СМИ в интернет-пространстве. Подобно печатным газетам и журналам Интернет-издания могут выходить с определенной периодичностью.

Как электронные, так и интернет-издания требуют наличия у читателя специальных устройств и соответствующего программного обеспечения. Именно программное обеспечение отвечает за сохранность авторского контента от несанкционированного доступа и копирования.

Текущие (краткосрочные) проблемы могут быть вызваны конъюнктурными факторами или изменением структуры рынка. Проблема может перестать быть актуальной вследствие устранения вызвавшей ее причины.

Остаточные проблемы вызваны факторами или событиями, произошедшими ранее, а эффективных мер по их предотвращению в прошлом разработано не было. Благодаря использованию современных средств и технологий, а также совершенствованию законодательства, данные проблемы могут быть решены.

Потенциальные проблемы заложены в самой сущности электронных изданий, так как увеличение количества создающих их участников может привести к конфликту интересов, и, следовательно, из-за пробелов в законодательстве авторские права одних участников могут быть нарушены при соблюдении авторских прав других участников.

Национальные проблемы обеспечения охраны авторского права чаще всего связаны с особенностями менталитета пользователей контента, национального законодательства в области их защиты, системы контроля за соблюдением законодательства, а также неотвратимостью наказания за нарушения авторских прав и прав на интеллектуальную собственность.

Проблемой многих развивающихся стран является функционирование, так называемых торрентов или файлообменников. В результате деятельности данных сайтов авторский контент распространяется без согласия правообладателей и с нарушениями законодательства. В России также представлены подобные Интернет-сервера, но постепенно их количество сокращается. Также правообладатели ведут сегодня активную борьбу с несанкционированным размещением пользователями контента в социальных сетях. Поскольку социальные сети являются только информационными посредниками, контролировать размещаемый контент они возможностей не имеют, а, следовательно, ответственность за нарушение авторских прав лежит на самих пользователях.

Региональные проблемы схожи по характеру воздействия с национальными. Однако, сферой их действия являются уже не страны, а регионы либо региональные группировки стран, реализующие единую политику в области защиты авторских прав.

Международные проблемы могут быть вызваны различиями национальных законодательств, а также мест регистрации интеллектуальной собственности. Защитой интересов правообладателей на мировом уровне занимается Всемирная организация интеллектуальной собственности WIPO.

Проблемы защиты авторских прав являются объектом регулирования Всемирной конвенции об авторском праве от 06.09.1952 г. (Женевская конвенция). Определенные изменения и дополнения в данную конвенцию были внесены 24.07.1971 г. в Париже (Парижская конвенция). Непосредственно защите авторских прав на литературные и художественные произведения посвящены положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г.

На международном уровне обязанность государства обеспечить «правовую охрану и эффективные средства правовой защиты от обхода существующих» технических средств защиты авторских прав закреплена в Договоре ВОИС по авторскому праву (ДАП).

В Российской Федерации интеллектуальная собственность охраняется такими правовыми документами как Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. №230-ФЗ¹, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ², Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ³.

Законодательство РФ в области защиты авторских прав развивается в соответствии с изменениями, происходящими в экономике, технике, технологиях. С одной стороны, оно продолжает традиции советского законодательства, а с другой приближает его к международному законодательству. Так, в главе четвертой ГК РФ определяется понятие технических средств защиты авторских

прав. Специалисты отмечают, что пока закон допускает неоднозначные толкования и недостаточно проработан в технических вопросах. Авторские права в соответствии с российским законодательством распространяются как на опубликованные, так и на неопубликованные произведения, существующие в некоторой объективной форме (рис. 2).

Объекты авторского права	литературные произведения (включая программы для ЭВМ)
	драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения
	хореографические произведения и пантомимы
	музыкальные произведения с текстом или без текста
	аудиовизуальные произведения (кино-, теле- и видеофильмы, слайдфильмы, диафильмы и другие кино- и телепроизведения)
	произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства
	произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства
	произведения архитектуры, градостроительства и садовопаркового искусства
	фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам
	другие произведения
производные произведения (переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и другие переработки произведений науки, литературы и искусства)	
сборники (энциклопедии, антологии, базы данных) и другие составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда	

Рис. 2. Перечень объектов авторского права в соответствии с Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах» № 5351-1 от 09.07.1993 г.⁴

Защита авторских прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе Интернет, регулируется Федеральным законом РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 24.11.2014 г. №364-ФЗ. В целях обеспечения соблюдения положений данного закона, охватывающих авторские права в сети Интернет, соответствующие положения были добавлены и в Гражданский процессуальный кодекс РФ.

Путем решения проблем защиты авторских прав совершенствуется законодательство, развиваются технические и программные средства защиты контента. Технические средства защиты авторских прав (ТСЗАП; англ. DRM— Digitalrightsmanagement)— программные или программно-аппаратные средства, которые намеренно ограничивают либо затрудняют различные действия с данными в электронной форме (копирование, модификацию, просмотр и т. п.), либо позволяют отследить такие действия. DRM представляет собой набор систем контроля и управления доступом. На данный момент DRM используется множеством компаний по всему миру, среди которых Amazon, AppleInc., Microsoft, ElectronicArts, Sony, 1C, Akella и др.⁵

Организационно-административной мерой противодействия интернет-пиратству является ограничение доступа к сайтам или закрытие сайтов с

нелегальным контентом Роскомнадзором, но это возможно только по заявлению правообладателей.

Более сложной является проблема защиты авторских прав разработчика интернет-сайта, перепосты и репосты широко распространены сегодня. Однозначных путей решения данной проблемы пока не существует, так как технические средства защиты не всегда эффективны, а доказать в суде факт нарушения права на интернет-сайт как авторский продукт пока достаточно сложно.

Способами решения этических проблем нарушения авторских прав являются система образования и пропаганда. В сфере деятельности системы образования находятся будущие поколения и у них необходимо сформировать правильную точку зрения на авторские права, интеллектуальную собственность и проблемы их защиты. Поскольку изменение менталитета большей части взрослого населения в данной области остается сверхсложной проблемой, именно пропаганда призвана изменить отношение к авторскому праву.

Примечания

¹ Гражданский Кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2016).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015).

⁴ Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1 (ред. от 20.07.2004).

⁵ Технические средства защиты авторских прав [Электрон. ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 10.03.2016).

Н. В. АВЕРИНА

Продвижение чтения в Санкт-Петербурге: примеры внутриотраслевого и межотраслевого взаимодействия

В статье дается обзор традиционных и инновационных мероприятий по продвижению чтения в Санкт-Петербурге, проводимых библиотеками, издательствами, книжными магазинами. Рассматриваются примеры межотраслевого сотрудничества в данной сфере с театрами, музеями и образовательными учреждениями.

Ключевые слова: продвижение книги и чтения; библиотека им. Маяковского; книжный магазин «Лавка писателей»; «Книжные аллеи»; мобильная библиотека; кинолекторий; мастер-класс.

N. V. AVERINA

Promotion of books and reading in Saint-Petersburg: examples of intra- industry and inter-industry interaction

The article reviews traditional and innovative activities on reading promotion in St. Petersburg by libraries, publishers, and bookshops, exemplified by the cross-sector collaboration with theatres, museums and educational institutions in this area.

Keywords: reading and book promotion; Mayakovsky Public Library; bookstore Writers' Shop; Book Alleys; mobile library; bookmobile; visual aid room; multimedia room; workshop.

Продвижение чтения является сегодня актуальной задачей для всей книжной отрасли. О проблемах чтения и о необходимости его поддержки говорится практически на всех профессиональных форумах и конференциях. Снижается число активно читающих, и растет число тех, кто заявляет, что практически не читает книг: по последним опросам ВЦИОМ — это 35 % населения (учитывая масштабы нашей страны — число нечитающих книги составляет несколько десятков миллионов)¹.

Долгосрочные программы поддержки и развития чтения² действуют во многих странах. Ценный опыт их проведения имеют Великобритания, США, страны Скандинавии. В России с 2006 г. действует «Национальная программа поддержки и развития чтения», которая проводится в несколько этапов вплоть до 2020 г.

Основная цель Национальной программы — популяризация чтения. Для достижения этой цели необходимо решение следующего ряда главных задач (путем проведения различных мероприятий и широкого освещения их в СМИ):

- содействия формированию благоприятной для продвижения чтения информационной среды и условий доступности людям полезной для жизни и социально необходимой литературы;
- продвижения лучших образцов литературы в широкие слои читателей;
- формирования в общественном мнении представления о ценности и значимости чтения и книжной культуры;
- создания положительных и привлекательных образов читающего человека, книги, литературы, библиотек, книжных магазинов и других социальных институтов, связанных с чтением;

вовлечения в активное квалифицированное чтение нечитающих и мало читающих людей³.

Такой широкий спектр задач может решаться только при активном взаимодействии всех заинтересованных сторон: издателей и книготорговцев, представителей библиотечного сообщества, отраслевых союзов, профильных вузов и научных организаций.

В данной статье предлагается обзор традиционных и инновационных методов взаимодействия представителей книжной отрасли при организации мероприятий по поддержке книги и чтения.

К традиционным и хорошо себя зарекомендовавшим методам продвижения относятся: *проведение выставок, книжных ярмарок и фестивалей; организация публикаций и широкого обсуждения книг и проблем чтения в СМИ; социальная реклама книги и чтения*. Говоря о социальной рекламе книги и чтения, можно отметить сегодня она присутствует в медийном и общегородском пространстве в совершенно разнообразных форматах: от рекламы книги и чтения на плакатах сити-формата и вирусной рекламы в интернете до специально оформленных «литературных» и «книжно-библиотечных» троллейбусов и поездов метро. Использование традиционных методов продвижения в сочетании с современными медиа- и информационными технологиями делает их инновационными.

В качестве примера такого инновационного проекта по продвижению чтения можно привести проект «Мобильная библиотека», который был запущен компанией МТС и при поддержке книжных интернет-ресурсов. Петербург стал одним из первых городов России, где мобильная библиотека начала свою работу, а в апреле 2016 г. по первой линии Петербургского метрополитена начал курсировать специальный состав «Мобильной библиотеки». Внутри вагонов, оформленных книжной символикой, размещены инструкции по пользованию Мобильной библиотекой, а также информация об основных культурных событиях города. С помощью «Мобильной библиотеки» можно приобщиться к лучшим мировым произведениям: в библиотеке доступно более 750 000 книг художественной, детской, обучающей и бизнес-литературы, среди которых 7000 бесплатных книг. При первом посещении «Мобильной библиотеки» пользователь получает в подарок 50 книг, входящих в топ-лист продаж, в том числе — книги петербургских писателей, которые представлены серией «Писатели на войне, писатели о войне», выпущенной при поддержке Правительства Санкт-Петербурга к 70-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Выбранные в «Мобильной библиотеке» произведения после скачивания сохраняются в памяти гаджета (телефона или планшета) и становятся доступным для чтения в любой момент.

В Петербурге все вышеуказанные методы продвижения — как традиционные, так и инновационные — в настоящее время задействованы достаточно широко. В нашем городе регулярно проводятся международные книжные выставки-ярмарки. Обращаясь к истории проведения книжных выставок-ярмарок в Санкт-Петербурге, необходимо отметить, что при поддержке администрации города и Российского книжного союза Санкт-Петербургский книжный салон стал поистине масштабным культурным событием для петербуржцев и гостей города. Программа Книжного салона, который ежегодно проходит в конце мая, разнообразна: *встречи с писателями; презентации новинок издателей; семинары и мастер-классы, круглые столы с обсуждением насущных вопросов чтения и культуры в целом; творческие конкурсы; концертная программа; карнавал литературных героев* (всего порядка 300 мероприятий на всех площадках). Каждый посетитель, будь то профессионал книжного дела или юный читатель, найдет интересное и полезное мероприятие, ценную и нужную литературу.

Среди ярких, знаковых мероприятий в сфере продвижения книги и чтения в Санкт-Петербурге также следует назвать проект «Книжные аллеи». Как отмечает Л. Г. Пасхина — вдохновитель и организатор данного проекта, «Книжные аллеи — это уникальное культурное пространство, включающее элементы читального зала, книжного магазина и литературного гайд-парка под открытым небом»⁴.

Проект «Книжные аллеи» можно считать продолжением традиции «книжных базаров» советских времен. При этом масштаб организации, поддержка со стороны администрации города, а главное, продуманная и обширная культурная программа делают его социально-значимым и инновационным проектом. «Книжные аллеи» можно рассматривать как яркий пример успешного внутриотраслевого и межотраслевого сотрудничества в деле популяризации чтения.

В работе проекта принимают участие представители издательств, писательских союзов, музейного и библиотечного сообществ. В литературное пространство «Книжных аллей» гармонично вписался марафон-фестиваль «Театральный Петербург», в рамках которого посетители могут совершенно бесплатно увидеть лучшие постановки петербургских театров («Балтийский дом», «Комик-трест», «Театр Музыкальной комедии», «Мимигранты», «Театр на Литейном», «Молодежный театр на Фонтанке», театр «КУКЛЫ», «Театр на Васильевском»). Официальными информационными партнерами проекта стало 21 СМИ, среди которых газеты «Аргументы и факты. Санкт-Петербург», «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге», «Санкт-Петербургские ведомости», «Мой район», радио «Зенит», радио «Россия» и др. Помимо сотрудничества с традиционными СМИ, «Книжные аллеи» активно информируют о своей деятельности в социальных сетях, проводятся прямые трансляции в сети Интернет значимых мероприятий: пресс-конференции, посвященной открытию проекта; встреч и круглых столов.

Открывшись в 2015 г. как «Книжные аллеи у Михайловского замка», в 2016 г. «Книжные аллеи» значительно расширили ареал своей деятельности: в течение полугода работали на Малой Конюшенной улице, совершая также «экспансии» за пределы центра города. Так, с 1 сентября «Книжные аллеи» на четыре дня развернулись в Невском районе города, а 10 сентября — открылись в Калининском районе. Прошлым летом 2016 г. проект начал «дачный сезон» — книги отправились в садоводства Лужского и Всеволожского районов Ленинградской области. На следующее лето у организаторов еще более грандиозные планы. «Можно смело сказать, — уверена директор Книжной лавки писателей Л. Г. Пасхина, — что этот эксперимент увенчался большим успехом и его нужно продолжать. В общей сложности на аллеях было реализовано около 200 000 книг. Особенно отраднo, что среди посетителей было много молодых людей — студентов и школьников»⁵.

Продолжая обзор мероприятий по продвижению чтения в Санкт-Петербурге, необходимо отметить, что большую активность в данной сфере проявляют библиотеки города. Причем, сегодня в специалисты библиотечного дела стараются идти в ногу со временем — используют не только все современные информационные технологии, но и яркие элементы визуальной коммуникации и адресное обращение к разным целевым группам читателей. В библиотеках проводят мероприятия для разных возрастных аудиторий, разных интересов, активно взаимодействуют с издательствами, образовательными учреждениями, консульствами, театрами. Так, например, в библиотеке им. Маяковского уже несколько лет реализуется проект «Книжный дворик на Фонтанке».

Для привлечения большего числа горожан сотрудники библиотеки привлекают новых партнеров и разрабатывают нестандартные программы, такими примерами являются: соревнования по веб-спринту, где проводится

поиск на скорость нужной информации в ресурсах Интернета по заданной теме; «Мастерская кроссвордов», мастерская по разгадыванию головоломок; концерт-викторина и т. п. Для интересующихся иностранными языками на «Площадке полиглота» проводятся занятия бесплатных разговорных клубов на иностранных языках. Также в рамках проекта появились «Площадка путешественника» и открытый урок «Основы безопасного движения в городе».

Учитывая популярность игровых программ, библиотекой им. Маяковского был запущен новый проект — выставка игровых образовательных методик «Фестиваль игры». Цель первого проекта заключалась в знакомстве посетителей с новыми игровыми формами и методами в обучении. К участию были приглашены коллективы психологов, педагогов, разработчики игровых образовательных проектов для детей и взрослых, авторы книг и образовательных методик. Проводимые библиотекой мероприятия всегда интересны и актуальны и, безусловно, способствуют приобщению к книге и чтению, стимулируют посещение библиотеки. Так, например, по опросам посетителей «Фестиваля игр», благоприятное впечатление это мероприятие произвело на 93,2 % респондентов. Большинство посетителей-участников данного события не являлись читателями библиотеки — таких было 72,2 %, но больше половины из них (54,5 %) выразили желание «в ближайшее время записаться в библиотеку». Всего данное мероприятие, на котором было представлено около 50 игр, посетило 430 человек, и были высказаны пожелания проводить «Фестиваль игры» чаще⁶.

Другой культурный проект библиотеки Маяковского — «Читающий Петербург» — знакомит жителей Санкт-Петербурга с творчеством лучших современных зарубежных писателей. В рамках проекта культурные центры 16 стран Европы, США и Латинской Америки представляют российским читателям своих авторов и рекомендуют их произведения для выдвижения по номинациям: «Лучший зарубежный писатель, произведения которого не изданы в переводе на русский язык» и «Лучший зарубежный писатель, произведения которого изданы в переводе на русский язык». В течение года в залах библиотеки организуются встречи с писателями-номинантами, а читатели голосуют за любимившихся писателей на сайте проекта. Кроме того, читатели могут принять участие в творческих мероприятиях: художественном конкурсе обложек, конкурсе буктрейлеров или публичных чтениях отрывков книг-номинантов проекта на площадках города. В таких творческих проектах охотно участвуют молодые читатели, поэтому библиотека приглашает к участию студентов, информационно сотрудничает с вузами города.

Традиционно библиотеки тесно сотрудничают с издательствами. Так, например, уже 15 раз на базе библиотек проводится ежегодная выставка петербургских издательств «Новые книги о Петербурге», в которой принимают участие издательства: «Аврора», «Европейский Дом», «Крига», «Лик», «Лики России», «Остров», «Паритет», «Пушкинский фонд», «Серебряный век», «Центрполиграф», издательства музеев Санкт-Петербурга и др. В рамках мероприятия можно не только познакомиться с редкими и малотиражными книжками петербургских издательств, но и купить их по издательским ценам, пообщаться с авторами, получить автографы и консультации специалистов, а также поучаствовать в розыгрыше книг.

Огромное количество мероприятий по продвижению книги и чтения проводится и на площадках книжных магазинов города, что продолжает традиции сильного внутриотраслевого взаимодействия в области книжного дела. Издательства и книжные магазины регулярно проводят совместные мероприятия, связанные как с продвижением определенных книг или серий, так и с популяризацией чтения в целом. При этом нужно отметить, что сегодня

есть запрос на практико-ориентированные, интерактивные мероприятия, т. е. посещение не просто встречи с автором или издателем (где будет рассказано о новой книге), а участие в мастер-классе, тренинге или посещении лекции, известного, в частности и по другим медиа автора.

В книготорговой сети «Буквояд» проводится множество мероприятий различной тематики для самых разных целевых аудиторий. Пользуются популярностью мастер-классы психологов, стилистов и бизнес-тренеров, открытые лекции ученых-исследователей, лекции-рекомендации врачей и педагогов, проводятся обучающие мастер-классы для начинающих писателей. И конечно, большое внимание в этой книготорговой сети уделяется организации мероприятий для детей и их родителей. Помимо ярких презентаций новых книг, для детей организованы игровой клуб с героями классической и современной детской литературы, творческие мастерские рисования, лепки, декупажа и прочих техник, и даже театральный кружок. Такая разносторонняя деятельность призвана развить творческие способности детей и, конечно, привить интерес и любовь к чтению.

Интересные мероприятия регулярно проводят и в других петербургских книжных магазинах. Например, в «Порядке слов» — кинолектории и мастер-классы на тему современного искусства, в магазине «Все свободны» — лекции истории, философии и по петербургской семиотике и т. д. Культурные события в книжных магазинах — это то, что отличает книжную торговлю, ставит ее в один ряд с библиотеками и музеями. Но, в отличие от учреждений культуры, книжные магазины каких-либо льгот (как, например, в Европе) или финансирования не имеют, зачастую все держится исключительно на энтузиазме сотрудников книготорговых предприятий.

Представленный обзор показывает, что в Санкт-Петербурге идет достаточно активное внутриотраслевое и межотраслевое взаимодействие при проведении мероприятий по продвижению чтения. Библиотеки, представители книжного бизнеса, учреждений образования и культуры стараются нестандартно, творчески подходить к данному вопросу. Но, безусловно, потенциал для развития и расширения этой деятельности остается большим.

Примечания

¹ Исследование ВЦИОМ. Тенденции чтения в России в 2014 г. [Электрон. ресурс] // Центр гуманитарных технологий 02.06.2014. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/02/6790> (дата обращения: 15.04.2016).

² Как создаются читающие нации : сб. материалов / ред.-сост. В. Д. Стельмах, Дж. Я. Коул. М., 2006. 274 с.

³ Национальная программа поддержки и развития чтения [Электрон. ресурс]. URL: http://www.library.ru/1/act/doc.php?o_sec=130&o_doc=1122 (дата обращения: 15.04.2016).

⁴ Чем удивили Книжные аллеи // Ежедневное издание Правительства Санкт-Петербурга «Петербургский дневник». URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2016-10-10/chem-udivili-knizhnyey-allei/> (дата обращения: 15.04.2016).

⁵ Там же.

⁶ Косогор О. Н. «Парк интеллектуальных развлечений» в ЦГПБ им. В. В. Маяковского // Библиотечное дело. 2013. № 23 (209). С. 12—15.

Э. Б. МЕЛЬЦИНА

Об опыте создания интернет-сайта научно-популярного журнала для школьников

Проанализированы особенности работы над созданием электронной версии журнала для школьников. При переносе печатной версии номера на сайт необходимо не только разместить сами тексты, нужно учитывать и особенности оформления как статей, так и сайта в целом. Автор статьи опирался на собственный опыт работы в качестве главного редактора и интернет-редактора журнала «ЯЛеонардо».

Ключевые слова: научно-популярный журнал; электронная версия журнала; дизайн сайта.

E. B. MELTSINA

On the experience of the website creation for the popular science magazine aimed at school students

The work is dedicated to the creation of an electronic version of the magazine for students. When transferring the printed version online it is necessary not only to post the texts proper, but also to take into account the design features both of the articles, and the website in general. Since the magazine is published every three months, abundant additional material is required to maintain the site's continuous activity. The article is based on the author's own experience as a chief editor and online editor of the magazine „ILeonardo“.

Keywords: popular science magazine; electronic version; website design.

Журнал «ЯЛеонардо» основан как один из проектов «Школьной Лиги» РОСНАНО. В состав Лиги входит 251 школа, которые совместно организуют различные проекты и мероприятия. Главная задача журнала «ЯЛеонардо» — сделать науку интересной для школьников. Для этого учащимся предлагалось самим становиться репортерами. Школьной Лигой была организована специальная игра «Журналист»: на сайте Лиги размещается тема, и команды школьников-репортеров из разных городов на один день отправляются в местные лаборатории и на предприятия для исследования этой темы. На основании полученных в лабораториях опыта и знаний ребята пишут заметки и статьи и создают свою газету (или один из разворотов). Все работы размещаются на сайте «Школьной Лиги». На основе отобранных лучших материалов создается специальный выпуск журнала «ЯЛеонардо».

Кроме таких специальных номеров, состоящих из работ школьников, выпускаются и обычные (текущие) номера журнала «ЯЛеонардо». В текущий номер, который создается редколлегией, обычно входят следующие материалы: биографии ученых или статья о знаменитой личности в истории, интервью с представителями научных лабораторий, рассказы о научном институте или вузе, о современном основанном на технологиях бизнесе, инструкция по проведению опыта. Также номер может дополняться отзывами на книги, из которых можно узнать, правда или вымысел тот или иной факт (можно ли провести спиритический сеанс, сделать костюм супергероя или телепортировать человека) и т. п.

Тематика журнала достаточно широкая, перед редколлегией ставилась задача рассказывать школьникам не только о физике химии, биологии, географии, но и о гуманитарных науках: истории, археологии, а также спорте и любых

других сферах, где сегодня применяются новые технологии. Редколлегия журнала пытается охватить более широкий круг тем, чтобы каждый читатель смог найти что-нибудь интересное для себя в каждом номере. Это касается как и бумажной, так и электронной версий.

Печатная версия журнала распространяется через киоски сети «Первая полоса», а также через сайт с доставкой по почте, а большую часть номеров отправляют в школы-участницы для распространения между ученикам и учителями. Средний тираж печатаной версии составляет 5000 экз.

Первоначально предполагалось, что целевой аудиторией журнала станут старшеклассники, но с помощью статистики группы ВКонтакте и обратной связи с сайтом было выяснено, что большая часть читателей журнала учится в средней школе. Поэтому редколлегия стала подбирать материал для всех возрастов читателей.

В рамках поставленных задач было необходимо перенести на сайт общий дизайн журнала, принципы расположения элементов статьи на веб-странице, выбрать какие материалы попадут на сайт, и чем их можно дополнить.

Перенос общего дизайна сайта включает в себя создание тегов и рубрик. Они, в свою очередь, включают в себя рубрики, которые используются в печатной версии и более общие разделения (наука, бизнес, юнкор, личность, школа кейсов, для учителей, разное, видео, о журнале). Также нужно понять, как наиболее удачно расположить на главной странице сайта анонсы статей (чаще всего для этой цели выбирают лиды), помещать ли фотографии к ним. Нужно разместить и элементы, которых не было в бумажном журнале — виджет на группу ВКонтакте, видеоматериалы, баннеры (из них сформирована информационная колонка, расположенная на главной странице сайта). Выбираются страницы, которые будут расположены на сайте (в этом случае: главная, контакты, о журнале, где купить, партнеры, архив, содержащий pdf макеты печатных журналов). Определяется и общая цветовая гамма сайта с помощью теста Люшера¹. Находят наиболее удачные цвета, чтобы они не раздражали пользователей и настраивали их на нужный лад. С учетом вышеперечисленных особенностей было принято решение, что для сайта научного журнала подойдут сине-серые цвета (с зеленоватым оттенком), а для акцентирования внимания на страницах их можно выделить рыжеватым, чтобы не применять агрессивные цвета и при этом все-таки сделать цветовые акценты.

Самое большое внимание должно уделяться расположению статей на главной странице. Рассмотрим это подробнее.

На главной странице электронной версии журнала «ЯЛеонардо» помещаются миниатюры (изображения, которые прикрепляются к анонсу статьи) равного размера. Таким образом, мы обращаем одинаковое внимание читателя на все статьи. При верстке полной версии журнала мы, конечно, располагаем статьи, выделяя некоторые материалы. Но в тот момент, когда электронный журнал превращается в набор отдельных статей, акцентирование внимания на конкретной статье не так важно. Так главная страница сайта выглядит более спокойной и «взрослой», мы рассчитываем, что это понравится школьникам, увлекающимся наукой. Вообще четко определенное место для разных групп элементов помогает впоследствии быстрее находить нужные страницы сайта.

Второе направление, на которое важно обращать внимание, — дизайн страниц со статьями. Привлечь внимание читателя к конкретной статье в случае электронного журнала несколько сложнее, чем в печатном варианте — миниатюры статьи на главной странице действительно небольшого размера, и здесь можно постараться привлечь читателя яркой интересной иллюстрацией. Больше внимание уделяется оформлению заголовка и анонсу.

При создании журнала дизайнер использует специализированную программу Adobe InDesign, которая предоставляет огромные возможности для оформления статей: позволяет комбинировать расположение блоков основного текста на развороте по отношению к фотографиям и разнообразным добойкам. К тому же разнообразие шрифтов и рамок помогает сделать каждый конкретный разворот максимально выигрышным². Добойка — это небольшой текст, отделенной от основной статьи цветом/рамкой или другим приемом, туда помещается дополнительная информация к тексту, которая не вошла в основной материал; для интервью и рассказе о исторической личности — это биография, для статьи с часто встречающимися малоизвестными терминами — словарик. В электронной версии появляется большая свобода относительно контента сайта, но языки программирования css и html дают меньше возможностей для оформления, чем специально разработанное программное обеспечение. Так что перед интернет-редактором встает задача применения правил классической журналистики³ для интернет-ресурса.

1. Самая красочная картинка располагается после вступительного слова перед основным текстом — задача заинтересовать читателя материалом.

2. Заголовок оформляется крупным кеглем. Чаще статьи в таком формате получаются менее красочными, чем в журнале — у дизайнера здесь значительно меньше возможностей, чем при верстке в программе InDesign — приходится отказываться от привычного оформления добоек текст располагается не колонками, а сплошным текстом, что делает текст неудобным для восприятия. Отсутствуют и цветные поля, которые вносят свою лепту в восприятие статьи. Поэтому внешнему виду заголовка уделяют большое внимание. Экспериментировать с заголовком каждый раз не имеет смысла. Стоит придумать для него шрифт, кегель и цвет один раз, согласно правилу единообразия.

3. Лид чаще всего выделяют курсивом, чтобы сразу же отделить его от остального текста. Читатель, прочитав только эти несколько строчек, решит, будет ли он читать материал целиком. Если в классическом варианте лид пишут на всю ширину страницы, а текст по колонкам, что помогает отделить одно от другого, то здесь другая ситуация. Весь текст располагается на всю ширину. Значит важно отметить разницу между ними. Одной строчки с авторством здесь будет мало. Поэтому ее помещают в самый конец текста, выделив другим шрифтом. А между лидом и текстом ставят картинку.

4. Подзаголовки остаются и носят те же функции, что и обычно. Разбивая статью на небольшие фрагменты, мы помогаем как читателю, так и репортеру. Воспринимать текст, разбитый на смысловые части проще, удобнее и писать их так, а не придумывать переходы от одной истории к другой. В интервью можно использовать цитаты героя для обозначения этапов разговора.

5. У нас нет возможности разбить материал на колонки. Но этого эффекта можно достигнуть с помощью иллюстраций (очень важно не переборщить с их количеством и не располагать подряд друг за другом). Можно сделать так, чтобы текст занимал только половину ширины листа, а вторую — изображение. Это очень полезно для восприятия — так получаются своеобразные колонки.

6. Добойки иногда помещают после основного текста, но перед указанием авторства. Если у материала мало иллюстраций, то можно сделать из добойки иллюстрацию и поместить ее сбоку, как и в стандартной верстке. При верстке в InDesign добойки выступают в качестве цветового пятна и помогают разнообразить колонки текста.

7. Не стоит перегружать изображениями страницу так же, как и разворот. Разворот журнала воспринимается как единая картинка, веб-страницу пользователь видит по частям. Важно, чтобы каждая часть смотрелась гармонично.

Для научно-популярного журнала для школьников важным является наполнение сайта. Соответственно, выбору материалов уделяется много внимания. В некотором смысле стоит ориентироваться на школьную программу. Хотя, конечно, необходимо учитывать, что просто повторять материал программы не нужно, наша задача — дополнить информацию и наиболее интересно подать ее. Например, в рубрике биографий автор может упоминать все научные достижения героя, а подробно останавливаться только на тех, которые получатся наиболее понятно объяснить. Так же и с интервью. При посещении лаборатории корреспондент сначала выбирает, куда именно пойдет, а потом — какие вопросы будут заданы сотрудникам. Таким образом, он может сделать материал понятным с помощью дополнительных вопросов, конечно, при условии грамотно выбранной темы. Все эти материалы, включая опыты и развивающие задания могут выгодно раскрыть школьную программу.

При размещении журнала на сайте можно использовать преимущества, которые дает электронный формат.

Во-первых, это записи лекции — они поддерживают идею дистанционного обучения и дают представление о темах, которые не получилось вместить в школьную программу.

Во-вторых, это лекции-рассуждения — знаменитые лекции Фейнмана. Общее образование в научных сферах очень значимо и поможет заинтересовать аудиторию.

В-третьих, видео с химическими и физическими опытами. Существуют различные каналы на YouTube. Самый известный, пожалуй — это simple science⁴. На канале проиллюстрированы многие реакции — на них смотреть интереснее, чем просто на формулу и материал запоминается гораздо лучше. Конечно, просмотр видео не освобождает от теоретических занятий, а просто упрощает их.

В-четвертых, есть возможность использовать образовательные каналы на YouTube. К ним относится Qwerty⁵, Vsauce⁶ (англоязычный), TED-Ed⁷ (англоязычный). Это известные популяризаторы науки. Они рассказывают об интересных фактах из разных областей и объясняют их.

Еще один важный момент — электронная версия дает больше возможностей для общения. Переписываясь друг с другом, ребята могут придумать новые идеи для проектов и статей. Естественно, есть обратная связь на сайте, но все-таки больше разговоров происходит именно в социальных сетях. Через них значительно проще отслеживать, какие материалы вызывают наибольший интерес, удобнее предложить тему обсуждения, актуальную для нашей аудитории. Обратную связь через группу ВКонтакте можно организовать и при наличии только бумажной версии. Но при наличии сайта это сделать проще — существует специальная должность интернет-редактора, который занимается тем, чтобы сайт был наиболее эффективным и полезным для школьников.

Отличительной чертой научного журнала «ЯЛеонардо» является наличие на сайте не только отдельных статей из журнала, но и полного pdf варианта номера. Как уже было сказано выше, верстка журнала гораздо более интересна, чем статьи на сайте — это связано с техническими возможностями. Значит, публикация красочного выпуска на сайте положительно влияет на имидж журнала. Конечно, это не самым лучшим образом влияет на продаваемость, но это не главная цель проекта — часть номеров распространяется бесплатно. Возможно, родители пятиклассников хотят узнать, что читают их дети, и, посмотрев на сайте предыдущие номера журналов, решат купить детям и новые. Точно проверить эту гипотезу пока не удалось. Но задачу по созданию сайта научно-популярного журнала по увеличению заинтересованности в нем школьников можно считать выполненной.

Особенной популярностью пользовались видео с опытами, поэтому мы стали помещать больше соответствующих материалов. Продолжая изучать статистику и отзывы читателей (включая опросы, комментарии и обсуждения), мы можем уточнять требования, предъявляемые к журналу читателями, их родителями и учителями. Так, все вместе, мы сможем добиться наиболее удачного сочетания образования и заинтересованности у школьников в науке.

Примечания

¹ *Собчик Л. Н.* Метод цветowych выборов — модификация восьмицветового теста Люшера : практическое руководство. СПб., 2007. 128 с.

² *Свитич. Л. Г.* Миссия журналистики: поле понятий и терминов // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 6. С. 6—24.

³ *Экгардт Л. В.* Качество и оперативность в интернет-журналистике «Журналистика — фаст-фуд» // Научное обозрение. М., 2010. № 1. С. 67—70.

⁴ Образовательный интернет-ресурс: канал Simple Science [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/user/GTVscience> (дата обращения: 15.04.2016).

⁵ Образовательный интернет-ресурс: канал Qwerty [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/user/QWRTru> (дата обращения: 15.04.2016).

⁶ Образовательный интернет-ресурс: англоязычный канал Vsauce [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/user/Vsauce> (дата обращения: 15.04.2016).

⁷ Образовательный интернет-ресурс: англоязычный канал TED-Ed [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/user/TEDEducation> (дата обращения: 15.04.2016).

Культурология

М. А. ВИЛЬЦИНА,
Л. Е. КОЧЕШКОВА,
Н. В. СМИРНОВ

«Утраченные храмы Петроградской стороны»: образовательный потенциал темы и опыт внедрения комплекса методических материалов

Статья рассказывает о комплексе методических материалов «Утраченные храмы Петроградской стороны», разработанном авторским коллективом педагогов гимназии № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга. Комплекс является инновационной разработкой педагогов и включает в себя методическое описание образовательных маршрутов для учащихся, методическую разработку занятия по теме, систему исследовательских заданий для старшеклассников, аннотированный список утраченных храмов Петроградской стороны, сборник материалов «Утраченные храмы Петроградской стороны в живописи» и др. В статье представлены материалы, рассказывающие об опыте внедрения комплекса методических материалов в гимназии № 85 в рамках метапредметной общешкольной программы «Архитектура Знания».

Ключевые слова: утраченные храмы Петроградской стороны; образовательный маршрут; комплекс методических материалов; «Архитектура Знания»; Федеральный Государственный Образовательный Стандарт; метапредметность.

M. A. VILTSINA
L. E. KOCHESHKOVA
N. V. SMIRNOV

“The destroyed temples of the Petrograd Side”: educational potential of the topic and experience of implementing the teaching materials package

The article describes the teaching materials „The destroyed temples of the Petrograd Side“, developed by a team of teachers in School No. 85 of Petrograd District in St. Petersburg. The package is an innovative guidance devised by the teachers and includes a tutorial description of educational routes for students, a lesson design on the topic, a system of research assignments for high school students, an annotated list of destroyed churches of the Petrograd Side, a collection of materials „The destroyed temples of the Petrograd Side in painting“, etc. The article presents the materials on the experience of implementing the teaching materials package in School No. 85 within the framework of the interdisciplinary comprehensive course „Architecture of Knowledge“.

Keywords: the destroyed temples of the Petrograd Side; an educational route; teaching materials package; Architecture of Knowledge; Federal State Educational Standard; interdisciplinary approach.

Тема утраченных храмов очень глубокая и многоаспектная и рассматривается в науке в разных плоскостях и направлениях. Исследователи-историки обращались к этой теме многократно, материал представлен на нескольких сайтах, по теме вышло несколько монографий¹. Вместе с тем информация об утраченных храмах Петроградской стороны, имеющаяся в разных источниках, подчас противоречива и требует уточнения, единого полного перечня утраченных храмов Петроградской стороны до сих пор не существует.

В педагогике же тема «Утраченные храмы Петроградской стороны» затрагивалась крайне редко, и по большей части материал использовался на репродуктивно-формальном уровне. На наш же взгляд, образовательный,

культурный и духовный потенциал этой темы неисчерпаем, и возможности ее использования очень широки, однако в преподавании пока мало востребованы.

Тема утраченного прошлого важна в первую очередь для воспитания бережного отношения к культуре, для формирования исторического мышления, умения видеть явления многосторонне и динамически. Образ храма, являясь средоточием духовной жизни человека и народа, объединяет разные сферы жизни, соединяет историческое прошлое и настоящее, позволяет обратиться к корням, к истокам культуры и осознать себя частью единого целого.

В 2015 г. авторским коллективом педагогов гимназии № 85 Петроградского района был разработан комплекс методических материалов «Утраченные храмы Петроградской стороны»². Целью методического комплекса является создание условий для формирования целостного мышления учащихся через постижение основополагающих ценностей русской культуры, ее глубокого духовного содержания, восходящего к православной нравственности.

Методический комплекс соответствует одному из приоритетных направлений инновационной деятельности, определенных в национальной образовательной инициативе «Наша Новая школа» и Стратегии развития системы образования Санкт-Петербурга, 2011—2020 гг. «Петербургская школа 2020», а именно — неформальное образование: переход от задачи «разнообразие в неформальном образовании» к задаче «воспитание неформальным образованием». Также данный методический комплекс отвечает и требованиям Федерального Государственного Образовательного Стандарта, в основе которого лежит системно-деятельностный подход к обучению. В соответствии с ним методический комплекс направлен на развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий, познания и освоения мира через деятельностное познание³.

Особенность методического комплекса состоит в широкой вариативности использования составляющих его материалов. Комплекс может использоваться целиком, что дает максимальный образовательный и воспитательный эффект. Отдельные части комплекса, отдельные материалы могут использоваться и самостоятельно как вспомогательный или дидактический материал на уроках по разным предметам, на внеурочных занятиях, факультативах, классных часах и других мероприятиях.

Комплекс методических материалов является составной частью многокомпонентной образовательной программы «Архитектура Знания», включающей в себя систему урочных и внеурочных мероприятий, экскурсий, маршрутов, долгосрочных заданий и др. В рамках программы мероприятия каждого учебного года объединены «сквозной» темой. Эти темы были выработаны на основе подробного анализа содержания всех учебных предметов, изучаемых в том или ином классе.

Нами определены следующие сквозные темы для учащихся 5—11 классов: 5 класс — Пространство жизни и культуры; 6 класс — Гармония и соразмерность. Античный мир; 7 класс — Динамика отношений: старое и новое, «свое» и «чужое»; 8 класс — «Моя родословная»; 9 класс — Образование и Просвещение; 10 класс — Многосоставность события: открытия эпохи реализма; 11 класс — *A realibus ad realiōra* (от реального — к реальному): идейные искания XX в. и образы будущего. Входящие в комплекс материалы связаны с программой «Архитектура Знания» 8—10 классов⁴.

Комплекс методических материалов «Утраченные храмы Петроградской стороны» включает в себя: методическую разработку трех образовательных маршрутов по утраченным храмам Петроградской стороны для учащихся 8 классов (каждый маршрут предполагает посещение 7-8 мест, где ранее находились храмы, и выполнение интегрированных заданий, связанных с

ними), памятки для учащихся и педагогов, участвующих в маршруте, методическую разработку занятия по теме для учащихся 9—11 классов, систему исследовательских заданий по теме для 9—11 классов, диагностические материалы по теме, пособие для учителей по использованию методических материалов, дополнительные материалы по теме, полученные в результате совместной исследовательской работы педагогов гимназии и учащихся (сборник «Утраченные храмы Петроградской стороны в живописи», «Аннотированный список „Утраченные храмы Петроградской стороны“», фотопроекции «Взгляд в прошлое»).

Кратко охарактеризуем каждую из частей методического комплекса.

Центральная часть комплекса «Утраченные храмы Петроградской стороны» — методическая разработка трех образовательных межпредметных маршрутов по утраченным храмам Петроградской стороны. Занятие-маршрут — это интерактивное межпредметное многокомпонентное занятие, направленное на формирование целостной картины мира у учащихся, которое проводится в разновозрастных группах, включающих в себя разных участников образовательного процесса: учащихся, тьюторов, учителей, родителей. Методика проведения маршрутов является авторской, разработана и реализуется в гимназии с 2012 г.

Образовательный маршрут состоит из нескольких частей. За день-два до маршрута проводится предварительное занятие, это может быть урок в рамках какого-либо определенного предмета, интегрированный урок (в зависимости от темы маршрута), его задачи — ввести в материал, очертить круг проблем, поставить вопросы, которые будут решаться на маршруте, решить организационные вопросы.

В день проведения маршрута класс распределяется на группы по 4—6 человек, каждая группа проходит маршрут с руководителем: по согласованию это могут быть старшеклассники-тьюторы, выпускники гимназии, родители, учителя, студенты вузов-партнеров проекта. Каждая группа получает маршрутный лист с заданием поискового характера. По времени маршрут может занимать 1—3 часа в зависимости от возраста учащихся и особенностей класса. Маршрутный лист заполняется непосредственно во время проведения маршрута.

После прохождения маршрута учащиеся продолжают работу по группам (самостоятельно или с руководителем). В течение одного урока (45 мин.) они готовят творческий отчет о маршруте, выполняя определенное задание. Отчетные задания могут быть разными в зависимости от темы занятия, но все они носят творческий характер и предполагают работу по группам, в которой обязательно задействован каждый участник. Можно выделить несколько типов таких заданий: написание текста с пропущенными «звеньями» сюжета, написание текста с опорой на имеющийся материал по заданным «параметрам», инсценировка творческих композиций, написанных участниками занятия, проект-плакат и его устная защита.

В рамках темы «Утраченные храмы Петроградской стороны» нами разработаны три образовательных межпредметных маршрута, каждый из которых предполагает посещение 5—6 мест, где ранее находились храмы и выполнение интегрированных заданий, связанных с ними. Разработаны задания по 9 утраченным храмам Петроградского района:

1. Троицкий собор — Троице-Петровский собор (Троицкая площадь).
2. Церковь во имя Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня — Николо-Труниловская церковь (Большая Посадская ул., д. 10/12).
3. Церковь апостола Матфия и Покрова Пресвятой Богородицы — Матвеевская церковь (Матвеевский сквер на Большой Пушкарской ул.).

4. Церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» при приюте детей-калек и паралитиков Общества попечения о бедных и больных детях (Лахтинская ул., д. 10/12).

5. Церковь во имя Казанской Божьей Матери при подворье Вышневолоцкого Казанского женского монастыря Тверской епархии (Малый пр. П. С., д. 69/14).

6. Церковь во имя Святого Алексия Человека Божия (Чкаловский пр., д. 50).

7. Лютеранская церковь святой Марии у Сытного рынка (Сытинская ул., д. 9, угол с Кронверской ул.).

8. Церковь приюта братства во имя Царицы Небесной (ул. Воскова, д. 1).

9. Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы — Введенская церковь (Пушкарский сад, угол Большой Пушкарской и Введенской ул.).

Все задания в маршрутных листах интегрированные, метапредметные, творческие, поисковые, непосредственно связаны с посещаемым местом и предполагают активное наблюдение, целостные (каждое задание представляет собой завершенное смысловое целое). В рамках маршрутов учащиеся выполняют задания разных типов: задания на сопоставление, задания, связанные с происхождением слов, позволяющие увидеть историческую изменчивость языка, задания по карте, задания на развитие воображения, творческие, исследовательские и поисковые задания.

В процессе прохождения маршрута учащиеся имеют возможность самостоятельно выстраивать работу в рамках каждой смысловой остановки, выбирать последовательность выполнения заданий. Поскольку работа выполняется в группе, учащиеся могут самостоятельно распределить роли в группе. Для учащихся 9 класса нами был апробирован вариант самостоятельного индивидуального прохождения маршрута каждым учащимся.

Так как маршрут является нестандартной инновационной формой работы для учащихся и педагогов, возникла необходимость создания вспомогательных материалов, которые помогают понять логику маршрута, его отличительные особенности, разъясняют правила поведения во время проведения маршрута — это памятки для учащихся и педагогов, участвующих в маршруте. Родителям и педагогам их целесообразно выдавать заранее, чтобы была возможность понять новый для них принцип работы, что особенно важно при проведении первых маршрутов. Памятки для учащихся выдаются вместе с маршрутным листом каждой группе, перед началом маршрута одним из важных организационных моментов является ознакомление с полученной информацией, принципами работы. Использование подобных раздаточных материалов позволяет избежать многих проблем, все участники этого достаточно сложного с организационной точки зрения мероприятия знают, что им нужно делать, понимают алгоритм работы.

Для учащихся 9–11 классов, не имеющих возможности пойти на образовательный маршрут, было разработано занятие по теме «Утраченные храмы Петроградской стороны». Оно может использоваться, например, в образовательных учреждениях, расположенных далеко от исторического центра Санкт-Петербурга. Вместе с тем данное занятие целесообразно проводить и для учащихся 9–11 класса с целью закрепления и углубления знаний, полученных на маршруте в 8 классе, и подготовки старшеклассников в качестве наставников, сопровождающих группы на маршруте.

По итогам проведения занятия учащиеся получают творческие и исследовательские задания на выбор, что позволяет им самостоятельно на более глубоком и осознанном уровне освоить эту тему. Тема становится для них лично значимой.

Методический комплекс также включает в себя систему исследовательских заданий по теме «Утраченные храмы Петроградской стороны» для 9—11 классов. Это система взаимосвязанных заданий, нацеленных на создание исследовательских работ, обучающая написанию энциклопедических статей.

Задания предполагают поиск информации в различных источниках, сопоставление источников, их критический анализ, обработку полученной информации и создание исследовательского текста.

С целью изучения уровня знаний и интереса к теме утраченных храмов нами были разработаны диагностические методики различных типов: формализованные методики (нулевой срез по теме, итоговая работа), малоформализованные методики (эссе по теме «О чем молчат утраченные храмы», итоговый анализ творческих и исследовательских работ). Конкретными результатами данной работы являются творческие и исследовательские работы по теме «Утраченные храмы Петроградской стороны».

В методический комплекс входит также пособие для учителей по использованию методических материалов, в котором раскрывается вариативность использования представленных методических материалов в зависимости от особенностей учреждения. В рамках комплекса нами создан своеобразный «методический конструктор», позволяющий использовать данную инновационную разработку в разных образовательных учреждениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Завершается методический комплекс «Утраченные храмы Петроградской стороны» дополнительными материалами по теме, полученными в результате совместной исследовательской работы педагогов гимназии и учащихся. Проведение образовательных маршрутов, занятия по теме в старших классах как итог предполагают написание творческой или исследовательской работы, при этом вид работы учащиеся могут выбрать сами в соответствии со своими предпочтениями и склонностями. При совместной работе над этой темой педагогами и учащимися гимназии были созданы три тематических сборника материалов: «Утраченные храмы Петроградской стороны в живописи», «Аннотированный список „Утраченные храмы Петроградской стороны“», Фотопроекции «Взгляд в прошлое». Тема утраченных храмов Петроградского района в живописи практически не освещалась в исследовательской работах, но она является актуальной, данный материал может быть использован при подготовке соответствующих занятий не только в школе, но и вузе, в учреждениях дополнительного образования детей.

Первые итоги внедрения данного комплекса методических материалов в гимназии продемонстрировали, что при системной работе по этой теме можно достичь множественных образовательных результатов. Перечислим наиболее значимые из них, на наш взгляд. Во-первых, это результаты, реализующие основные направления развития современного образования: преодоление предметности современного образования, основывающегося на педагогической идее сведения содержания образования к знаниям, структурируемым по учебным предметам, ориентация на формирование умения находить знания, анализировать их, приобщение учащихся к исследованию, поиску, открытию нового, а не получение в «готовом виде», ориентация на формирование ряда важнейших компетентностей учащихся, таких как общекультурная и социальная, пробуждение исследовательского отношения к миру и эмоциональной отзывчивости, формирование ценностных ориентиров в духовной и нравственной сфере. Во-вторых, это эффекты, достигаемые в учебной деятельности. В ходе экспериментальной работы были проведены диагностические исследования, включающие тесты, анкетирование, опросы, изучение результатов деятельности детей, которые позволили выявить ряд

эффектов, оказывающих непосредственное влияние на повышение уровня образования, а именно: повышение мотивации учащихся к обучению, формирование у учащихся предпосылок для освоения знакового языка культуры, что подразумевает развитие способностей к семантическому анализу, связанному с умением «читать» различные тексты культуры, «свертывать» и «развертывать» информацию, заложенную в них, а впоследствии создавать и собственные культурные тексты, развитие способности учащихся использовать различные формы и методы познания и интегрировать их в исследовательской деятельности, уметь анализировать и выбирать значимое в информационном потоке, готовность учащихся к сотворчеству, формирование способности находить взаимосвязи между изучаемыми явлениями и повседневной жизнью.

Планируемыми результатами использования в работе методического комплекса «Утраченные храмы Петроградской стороны» являются получение учащимися новых знаний и углубление имеющихся знаний по истории, географии, литературе, русскому языку и другим предметам, формирование осознанного уважительного и доброжелательного отношения к культуре, истории, религии.

Тема «Утраченные храмы Петроградской стороны» имеет далекие перспективы для ее дальнейшего изучения и внедрения в педагогическую практику — продолжение исследовательской работы с учащимися по теме «Утраченные храмы Петроградской стороны в живописи, литературе и мемуаристике», продолжение работы с народным порталом православной архитектуры с целью пополнения имеющейся базы утраченных храмов Петербурга, апробация методического комплекса в других образовательных учреждениях Санкт-Петербурга.

Примечания

¹ Длужневская Г. В. «Утраченные храмы Петроградской стороны», СПб. : Издательский дом «Литера», 2003. 157 с.; Гусаров А. Ю. «Утраченные храмы Петербурга. СПб., 2014. 368 с.; Церкви Петербурга, разрушенные в 1920–1980-х годах [Электрон. ресурс]. СПб., [2016]. URL: <http://piters.in/nogram> (дата обращения: 15.04.2016); История (хронология) утраченного храма Св. ап. Матфия (Покровская церковь) [Электрон. ресурс] / сост. Владимир Синкевич. СПб., 2009. URL: http://pan-i.ru/documents/materials/6_izdanie_Istoriq_hronologiq_2008.pdf (дата обращения: 15.04.2016); Раздел «Утраченное» [Электрон. ресурс] // Архитектурный сайт Петербурга. СПб., 2007—2016. URL: www.citywalls.ru (дата обращения: 15.04.2016); Народный каталог Православной архитектуры [Электрон. ресурс]. СПб., [2016]. URL: <http://sobory.ru/> (дата обращения: 15.04.2016).

² Вильцина М. А., Кочешкова Л. Е., Смирнов Н. В. Комплекс методических материалов «Утраченные храмы Петроградской стороны». СПб., 2016.

³ Аксенова Н. И. Системно-деятельностный подход как основа формирования мета-предметных результатов // Теория и практика образования в современном мире. СПб, 2012. С. 140—142; Профессиональные объединения педагогов: методические рекомендации для руководителей образовательных учреждений и учителей / под ред. М. М. Поташника. М., 2002. 144 с.

⁴ Подробнее о программе «Архитектура Знания» см.: Кочешкова Л. Е. «Архитектура Знания»: проектная деятельность как средство формирования целостной картины мира петербургского школьника // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2013). СПб., 2014. Ч. 1. С. 254—257; «Архитектура Знания» [Электрон. ресурс]. СПб., [2016]. URL: <https://sites.google.com/site/arhitekturaznania/home> (дата обращения: 15.04.2016).

С. В. КАРДИНСКАЯ

Этнические сообщества в социальных сетях Санкт-Петербурга: конструирование сетевой идентичности

В статье рассматривается проблема этнической идентификации в социальных сетях на примере этнических сообществ Санкт-Петербурга. Для анализа используется концепция сетевой идентичности, подразумевающая самоопределение информационного потока в точке самоименования. Этническое имя оказывается пустым концептом, определяющим конфигурацию современного социального дискурса, посредством «касания» различных информационных сообщений. В процессе исследования были проанализированы семь этнических групп в социальной сети «ВКонтакте», проведен контент-анализ более 700 сообщений.

Ключевые слова: этническое сообщество; социальная сеть; этническая идентичность; контент-анализ; этносы Санкт-Петербурга; национализм; толерантность.

S. V. KARDINSKAYA

Ethnic communities in St. Petersburg social networks: construction of a network identity

The article deals with the problems of ethnic identity in social networks exemplified by the ethnic communities in St. Petersburg. The analysis uses the concept of a network identity, implying the information flow self-determination at the point of self-designation. The ethnic name proves to be an empty concept, defining the configuration of the contemporary social discourse, through "touching" various information messages. The study analyzed seven ethnic groups in the social network "VKontakte" and conducted content analysis of more than 700 messages.

Keywords: ethnic community, social network, ethnic identity, content analysis, ethnic groups of St. Petersburg, nationalism, tolerance.

Интерес индивидов к этническим и религиозным «корням», стремление к устойчивыми примордиальным ценностям усиливаются в эпоху глобализации. Глобальная «безмирность» (А. Бадью)¹, сопровождающаяся ускорением прохождения информационных потоков сквозь пространство и время, универсализацией, формированием «не мест» (З. Бауман)², повышает значимость для современных индивидов так называемых «фундаменталистских миров» с их закрытостью, непроницаемостью, отчетливым разделением на «своих» и «чужих», «мы» и «они», наличием принципов различения ценного и неценного, «миров», определяющих включенность индивида в сообщество, дающих ему ощущение солидарности и, своего рода, психологический комфорт.

Принадлежность к этническому сообществу является важной для многих жителей российских крупных городов. Процесс «поиска идентичности» в постсоветский период достаточно подробно описан в социологической литературе. Одно из наиболее удачных и интересных, на наш взгляд, исследований этнических сообществ Санкт-Петербурга представлено в сборнике «Конструирование этничности»³. Социологи «Центра независимых исследований» Санкт-Петербурга проанализировали типы этнической идентификации, которые можно условно обозначить как «семейно-клановый», характерный, в основном, для петербургских татар и армян, «организационный», предполагающий приобщение

к этнической культуре посредством национально-культурных объединений (немцы, поляки), а также «сконструированный» тип этнической идентичности, подразумевающий самостоятельное творческое конструирование индивидом образа своего этноса посредством обращения к истории близких или дальних родственников, их поиск, изучение архивных документов, языка и культуры избранного этноса. При этом, основанием для такого конструирования может быть лишь имя, фамилия и/или семейные предания.

Анализ процессов этнической идентификации 90-х гг. показывает размывание границ понятий «этничность» и «этнос». Становится практически невозможным обнаружение отчетливых признаков «этнической общности». Одновременно с повышением неопределенности самого понятия «этнос», интерес индивидов к этническим «корням» и к их поиску не ослабевает, а, в силу последних политических тенденций, только усиливается и ведет к росту националистических настроений у части общества. Поиск идентичности в современную эпоху оказывается связанным с созданием сетевых этнических сообществ и с демонстрацией символической природы этничности. Этничность начала XXI в. становится языком, говорящим о самом себе и принимающим более или менее отчетливые конфигурации. Эти конфигурации выстраиваются по типу сетевых интернет-сообществ и имеют ряд особенностей.

Такое сообщество существует виртуально как поток информации и структурировано в качестве сети. Метафора сети подразумевает соединение узелков, где каждый узел является точкой прохождения информационного потока. Поскольку точка внутри себя не структурирована, она оказывается скважиной, сквозь которую проходит поток. Прохождение потока становится его саморазличием, обнаруживающим структуру «до/после» точки. Сама же точка как точка разграничения состояний потока оказывается точкой именованная или именем. Соответственно, этническое сообщество существует в виде имени, которое структурирует поток информации.

Согласно такому пониманию сетевого сообщества, этнос теперь может рассматриваться как символическое поле, самоопределяющееся в точке своего предела. Эта точка является связующим узлом, соприкасающимся, в пределе, со всеми другими возможными точками-узлами сети. Поскольку информация мгновенна, то, опять-таки в пределе, расстояние между узелками равно нулю. Соприкасающиеся информационные узлы образуют специфические конфигурации, которые мы и обозначаем как этнические сетевые сообщества.

В 2015–2016 гг. (с сентября по апрель) был проведен контент-анализ ряда сетевых этнических сообществ Санкт-Петербурга. Были исследованы группы «ВКонтакте», наиболее часто обновляющиеся и с достаточно представительным количеством участников. Это группы: «Удмурт Кенеш в Санкт-Петербурге», «Удмурты в Санкт-Петербурге», «ПетроТат», «Татары Санкт-Петербурга», «Армяне Санкт-Петербурга», «Русская пробежка. Санкт-Петербург», «Нация. Традиция. Европейская солидарность. Ресурс русской молодежи в Санкт-Петербурге».

В процессе проведения контент-анализа были выделены категории — политическая, экономическая социальная, культурная сферы деятельности сообществ. Внутри этих категорий, в свою очередь, оказалось возможным определение подкатегорий, достаточно разнообразных по своему содержанию. Единицей анализа является сообщение на «стене» сообщества. Всего было проанализировано четыреста сообщений (по сотне сообщений для каждой этнической группы).

Рассмотрим примеры конфигураций символических полей этнического дискурса на примере этих сообществ. Так, для двух удмуртских сообществ характерно преобладание информации, которую можно отнести к категории

«культурная сфера». Эти сообщения составляют 52 % от общего массива исследованных сообщений. К политической, социальной и культурной сферам относятся остальные сообщения с достаточно мелким дроблением тем. Так, 6 % всей информации в удмуртских сообществах составляют сообщения о деятельности организации «Удмурт Кенеш» («Совет удмуртов») в Санкт-Петербурге. Сообщается, например, что деятельность организации «Удмурт Кенеш» в Санкт-Петербурге и все ее проекты финансируются правительством Удмуртской республики. Удмуртское землячество «Италмас», также представленное в сообществах, финансируется Генеральным представительством по РФ и СНГ International Ratings Center (Sha-ratings.org) (генеральный директор Александр Рабинович (Ижевск)). Информационную поддержку оказывает Международный медиахолдинг «Честь имею» (Chest-imeyu.com).

В основном, информация о деятельности удмуртских сообществ содержит сообщения о проектах, конкурсах и социальных акциях, связанных с благотворительностью и защитой природы. Проекты, как правило, ориентированы на увековечивание памяти деятелей удмуртской культуры (Кузубая Герда, Ошальчи Оки и др.), с годом Удмуртии в Москве, с традиционным праздником «Гербер», проводимым также в Москве, выступлениями ансамбля «Бурановские бабушки», представлением удмуртской культуры на ВДНХ. Сообщения, относящиеся к «культурной сфере», информируют о фольклорных фестивалях, выставках удмуртских художников, конструировании традиционного национального костюма, о концертах фольклорных коллективах из Удмуртии.

Любопытно, что удмуртские сообщества не проявляют интерес к традиционным языческим верованиям, к сохранившимся религиозным практикам, к легендам и сказкам. Судя по сообщениям, инициатива по созданию, например, сорока пяти мультфильмов на удмуртском языке по мотивам удмуртских сказок появилось только в 2016 г. Все это свидетельствует о том, что «культура» в социальных сетях Санкт-Петербурга, носит фольклорно-проектный характер и предполагает обращение к «прошлому», которое опять-таки представляется как музейно-фольклорное, а не живущее в памяти современных удмуртов.

Удмуртское «настоящее» представляет собой непрекращающееся проектирование, отсылающее современную удмуртскую молодежь в «прошедшее» и, одновременно, в «будущее», обозначая отсутствие реальности этноса в настоящем. Этот вывод подтверждается, в частности, исключительно малым вниманием к удмуртскому языку (6 % сообщений). Сообщения по поводу языка носят ознакомительный характер, это, в основном, информация об имеющихся учебниках. Только одно сообщение из исследованного нами массива содержит предложение изучать удмуртский язык. Соответственно, мы можем предположить, что удмуртский язык и история удмуртских религиозных традиций не востребованы участниками сообщества.

Совершенно противоположная конфигурация этничности представлена сообществами «Петротат» и «Татары Санкт-Петербурга». Создателя сайта «Петротат» Рустема Гаязова можно определить в качестве «этнического предпринимателя», поскольку посредством этого паблика участники сети «ВКонтакте» информируются о деятельности интернет-магазина выпечки, о пошиве национальных костюмов и организации татарских свадеб. Не случайно основной массив сообщений в группе составляет реклама (45 %) и социальная реклама (15 %).

Сообщений, относящихся к «культурной сфере», достаточно много — 15 %. «Культура», представленная в сообщениях, ориентирована на молодежь и детей. Так, в сообществах присутствуют объявления, фотографии, рассказы

о татарском клубе знакомств, татарских дискотеках, татарских свадьбах и татарском детском саде. Подчеркивается важность поиска «второй половины» именно из числа татар, создаются условия для знакомства молодых татар и татарок друг с другом в большом городе, обозначается ценность татарского языка как языка повседневного общения (татарский детский сад с обучением татарскому языку). В сообществах по умолчанию подразумевается, что татары исповедуют мусульманскую религию, хотя специфических мусульманских постов немного (приблизительно 3 % от всех сообщений). Такие сообщения оказываются встроенными в общий контекст публика, ориентированного на молодых людей, ценящих крепкую семью и негативно относящихся к разводам, что приписывается, в частности, мусульманскому воспитанию.

В сообщениях публика достаточно широко представлены посты на татарском языке, хотя основным языком этих групп — русский. Присутствуют объявления о возможностях изучения татарского языка в Интернете, видео- и аудиоуроки татарского языка, мультфильмы на татарском языке, объявления об обучении языку по скайпу. Необходимо отметить, что реклама гармонично вписывается в общую атмосферу увлеченности татарской молодежи этнической культурой. В рекламных сообщениях обязательно представлены сведения о традициях, например о свадебных, в социальной рекламе часто присутствуют пословицы и поговорки на татарском языке.

Немногочисленные сообщения, отнесенные нами к «политической сфере» (6 %), посвящены политике Татарстана и обозначению ценности республики как центра происхождения всех татар, где бы они ни проживали. Публик содержит критические статьи, выявляющие недостатки молодежной политики Татарстана, и «Молодой гвардии», которая ею руководит, проводя мероприятия для «галочки». В группе широко освещаются бизнес-форумы и конференции по развитию предпринимательства и информационных технологий как приоритетных направлений развития страны, проводимые в Татарстане. Процветание Татарстана и, соответственно, всех татар связывается с бизнес-проектами в области экономики и технологий.

Таким образом, конфигурация татарского этноса, очерчиваемая сетевыми сообществами, предполагает представление этноса в качестве своеобразного бренда, включающего в себя такие ценности как татарская семья, татарский язык и татарские бизнес-инициативы. Этнос предъясняется как социальный проект, активно продвигающийся в социальных сетях. Многочисленность участников татарских сообществ Санкт-Петербурга свидетельствует о популярности и востребованности таких этнических ценностей.

Армяне Санкт-Петербурга представлены «ВКонтакте» небольшим, но часто обновляющимся одноименным сообществом. Тематизация культурных, религиозных вопросов, а также проблем, связанных с историей Армении, исторической памятью и геноцидом армян в Турции (1915 г.), являются одинаково значимыми и составляют от 16 % до 19 % сообщений публика. Так, в начале апреля 2016 г. основной темой сообщений были военные действия в Карабахе и патриотизм армян. Важной темой, относящейся к «политической сфере», является поддержка армян-беженцев из Сирии, рассказы о том, как им помогают армяне, например, Марселя, других французских городов и армяне США. Немаловажной проблемой, обсуждаемой в группе, является экономическая и социальная нестабильность в Армении, порождающие рост эмиграции.

Сообщения группы подчеркивают значимость для армян религиозной общины Санкт-Петербурга, постоянно публикуются объявления о проводимых в церкви Святой Екатерины духовных беседах, обрядах «хокум» (размышление), освящения воды. Группа информирует о регулярных собраниях

верующих, об иереях и викариях, являющихся авторитетными среди армян людьми и ведущих с ними духовную работу. При армянской апостольской церкви Санкт-Петербурга активно работает учебно-воспитательный центр, формируются художественные, танцевальные и хоровые коллективы. Община армян участвует в благоустройстве города, например проводит субботники в Камском саду Васильевского острова, собирает средства для установления памятника армянскому композитору Комитасу (С. Г. Согомоняну) и на издание книг армянских писателей.

Сообщество формирует образ живой и деятельной армянской общины, открытой для всех армян, проживающих в Петербурге, а также приезжих. «Армянскость» оказывается связанной как с традиционными для армян «точками пристрастия» — геноцидом армян в Турции и Арцахом (Карабахом), так и включенностью в армянскую общину, занимающуюся всеми вопросами жизни армян и подразумевающую единство армян всего мира.

В отличие от рассмотренных выше групп «ВКонтакте», сообщества русских в Санкт-Петербурге («Русская пробежка» и «Нация, Традиция, Европейская солидарность. Ресурс русской молодежи в Санкт-Петербурге») никак нельзя назвать культурно и исторически ориентированными. Кроме вышеперечисленных, «ВКонтакте» существует три крупные «русские» группы, сформированные по этническому признаку. Это «Русская качалка» (закрытая группа), «Русские националисты», «Союз русской молодежи» (закрытая группа) и еще несколько малочисленных и непредставительных групп. Как видно уже из названий, все «русские» группы в данной социальной сети являются националистическими. Нами были проанализированы посредством метода контент-анализа две группы — «Русская пробежка» и «Нация, Традиция, Европейская солидарность. Ресурс русской молодежи в Санкт-Петербурге». По количеству участников эти группы наиболее многочисленны.

Данные сообщества не позиционируют себя в качестве националистических напрямую. Наиболее важной темой для них является так называемый «здоровый образ жизни», предполагающий ценность трезвости, занятия спортом. Под «спортом» понимаются, главным образом, силовые упражнения в тренажерных залах и пробежки по улицам Петербурга с флагами, содержащими откровенную черносотенную символику. Достаточно своеобразно также понимание активистами группы «борьбы за трезвость». Так, например, в видеоролике, посвященном празднованию восьмого марта в Тихвине, «борьба за трезвость» демонстрируется в качестве отъема бутылок с пивом у отдыхающих в городском парке жителей. Выглядит это примерно так: крепкие молодые люди подходят к людям, держащим в руках пиво, и вежливо просят вылить напиток и выбросить бутылку в урну, потому что «дети смотрят». Никто, как правило, не сопротивляется и добровольно отдает стеклотару активистам.

Наибольшее количество публикаций группы (37 %) относится к категории «политическая сфера» и содержит, в основном, критические посты. Это публикации, критикующие цивилизацию Запада, направленные на поддержку ДНР, ЛНР и пропаганду «русского мира», осуждающие «отдачу» заграничным бизнес-структурам месторождений полезных ископаемых в Воронежской области, критикующие «репрессии» государства против националистов (они называются «узниками совести»). Публикации содержат также призывы к объединению «правых», антикавказские, антимигрантские высказывания, и даже (в одном случае) отрицание холокоста. 3 % сообщений содержат рассказы об избиениях кавказцами русских людей в различных регионах России.

Содержится также информация о «боевых организациях», существующих в Санкт-Петербурге, таких как «Бойцы славянской дружины» и

«Северо-славянский хутор». Казацкая организация «Северо-славянский хутор» рассматривается как клуб общей физической и военной подготовки, однако казаки претендуют на роль помощников полиции в охране общественного порядка на улицах Петербурга. Как следует из интервью с лидером казаков, организация выполняет функции добровольной народной дружины и, например, пресекает незаконную торговлю алкоголем, табаком и другими товарами, проводит рейды, направленные против такой торговли и торговцев. Как сказал в интервью Д. Ю. Пучкову атаман «Северо-славянского хутора»: «Мы проводим рейды по местам скопления наркоманов, нелегальных мигрантов. По местам нелегальной торговли алкоголем, в закрытиях борделей участвуем. Также частенько нас привлекают для охраны правопорядка в дни проведения массовых мероприятий — праздников гуляний, митингов, шествий. Ногайки можем носить с собой, но мы предпочитаем дубинку и электрошокер. Их использовать напрямую не запрещается. Травматический пистолет можно разрешенный»⁴.

Сообщения, относящиеся к категории «социальная сфера», составляют 13 % всех публикаций в двух «русских» группах. В них также содержится, в основном, критический дискурс: критика межэтнических браков, представителей ЛГБТ, критика школьного образования, мало обращающего внимание на здоровый образ жизни детей. Участники сообществ ведут борьбу с рекламой на асфальте, посвящают свои пробежки ее уничтожению (стиранию и закрашиванию). Как правило, вместо рекламы активисты пишут свои лозунги, например, «Русский — значит трезвый» и т. д. Среди сообщений публика встречаются откровенно расистские, особенно в комментариях, например: «Хочется чтобы на улицах города было больше белых людей», или статья, обосновывающая «ущербность» монголоидной расы.

Сообщения о культуре представлены немногочисленными постами (10 %) и содержат, в основном, объявления о выступлениях фольклорных ансамблей. Что касается науки, то среди исследованных сообщений была обнаружена только одно сообщение, которое можно отнести к этой категории. Это лекция об угрозе исламизации России, прочитанная в Русском чайном клубе. К «культурной сфере» также относятся сообщения о правильном питании, сводимые, если выразиться кратко, к антимакдональдизации. В противовес вредному фастфуду предлагаются русские блюда, приводятся «старинные» рецепты, раскрывающие «секреты» долголетия и здоровья прошлых поколений «русских».

Подводя итог исследования, можно сказать о наибольшей идеологизированности «русских» сообществ «ВКонтакте», предъявлении ими националистического дискурса, предполагающего ксенофобию в качестве нормы для русской молодежи. «Русская» конфигурация этнического сообщества выстраивается по принципам дискурса критики, содержащего риторику «очищения» от «неправильного», «чужого» с позиции «своего». Не предлагая никаких ценностей «этнического» содержания (связанных с историей, культурой, языком), подобные сетевые группы используют язык отрицания — отрицания положительной роли цивилизации Запада в российской истории, ценность культурной связи русского этноса с этносами Азии и Кавказа, отрицание холокоста, неприятие различного рода меньшинств и т. п. В результате такого отрицания или устранения всего «чужого» происходит освобождение пространства для собственной идеологии, не содержащей ничего, кроме критики. Будучи пустым, критический дискурс, тем не менее, обозначает «русскость» как существующую в коммуникативном пространстве. В критическом дискурсе «русских» сообществ происходит явная подмена — утверждение позитивных ценностей здорового образа жизни и трезвости

оборачивается идеологической изнанкой ксенофобии и нетерпимости. Так, массовая пробежка участников сообщества и спортивные мероприятия оказываются поводом продемонстрировать черносотенную символику группы и мускулы активистов, готовых к обороне и наступлению.

Примечания

¹ *Бадью А.* Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Мир в войне: победители/побежденные: 11 сентября 2001 глазами французских интеллектуалов. М., 2003. С. 45.

² *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008. С. 111.

³ Конструировании этничности / под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998. 303 с.

⁴ Интервью атамана ХКО «Хутор Северо-Славянский» (современные казаки) [Электрон. ресурс] // Русская пробежка. Санкт-Петербург. URL: https://vk.com/rusbeg_spb?z=video3828425_171789631%2F71054c17dfae98fd82%2Fpl_post_26268330_244513 (дата обращения: 01.07.2016).

А. Б. ЛЯРСКИЙ

Лев, гимназистка и зашифрованный дневник. Из истории подросткового поведения в России начала XX в.

В статье рассматривается влияние художественной литературы на язык чувств гимназистки начала XX в. Исследуются проблемы коммуникации между поколениями.

Ключевые слова: гимназистки; история детства; отношения поколений.

A. B. LIARSKY

A novelist, schoolgirl and encrypted diary. From the history of adolescent behaviour in Russia in the early 20th century

The article discusses the influence of literature on the language of romantic feelings typical of schoolgirls in the early 20th century. The research deals with the problems of the generation gap.

Keywords: schoolgirls; history of childhood; generation gap.

В 1910 г. покончила с собой Мария Генриховна Свирщевская, 18-ти лет. Оставленный ею дневник был зашифрован, и ознакомиться с ним смогли только после того, как его расшифровал полицейский чиновник. Текст не предназначался для чтения окружающими, и в нем не дается прямого объяснения поступкам девушки. Зато в этом дневнике содержится история переживания, на наших глазах разворачивается самоанализ, в рамках которого чувства не только описываются, но и формируются. Дневник Марии Свирщевской, как и всякий дневник — не аналитическая записка, а машина самопознания и структура презентации. Дневник небольшой — начат в середине декабря 1909 г., а в середине февраля Марии не стало. Судя по всему, на эти два месяца пришлась наиболее острая стадия душевного кризиса, приведшего к трагическим последствиям.

К сожалению, объем статьи делает невозможным публикацию дневника полностью, но следующая обширная цитата дает, на мой взгляд, исчерпывающее представление о характере текста:

«15 декабря. Жажду любви, а ее и помину нет. Не могу назвать я любовью эту пародию на любовь, которую я испытываю к Георгию. Я хочу такой любви, чтобы я сразу могла увлечься и человеком и мужчиной (так в тексте. — А. Л.). Молодой, чистой любви хочу. Получу ли я ее? Вероятно нет. Ведь я начинаю уже стареть, а там завяну в тоске и печали. Жалею иногда, что не пошла за А. Н. замуж. Уехала бы в Сибирь с ним, в средствах бы не нуждалась и он бы крепко любил меня. Да все равно — ведь я его не люблю так что счастливой не была бы за ним.

16 дек. Что ни шаг, то слышишь о любви. Читаешь книгу, там любят и любимы, разговариваешь с кем и тут слышишь о том, что тот или та влюблены. Конечно мне обидно: я жить хочу, любить и быть любимой, а вместо этого учись, скучай, сиди дома и даже не мечтай, так как и мечтать не о чем. Сегодня видела во сне А. Н. Странно, чего он снится мне иногда. Может быть увижу его скоро. Буду рада.

18. Я верно с ума сошла: полюбила ни за что ни про что старика, алкоголика, дурака, развратника. Что со мною стало? Как осмотрелась я теперь да очухалась, так просто ужаснулась. Ну что в Георгии хорошего. Мне нравится его физиономия и только. Но ведь это безумно так влюбляться в физиономию.

Вот уже год как он мне нравится, как я думаю о нем день в день. А что он дал мне взамен моей любви? Ведь он меня не любит и не любил. Он только кокетничал со мной. Вот дурра я чтобы так попасться, чтоб влюбиться в того, кто не любит и даже говорить ему об этом. Зато, конечно, это будет мне уроком. Я буду знать, как держать себя со всеми другими. Право же смешная я. Так глупо поставила дело, что глупее и быть не могло. Радости ведь я не получила ни на грош от этой любви. Скучала, мучилась, самолюбие страдало и только. А он играл мною и держался по отношению ко мне так, будто бы я была артисткой или куртизанкой. Пора предать всю эту историю забвению. Вот только бы посмеяться бы немного над ним да взять у него свои письма. А там прощай, ты мне больше не нужен. Жаль, что выпустила А. Н. Партия все-таки была бы не дурная. По крайней мере он бы любил меня, баловал бы, да и в деньгах не нуждалась бы я. Да что поделаешь, теперь уж этого не воротишь. Нужно еще кого найти. А ведь действительно, влюбленные слепнут по отношению к недостаткам своего божка. Мне казался Георгий красивым, а сегодня рассмотрела я его и он не только не красивый, а даже не интересный. Фигура у него плохая, сам он красный, нос кривой, одежда на нем плохо сидит. А как нравилась мне прежде его одежда. Каким чудным казался материал. Но отчего он не едет. Ах Гарька, Гарька, что ты со мной сделал. Что бы я не говорила, как бы тебя не ругала, я очень люблю тебя и всегда думаю о тебе, хочу тебя видеть и скучаю без тебя»¹.

На протяжении всего дневника Мария Свирщевская рассуждает о характере своих чувств, которые она испытывает к некоему Григорию, переходя от раздражения и разочарования в объекте к любовным признаниям и надежде на совместное счастье. Параллельно с этой линией можно выделить и другие — Мария выбирает между двумя возможными кандидатами в мужа — Александром и Григорием, причем разыгрывается классический сюжет — Александр богат и зовет замуж, а Григорий небогат и распутен, но, в отличие от Александра — любим. Отмечу также, что все любовные переживания не выходят за рамки флирта и фантазий, все поцелуи достаются только фотографии объекта и, насколько можно судить, сама Мария к физической стороне любви относится с отвращением: «...мне гадко позволить себя целовать, не то что ласкать»². С другой стороны, она мечтает о семье и детях: «Читаю войну и мир. И так хочется самой иметь семью, мужа. До сих пор мне не хотелось ребенка, а теперь хочу его. Не может быть, чтобы у меня сильной, здоровой, хорошо сложенной и не было ни мужа ни ребенка»³. Однако наряду с самопознанием и самоописанием опыта любовных переживаний, Мария постоянно размышляет о будущем, о том, что ее ждет в жизни. Эти размышления переплетаются с размышлениями о любви и замужестве. Выводы, к которым приходит наша героиня, неутешительны: выбор невелик и жизнь, по ее мнению, закрывает перед ней все дороги: «Что остается мне в жизни. Для чего я еще живу. Замужем я счастлива не буду, так как даже не могу себе представить близости с мужчиной... Учительница из меня тоже не выйдет. Так чем же быть? Вот ужасное положение». Жизнь без любви скучна, единственная профессия, которая для автора дневника возможна, — учительница, но эта профессия ей также не нравится. Как бы мы это сказали сейчас, ни в личной, ни в профессиональной сфере Мария не видела возможности для самореализации. Итогом кризиса стала попытка самоубийства, к сожалению, приведшая к гибели девушки. Господствующий дискурс вынес ей двойной

приговор — в Министерстве причиной ее поступка сочли разочарование в жизни, а директор учебного заведения, в котором училась Свирщевская, счел ее «нервно-больной». Во многом этот диагноз был поставлен на основании чтения дневника: «Слишком повышенная для ее возраста потребность семьи, материнства, около которой концентрируются все ее мысли, желания, отдаленнейшие стремления; крайняя неустойчивость в мыслях, желаниях, во взглядах, резко сказывающиеся в каждой записи дневника, где конец выражает настроение, противоположное тому, какое было при начале записи; эти периодически повторяющиеся кризисы, которые своею мощною волною неожиданно захватывали ее и превращали все существование ее в бессмысленную, в ее глазах, игру случая — все это убедительно говорит за то, что М. Свирщевская относится к натурам психически и нерво-вывихнутым»⁴.

Самым существенным моментом в изложенном сюжете, на первый взгляд, кажется самоубийство девушки и поиск его причин. Действительно, тот факт, что девушка покончила с собой, позволил ее дневнику сохраниться в министерском архиве, в отличие от многих подобных же записей ее более счастливых современниц. Однако это не значит, что мы должны слепо следовать за суицидальным контекстом, который не позволяет увидеть иные, не связанные с самоубийством фрагменты реальности, отразившиеся в этих записях. Для тех, кто читал дневник Марии Свирщевской после ее самоубийства, текст послужил ключом к разгадке ее поступка. В тексте дневника они видели прямое следствие особенностей личности Свирщевской. Таким образом, речь шла о традиционном взгляде на текст — автор представляется нам стабильной целостностью, текст является ее производной, особенности дневника оказываются следствием особенностей автора, следовательно, последовательность событий может быть восстановлена в обратную сторону — по особенностям текста можно восстановить особенности личности. Если для начала XX в. такая точка зрения является естественной, то после лингвистического поворота в гуманитарных науках она не может быть ни обязательной, ни очевидной. Скорее текст дневника следует представить как часть постоянного, текучего процесса становления, как способ автокоммуникации и самопознания.

То, что мы обычно называем личностью автора, в процессе создания текста не проявляется, а формируется. Чувства и мысли, неявные и неясные, не отрефлексированные и не заключенные в слова, кристаллизуются в тексте, обретают форму и, заключенные в жесткий словесный каркас, часто становятся понятны для самого автора. Тем более это верно для нашего случая, при котором дневник был начат в момент кризиса, за два месяца до самоубийства. Мария сама с удивлением описывает собственные реакции, по мере описания лучше понимая пережитое. Например, она рассказывает о встрече с объектом своего чувства после долгой разлуки: «Георгий здесь. Он только что приехал к нам, разговаривает с Томой в передней — не знаю уж как встречу с ним. Встретились очень холодно. Он даже руки не поцеловал и через полчаса уехал. Приедет вечером. Очень мне не понравился и сделался более чем чужим. Я не знаю, как мне держать себя с ними, мне неловко в его присутствии. Больно думать о том, что близкий человек стал вдруг таким чужим. Теперь у меня даже мечты о нем не может быть. На душе страшно тяжело. Все же я надеялась, что мы встретимся иначе. Хоть что-то либо напомнило нам о былом чувстве. Не такой страшной холодности ожидала я. Даже со своей стороны я не могла предположить что встречу его так равнодушно». Несовпадение ожидания и реальности, тем более в любовных переживаниях — что может быть банальнее? Этот сюжет нередок в художественной литературе, в том числе и в той, которая вполне могла быть прочитана нашей героиней:

«Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье—скукисемя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?»

Фауст:

Говори. Ну, что?

Мефистофель:

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской искукой ненавистной?..»

Это «Сцена из Фауста» А. С. Пушкина. Из более близких по времени к нашей героине поэтических строк можно привести в пример В. Брюсова с его «Встречей после разлуки»:

Но так давно, — по воле скучной прозы,
Мы разошлись, и только в мире тьмы
Ее лицо мне рисовали грезы.
Зачем же здесь, как прежде, рядом мы,
В объятиях, сплетая жадно руки,
Под тенями сосновой бахромы!..

...

Я шел один; дремали изваянья
Немых домов и призраки церквей;
И думал я, как лживо ожиданье.
Обард любви, далекий соловей,
О лунный свет, всегда необычайный,
О бахроме нависнувших ветвей!
Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый, но случайный:
Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...
Нет! прочь слова! себе ты не солжешь!

Однако, судя по всему, на нашу героиню наибольшее влияние оказало творчество Л. Н. Толстого. Единственная книга, из прочитанных Марией Свирщевской, которая упоминается в дневнике и которая читалась в эти месяцы, это «Война и мир». Скорее всего, именно эта она стала для гимназистки опорой, которая помогла ей понять, что именно «она чувствует». Хотя и нельзя утверждать наверняка, что дневник писался вдогонку к тексту или параллельно чтению романа, но если мы сравним роман и дневник, то их подобие станет очевидным.

Так, Наташа Ростова вспоминает о князе Андрее накануне святок: «Ей жалко было самое себя, жалко было, что она так даром, ни для кого, пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой... „Ах, поскорее бы он приехал. Я так боюсь, что этого не будет! А главное: я стареюсь, вот что! Уже не будет того, что теперь есть во мне“. Окружающий ее мир настолько не соответствует её влюбленности и трепету, что кажется застывшим и отвратительным в своей неподвижности: «Она присела к столу и послушала разговоры старших и Николая, который тоже пришел к столу. „Боже мой, Боже мой, те же лица, те же разговоры, так же папа держит чашку и дует точно так же!“ — думала Наташа, с ужасом чувствуя отвращение, подымавшееся в ней против всех домашних за то, что они были всё те же»⁵. Дневник Марии Свирщевской повторяет эти мотивы и отзывается на них с самого начала — читатель помнит, что на первой же странице Мария пишет: «Ведь я начинаю уже стареть, а там завяну в тоске и печали». Автору дневника 18 лет, Наташе — 16. Не удивительно, что Мария Свирщевская видит свою жизнь прожитой и бесперспективной.

И переживания усугубляются тем, что и Наташа отчаянно скучает на святках, и Мария пишет о своем новом переживании святок: «19 дек. Так жить нельзя. Ведь я не маленькая, а нет мне ни радости, ни цели в жизни. Как ребенку приходится довольствоваться сегодняшним днем, жить настоящим. А настоящее меня не радует, не увлекает ... Скучно, скучно, и скучно вот что дает мне сегодня, завтра и т. д. Что мне делать? Своих я не люблю, они меня раздражают... Приезжай Гарька — все же мне будет легче, как погляжу я на тебя, да увижу... 25 дек. Вот и дождалась праздников. Так радостно прежде проводили мы этот день, весело бывало на душе в эти праздники, а теперь даже не (длинный пропуск. — *А. Л.*) что сегодня Рождество — кажется будто это обыкновенный будний день. Скучно. Хочется своей семьи, любимого человека видеть возле себя и все свои кажутся чужими. А у меня верно не будет своей семьи!»⁶

Рассуждения гимназистки о семье, любви и возможном счастье вполне созвучны переживаниям героинь романа: «Читаю войну и мир. И так хочется самой иметь семью, мужа. До сих пор мне не хотелось ребенка, а теперь хочу его...» Невозможно понять, о каком месте из книги идет речь, однако их, безусловно, много. Вспомнить хотя бы Марию Болконскую, ждущую встречи с Анатолом Курагиным: «В душе княжны Марьи было мучительное сомнение. Возможна ли для нее радость любви, земной любви к мужчине? В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная. Чувство было тем сильнее, чем более она старалась скрывать его от других и даже от самой себя»⁷.

Эти отголоски прочитанных чувств становятся путеводной нитью для Марии — и вовсе не обязательно, что они касаются только «женских» переживаний. Так, приведенные выше рассуждения о Георгии («Я верно сума сошла: полюбила ни за что ни про что старика, алкоголика, дурака, развратника») очень похожи на прозрения графа Безухова по отношению к Элен — Пьер постепенно понимает, что она глупа и развратна и удивляется тому, что он мог ее любить.

И нельзя также не вспомнить, что в романе Льва Толстого «Война и мир» две героини выбирая между двумя кандидатурами, терпят крах и совершают попытки самоубийства — Элен (она погибает) и Наташа (остаётся в живых). Никаких прямых свидетельств о том, что судьба этих героинь напрямую повлияла на судьбу гимназистки нет, но косвенные — налицо. Так, Наташа, пыталась отравиться мышьяком, узнав, что Анатолий женат, в то время как

Андрею она отказала. Если оставить за скобками мотив чести, то по схожим лекалам строится модель поведения Марии Свирцевской: «16. Получила от Вити письмо, в котором он пишет, что А. Н. женился. Даже самолюбие моему не больно, что он променял меня на другую... Жаль немного, что с Георг. все кончено. Снова хочется любви. Интересно — полюблю ли я еще кого и будут ли интересоваться мной... Вот он Георгий — он не вышел оказывается из моей головы и с каждым часом мне становиться больнее и больнее, что я его оттолкнула. Зачем я это сделала, когда в нем заключалась вся моя жизнь? ...Господи, дай мне человека, которого можно было бы любить, дай мне жизни. Боже мой, дай хоть Георгия, и мне пока ничего не нужно. Да нет, теперь уж разрыв бесповоротен, теперь мы не можем стать близкими. Я слишком глубоко оскорбила его»⁸. На следующий день, 17 февраля, Мария отравилась.

Итак, перед нами текст, построенный по образцам чувств, сформированных русской литературой. Еще раз подчеркнем, что все прослеженные нами параллели с Пушкиным и Толстым — исключительно косвенные. Русская классика настолько вплелась в строй чувственной жизни, в ее основу, что собственные чувства девушки неотличимы от переживаний героев и героинь Толстого.

Исследователь Андрей Зорин в своей книге «Появление героя» пишет: «Во второй половине XVIII столетия производство „публичных образов чувствования“ все в большей степени берет на себя литература, предлагая образцы эмоционального кодирования для широкого круга образованных читателей... книга дает возможность заново возвращаться к испытанным переживаниям, уточнять и утончать свои эмоции, в постоянном режиме сверяя их с образцом. Самые популярные произведения того времени выполняли роль камертонов, по которым читатели учились настраивать свои сердца и проверять, насколько в унисон они чувствуют. Совместное чтение и переживание одних и тех же сочинений гарантировало распространение единых моделей чувства поверх национальных барьеров и государственных границ». Кроме того, ссылаясь на Фуко, А. Зорин характеризует дневники XVIII в. (один из которых и стал основой его замечательного исследования) как машины для сдерживающего влияния и самовоспитания⁹.

Приведенный выше случай позволяет проследить историческую динамику и уточнить эту схему. Высказывания нашей героини совершенно не публичны и максимально изолированы. Пространство, в котором звучит ее голос, герметично и недоступно для окружающих — дневник зашифрован. Более того, парафраз Толстого ею самой не отрефлексирован, зато очень удобно прилагается к фактам ее личной жизни. Поэтому дневник Марии Свирцевской выполняет своеобразную работу, противоположную той, о которой упоминает А. Зорин для дневников XVIII в. Вместо инструмента самодисциплинирования, выработки мировоззрения и формовки сознания записи превращаются в линзу, которая только усиливает эмоциональный кризис гимназистки; вместо тормоза, дневник превращается в воронку, попав в которую, Мария уже не сможет спастись.

С точки зрения «публичных образцов чувствования» интересен тот факт, что никто из тех, кто писал о Марии постфактум, не перешел границ, не смог и не захотел ее понять. Трудно поверить в то, что никто из взрослых мужчин, выносивших Марии окончательный приговор — ни отец, ни директор гимназии, ни начальник департамента в министерстве (а последним был никто иной как ученик Ф. Ф. Эрисмана, один из основоположников отечественной санитарии и гигиены Г. В. Хлопин), не читали Толстого и Пушкина. Однако язык несчастной любви молодой девушки остался

нерасшифрованным. Почему? Видимо, барьеры, отделяющие повседневность взрослых мужчин от повседневности девушки-подростка, в начале XX в. были уже слишком прочны. Уничтоженный горем отец (по выражению директора гимназии — промотавший состояние игрок и пьяница) даже не стал пытаться расшифровывать дневник, хотя шифр был чрезвычайно простым. Напуганный директор гимназии должен был максимально оправдать свое учреждение, поэтому обязан был найти причины поступка ребенка не в гимназии, а в психике самоубийцы. Статистика департамента требовала найти место поступку девочки в разработанной классификации причин. Ничто не требовало понимания эмоциональной жизни Марии, хотя Наташу Ростову, повторюсь, никто «нервно-больной» не считал. Границы внутри гендерной, семейной и бюрократической иерархии оказались прочнее, чем упомянутые А. Зориным границы между странами и нациями.

Однако винить за это только взрослых не стоит. В знаменитой статье философа Гаятри Чакраворти Спивак «Могут ли угнетенные говорить» поднят вопрос о том, что угнетенные группы не имеют собственного языка, их возможности выразить и осознать собственные страдания блокируются группами, монополизировавшими право на пользование языком — машиной для производства смыслов¹⁰. В этом смысле ситуация Марии Смирцевской ставит вопрос о том, что, даже обретая язык, подросток не будет услышан — с одной стороны, он относится к «угнетенным» и его слова будут интерпретированы так, как угодно властной группе. Но, с другой стороны, и это уже очевидно к началу XX в., обретая язык, подросток создает себе герметичную среду, внутри которой он может и желает коммуникации, но не способен на нее. Никогда не стоит забывать, что гетто чаще создавалось не снаружи, а изнутри.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 733 Оп. 199. Д. 173. Л. 98–98об.

² Там же. Л. 98об.

³ Там же. Л. 96.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Толстой Л. Н. Война и мир: в 2 кн. М., 1970. Кн. 1. Т. 1, Т. 2. С. 608, 611.

⁶ РГИА. Ф. 733 Оп. 199. Д. 173. Л. 96.

⁷ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 259.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 173. Л. 99.

⁹ Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016. С. 43–44.

¹⁰ Спивак Г. Ч. «Могут ли угнетенные говорить» // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. СПб., 2001. С. 649–670.

М. О. МЕЛЬЦИН
А. А. ЦЫЛИНА

Князь Александр Долгоруков — «ПОЭТ ОДНОГО ГОДА»

В статье проводится анализ творческого наследия Александра Павловича Долгорукова, произведения которого были опубликованы в журнале «Друг просвещения» в 1804 г. Приведены выдержки из его родословной и ряд фактов из его биографии. Проанализированы литературные истоки и осуществлена оценка значения его творчества для анализа русской поэзии начала XIX в.

Ключевые слова: А. П. Долгоруков; русская литература XIX в.; русская поэзия XIX в.; русские поэты XIX в.; «Друг просвещения»; российские литературные журналы XIX в.

М. О. MELTSIN
А. А. TSYLINA

Prince Alexander Dolgorukov as “the poet of one year”

The scientific analysis of A. P. Dolgorukov's poetry, which was published in “The Friend of Enlightenment” (“Drug Prosvesheniya”) in 1804, is the main goal of this paper. The excerpts from his genealogy along with some facts of his biography are quoted. The literary and historical roots of his poetry are further discussed and the role of his literary heritage in the Russian poetry of the early 19th century is estimated.

Keywords: A. P. Dolgorukov; Russian literature of the 19th century; Russian poetry of the 19th century; Russian poets of the 19th century; Russian literary magazines of the 19th century.

В апреле 1804 г. в журнале «Друг просвещения» были опубликованы два стихотворения нового неизвестного автора, подписанные «К. А. Долгоруков» и сопровождаемые примечанием: «Издатели ободряя таланты шестнадцатилетняго сочинителя, доставившаго им сию пиэсу и следующую, с удовольствием оныя здесь помещают»¹.

Несмотря на свой возраст, Долгоруков стал постоянным автором «Друга просвещения» и на протяжении одного года с апреля 1804 по апрель 1805 г. опубликовал четырнадцать стихотворений в восьми номерах журнала². Девять публикаций были подписаны «К. А. Долгоруков», две — «К. А. Долгорукий», две — «К. Александр Долгорукий» и одна — «Князь Александр Долгорукий». Стилистические, лексико-фразеологические, синтаксические, а также орфографические особенности стихотворений позволяют судить о том, что авторство этих текстов принадлежит одному и тому же лицу.

Согласно генеалогии князей Долгоруковых, в 1804 г. насчитывалось шесть князей Александров Долгоруковых; про троих из них известно, что они были существенно старше 16-ти лет³, про одного — что он был младше⁴. Очень мало сведений про князя Александра Андреевича, но его отец, бывший в 1817 г. гвардии поручиком⁵, 5 мая 1788 г. фигурирует в брачном документе без чина⁶, т. е. является еще совсем молодым человеком, только собирающимся служить. Вряд ли он уже имел сына. Единственной возможной кандидатурой на роль молодого автора остается князь Александр Павлович.

Князь Александр Павлович Долгоруков принадлежал к старшей ветви этого княжеского рода и приходился внуком князю Алексею Алексеевичу, брату казненного князя Ивана Алексеевича, который вместе со всем семейством подвергся опале во времена Анны Иоанновны. Родился он, по видимому, в 1787 г.⁷ В службу вступил вместе с младшим братом Владимиром

22 апреля 1804 г. в Департамент Внутренних дел коллегии юнкером⁸. И именно в апрельском номере «Друга просвещения» появилась его первая публикация.

Князь Павел Алексеевич, отец юного поэта, имел единокровного брата Ивана Алексеевича (ум. 24.12.1783)⁹. Этот князь Иван Алексеевич, полный тезка своего знаменитого казненного дяди, имел дочь, княжну Елену Ивановну, которая вышла замуж за Павла Ивановича Голенищева-Кутузова¹⁰. Таким образом, один из издателей «Друга просвещения» был женат на двоюродной сестре нашего героя. Этим родством можно объяснить как то, что юный стихотворец опубликовал свои сочинения именно в «Друге просвещения», так и то, что он внезапно прекратил там печататься. В конце 1803 г. должность куратора Московского университета, которую занимал П. И. Голенищев-Кутузов, была упразднена, и он был 20 ноября 1803 г. причислен к Герольдии¹¹, т. е. оказался в ожидании назначения на очередную должность. Этот временный служебный простой ознаменовался для него необычайным всплеском литературной активности: он выпускает первые три тома своего собрания сочинений, переводы Грея, Пиндара и Сафо¹² — не считая отдельных од и других стихотворений, выпускавшихся им и прежде, и после. Тогда же начал выпускаться «Друг просвещения». 22 августа 1805 г. П. И. Голенищев-Кутузов был назначен сенатором¹³, и своеобразный «творческий отпуск» для него закончился. С занятостью ослабло его участие в журнале, а с этим — и взаимный интерес к сотрудничеству журнала и молодого поэта.

Можно еще отметить, что казненный князь Иван Алексеевич Долгоруков имел еще брата Александра, дочь которого Екатерина была замужем за поэтом Николаем Петровичем Николевым¹⁴. Николев, приходившийся двоюродным дядей кн. А. П. Долгорукову, тоже печатался в «Друге просвещения», хотя в числе издателей журнала не числится. Как представляется, такое окружение не могло не повлиять на начинающего поэта. Как отмечал Ю. М. Лотман, «идеологические и историко-литературные классификации лишь отчасти объясняют реальное расположение сил в глубине литературной жизни конца XVIII — начала XIX века. Немалую роль сыграют дружеские связи, определяемые порой довольно случайными причинами, симпатии, вызванные общностью социальных эмоций, типом воспитания, службой»¹⁵.

«Постлитературная» судьба князя сложилась следующим образом. 20 декабря 1807 г. он был произведен в титулярные советники. Через месяц после отставки министра внутренних дел гр. В. П. Кочубея, 24 декабря 1807 г., оставил службу в Министерстве внутренних дел и поступил в л.-гв. Преображенский полк прапорщиком¹⁶ (брат перешел в военную службу еще раньше — на следующий день после отставки министра, 25.11.1807¹⁷), однако менее, чем через год, 31 октября 1808 г., уволен за болезнью с чином титулярного советника и 28 декабря 1808 г. определен в Канцелярию Владимирского гражданского губернатора тайного советника кн. И. М. Долгорукова¹⁸, своего троюродного брата. Примечательно, что кн. И. М. Долгоруков ни в мемуарных, ни в поэтических своих текстах ни разу его не упоминает. В мемуарах князь И. М. Долгоруков описывает свои литературные вторники, которые он в 1811 г. проводил во Владимире¹⁹. И вот родственник-поэт в этих вечеринках не участвует. Служа в Канцелярии Владимирского гражданского губернатора, князь Александр Павлович 28 апреля 1810 г. был произведен в коллежские асессоры²⁰. Незадолго перед этим он женился на графине Анастасии Алексеевне Шереметевой²¹, которая была на три года старше его (р. 19.04.1784²²). Она принадлежала к старшей, бедной линии графов Шереметевых, была правнучкой старшего сына фельдмаршала Бориса Петровича, Михаила, умершего еще при жизни своего отца. 1 декабря 1810 г. в семье родился первенец — сын Николай²³, а

1 сентября 1812 г. — старшая дочь Надежда²⁴. Впрочем, к моменту рождения дочери князя уже «позвала труба»: с началом Отечественной войны и уже после отставки с поста губернатора своего родственника, 23 июля 1812 г. он был принят в Московское военное ополчение штабс-капитаном, 26 августа 1812 г. участвовал в Бородинской битве. 1 июля 1813 г. по высочайшему роспуску Московской военной силы князь был определен в Аудиториатский департамент²⁵. 8 марта следующего года у него уже родилась вторая дочь — Екатерина²⁶. 5 февраля 1815 г. князь был переведен в Чугуевский уланский полк штабс-ротмистром. «Сто дней» Наполеона вновь привели полк в движение, он двинулся в Европу, но принять участия в сражениях не успел, зато находился на генеральном смотре 29 августа 1815 г. на полях Шампани в присутствии императора, и потом двинулся обратно в российские пределы. 25 июля 1815 г. князь был утвержден дивизионным адъютантом к ген.-л. Г. И. Лисаневичу 1-му. 26 марта 1817 г. по высочайшему приказу уволен по домашним обстоятельствам по-прежнему чином коллежского асессора²⁷. 3 января 1818 г. у него родился младший сын — Алексей²⁸.

1 апреля 1823 г. князь овдовел²⁹. А в августе того же года он подал покорнейшее прошение настоятелю Староладожского Николаевского монастыря Иосифу о принятии в обитель в число послушников³⁰. 9 сентября 1823 г. Иосиф отправил репорт в Консисторию с запросом, есть ли насчет него сомнения³¹, 5 октября 1823 г. Консистория определила принять в послушники, но указ был послан в Староладожский Николаевский монастырь только через полтора месяца, 23 ноября³². Однако, как писал Иосиф в репорте в Консисторию от 22 ноября 1823 г., еще 13 октября князь получил «сроком впредь на две недели для побывки за своими необходимостями в Санкт-Петербурге билет, и по сие время находится в безызвестности»³³. Дальнейшая судьба его не известна. Дело о нем в Консистории прекращено 9 января 1824 г.³⁴ Можно лишь утверждать, что к 1832 г. его в живых уже не было³⁵.

Скромное литературное наследие князя А. П. Долгорукова впечатляет своим жанровым разнообразием: среди четырнадцати стихотворений, опубликованных в «Друге просвещения», можно обнаружить баснь, идиллию, балладу, анакреонтическую эпитафию, шутку, напоминающую дружеское послание, переложение псалма и др. Этот широкий диапазон может быть связан с проблемой самоопределения молодого поэта, который пытался освоить различные темы и стили и исследовать многообразие явлений мира поэтическими средствами. В сущности, жанровые эксперименты объясняются его ученической позицией и вполне соответствуют представлениям эпохи об обучении пиитике. Стремление юного автора овладеть поэтическим искусством как системой жанров подтверждается традиционным в жанровом отношении ритмико-метрическим воплощением его стихотворений: басня написана вольным ямбом, имитация народного стиха — четырехстопным хореем, анакреонтическая эпитафия — трехстопным ямбом и т. д.

Заглавия некоторых текстов князя А. П. Долгорукова свидетельствуют о том, что поводом к их написанию стали реальные события из частной жизни автора: к примеру, спор с К. В. П. Д. — по всей вероятности, братом поэта князем Владимиром Павловичем («Стихи к К. В. П. Д.: На разговор его о знаках отличия») или приезд Долгорукова в Москву («Шутка: На возвращение мое в Москву»). Как писал В. А. Западов, во второй половине XVIII — начале XIX вв. «любой мало-мальски грамотный дворянин по случаю мог скропать несколько стихотворных строк с помощью устойчивых поэтических штампов (и в этом отношении шли в ход и классицистические, и сентиментальные штампы) и советов «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского в издании 1752 г., «Правил пиитических» Аполлоса Байбакова

и т. д.»³⁶. Однако творчество кн. Долгорукова тематически и стилистически выходит за пределы дилетантской поэзии на случай: перед нами автор более зрелый, чем это может показаться на первый взгляд.

В первую очередь необходимо отметить оригинальность его литературного творчества. Среди четырнадцати стихотворений мы обнаруживаем лишь два перевода: «Отрывок из Потерянного рая» и «Преложение XXII Псалма». Заметим, что выбор этих текстов весьма нестандартен, поскольку XXII псалом был мало популярен у авторов XVIII — начала XIX столетия (за исключением И. Ф. Богдановича³⁷ и В. В. Капниста³⁸), а переложение отрывка из «Потерянного рая» и вовсе стало первым самостоятельным стихотворным переводом мильтоновской поэмы на русский язык³⁹. Молодой автор знал французский, итальянский и латинский языки⁴⁰ и мог переводить с них, однако весьма вероятно, что все остальные тексты Долгорукова — его оригинальное творчество. В «Друге просвещения» мы не находим никаких прямых указаний на то, что другие произведения Долгорукова являются переводами, и их возможные источники нам обнаружить не удалось.

Все стихотворения кн. А. П. Долгорукова пронизаны единым комплексом динамически развивающихся идей и мотивов и представляют собой органически цельный корпус текстов, что отличает их от механистических упражнений в стихосложении.

Одна из главных тем, к которой юный поэт обращается в своем литературном творчестве, — мотив героического и поэтического бессмертия. В стихотворении «Качели», посвященном коловратности и тщете бытия, поэт утверждает, что бессмертие — главная цель земного пути человека и награда за его праведную жизнь. Долгоруков манифестирует свою систему ценностей, полемизируя с адресатом «Стихов к К. В. П. Д.»:

Напрасно так ценишь честей наружны знаки;
Они блестящие и тщетные призраки;
Когда достоинства прямова с ними нет,
Разсудок здравый их игрушками зовет.
Не мни, чтоб генерал пять лент и звезд носящий
Всегда был редкий ум, высокий и парящий,
Чтоб выше был того, кому знаком Парнас
Кому безсмертье Феб дарит за лирный глас...

Именно приобщение к бессмертию становится, по мысли Долгорукова, мерилем ценности жизни отдельного человека и творчества поэта. В стихотворениях юного автора идея гораццианского бессмертия развивается в двух направлениях: поэтический дар становится источником витальных сил и вечной молодости («красной старости», как в стихотворении «Шутка»), а также является залогом вечной жизни в мировой культуре. При этом поэзия способна обессмертить не только своего автора, но и своего героя:

А есть ли б Александр был Квинтом не прославлен,
Тогда б во мраке он забвенья был оставлен.
О Риме в поздний век едва ли кто бы знал,
Когда б Тит Ливий нам о нем не написал.

Субъектно-объектный аспект образа поэта как предмета и орудия бессмертия принципиально важен для творчества кн. Долгорукова. Примером тому служит стихотворение «Чернилица» о том, как поэтический дар превращает «бездушный» и незначительный «сосуд простой» в ключ к бессмертию в веках.

Тема бессмертия обретает нетривиальное звучание в стихотворении «Битва», которое рисует ужасающую картину кровопролитного боя в духе батальных описаний В. П. Петрова:

На крылах гибели носяща вид ужасный
В боях, среди огней смерть злобная парит:
Там гибнет юноша цветущий и прекрасный,
Там подле друга — друг сражен мечем лежит,
Герой безтрепетный в страданиях умирает,
Там груды мертвых тел — там кровь ручьем течет;

Победа славою героев там венчает
И вечные венцы потомство им дает!

В последних строках тональность и пафос текста кардинально меняются, превращая стихотворение в похвальную оду. Подобная трансформация крайне интересна в стиховедческом отношении: последние два стиха отделены от других строфически, но тем не менее связаны с ними за счет рифмы. В этом стихотворении автор исследует амбивалентную природу вечной славы победителей — цены за их жизнь⁴¹.

По мнению начинающего поэта, как бы парадоксально ни был устроен мир, в его основе лежит мудрый божественный порядок, подчас непонятный человеческому разуму (пример тому — стихотворение «Качели»). Неслучайно в «Идиллии» «дряхлый старец» «учит внука удивляться <...> мудрым Божиим творениям». Интерес к уникальным и иррациональным явлениям лежит в основе художественного мира Долгорукова. Вероятно, именно с этим связано обращение автора к природным феноменам, например, описанию бушующей стихии в стихотворении «Буря». В поэзии князя Долгорукова природа изменчива и непредсказуема, как и сама жизнь. На смену свирепой буре приходит «мирна радуга», и за этой внезапной и зримой переменой природного состояния стоит изменение Божьего образа:

Являлся грозным Бог в ужасной непогоде
Теперь является он кротким на земли...

И только после окончания бури становится ясно, что страшное ненастье было не карой, а милостью Бога:

Ты к смертным милостив Всесильный <...>
И в бурях и в громах Ты им благотворишь.
В самих преступниках детей своих Ты зришь.

В своем творчестве князь Долгоруков неоднократно обращается к размышлениям о грозной и милостивой сущности Бога. Эта тема получает весьма любопытное развитие в его переводном творчестве: «Преложении XXII Псалма» и «Отрывке из Потерянного рая».

В XXII псалме Бог предстает милостивым защитником и кормильцем слабых и праведных:

Господь мой Пастырь; я не буду
Терпеть убожество, беды;
На мягкой мураве забуду,
Покоюсь, тягостны труды...

В своем переложении автор стремится упростить синтаксические конструкции, использовать не только церковнославянизмы, но и русизмы («мурава», «покоясь»), добавить качественные определения, связанные с чувственным восприятием, красотой и радостью материального мира: «мягкая мурава», «трапеза вкусная», «чистые воды, прозрачные» (в оригинале «вода покойна»). В отличие от И. А. Богдановича, В. В. Капниста и А. А. Голенищева-Кутузова, также обращавшихся к этому псалму, Долгоруков практически не использует инверсий и выбирает динамичный и незатрудненный слог, стремясь подчеркнуть легкость пути праведника, защищенного Богом. Описание личной заботы Творца о человеке оказывается связано с легким стилем, лишенным сложных архаистических конструкций.

К иной стороне образа Бога, Бога карающего и грозного, поэт обращается в переводе «Отрывка из Потерянного рая». Текст этот сильно отличается в стилистическом отношении от рассмотренного нами переложения псалма своим усложненным синтаксисом и высоким слогом с обилием церковнославянизмов:

Соперник Вышняго, искатель горня трона,
Сразиться возжелал с царем победных сил;
Но громы грянули — он пал с небесна свода;
Господь его рукой всеильной поразил,
И в бездну заключил ужасну и глубоку,
Да стонет вечно там окованный в цепях,
Да терпит там болезнь — да мучится в огнях,
Да стонет в ужасах — и сносит скорбь жестоку
Величие Творца дерзнет кто порицать;
Господь того за то умеет наказать!
Лишенный памяти и чувства сей несчастный,
Как молния слетел и плавал девять дней
С проклятым воинством среди огненных зыбей.
Ах! как не изтребил их жребий сей ужасный?
Но нет! его Господь безсмертьем наказал
За гордый умысел и дерзко преступленье.
Едва пришел в себя — какое изумленье
И ужас все его вдруг чувства оковал!

По всей видимости, выбор затрудненного архаистического языка во многом связан с тематикой этого отрывка — преступлением и наказанием, а также образом сурового Бога. Этот текст интересен для нас не только сменой стилистического регистра (в сравнении с переложением псалма), но и тем, что он является первым русским стихотворным переводом отрывка «Потерянного рая», вызванным сознательным обращением к Дж. Мильтону⁴². До него существовали лишь стихотворные переводы отдельных цитат из поэмы внутри переводов из статей Аддисона без указания имени Мильтона⁴³.

Подзаголовок к тексту свидетельствует о том, что перевод выполнен с французского языка, однако сам этот французский источник в журнале указан не был. Мы сравнили текст Долгорукова с рядом французских переводов (например, Louis Racine — 1755 г.⁴⁴, Jean-Baptiste Mosneron de Launay — 1786 г.⁴⁵) и пришли к выводу, что порядок слов, синтаксические особенности и некоторые конкретные словосочетания русского фрагмента являются крайне близкими прозаическому переводу Дюпре де Сен-Мора⁴⁶ (Dupré de St. Maur — 1729), уже известному русскому читателю по рукописному переводу А. Г. Строганова⁴⁷ 1745 г. и опубликованному в 1780 г. переводу Амвросия (Серебренникова)⁴⁸.

По-видимому, и для читателя начала XIX столетия этот французский перевод все еще не потерял своего значения.

Сведения о переводе-посреднике помогают нам осознать одно значимое явление, а именно: двойную трансформацию текста. Стихотворную поэму Мильтона Дюпре де Сен-Мор перевел прозой, в свою очередь юный Долгоруков перевел отрывок французского прозаического перевода стихами. Добавим, что первый полный стихотворный перевод «Потерянного рая» на французский язык появился в 1805 г.⁴⁹, т. е. на следующий год после публикации рассматриваемого нами отрывка. Нужно заметить, что в эту эпоху жанр высокой прозаической поэмы перестал быть популярным, а поэзия стала считаться «высшим родом литературы по сравнению с прозой»⁵⁰. Вероятно, именно стихотворная форма мыслилась Долгоруковым как наиболее подходящая для высокого содержания поэмы. Это заставляет нас сделать вывод о том, что кн. Долгоруков, не владеющий английским языком, но знающий о жанровой принадлежности подлинника, стремился преодолеть французскую традицию прозаических переводов стихотворных источников и выбрал рифмованный александрийский стих. Юный автор совершил своего рода прорыв, отказавшись от французской концепции перевода и обратившись к немецкой (романтической)⁵¹.

Перевод кн. Долгорукова в значительной степени отличается от французского перевода-посредника из-за существенных изменений в риторике и композиции текста, связанных с его ритмико-метрической структурой, наличием рифмы, эмоциональной тональностью (множество восклицаний и риторический вопрос), образной системой и идейным пафосом всего стихотворения. Мы остановимся лишь на наиболее ярком и значительном из них — изображении сатаны в стихотворении. Заметим, что его образ теряет принципиальную, по замыслу Мильтона, амбивалентность и сложность, он не страшен, неистребим и горд, а ничтожен и жалок. В тексте князя Долгорукова он назван «сим несчастным» и, придя в себя, он испытывает «изумление и ужас», в то время как в переводе Дюпре де Сен-Мора сказано: «Il promène partout ses yeux étincelants: on lit dans son funeste regard la tristesse, la confusion, l'orgueil et la haine»⁵², — что, в сущности, близко оригиналу. Барон А. Г. Строганов, ориентируясь на тот же французский перевод, перевел это место так в своей рукописи: «...езде очима свояма блестящими озирается, из бедственного его зрения печаль, смущение, гордость и ненависть видима...»⁵³. В. П. Петров, переводя с английского подлинника, писал еще более выразительно: «...обращает он окрест свои потемневшие очи, изъявляющие глубокий в сердце ураз, и изнеможение, смешанное с ожесточенной гордостью и непреложным ненавидением»⁵⁴.

В тексте кн. Долгорукова сатана не величественен и неистов, а повержен и жалок. Автор недоумевает: «Ах! Как не истребил их жребий сей ужасный?» — в то время как Дюпре де Сен-Мор лишь констатирует стойкость сатанинского войска: «Comment tant de maux ne l'ont — ils point anéanti»⁵⁵. Мы не найдем похожих высказываний и в других французских переводах, что служит еще одним аргументом в пользу того, что Долгоруков ориентировался именно на этот французский перевод-посредник. Добавим, что Милтон вообще не высказывает подобной мысли, живописуя сатанинские муки.

Необходимо отметить, что главной темой этого первого в XIX в. перевода отрывка из «Потерянного рая» становится мудрость и всемогущество Бога, в то время как в оригинале упоминаний о Боге в этом контексте практически нет, а у Дюпре де Сен-Мора они сведены к минимуму. Взгляд юного русского переводчика сосредоточен на описании величия и справедливости Создателя, что подтверждается и композицией стихотворения, и оригинальной схемой

рифмовки. Центральные строки: «Величие Творца дерзнет кто порицать; Господь того за то умеет наказать!» — имеют парную рифмовку, тогда как первое четверостишие — перекрестную, а все остальные — охватную: AbAbCddCeeFggFhIhh. В переводе-посреднике та же мысль высказывается намного более сдержанно: «La toute-puissance ne se laisse point braver impunément»⁵⁶. Нейтральное «braver» в русском тексте заменяется определительным предложением с негативной оценкой.

По-видимому, кн. Александр Долгоруков не разделял взгляда Мильтона на природу зла и воплотил собственные представления об отношении Бога к праведникам и грешникам, высказанные им в «Буре» и «Преложении XXII Псалма». Вероятно, религиозные искания не были чужды этому автору, не будем забывать, что в 1823 г. он стал послушником в монастыре.

Мы располагаем еще одним занимательным фактом из биографии кн. А. П. Долгорукова, связанным с его интересом к переводу эпических духовных текстов. Известно, что в 1821 г. он пытался поднести императрице Елизавете Алексеевне свой вольный перевод первой песни религиозной поэмы некоего европейского классика, озаглавленный переводчиком «Благодать в возблагодарить, или Возрожденный Адам в Иисусе»⁵⁷. По-видимому, текст перевода до нас не дошел, но осталось его описание в журнале канцелярии императрицы Елизаветы Алексеевны. Безусловно, речь идет не о переводе «Потерянного рая», но все же факт работы над этим переводом представляется нам крайне ценным. Сведения о том, что поэма имела четыре части, и общий смысл ее названия заставляют нас предположить, что кн. Долгоруков снова обратился к творчеству Мильтона и перевел его «Возвращенный рай», который, судя по выбранным кн. Долгоруковым отрывку из «Потерянного рая» и псалму для переложения, мог вызывать у него большой интерес.

В письме к Елизавете Алексеевне кн. А. П. Долгоруков описывал свой перевод так: «...в отблеске сем <...> не найдете ни того жара, ни духа, коими оживотворялся бессмертный Писатель; но за то оценить изволите намерение, осмелившее меня итти во след его стопою не робкою»⁵⁸. Однако перевод этот оценен не был, и императрица не приняла посвящение. В письме к кн. Долгорукову Н. М. Лонгинов объяснил ее отказ так: «...рукописныя сочинения, какого бы рода и содержания ни были, подлежат предварительному рассмотрению Цензуры, без чего и не могут быть удостоены посвящения и, во-вторых, что содержание Поэмы <...> не может не касаться до предметов Религии, над которыми Ея Величество ни в каком случае не может и не желает быть судьей»⁵⁹. В этом отношении стоит добавить, что, по признанию переводчика, он внес существенные изменения в содержание поэмы, стремясь избежать того, что противоречит православию: «Сохраняя по возможности сущность его [автора поэмы — М. М., А. Ц.] мысли, я украшался выражениями, сходственными духу и слову народа Русскаго, приноравливаясь притом к месту, ко нравам и ко времени вещей настоящих, проходя также мимо и то<го>, что было или не сходно с догматами Церкви нашей, или заключало прения мужей Западных, яко для нас совсем чуждыя»⁶⁰. Заметим, что этот комментарий отчасти проливает свет на причины трансформации образов Бога и сатаны в его переложении «Отрывка из Потерянного рая». Свобода обращения Долгорукова с оригиналом была новаторской для литературного перевода конца XVIII — начала XIX столетия, прежние русские переводчики «Потерянного рая» не позволяли себе подобных исправлений текста подлинника, даже если он не соответствовал православию.

Весьма интересно, что ко всем изданиям «Потерянного рая» в переводе Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора (по нашей гипотезе, источнику перевода «Отрывка из Потерянного рая») с 1736 г. неизменно прилагался «Возвращенный рай»

в переводе П. Марейя⁶¹. Этот авторитетный⁶² прозаический текст мог послужить французским переводом-посредником для стихотворного переложения «Возвращенного рая» князем Долгоруковым, который, по всей вероятности, не знал английского языка. Однако мы не располагаем фактами, которые могли бы доказать это предположение.

Приведенный эпизод обогащает наше представление о рецепции Мильтона в России, а также заставляет нас по-новому взглянуть на литературную фигуру кн. А. П. Долгорукова. Несмотря на то что все сохранившееся литературное наследие автора — стихи одного года, поэтическим творчеством он занимался и позднее, причем весьма серьезно, и ценил его крайне высоко.

В заключение отметим, что скромное, а подчас и посредственное творчество кн. Долгорукова практически не оставило следа в литературе⁶³, но тем не менее оно представляет интерес для исследователя не только рядом нетривиальных наблюдений, сделанных поэтом, но и главным образом тем, что оно расширяет наше восприятие изучаемой эпохи. Как правило, начало XIX в. принято связывать с яростной полемикой между сторонниками старого и нового слога, при этом авторы, соединяющие в своем творчестве разнополярные направления, не получают должного внимания. Именно таким синкретизмом отмечено творчество кн. Долгорукова. Несмотря на то что поэт публиковался в журнале шишковистов⁶⁴, его литературное наследие не исчерпывается принадлежностью к кругу архаистов. Стихотворения, написанные на суету мира, сложно устроенные синтаксически и изобилующие славянизмами, сосуществуют в его творчестве с легкой поэзией, наполненной сентиментальными штампами. Для сравнения приведем два отрывка:

Качели нам изображают,
Каков наш краткий, бранный век;
Они нам точно представляют
Превратный жизни нашей бег..⁶⁵

Прости, мой друг, прости на веки!
Нет сил писать от тяжких мук,
Из глаз лиются слезы реки,
И падает перо из рук⁶⁶.

В этом отношении крайне интересным примером является стихотворение-имитация народного стиха «Баллада», рассказывающая о несчастной судьбе соблазненной и покинутой крестьянки, которая бросается в Волгу:

...Разступились воды черныя,
Закипели волны ярыя
И сравнялися по прежнему,
Скрыв несчастну в глубине своей.

Сентиментальное влияние проявляется и в эмоциональном монологе героини и в психологическом параллелизме пейзажного описания («Знать природа сговорила / С ея тяжкой, горькой долею»).

Добавим, что, рассматривая с разных ракурсов одну и ту же тему, к примеру, литературное творчество, поэт использует совершенно разные стилистические регистры:

Но мало б пользы приносила
Чернилица с ея пером,
Когда бы ими не водила
Рука направлена умом,
Умом, с дарами съединенным,
Способностями обогащенным..⁶⁷

Я здесь опять, друзья — и с вами
Спешу на Пинд идти смелей.
Берите перья — и стихами,
Как пудрой, сыпте на людей!
Возьмите трубы, барабаны,
Налейте полные стаканы,
Играй Шампанское вино!
С Кастальской съединись водою,
Пролей стихи, пролей рекою:
Ты нам для радости дано⁶⁸.

Очевидно, выбор того или иного стиля письма был связан не с идеологической позицией Долгорукова как приверженца Шишкова или Карамзина, а с содержанием текста. Неслучайно в его переложениях образ грозного Бога потребовал употребления церковнославянизмов, а образ Бога милостивого допустил использование нейтрального стиля и русизмов. Положение ученика позволило начинающему автору работать с разными стилями и обращаться к творческим методам как авторов, близких классицизму, (например, М. М. Хераскова и В. П. Петрова), так и сентиментализму в зависимости от тематики или жанровой принадлежности стихотворения. Как заметила Е. Д. Кукушкина, «дилетантское стихотворчество, опиравшееся на традиции и устойчивые поэтические формы, было тем не менее очень разнородным явлением, которое расширяло жанровые и тематические границы поэзии»⁶⁹. Все это отличает кн. А. П. Долгорукова от подражателя или эпигона какой-либо конкретной школы, поскольку его творчество — стихотворения одного года — принципиально не укладывается в художественные стандарты одного литературного направления или наши представления о них.

Жесткие дуальные оппозиции, такие как «старый и новый слог» или «архаисты и новаторы», помогли историкам литературы объяснить полемику эпохи, но все же не вполне способны отразить реальную литературную ситуацию, в значительной степени ее упрощая⁷⁰. Творчество многих авторов этого времени, как писателей первого ряда, так и дилетантов, нельзя отнести к одному полюсу этой оппозиции. По своей разнополярности и стремлению к синтезу направлений начинающий поэт-дилетант кн. А. П. Долгоруков сближается с Г. Р. Державиным, ранним И. А. Крыловым и своим троюродным братом кн. И. М. Долгоруковым.

Как справедливо писал Ю. М. Лотман, «на материале поэзии конца XVIII — начала XIX в. — времени, исторический и культурный аромат которого заключен в богатстве, неопределенности, незавершенности, — становится очевидной несостоятельность отождествления понятий „история литературы“ и „история великих писателей“. Не очень четкое понятие литературного „фона“, так называемых „второстепенных“ и „третьестепенных“ поэтов, приобретает здесь особенное значение. <...> Именно на примере этой эпохи с особенной ясностью видно, что культура — не собрание шедевров, а живой организм»⁷¹.

Примечания

¹ Друг просвещения: Журнал литературы, наук и художеств. 1804. Ч. 2. № 4. С. 29. Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранена. Тексты приводятся с устранением графических символов, отмененных реформой 1918 г.

² *Долгоруков А., кн. Баснь. Пчела и ленивец // Друг просвещения: Журнал литературы, наук и художеств. 1804. Ч. 2. № 4. С. 29; Долгоруков А., кн. Идиллия. Летний вечер // Там же. С. 30—31; Долгоруков А., кн. Качели // Там же. № 5. С. 120—121; Долгоруков А., кн. Чернилица // Там же. С. 129—130; Долгоруков А., кн. Весна // Там же. № 6. С. 223; Долгоруков А., кн. Прощание с любезною // Там же. Ч. 3. № 7. С. 20; Долгоруков А., кн. Баллада // Там же. С. 21—23; Долгоруков А., кн. Отрывок из Потерянного рая (Перевод с французского) // Там же. Ч. 4. № 11. С. 105; Долгорукий А., кн. Стихи к К. В. П. Д. На разговор его о знаках отличия // Там же. № 12. С. 232; Долгоруков А., кн. Битва // Там же. С. 239—240; Долгорукий А., кн. Буря // Там же. 1805. Ч. 1. № 3. С. 160—161; Долгорукий А., кн. Анакреотическая Эпитафия // Там же. С. 174; Долгорукий А., кн. Преложение XXII Псалма // Там же. Ч. 2. № 4. С. 1—2; Долгорукий А., кн. Шутка. На возвращение мое в Москву // Там же. С. 19—20.*

³ *Власьев Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т. I: Князья Черниговские. Ч. 3: Князья Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Вол-*

конские. СПб., 1907. С. 101, 105; [Аргутинский-]Долгорукой Ф. С., кн. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. II. СПб., 1913 (на обл.: Род князей Долгоруких). С. 72, 73; Долгоруков П. В., кн. Российская родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Ч. 1. СПб., 1854 (на обл.: 1855). С. 94, 95. См. также: [Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.] Московский некрополь. Т. I: А—I. СПб., 1907. С. 392; [Шереметевский В. В.] Русский провинциальный некрополь. Т. I: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская и Ярославская губернии, а также губернии Выборгской монастыри Валаамский и Коневский. М., 1914. С. 261. Дополнительная и уточняющая информация содержится в: Щербачев О. В. Исповедные ведомости московских сороков // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 12. 2003. С. 38, 39; Щербачев О. В. Дворяне — прихожане московских церквей (по материалам исповедных ведомостей Ивановского сорока 50-х годов XVIII века) // Там же. Вып. 16. 2005. С. 15; Прощение кн. Василия Сергеевича Долгорукова на высочайшее имя от 06.03.1797, в котором его сын, кн. Александр Васильевич, назван премьер-майором Рязанского пехотного полка // РГИА. Ф. 1374 (Канцелярия генерал-прокурора Сената). Оп. 1. Д. 342 (Переписка по поводу всеподданнейшего прошения кн. В. С. Долгорукого...). Л. 2.

⁴ Долгоруков И. М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной Истории моей уважительное отношение / изд. подгот. Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин; отв. ред. В. П. Степанов. (Лит. памятники). Т. 1. СПб., 2004. С. 336.

⁵ Объявление // Санктпетербургские ведомости. 1817. № 16 (23.02). С. 775.

⁶ Рядная в замужество, выданная светл. кн. Е. А. Меншиковой своей старшей дочери от 05.05.1788 // НИОР РГБ. Ф. 139 (Кошелевы). Оп. 25. Ед. хр. 21. Л. 1об.

⁷ В аттестате, данном ему при отставке 30.07.1817, сказано, что от роду ему 31 год (что соответствует рождению между июлем 1785 и июлем 1786) // ЦГИА СПб. Ф. 19 (С.-Петербургская духовная консистория). Ф. 17. Д. 223 (По репорту Староладожского Николаевского монастыря строителя иеромонаха Иосифа с приложением прошения отставного к. а. князя Александра княж Павлова сына Долгорукова о определении его в число послушников). Л. 3, а в формулярном списке о службе от июля 1817 г. ему показано 32 года (что соответствует промежутку между июлем 1784 и июлем 1785) // Там же. Л. 4об. Эти два взаимосвязанных источника расходятся даже между собой. Большее доверие вызывает примечание к публикации его «Басни» (Друг просвещения: Журнал Литературы, наук и художеств. 1804. Ч. 2. № 4. С. 29), в котором сказано, что автору 16 лет (что означает рождение между апрелем 1787 и апрелем 1788). Генеалогические справочники называют именно 1787 год (Власьев Г. А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 125; [Аргутинский-]Долгорукой Ф. С., кн. Указ. соч. С. 83).

⁸ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта командира Уланской дивизии генерал-лейтенанта Лисаневича 1го Чугуевского уланского полка штабс-ротмистра князя Долгорукого, уволенного от службы к статским делам чином коллежского асессора, 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19 (С.-Петербургская духовная консистория). Ф. 17. Д. 223. Л. 4об.—5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3; пересказ аттестата // Там же. Л. 6об.; Изложение именного указа // РГИА. Ф. 1329 (Именные указы и «Высочайшие» повеления Сенату (Коллекция)). Оп. 1 (1704—1917 гг.). Д. 267 (Именные указы Сенату за апрель 1804 г.). Л. 360 (авторы благодарны Д. Н. Шилову за указание на этот источник).

⁹ Власьев Г. А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 103; [Аргутинский-]Долгорукой Ф. С., кн. Указ. соч. С. 73; Долгоруков П. В., кн. Указ. соч. Ч. 1. С. 95; [Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.] Указ. соч. Т. I. С. 394; *Ermerin R.-I. Annuaire de la Noblesse de Russie.* — А. I: Contenant

les Princes de l'Empire augmenté d'un grand nombre de notice sur les familles alliées. SPb., 1889. P. 83.

¹⁰ *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 125; [*Аргутинский-Долгорукой Ф. С.*, кн. Указ. соч. С. 83; *Долгоруков П. В.*, кн. Указ. соч. Ч. 1. С. 98; *Ermerin R.-I.* Op. cit. A. I. P. 84.

¹¹ Русский биографический словарь. Т. «Кнаппе — Кюхельбекер». СПб., 1903. С. 695.

¹² *Голенищев-Кутузов П. И.* Стихотворения. Т. I—IV. М., 1803—1810; *Грей Т.* Стихотворения Грея, с аглинского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым; С при- совокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея, и многих исторических и баснословных примечаний. М., 1803; *Пиндар.* Творения Пиндара, переведенные Павлом Ивановичем Голенищевым-Кутузовым, с разными примечаниями и объяснениями на лирическое стихотворство, на баснословие, на историю греков, их игры, празднества и проч. М., 1804 (на общем тит. Л. 1803); *Сафо.* Стихотворения Сафы, переведенные Павлом Голенищевым Кутузовым. М., 1805.

¹³ *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. 1711—1917 гг.: материалы для биографий / изд. подгот. Д. Н. Шилов. СПб., 2011. С. 118; Русский биографический словарь. Т. «Кнаппе — Кюхельбекер». СПб., 1903. С. 695.

¹⁴ *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 106; *Долгоруков П. В.*, кн. Указ. соч. Ч. 1. С. 95.

¹⁵ *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790—1810-х годов // Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 61.

¹⁶ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс- ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 4об.—5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3; пересказ аттестата // Там же. Л. 6об.—7.

¹⁷ Копия с формулярного списка о службе Каргопольского драгунского полка поручика князя Долгорукого, который высочайшим приказом 26го апреля 1816 года, за болезнью уволен от оной штабс-капитаном // РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 348. Л. 62—63; Высочайший указ об отставке // Там же. Л. 61—61об.; Родословная книга дворян Владимирской губернии (ч. V) за 1828 год // РГИА. Оп. 51. Д. 42. Л. 16об.—17; *Мельцин М. О.* Бурная жизнь князя Владимира Павловича Долгорукова (1794—1836) // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 14. 2004. С. 57; *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 125; [*Аргутинский-Долгорукой Ф. С.*, кн. Указ. соч. С. 83.

¹⁸ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс- ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 4об.—5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3; пересказ аттестата // Там же. Л. 7.

¹⁹ *Долгоруков И. М.*, кн. Указ. соч. Т. 2. СПб., 2005. С. 195.

²⁰ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс- ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 4об.—5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3; пересказ аттестата // Там же. Л. 7.

²¹ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс- ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3об.; пересказ аттестата // Там же. Л. 7об.; *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 125; [*Аргутинский-Долгорукой Ф. С.*, кн. Указ. соч. С. 83; *Долгоруков П. В.*, кн. Указ. соч. Ч. 1. С. 98; *Ermerin R.-I.* Op. cit. A. I. P. 84.

²² *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 125; [*Аргутинский-Долгорукой Ф. С.*, кн. Указ. соч. С. 83.

²³ *Мельцин М. О.* Петербургский библиофил князь Николай Александрович Долгоруков и его полный тезка из той же фамилии: к проблеме разграничения биографических фактов // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения—2007): сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. Е. М. Табориская. СПб., 2008. С. 272; Ссылка на метрическое свидетельство Московской духовной консистории // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 321. Л. 13.

²⁴ [Саитов В. И.] Петербургский некрополь. Т. I: А—Г. СПб., 1912. С. 179.

²⁵ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс-ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 4об.—5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3; пересказ аттестата // Там же. Л. 7—7об.

²⁶ Власьев Г. А. Указ. соч. Т. I. Ч. 3. С. 149; [Аргутинский-]Долгорукой Ф. С., кн. Указ. соч. С. 94; Долгоруков П. В., кн. Указ. соч. Ч. 1. С. 101; [Саитов В. И.] Указ. соч. Т. II. С. 69.

²⁷ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс-ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 4об.—5; Аттестат, данный ему при отставке 30.07.1817 // Там же. Л. 3; пересказ аттестата // Там же. Л. 7—7об.

²⁸ Ссылка на метрическое свидетельство Московской духовной консистории // РГИА. Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 51 (Родословные книги и списки причисленных к дворянству). Д. 321 (Родословная книга дворян Московской губернии. Ч. IV и V). Л. 13.

²⁹ [Саитов В. И.] Указ. соч. Т. II. С. 70.

³⁰ Покорнейшее прошение от ..08.1823 о принятии послушником в Староладожский Николаевский монастырь // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 2—2об., дата поступления прошения (02.09.1823) указана в репорте Иосифа в Консисторию от 09.09.1823 // Там же. Л. 1.

³¹ Покорнейший репорт строителя Староладожского Николаевского монастыря Иосифа в Санкт-Петербургскую духовную консисторию от 09.09.1823 за № 36 (поступил 03.10.1823) // Там же. Л. 1. Постановление Консистории // Там же. Л. 6.

³² Определение Санкт-Петербургской духовной Консистории от 05.10.1823 // Там же. Л. 6—6об., сообщение о том // Там же. Л. 1об.

³³ Репорт строителя Староладожского Николаевского монастыря Иосифа в Санкт-Петербургскую духовную консисторию от 22.11.1823 за № 50 (получен 27.11.1823) // Там же. Л. 8.

³⁴ На титульном листе дела написано: «Начато 3 октября 1823 года. Окончено 9 января 1824 года» // Там же.

³⁵ В родословной книге Московской губернии (ч. V) за 1832 год он назван покойным // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 321. Л. 12об.; среди наследников его дяди кн. Андрея Алексеевича значатся его брат Владимир и его дети Николай, Алексей и Надежда (Екатерина к 1833 г. умерла), а сам он не значится // Санкт-Петербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1833. № 38. Ст. 12367—12370.

³⁶ Западов В. А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Вып. 16. Л., 1989. С. 67.

³⁷ Богданович И. Ф. «Господь меня блюдет...» // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 131.

³⁸ Капнист В. В. Спокойствие праведного // Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 16.

³⁹ См.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 210—212.

⁴⁰ Формулярный список о службе и достоинстве дивизионного адъютанта... штабс-ротмистра князя Долгорукого... 1817 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Ф. 17. Д. 223. Л. 5.

⁴¹ О топике битвы и героизации как пути к бессмертию см.: Curtius E. R. European literature and the Latin Middle Ages. Princeton, 1973. P. 170.

⁴² См.: Левин Ю. Д. Указ. соч. С. 210—212.

⁴³ См. русские переводы статей английского журнала «The Tatler»: «Когда я приближаюсь к ее приятности...» / [Перевод В. И. Лебедева] // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. С. 286—287; «Когда с усердием я приближаюсь к ней...» / [пер. Л. И. Сичкарева] // Забавный философ, или Собрание разных остроумно-вымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов. СПб., 1766. С. 146—148.

⁴⁴ Le Paradis Perdu de Milton: Traduction nouvelle, avec des notes, la Vie de l'Auteur, un discours sur son poëme, les remarques d'Addisson; & à l'occasion de ces remarques, un discours sur le poëme epique. Par M. Racine. Paris, 1755.

⁴⁵ Le Paradis Perdu de J. Milton. Traduit par J. Mosneron. Paris, 1786.

⁴⁶ Traduction du Paradis perdu en prose par Dupré et Boismorand. Paris, 1729.

⁴⁷ См.: *Мильтон Дж.* Погубленный рай. Книги I, IX / пер. А. Г. Строганова // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. СПб., 1996. С. 191—228.

⁴⁸ Потерянный рай, поэма героическая, творение г. Милтона. Переведено с французского языка. М., 1780.

⁴⁹ Paradis Perdu, traduit par Jacques Delille. Paris, 1805.

⁵⁰ История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. С. 143.

⁵¹ См.: *Алексеев М. П.* Английская поэзия в русских переводах XIV—XIX века. М., 1981. С. 527—530.

⁵² Le Paradis perdu, de Milton, poëme héroïque, traduit de l'anglois par Dupré de St. Maur, avec les remarques de M. Addisson. Paris, 1767. P. 98.

⁵³ *Мильтон Дж.* Погубленный рай / Перевод А. Г. Строганова. С. 195.

⁵⁴ Потерянный рай. Поэма Иоанна Мильтона. Переведена с аглинского. СПб., 1777. С. 3.

⁵⁵ Le Paradis perdu, de Milton, poëme héroïque, traduit de l'anglois par Dupré de St. Maur, avec les remarques de M. Addisson. Paris, 1767. P. 98.

⁵⁶ Ibid. P. 97.

⁵⁷ Ответное письмо Н. М. Лонгинова князю А. П. Долгорукому, отправленное 18.01.1822 // РГИА. Ф. 535 (Канцелярия имп. Елизаветы Алексеевны). Оп. 1. Д. 21 (Дела 1822 года. Т. 1). Л. 34.

⁵⁸ Прощение кн. А. П. Долгорукова на имя императрицы Елизаветы Алексеевны от 15.12.1821 // РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.

⁵⁹ Письмо Н. М. Лонгинова князю А. П. Долгорукому от 18.01.1822 // РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 21. Л. 34об.—35.

⁶⁰ Прощение кн. А. П. Долгорукова на имя императрицы Елизаветы Алексеевны от 15.12.1821 // РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 21. Л. 32об.—33.

⁶¹ Le paradis reconquis de Milton, avec six lettres critiques sur Le paradis perdu et reconquis. Paris, 1736.

⁶² Именно он стал источником первого русского перевода «Возвращенного рая». См.: Возвращенный рай. Сочинение г. Милтона. Переведен с французского языка Троицкой семинарии риторики и пиитики учителем Иваном Грешищевым. М., 1778.

⁶³ Весьма интересно, что первые восемь строк стихотворения «Качели» стали эпиграфом к главе «Качели» второй части книги П. П. Свиньина «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» и были подписаны «Князь Долгорукий». См. *Свиньин П. П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 2. СПб., 1817. С. 124.

⁶⁴ См. *Альциуллер М. Г.* Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века: «Друг просвещения» и «Московский зритель» // XVIII век. Вып. 10. Л., 1975. С. 98—106.

⁶⁵ *Долгоруков А.* Качели // Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 5. С. 120.

⁶⁶ *Долгоруков А.* Прощание с любезною // Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 7. С. 20.

⁶⁷ *Долгоруков А.* Черница // Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 5. С. 129.

⁶⁸ *Долгорукий А.* Шутка: На возвращение мое в Москву // Друг просвещения. 1805. Ч. 2. № 4. С. 19.

⁶⁹ *Кукушкина Е. Д.* Державин и К. В. Злобин: К вопросу о дилетантской поэзии // XVIII век. Вып. 24. СПб., 2006. С. 192.

⁷⁰ В этом отношении крайне интересна неоднозначная позиция И. И. Дмитриева по отношению к «Другу просвещения». Как отмечает В. Э. Вацуро, «издателем журнала был П. П. Бекетов, двоюродный брат Дмитриева. Более того, Дмитриев и сам принял

участие в «Друге просвещения», передав сюда автограф Ломоносова, а в февральском номере поместив свою басню «Амур, Гиен и Смерть»; нет сомнения, что через него издатели получили и стихи В. Л. Пушкина, находящегося тогда за границей» (*Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Вып. 16. Л., 1989. С. 142*).

⁷¹ *Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 6.*

Н. В. ПОЛЯКОВА

«Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина: интеллектуальный и политико-идеологический контекст

Статья представляет собой исследование политико-культурных и интеллектуальных условий, обусловивших контекст подготовки и написания Н. М. Карамзиным трактата «Записка о древней и новой России». Сопоставляются с точки зрения общего контекста «Записка...» Н. М. Карамзина и работа «Четыре главы о России» французского консерватора Ж. де Местра. В статье на примере творчества русского историка и писателя рассматривается также такая тема, как «интеллектуалы и власть».

Ключевые слова: Н. М. Карамзин; «Записка о древней и новой России»; интеллектуальный контекст; политико-идеологический контекст; консерватизм; антиреформаторская оппозиция.

N. V. POLYAKOVA

“A memoir on ancient and modern Russia” by N. M. Karamzin: the intellectual, political and ideological context

The article offers research devoted to the political, cultural and intellectual conditions that led to preparing and writing N. M. Karamzin's essay „A memoir on ancient and modern Russia“, which is compared to „Four chapters on Russia“ by French conservative Joseph de Maistre from the point of view of the general context. The subject of „intellectuals and power“ exemplified by the works of the Russian historian and writer is further discussed.

Keywords: N. M. Karamzin; „A memoir on ancient and modern Russia“; intellectual context; political and ideological context; conservatism; anti-reformatory opposition.

Политический консерватизм зарождался в России на рубеже XVIII—XIX вв. в условиях серьезного мировоззренческого и ориентационного кризиса как идейный проект, включавший в себя одновременно две специфические стратегии оппонирования. С одной стороны, консервативный стиль политического мышления формируется в России как негативная реакция на события Великой Французской революции 1789 г., которая в своих общих чертах была аналогичной реакции западноевропейских коллег по консервативному лагерю на данные события. А, с другой, формирование отечественного варианта консерватизма явилось оппозиционным ответом на внутривнутриполитическую ситуацию внутри самой Российской империи эпохи царствования Александра I, которая в идейном и политическом отношении была тесно взаимосвязанной с европейскими делами. Непоследовательность, нерешительность, отрывочность предпринимаемых в Александровскую эпоху либеральных реформ объясняется не только особенностями личности самого российского императора, но и влиянием крайностей Французской революции и противостоянием с Наполеоном как порождением этой революции. «Вообще, что касается осуществления либеральных принципов, надо сказать, что во время царствования Александра I было достигнуто если не слишком мало, то во всяком случае значительно меньше, чем можно было ожидать. Наверное, с одной стороны, это можно объяснить войной с Наполеоном, а с другой, тем, что большой политический талант Александра I проявлялся

в первую очередь во внешней политике, а не в области внутренних дел...»¹ — утверждал известный исследователь русского либерализма В. В. Леонтович.

Французские революционные события, послужившие важным стимулом для политического оформления европейского консерватизма, стали поворотным пунктом и для развития русского политического сознания в его консервативной версии: «В лице Карамзина... мы видели яркого представителя тех кругов российского дворянства, которые от заимствования европейского опыта перешли к напряженной рефлексии об исторических судьбах своей страны. Французская революция, несомненно, стимулировала этот процесс и ввела его в консервативное русло»². Мировоззренческие идеалы европейского Просвещения были скомпрометированы негативным опытом французской революционной практики, что подтолкнуло русских мыслителей к необходимости критически переосмыслить этот опыт, и серьезно сместило акценты в восприятии ими ценностей западной цивилизации. «Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушения не узнаю тебя!»³ — так в 1795 г. достаточно эмоционально Н. М. Карамзин выразил свое отношение к европейским событиям в одной из своих статей.

Если необходимость осмысления французского революционного опыта создала предпосылки для зарождения консервативных политических идей на российской почве, то политический курс александровского режима на либерализацию и практику реформ послужил серьезным основанием для генерации этих идей, как и роста консервативных настроений в самом российском обществе. Не только первые годы правления Александра I («дней Александровых прекрасное начало»), но и весь период нахождения этого императора на троне был отмечен острой борьбой вокруг различных проектов реформ социально-экономического и политического характера, а также существованием в верхах нескольких оппонировавших друг другу центров силы. Эти центры постепенно приобретали статус центров не только общественно-политического, но и культурного влияния, вокруг которых группировались лучшие представители отечественной интеллектуальной элиты того периода, принимавшие активное участие и в политико-идеологических дискуссиях. «Консерватизму как общественно-политическому направлению положили начало несколько общественных и культурных центров. Это тверской салон Екатерины Павловны, двор Марии Федоровны, литературное общество «Беседа любителей русского слова», где ведущую роль играли А. С. Шишков и Г. Р. Державин, а также московский кружок С. Глинки и Ф. Ростопчина. Всех их объединяла борьба против М. М. Сперанского и его курса на реформирование России»⁴, — отмечает петербургский исследователь И. Д. Осипов.

Именно в недрах одного из таких общественно-культурных центров и оформляется фигура Н. М. Карамзина, уже не только историка, но и крупного политического мыслителя и общественного деятеля консервативного плана. Салон великой княгини Екатерины Павловны, сестры Александра I и жены герцога Георгия Ольденбургского, генерал-губернатора Новгородской, Тверской и Ярославской губерний, можно считать местом рождения русского консерватизма: тверской салон «... был, чуть ли, не важнейшим оплотом консервативных сил»⁵. По заказу великой княгини Екатерины Павловны и была составлена «Записка о древней и новой России», которую в феврале 1811 г. русский историк сначала прочитал великой княгине и ее супругу, а затем, в марте того же года, с ней был ознакомлен приехавший в Тверь император Александр I, воспринявший этот текст неблагоприятно.

На долю работы Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России» выпала достаточно сложная историческая судьба: будучи написанной для внутреннего, «дворцового» употребления, она и впоследствии не скоро получила

статус публичности. Этот политический трактат был впервые опубликован в полном своем объеме лишь спустя полувека после своего написания, в 1861 г., да и то не в самой России, а за границей — в Берлине⁶. Контекст ее создания, индивидуализированного прочтения и последующего затрудненного распространения в публичном пространстве имел несколько планов: во-первых, политико-идеологический, а во-вторых, интеллектуальный.

В политико-идеологическом плане «Записка...» стала оппозиционным ответом русского историка на программу гражданских реформ, разработанных и предложенных императору Александру I его госсекретарем М. М. Сперанским. Но, как верно отметил известный русский литературовед и культуролог Ю. М. Лотман, данная работа изначально была адресована самому императору как главному вдохновителю либеральных проектов Сперанского: «То, что главной мишенью Карамзина был не Сперанский, а Александр, видно из настойчивости, с которой историк касался самых больных мест репутации императора».⁷ «Записка...» содержала не только критический взгляд на реформаторские проекты и практику их реализации в Александровскую эпоху, но и предложила целостную политическую концепцию, в основу которой была положена сравнительно-историческая методология. Опираясь на свой исторический опыт и знания российской истории, Н. М. Карамзин делает свой знаменитый вывод: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»⁸.

Параллельно с Карамзиным, в декабре того же 1811 г., критически настроенную по отношению к программе реформ Сперанского работу («Четыре главы о России») подготовил и передал через обер-прокурора Священного Синода кн. А. Н. Голицына для прочтения российскому императору известный западноевропейский консервативный мыслитель Ж. де Местр, который с 1803 по 1817 г. был савойским посланником при петербургском дворе. Как вспоминал в 1842 г. русский государственный деятель и писатель А. С. Стурдза, впоследствии основной оппонент французского мыслителя по теологическим вопросам, «...де Местр был, бесспорно, самой выдающейся личностью того места и эпохи, в которой мы жили, т. е. Двора императора Александра I с 1807 по 1820 гг.»⁹. Некоторые исследователи считали графа де Местра даже вождем определенной политической группировки, повлиявшей на политику Александра I, прежде всего, в отношении отказа от реформ, предложенных М. М. Сперанским. Хотя в этом противостоянии де Местр скорее сыграл роль не организатора и вождя, а одного из идеологов так называемых «старых русских» — оппозиционной реформам группировки части знати во главе с графом Ф. В. Ростопчиным, будущим генерал-губернатором Москвы, которая выступала против программы Сперанского и пользовалась поддержкой императрицы-матери и сестры Александра I — великой княгини Екатерины Павловны. Его меткие и глубокие характеристики личности российского реформатора и критика планов либеральных преобразований до сих пор представляют несомненный интерес, демонстрируя высокий уровень политической аналитики и интеллектуальной полемики¹⁰. «Четыре главы о России» Ж. де Местра, написанные, как и «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, по заказу и по конкретному поводу, в результате стали своеобразным резюме аргументации «старых русских» против реформ М. М. Сперанского. Содержание этой работы можно рассматривать как политическую программу охранительной направленности, в которой французский консерватор постарался в общих чертах обрисовать желательную внутреннюю политику России перед угрозой европейского революционного движения. Наделенный историческим чутьем и опытом, французский дипломат не только внимательно наблюдал за событиями, происходившими на российской

политической сцене, но и стремился провести глубокий анализ этих событий и донести свои тревоги до верхов российского общества. Сам Ж. де Местр писал князю П. Б. Козловскому, российскому послу в Турине: «Я не верю, что может существовать в этот момент для хорошего наблюдателя более великое и прекрасное поле, чем ваша страна»¹¹.

Такая антиреформаторская оппозиция, представленная столь выдающимися консервативными авторами, как Н. М. Карамзин и Ж. де Местр, работавшими независимо друг от друга и представлявшими в своем лице две различные национальные версии политического консерватизма, составляет интересное явление в политической и интеллектуальной истории. Можно отчетливо проследить общие тенденции в способах формирования консервативного стиля мышления представителей интеллектуальных элит, как европейской, так и российской, и утверждать, что возникновение консервативного направления в России было изначально включено в орбиту общего с западноевропейским консерватизмом развития. Кроме того, отмеченные факты демонстрируют как значимость общей для данных авторов политической повестки дня, так и уникальность самого российского интеллектуального контекста первых десятилетий XIX в., где политико-идеологические вопросы тесно переплетались с вопросами культурными.

В связи с этим можно вспомнить участие Н. М. Карамзина в дискуссии о русском языке, которая проходила в рамках более широкого обсуждения смысла понятия «патриотизм». В области словесности историк выступал как новатор, предлагая реформу русского языка и активно пропагандируя его обновление и на страницах своего журнала «Вестник Европы», и в своих литературных произведениях. Хотя подлинный смысл культурного значения обновления языка становится понятным в контексте обращения Карамзина к проблеме сущности патриотизма и его значения для развития российского общества и государства. Его полемика в области русской словесности с адмиралом А. С. Шишковым, еще одним идеологом консервативного лагеря и непримиримым противником всякого обновления русского языка, ратовавшим за его архаическую консервацию и насыщение церковнославянизмами, одновременно была и полемикой с проектом непросвещенного патриотизма, а более широко с ультраконсервативным проектом развития России. Если Шишков, вдохновитель и организатор объединения «Беседы любителей русского слова» в своем «Рассуждении о любви к отечеству» призывал к «народному воспитанию», изначально противопоставленному всему чужеземному, то Карамзин в статье «О любви к отечеству и народной гордости», полагая, что «язык важен для патриота», предлагал взвешенную формулу понятия «патриотизм». В ней равновесно представлены возможности как «переимчивости» во всех ее аспектах, так и собственной вполне заслуженной национальной гордости: «Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть сам собою, чтобы сказать: «Я существую морально!» Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? Что там носят, в чем ездят и как убирают дома? Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!»¹²

На этом фоне рельефно возникает еще одна тема — «интеллектуалы и власть», которая впоследствии на примере карамзинского творческого наследия, и, в первую очередь, его «Записки о древней и новой России» активно обсуждалась в российском общественно-политическом дискурсе XIX и XX столетий. Спектр точек зрения колебался в этом вопросе от восприятия Н. М. Карамзина

как официального «придворного историографа» и ангажированного властью ретрограда до критически мыслящего интеллектуала, имеющего прочные монархические убеждения, но при этом бесстрашно оппонировавшего власти посредством обличения ее конкретных тактических и стратегических промахов. Наиболее рельефно первая версия восприятия творчества и деятельности Карамзина получила свое выражение в статье литературоведа и либерального публициста А. Н. Пыпина, которая стала откликом на «охранительный характер» празднования столетнего юбилея русского историка. Автор, изначально скептически оценивая «раздражительный консерватизм» Карамзина, который, по его мнению, желал только усиления абсолютизма, видит в его «Записке...» только ретроградный потенциал, оказавший влияние на последующее развитие России, даже в пост Александровскую эпоху: «Есть немалые основания думать, что идеи Карамзина, воплотившиеся в «Записке», имели практическое влияние на высшие сферы нового наступившего периода»¹³. Тем самым либеральный публицист задал определенные параметры восприятия Карамзина как ангажированного властью интеллектуала, который нанес ущерб и своей более ранней репутации просвещенного, либерально мыслящего человека: «Свою точку зрения Карамзин защищает в „Записке“ с тенденциозностью, какой не должен бы был позволять себе писатель, у которого было уже свое прошлое».¹⁴ В своем исследовании Ю. М. Лотман, оппонировавший данной ставшей впоследствии стереотипной точке зрения, открывает Карамзина как раз с другой стороны — как оппонента задуманных властью реформ, но оппонента умеренного и даже, в некоторой степени, заинтересованного в их успехе. «В 1811 году перед Карамзиным открылась исключительная возможность: лично, то есть без оглядки на цензуру и ограничения, которые неизбежны при обнародовании, изложить царю мнение о всей его деятельности как главы государства в целом. Трудно найти в истории пример человека, который бы использовал подобную возможность для того, чтобы высказать максимум горьких истин»,¹⁵ — отмечал Ю. М. Лотман. Тем самым постепенно воссоздается образ Н. М. Карамзина как одного из первых в российской истории критически мыслящих интеллектуалов, который, будучи в постоянном поиске компромисса между задачами эмансипации и принадлежностью к определенной культуре, избрал своим уделом напоминание власти предрежающим об идеалах исторической правды и справедливости.

В итоге самый значительный политический трактат, написанный Н. М. Карамзиным по заказу, для решения определенных, достаточно конкретных политических задач, станет впоследствии восприниматься как первый политико-философский меморандум российского консерватизма, как «важнейшее государственное сочинение», стоящее «политического завещания Ришелье».¹⁶ А сам контекст его создания, распространения и интерпретации представляется знаковым явлением, демонстрирующим контуры интеллектуального и политико-идеологического сотворчества российских и западноевропейских консерваторов в области политики и культуры.

Примечания

¹ *Леонтович В. В.* История либерализма в России (1762—1914). М., 1995. С. 55.

² *Соловьев Э. Г.* О некоторых особенностях формирования консервативного идейного комплекса в России. К постановке проблемы // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии. М., 1994. С. 19.

³ *Карамзин Н. М.* Милодор к Филалету // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 247.

⁴ *Осипов И. Д.* Аксиология русского консерватизма // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*. Вып. 1: сб. ст. / под ред. Ю. Н. Солонина и Н. В. Поляковой. СПб., 2004. С. 113.

⁵ *Гросул В. Я., Итенберг Г. С. и др.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 41.

⁶ См.: *Сегень А. Ю.* История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // *Литературная учеба*. 1988. № 4. С. 132—142.

⁷ *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // *Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии*. СПб., 1997. С. 596.

⁸ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 22.

⁹ *Stourdza A. de.* Le comte de Maistre // *Stourdza A. de. Oeuvres posthumes*. Paris, 1859. P. 171.

¹⁰ См.: *Полякова Н. В.* Феномен русского нигилизма в зеркале правоконсервативной критики: опыт актуализации стратегий // *Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2013. № 4. С. 78—85.

¹¹ *Maistre J. de.* Lettre au prince Koslovski, 12 (24) octobre 1815 // *Oeuvres Complètes*. Т. 1—14. Lyon, 1884—1886. Т. XIII. P. 171.

¹² *Карамзин Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости // *Карамзин Н. М. Сочинения в двух томах*. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 287.

¹³ *Пытин А. Н.* Карамзин. Записка о древне и новой России // *Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Н. М. Карамзин / под ред. А. А. Ширинянца; сост. Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянц*. М., 2001. С. 200.

¹⁴ Там же. С. 196.

¹⁵ *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 591.

¹⁶ *Погодин М. П.* Н. М. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 2. М., 1866. С. 69.

А. В. СМИРНОВ

Повседневная жизнь в творчестве ленинградских писателей 1960–1970-х гг.

В статье анализируется проблема использования художественной прозы в качестве научного источника для изучения повседневной жизни. Выявлен ряд важных моментов, связанных как со спецификой литературного творчества указанного периода (1960–1970-е гг.), так и с описываемыми в нем событиями повседневной жизни. Исследование проведено на примере рассмотрения трех повестей ленинградского прозаика А. М. Минчковского.

Ключевые слова: культура повседневности; советская повседневность; повседневная жизнь СССР; советская литература; ленинградская проза; Ленинград; культуральные исследования.

A. V. SMIRNOV

Everyday life in Leningrad writers' oeuvre in the 1960s–1970s

The perspective of using literary work as a scientific source in the study of daily routine is considered in this paper. The specificity of literary creativity in the 1960s–1970s as well as mundane life features representation in the Soviet prose are revealed. The study was conducted by the example of the three stories by Leningrad writer A. M. Minchkovsky.

Keywords: everyday life; everyday life of the USSR; literature of the USSR; Leningrad; cultural studies.

К художественной литературе как к научному источнику наука о культуре и история обращались неоднократно. Наиболее известными примерами такого обращения являются работы Ю. М. Лотмана по истории российской повседневной жизни¹, а также исследования М. М. Бахтина по отдельным аспектам повседневной жизни эпохи Возрождения². Однако в исторической науке неоднократно высказывались критические замечания³, ставящие под сомнение правомерность подобного метода. Проблема исторических источников в области изучения повседневной жизни СССР является как никогда актуальной. Конечно же, таких источников, прежде всего, документальных, огромное количество. Но, с одной стороны, работа в архивах связана с целым рядом затруднений для специалистов в области истории культуры (в отличие от специалистов по отечественной истории), с другой же, количество архивных документов, которые необходимо скрупулезно изучить для адекватного решения задачи в области исследований повседневности, зачастую превышает возможности исследователя.

Именно сложность работы с архивами и стала одной из причин того, что в качестве научного источника в данной области стали привлекаться так называемые «медийные» источники, к числу которых можно отнести контент СМИ и произведения массовой культуры соответствующей эпохи. Однако результаты их научной интерпретации далеко не всегда адекватны, поскольку новое поколение исследователей повседневности хотя и владеет методами формирования научного знания о ней, но в значительной степени оторвано от контекста, устанавливающего рамки историко-культурного анализа как визуальных материалов советской эпохи, так и литературных и публицистических текстов соответствующего периода.

Огромную помощь в изучении советской повседневности может оказать «устная» история, то есть интервью и воспоминания людей, значительная часть жизни которых прошла именно в советскую эпоху, а также личные источники. Литературные произведения также могут выступать в качестве материала для научной интерпретации, однако их использование в данном качестве затруднено рядом причин. Целый ряд новых граней советской истории, в том числе и истории повседневной жизни, российскому читателю открыл постперестроечный андерграунд и маргинальная, прежде всего, диссидентская литература.

Однако в настоящее время в отечественной науке и, в особенности, в околонучной полемике в блогосфере соответствующей тематики значительный вес приобретает мнение о тенденциозности и предвзятости издаваемых художественных и публицистических произведений о советском прошлом. Объясняется это, прежде всего, складывавшейся в России с начала 1990-х гг. политической конъюнктурой, стремлением отречься от советского прошлого, однозначная оценка которого вряд ли возможна. Подобное же отношение распространяется и на результаты исследований в области устной истории, а также на иные свидетельства прошлого, полученные в результате обработки интервью, письменных воспоминаний или личных архивов современников реконструируемых событий. Авторы полевых исследований, так же, как и их информанты, обвиняются в предвзятости и необъективном освещении исторических событий вне зависимости от масштаба таковых.

Согласно этому же мнению, важным источником при изучении повседневной жизни СССР оказываются советские медиа, при этом характер их соотносительности с существовавшей в то время реальностью даже не проблематизируется. Конечно же, последнее замечание не относится к серьезным научным исследованиям, причем в некоторых из них данная проблема становится в центр внимания⁴.

Данное краткое рассмотрение проблем научного статуса источников, используемых при изучении повседневной жизни СССР, позволяет нам подойти к тому вопросу, которому посвящено наше исследование. Вопрос состоит в том, чтобы установить, какую роль в изучении повседневной жизни советской страны может сыграть советская литература, используемая в качестве источника сведений о бытовых условиях и о том, что, собственно, и составляет повседневность.

Эта роль оказывается значительной в силу того, что художественная литература, изданная в советское время, содержала такие представления о быте и о повседневной жизни в целом, которые были легитимированы действовавшими в то время политическими структурами. Система контроля литературного творчества, действовавшая в СССР на разных уровнях, в том числе и на уровне редакций, считала допустимыми те факты и сведения о повседневной жизни, что приведены в советской прозе и, в частности, в прозе интересующего нас периода. Сама же указанная система выступает, таким образом, в качестве «гаранта подлинности», признавая истинность опубликованного, что, на наш взгляд, существенно повышает статус источника и в значительной степени увеличивает достоверность приведенных в нем фактов.

Данная причина позволила современным отечественным ученым использовать советскую художественную литературу в качестве источника сведений о повседневной жизни СССР, опираясь на собственную научную интуицию. Петербургский историк Н.Б. Лебина в своих книгах, посвященных истории советской и, в частности, ленинградской повседневности⁵, обращалась к произведениям советских, прежде всего, петербургских писателей, как к источнику эмпирических данных. Факты, почерпнутые в художественной литературе и

приведенные ею в качестве подтверждения своих гипотез, выступают в качестве аналога данных, полученных при интервью информантов, что сближает рассматриваемый научный метод с уже упомянутой «устной историей». Если исходить из предположения, что содержание произведения представляет собой результат взаимодействия художественного вымысла и личного опыта автора, то задача исследователя повседневной жизни (культуролога или историка) как интерпретатора состоит в том, чтобы попытаться выявить факты, лежащие в основании этого опыта и составляющие «фон», на котором разворачивается сюжет произведения.

Однако в книгах Н. Б. Лебиной сам круг проанализированных авторов-прозаиков был весьма ограниченным (в большинстве случаев она ссылается на произведения Д. Гранина и Ю. Германа), а научная задача — специфической, характерной, прежде всего, для исторического исследования, а не для культурологического анализа. Если даже Н. Б. Лебина, признанный специалист в области изучения истории повседневной жизни, ссылается на литературные тексты, это говорит нам о возможности и перспективности их использования для культурологических исследований в данном направлении.

Стремление использовать художественную литературу в подобном качестве вызвано также и тем, что в советское время проза, как известно, издавалась в широком ассортименте и большими тиражами. Существовали общесоюзные и республиканские литературные творческие объединения со своими региональными филиалами, и хотя путь в «профессиональные» писатели был непростым, признанные в качестве таковых писатели получали возможность издавать свои творения и, пользуясь возможностью, творили достаточно активно. В распоряжении автора данной статьи оказалось несколько книг из серии «Повести ленинградских писателей», издававшейся на рубеже 1970—1980-х гг. в издательстве «Лениздат», одном из крупнейших региональных издательств СССР. Не останавливаясь на их художественных достоинствах, отметим, что они представляют интерес, с одной стороны, как образец советского литературного мейнстрима, с другой же стороны — именно как источник изучения фактов и реалий повседневной жизни Ленинграда различных исторических периодов, прежде всего, 1930—1960-х гг.

Многие из этих повестей интересны тем, что их авторы рассказывали о фактах, даже не предполагая, что несколько десятилетий спустя эти факты будут если не утаиваемыми, то, во всяком случае, не слишком афишируемыми. Так или иначе, эти факты оказались в значительной степени стерты из коллективной памяти народа, по естественным, прежде всего, причинам. Во время же создания этих произведений, достаточно непривычные и уже почти забытые реалии предвоенного и послевоенного быта воспринимались как нечто само собой разумеющееся, лишь временной разрыв в несколько десятилетий и позволяет поставить вопрос как об их достоверности, так и об их исторической оценке.

Данная работа содержит результат анализа лишь одной книги, сборника повестей А. Минчковского⁶, изданного тиражом 100 000 экземпляров. В настоящее время это имя практически забыто, хотя по последней из повестей, входящих в данный сборник, в 1975 г. был снят одноименный телефильм. Сборник содержит три повести, первая из которых, «Мы еще встретимся» рассказывает о судьбах выпускников одной из ленинградских школ, ушедших на фронт в 1941 г.; вторая повесть, «Небо за стеклами», — о первых послевоенных годах, о жизни людей, вернувшихся с войны, и, наконец, третья повесть, «Странные взрослые», — описывает жизнь обитателей ленинградской коммунальной квартиры 1960-х гг.

В первой из повестей описана жизнь учеников обычной, на первый взгляд, ленинградской школы. Из этой повести мы можем узнать, что школьники старших классов не испытывали при покупке сигарет и посещении ресторанов практически никаких проблем, кроме финансовых. Это говорит о том, что проведение школьниками досуга в ресторанах хотя и не приветствовалось, но, в то же время, не рассматривалось как нечто из ряда вон выходящее, по крайней мере в определенных социальных группах. Можно также утверждать, что описанная в повести школа, расположенная в центре Ленинграда, была по современным понятиям элитной, поскольку большая часть школьников-героев повести жила в отдельных квартирах (немыслимая по меркам предвоенного Ленинграда роскошь), а некоторые семьи даже имели домработниц. Важным моментом, не очень подробно отраженным даже в работах Н. Б. Лебиной, является упоминание об особенностях работы советской торговли в 1930-е гг., в частности, о наличии коммерческих магазинов, продукты из которых для некоторых персонажей составляли основу «продовольственной корзины», а для некоторых были лишь редким, но очень дорогостоящим дополнением к ней. Подобные сведения дают возможность сделать целый ряд интересных выводов, например, о социальной структуре, об особенностях потребления и об уровне жизни различных слоев населения Ленинграда.

Среди персонажей первой повести встречались люди «с положением», им приходилось принимать участие в решении достаточно важных проблем, как личных, так и связанных с их производственной деятельностью. При этом автор, нимало не стесняясь, пишет, что одним из основных способов решения многих вопросов, например, связанных с трудоустройством, были личные связи и знакомства. То есть вопросы решались на основе личного взаимодействия заинтересованных сторон, а не на основании формальных норм и советского законодательства. Конечно, подразумевалось, что у положительного героя и хорошего человека просто не может быть каких-либо отрицательных намерений, двигало им только желание помочь тому или иному человеку, оступившемуся или попавшему в трудную жизненную ситуацию, тем более? что все подобные казусы формально не выходили за рамки закона. Подобные ситуации достаточно часто встречаются в сюжетах советской литературы, драматургии и кинематографа. Авторы данных сюжетов говорят нам о том, что в социалистическом обществе никакой закон не отменит и не заменит «настоящих» человеческих отношений, что любой из советских граждан, занимающих высокие ступени в советской социальной иерархии, всегда готов прийти на помощь в нужную минуту практически любому человеку, оказывая ему доверие, которое тот не может не оправдать. Хотя, конечно, возникает соблазн отметить, что мы в данном случае имеем дело с легитимацией протекции, которая была весьма распространенным явлением в ряде сфер советской жизни.

Вторая повесть также может поведать немало интересного о жизни послевоенного Ленинграда. В частности, о потенциально криминальной обстановке в городе и о наличии большого количества злачных мест — пивных и прочих питейных заведений. Типажи, описанные в повести говорят, в частности, о том, что даже практически сразу после войны в городе было изрядное количество «нетрудовых элементов», собственно, и создававших подобную обстановку в городе. Упоминается в повести и послевоенная высылка инвалидов из Ленинграда, тема очень непростая и неудобная. В настоящее время в отечественной блогосфере эта тема бурно обсуждается в различных исторических интернет-сообществах, в качестве аргументов в дискуссиях привлекаются даже архивные документы. Однако в книге, изданной в 1979 г. (а сама повесть была написана в 1972 г.), подобная практика упоминалась, что говорит о том, что в советское время хотя и не афишировали этот эпизод послевоенной жизни,

Но, тем не менее, не делали из него тайны, поскольку большинство жителей Ленинграда без всяких книг и архивов знали о нем.

Действие двух оставшихся повестей рассматриваемого нами сборника практически полностью разворачивается в пространстве коммунальных квартир. О коммуналках 1920-х гг. в довоенной советской литературе есть несколько упоминаний: это, без сомнения, рассказы М. М. Зощенко и роман «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, в котором была описана типичная с точки зрения авторов квартира под названием «Воронья слободка», которое стало нарицательным. При этом советские сатирики не скрывали своего негативного отношения к подобному способу расселения.

Однако чтение повестей А. Минчковского (а также изучение ряда других произведений советского искусства) позволяет сделать вывод о том, что в 1970-е гг. отношение к коммунальным квартирам в значительной степени меняется. Они, конечно, продолжают рассматриваться как временное явление на пути к «победе коммунизма», однако советские авторы пытаются найти в коммунальном способе проживания целый ряд положительных качеств и моментов и поведать о найденном в своих произведениях. В общем, таких причин, которые могли бы сделать проживание советского человека (или советской семьи) в коммунальной квартире невыносимым, послевоенные авторы не находили, сатира на коммунальную тему была не столь распространена. Конечно же, сразу вспоминается фильм «Волшебная сила» (1970 г., реж. Н. Бирман), первая из новелл которого, «Волшебная сила искусства», как раз посвящена проблемам взаимоотношений жильцов коммунальной квартиры, однако социального пафоса в данном фильме нет, а причины описанных проблем видятся в людях, а не в способе организации их жилого пространства. Напротив, целый ряд специфических моментов проживания в описанных условиях способствует формированию настоящего советского человека. Это, прежде всего, коллективная ответственность жильцов за тех соседей, которые более всего нуждаются в помощи. Практически каждая повесть говорит о том, что человеку, попавшему в беду, первыми приходят на помощь соседи по коммунальной квартире. Более того, помощь слабому, в частности, удочеренной девочке, персонажу третьей повести, улучшает и того, кто сначала помогает вынужденно, нехотя, без особого на то желания, в некотором смысле по обязанности, но потом, проникшись ответственностью за судьбу слабого, «духовно перерождается». Не является секретом тот факт, что художественные произведения советской эпохи являлись, как в данном примере, способом легитимации некоторых черт советского образа жизни и советского быта в частности. Отдельные квартиры, в которые уже позже переезжали герои А. Минчковского, становились, с одной стороны, наградой за перенесенные тяготы (что позволяло новоселам быть не столь уж требовательными к недостаткам малогабаритного отдельного жилья постройки 1960—1970-х гг.), а с другой стороны, становились тем местом, где обитали уже сформировавшиеся советские люди, которых уже не могло «испортить» «вынужденное» отчуждение в новой, непривычной для них форме жилья. И, заметим, что даже в новых многоквартирных домах устанавливались социальные связи, позволявшие их жильцам преодолеть отчуждение и наладить повседневное взаимодействие.

Подведем небольшие итоги нашей статьи. Ценным для исследователя повседневной жизни СССР представляется тот факт, что советские писатели 1960—1970-х гг., и Аркадий Минчковский, в частности, были современниками описываемых событий, что позволяет говорить о данной литературе как об оригинальном способе трансляции личного опыта и даже как об одной из форм репрезентации культурной памяти. Кроме того, именно художественное

творчество и, в частности, литература, становились не просто трансляторами ряда идеологем, но и репрезентантами целого ряда технологий формирования советского человека, связанных, например, с воздействием коллектива на личности потенциально склонных к социальным девиациям, «оступившихся» людей. Таким образом, изучение советской литературы оказывается значимым для исследования повседневной жизни, стратегий и структур советской повседневности, а наследие советских писателей еще ждет своего исследователя.

Примечания

¹ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. 496 с.

² *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.

³ *Гуревич А. Я.* История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. 888 с.

⁴ *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М., 2007. 592 с.

⁵ *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.; *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950—1960-е годы. СПб., 2015. 484 с.

⁶ *Минчковский А. М.* Мы еще встретимся. Небо за стеклами. Странные взрослые. Л., 1979. 608 с.

И. В. СТОЛЯРОВА

Все, как у людей (С. Носов о тайной жизни петербургских памятников)

Петербургский писатель С. Носов уверен, что у памятников есть своя психология, что они очень чувствительны к переменам. В имплицитном виде С. Носов представляет читателю целые истории, связанные не только с персонажами памятников, но и с развитием нашей страны. Памятники находятся в постоянном контакте с миром людей. По оттенкам их эмоций, которые замечает внимательный зритель, можно изучать психологию памятников.

Ключевые слова: памятник; психологическая нагрузка; социальный статус; перепад настроений; психология памятников.

I. V. STOLIAROVA

Everything, as it should be (S. Nosov on the secret life of St. Petersburg monuments)

St. Petersburg writer S. Nosov is convinced that monuments have their own psychology, being extremely sensitive to changes. S. Nosov introduces whole stories to the reader in an implicit form, not only referring to the monument nature, but also linked to the development of the country. Monuments are in constant liaison with the world of people, therefore, the shades of emotion that an attentive viewer observes reveal the psychology of monuments.

Keywords: monument; psychological stress; social status; mood swings; psychology of monuments.

Известный культуролог, историк, филолог и краевед Н. П. Анциферов в своих многочисленных трудах осмысливает феномен Петербурга, и под «душой» города он понимает «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан»¹).

Понятие «петербургский текст» в современной филологии связано с именем В. Н. Топорова. Выдающийся исследователь русской культуры, автор фундаментальных трудов по лингвистике и истории литературы, работ, посвященных «мифопоэтическому» пространству Петербурга, рассматривает Город как особый художественный текст, включающий и сам объект, и его отражения в культурном сознании. «Петербургский текст есть не просто усиливающее эффект «зеркала города» устройство, с помощью которого совершается преобразование материальной реальности в духовные ценности, а особая духовная энергия, творящая реальность по законам искусства и жизни»². «Петербургский текст» постоянно развивается, его нельзя окончить, так как история не останавливается и каждый новый взгляд, новый автор открывает следующий аспект безграничного великого города. Петербургский писатель ощущает себя внутри «петербургского текста». «Петербургский текст» можно обнаружить во всех слоях современной литературы.

М. А. Черняк подчеркивает актуальность обозначенного подхода к описанию города: трактовку города как особой исторической индивидуальности, изображение городских ландшафтов как частей единого целого, определившего монументальный облик города, ощущение власти города над сознанием и поступками персонажей, осмысление исторического пути города. Исследователь отмечает, что такие черты можно в полной мере обнаружить в новейших текстах современной литературы³.

Петербургский писатель Сергей Носов — «человек местный», со сложившимся петербургским вкусом, бытовыми особенностями, психологическим настроением, то же относится и ко многим его персонажам. «В дом, в котором я живу, мой дед вместе с семьей переехал еще в тридцать втором, так что эти места овеяны семейными преданиями». В интервью «Писательство не имеет назначения» по случаю получения премии «Национальный бестселлер—2015» автор заявляет: «А что касается явления «петербургский писатель», то оно в том и состоит, что петербургский писатель это тот, от кого постоянно ждут чего-то специфически петербургского».

В книгах «Тайная жизнь петербургских памятников» (первое издание 2008)⁴ и «Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников — 2» (2015)⁵ автор-повествователь выступает от своего имени, объединяясь с персонажем. Бродя по родному городу, всматриваясь в памятники, автор выступает как дотошный исследователь, привлекающий архивные материалы, свидетельства современников. При этом с присущим ему тонким пониманием делает серьезные или остроумные обобщения, подкрепляя свои впечатления воспоминаниями детства и юности. Одна из глав первой книги называется «Среди нас». С. Носов выступает как друг и доброжелатель памятников, запросто обращаясь к ним: *В Петербурге можно встретить пустующие постаменты. Будь ты памятник царю, будь революционеру, твой постамент одинаково может лишиться тебя. Памятники беззащитны, далеко не всем им везет в этой жизни: Веками живут не многие, все они хорошо известны в лицо, и всем им когда-то, так или иначе, угрожала опасность. По мысли автора, они, как люди, вынуждены приспособливаться к действительности, идти на компромисс: Стоит ли удивляться, что выставленные на обозрение памятники отнюдь не всегда жаждут публичности... Им действительно есть чего опасаться, они давно в группе риска, даже высокостатусные Ленины... И вот что придумано — чтобы приглушить их будто бы актуальный пафос, к ним применили прием огламуривания, окружили фонтанами. И Ленин на броневике, и аникушинский в распахнутом пальто, оба, кажется, приняли правила игры — они теперь, как дирижеры водных потоков, распределители струй. Каждый из них теперь, почти как петергофский Самсон.*

Писатель замечает, что «каждый пишущий и так что-то меняет — своим новым высказыванием, хочет он того или нет». Эти необычные книги о «тайной жизни» памятников провоцируют петербургского читателя на дополнительные прогулки по городу, а не петербургского — на посещение Петербурга. Отношения автора-повествователя со своими персонажами-памятниками уважительные, теплые, часто дружеские, но не фамильярные. С симпатией обращаясь к бронзовому Менделееву, сидящему на Московском проспекте у Технологического института, автор соглашается со снисходительным отношением великого ученого к современным студентам, которые после сдачи экзаменов в благодарность чистят нос памятнику: *Бородатый, длинноволосый Дмитрий Иванович не кажется обиженным на студентов... Выражение лица у памятника снисходительно-добродушное: эх, дураки, дураки!..* В каждом описываемом памятнике автор видит непрекращающуюся жизнь с ее страстями, опасениями, желаниями. При всем нагромождении книг на постаменте, Менделеев лишь делает вид, что читает. *Книгу он открыл для отвода глаз... Памятник что-то прячет от нас... Что же мы видим? В руке папироска!.. Потрясающе. Я не знаю более трогательной детали во всем петербургском сообществе мемориальных фигур. Что слава посмертная, что память, когда нельзя покурить?*

Памятники для автора — это живые люди. Вот забытый всеми памятник Ленину в Ботаническом саду: *Хорошо ему здесь в тени высоких растений... Ленин с книгой в руке здесь похож на ботаника... Лицо просветленное, взгляд*

добрый. Счастливый памятник, один из самых счастливых. Даже непамятник ему позавидует.

Рассказывая о памятнике Кирову, установленному на мясокомбинате во время строительства предприятия и запуска мощностей, автор-повествователь не проходит мимо известного противостояния: *Гиганта мясной индустрии еще называли «первенцем», и в этом слове угадывался вызов Москве. Фигуры ленинградского патриотизма тогда еще допускались.*

Такой информативный, эмоциональный, личный текст обусловлен индивидуальными свойствами автора-повествователя, за текстом просвечивает сам Сергей Носов: «Как пришел к своему стилю, объяснить не могу, и вообще о таких материях, как «свой стиль», не хочу задумываться, — интуитивно мне эта картина понятна, и с меня довольно. Плохо впадать в зависимость от своего стиля. Иногда полезно меняться».

Нередко автор-повествователь имеет общие черты со своими персонажами. С. Носов прямо об этом свидетельствует: Пятьдесят лет простоял в скверике на Манежной площади неприметный закладной камень памятника Гоголю. О нем забыли, словно его и не было. Меня же поразили стершиеся слова и дата закладки, и я тут же списал текст в блокнот и немедленно отправил сюда, на Манежную, своего персонажа, — как раз тогда я начинал сочинительство. Герой «Тяжелых вещей» («записок и вариаций») в задумчивости сворачивает с Малой Садовой: *А вот и памятник Гоголю, вернее, отсутствие памятника, — только с Гоголем приключится такое!*

Как отмечает писатель, гранитные, бетонные, бронзовые памятники только кажутся твердостойкими и уверенными в себе. На самом деле они испытывают сильнейшую нагрузку, которую, будь они людьми, мы бы назвали психологической. Им есть чего опасаться, потому что они живут в постоянном контакте с людьми, существами изменчивыми и во многом непредсказуемыми.

Защищая памятники, С. Носов уверен: памятники вообще ни в чем не виноваты и ни за что не ответственны. Например, автор удивляется быстроте, с которой поменялся социальный статус памятника Чкалову, — из не имеющего прописки нелегала он превратился в почетного жителя района. Этот памятник лишь во вторую очередь памятник Чкалову. В первую — он памятник современности: в девяностые, когда таился за пивными ларьками, он был памятником эпохе распада и разорения страны, теперь, пускай и в патриотическом выражении, — эпохе всевластия гламура, впрочем, и эта эпоха, кажется, завершается, — делает вывод писатель.

С. Носов подчеркивает, что он пытается понять психологию памятников.

Иные памятники очень чувствительны к переменам, происходящим в мозгах людей. Писатель ненавязчиво намекает на упадок уровня образования: *...раньше любой в нашей стране знал, что Алексей Максимович Горький и Максим Горький — один человек, а теперь не каждый способен это осмыслить... А памятник чувствует, что что-то не так. У него есть основания подозревать, что его не узнают или принимают за кого-то другого.* В максимально свернутой форме, имплицитно Носов рассказывает целые истории, связанные не только с персонажем памятника, но и с историей нашей страны. За памятником Горькому изначально находился табачный магазин, как пишет С. Носов, сильно работающий на общий образ великого пролетарского писателя — великого курильщика. Тема «табака» служит Носову отправной точкой для, казалось бы, иронических, но в то же время серьезных выводов, связанных с осознанием истории. Упоминая папиросы «Беломорканал», С. Носов как бы мимоходом отмечает: *«одно лишь название порождает поток горьковских ассоциаций».* Следующее за этим высказывание можно понять как метафору: *«Что там у него за спиной происходило, он, конечно, не знал, но наверняка чувствовал что-то...»*

Лишь намекнув читателю на трагическую тему строительства Беломорканала, писатель иронически рассуждает о противостоянии мира социализма и капитализма в сфере табачного производства: *Победа социализма теперь уже не только в отдельно взятой стране, но и на другом полушарии утвердилась новым названием табачного магазина — «Гавана»... Красочная витрина «Гаваны» стала нашим ответом американскому империализму, объявившему торговую блокаду социалистической Кубе. Так или иначе, мировая система социализма однажды рухнула, капитализм победил (во всяком случае, в нашей стране), и в продолжение табачной мистерии закрылся магазин «Гавана» за спиной Горького, на крыше сталинского дома вознеслась реклама американских сигарет Camel.*

С. Носов известен как автор «достоевски-образных» текстов — это особый класс внутри петербургского текста. Тема Достоевского близка С. Носову, почти все произведения которого связаны с Петербургом⁶. О памятнике Достоевскому С. Носов пишет так: *Он умеет зябнуть, особенно после дождя, когда крупные капли стекают по его спине. Он — как человек. Не в том смысле, что слишком похож (действительно похож на известный портрет кисти Перова), а в том смысле, что максимально активно — насколько на это способны, вообще говоря, памятники — обнаруживает себя в поведении: то события создает, то побуждает к эксцессам, то провоцирует происшествия. Живет, одним словом. И живет среди людей.*

Пристальное внимание к Достоевскому дает С. Носову все основания считать, что с персонажами Достоевского мы уже как-то срослись. И бронзовому Достоевскому в торце Большой Московской это хорошо известно. Сидя в центре «самого умышленного города», он испытывает на себе перепад людских настроений. *Строгость почестей, оказанных ему в самом начале на открытии, вовсе не отменяла в перспективе возможность карнавальных настроений читателей и почитателей. В обычные дни ему, конечно, спокойнее. Но и в обычные дни он в постоянном контакте с миром людей. Ни разу я не видел, чтобы милиция-полиция нарушала тут чей-либо покой. Словно высшей санкцией оделяет бронзовый Федор Михайлович тех, кто с открытым сердцем к нему.*

К памятнику Кирову С. Носов обращается в каждой из двух своих книг. В первой — Киров на мясокомбинате, во второй — Киров и актуальная до сих пор тема постройки стадиона. В 2006-м стадион снесли. Затянули строительство нового, современного. *Кирову на пьедестале перестало быть хорошо. Это только на первый взгляд кажется, что он всегда одинаков: всему рад, всем удовлетворен. Как раз нет. Настроение его переменчиво. По оттенкам его эмоций, обусловленным внешними раздражителями, можно изучать психологию памятников... Одно дело, когда жестом левой руки выражается радость за все вокруг, а другое дело, когда под руку что-нибудь попадает. Зачем тут в парковой зоне, у Футбольной аллеи образовался элитный дом? И лицом, и жестом — всем своим видом он одно выражает: «Это что же такое, товарищи? Вы рехнулись? Кто разрешил?» Он уже тогда начинал себя ощущать лишним здесь, но пытался скрыть свои ощущения, сделать вид, что не замечает знаков неуважения, и этим только провоцировал энтузиастов глума.*

Писатель отмечает, что общая проблема памятников — стараться не терять достоинства, попадая в ложное положение, оставаться сами собой. *Они делают вид, что, буквально, выше они мелкой суеты под ними — подчас весьма агрессивной. Что бы ни выражал памятник по роковому предписанию своего создателя — сильное ли чувство, неумную ли страсть, — памятники по существу скрытны. Они умело таят от людей свое истинное к ним отношение, обрекая себя на двусмысленные, часто трагикомичные и, на человеческий взгляд, просто комичные ситуации. И это независимо от того, понимают ли памятники, что вокруг происходит, или они просто ошеломлены происходящим.*

Киров перед стадионом имени Кирова, конечно, все понимал. Он старался, как говорится, делать лицо. Не всегда удавалось. Он торчал один-одинешенек на пустынном пространстве. И его отставленная рука выражала теперь отчаяние: «Эй! Эй! Ну где же вы все? Посмотрите, что здесь происходит!» Киров, конечно, знал толк в строительстве. Он спиной чувствовал, что там что-то не так. Есть ли смета у них? Почему меняют подрядчика? Следуют ли определенному плану? Чем обусловлен фронт работ? Каковы причины неритмичности? Есть ли конечная цель?

Как писал Б. Пастернак об одном из персонажей романа «Доктор Живаго», «у него было дворянское чувство равенства со всем живущим», так и петербургский писатель С. Носов показывает нам, что памятники живут среди людей и, как люди, все понимают и сопереживают. Тем более что это памятники, как правило, великим и достойным людям. *Памятники не читают газет, у них нет Интернета, но все, что надо, они чувствуют обостренно. Как это получается, нам не понять.*

Примечания

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Л., 1990. С. 43.

² Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избранное. М., 1995. С. 259.

³ Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М., 2016. С. 95.

⁴ Носов С. А. Тайная жизнь петербургских памятников. СПб., 2015. 272 с.

⁵ Носов С. А. Конспирация, или Тайная жизнь петербургских памятников. СПб., 2015. 272 с.

⁶ Столярова И. В. Определяющая роль хронотопа в «петербургском» романе С. Носова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2014): в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2015. С. 153—156.

Тенденция отказа от письменного текста в движениях NewAge

Статья посвящена проблеме реконструкции основных черт, положений и практики так называемых религий Новой эры. Также отношению в их разрозненных сообществах к книгам и практическому воплощению идей. В статье кратко изложены некоторые отличительные черты религиозности нашего времени, издательской деятельности адептов ньюэджеровских течений, описание форм практической религиозной деятельности.

Ключевые слова: Религии Новой эры; Новые религиозные движения; духовные практики; мистицизм; оккультизм; колдовство.

The trend towards renouncement of written text in the New Age religious communities

The article is devoted to the reconstruction of the main features, provisions and practices of the New Age religions, as well as attitudes to books and practical implementation of ideas in the New Age religious communities. Some of the distinctive features of the religiosity in our time, publishing activities of New Age movement adherents and various forms of practical religious activities are briefly outlined.

Keywords: New Age Religion; New religious movement; spirituality; spiritual disciplines; mysticism; occultism; witchcraft.

В современном глобализированном мире появляется множество новых религиозных течений, главной чертой которых становится универсальность, что соответствует требованиям времени. Новые религиозные движения чаще всего основываются на вероучительном или культовом материале древних религий, тем не менее обязательно показывают свое отличие и положительные особенности. Так появлению новых религиозных движений, основанных на фундаменте прежде существующих религий способствует тенденция, отмеченная Д. А. Головушкиным: «Религиозный модернизм, с одной стороны, стремится преодолеть отчужденность, существующий разрыв между религией и обществом, но, с другой стороны, его основой является абсолютизация собственных взглядов и установок»¹.

Термин Новые религиозные движения используют «применительно к самым разным организациям, большинство из которых существуют в своей нынешней форме начиная с пятидесятых годов»² XX в. Чтобы религиозное движение назвать новым, нужно определить со временем его возникновения (иногда называется возраст 15 лет), но большое значение имеет время появления религиозного учения или организации на определенной территории. Новизна религии зачастую будет определяться молодостью адептов, которые не были, то есть не могли быть воспитаны в рамках данной религиозной системы.

Тем не менее, этот термин не охватывает религиозную ситуацию современного мира, понятие НРД уже слишком широкое. Существуют различные классификации НРД. Самой известной стала классификация, относящая определенные движения к основополагающей традиции, таким образом, можно выделить: неохристианские, неоиудаистские, неоренталистские, неоязыческие, оккультные и сатанинские организации³. Но смешение в религиозном

сознании отмеченное выше порождает отличную от перечисленных классификационную категорию, называемую некоторыми исследователями Нью Эйдж или религиями Нового века.

Нью Эйдж — религиозно-мистические группы, получившие распространение в середине прошлого века в Европе и США. В узком смысле этим термином называют движения, ставящие «в центр своих учений веру в наступление на рубеже XX и XXI вв. астрологической эры Водолея, сменяющей эру Рыб. В широком значении — ньюэйджерами называют и последователей течений, не связывающих приход новой эры с эрой Водолея»⁴. Среди характерных черт религиовед И. Я. Кентеров называет отсутствие четкой организационной структуры, отсутствие границ объединения, т.е. один и тот же человек может посещать несколько движений. Здесь нет доктрины и дана максимальная свобода самовыражения. Воззрения глубоко синкретичны: теософия, язычество, шаманизм, восточные верования, колдовство, мистицизм. Адепты могут устанавливать отношения с космическими началами, а сам космос мыслится как единый живой и одухотворенный организм: «Пройдя процесс духовной трансформации, они будут способны проникнуть в тайны космоса и самого себя. Конечный пункт маршрута — гнозис — высшая форма знания, эквивалент спасения. Гнозис включает в себя не только философскую, но и тайную (эзотерическую) доктрину, передаваемую от учителя к ученику через посвящения»⁵. Таким образом, трансформация личности приобретает не только субъективное, но и космическое значение: «Центральный элемент философии Нью Эйдж — это возможность личностной трансформации, которая может принимать разные формы, в том числе физическое исцеление, разрешение конфликтов и духовное просветление... Опыт личностной трансформации отдельных людей становится основой трансформации общества в целом. Это, в свою очередь, позволяет примирить социальные группы, разрешить конфликты между народами и обеспечить просветленное устройство мира»⁶.

Современные религиозные направления отличаются от своих предшественников, но «Как правило, они предполагают тот или иной ответ на фундаментальные вопросы религии, философии и духовной жизни»⁷ - пишет английский социолог А. Баркер. Исследователь отмечает, что привлекательным для будущих адептов остается то, что сулит им участие в жизни религиозной организации: успехи в карьере; здоровье и долголетие; общение; религиозный опыт; и, что очень важно — саморазвитие, возможность улучшить себя, свою жизнь, разобраться в отношениях с людьми. Именно эти причины нередко становятся поводом для участия в обучающих программах, семинарах, медитациях, предлагаемых НРД, которые требуют вложения определенных средств и предполагают прохождение нескольких уровней. Здесь нередко объединены практики медитации, психологические тренинги, теоретические занятия. Таким образом, откликаясь на вполне светские с первого взгляда призывы к сомосозреванию, будущие адепты могут рассчитывать не только на получение некоторых знаний, но и прочие блага — общение и даже мистический опыт.

Носители «Современной религиозности» демонстрируют поиск новых форм духовной жизни, которые бы не противоречили привычному образу жизни, удовлетворяли любопытство и предоставляли бы результат. Принадлежность к одной религии на протяжении всей жизни, зачастую, воспринимается как фанатизм и ограничение своих возможностей. Поэтому формы видеолекций, семинаров, тренингов, которые ни к чему не обязывают, не привязывают человека только к одному направлению религии, встречаются все чаще.

Интересной тенденцией становится постепенное снижение интереса к письменному и опубликованному в каком-либо виде тексту. Дело даже не

только в отказе от изданных традиционным образом книг, который может быть продиктован экономическими соображениями, связанными с падением интереса в обществе к книгопечатной продукции. Но и заметна некоторая перемена в отношении в изданному, а значит закреплённому тексту.

Это не означает, что книги вовсе не издаются. Крупные религиозные организации институционального характера имеют собственные издательства. Кроме того, существует несколько издательств, занимающихся эзотерической, оккультной литературой, руководствами по самоисцелению, медитациям и т. д.: София, Амрита-Русь, Энигма. Особенностью их стало то, что они часто занимаются не только изданием книг, но и подготовкой необходимой представителям религий Нового века атрибутики: карт таро, рунических карт, различных постеров, волшебных кристаллов и пр. магических атрибутов, организацией творческих встреч со своими авторами.

В перечисленных издательствах больше издается классики в эзотерической литературе, меньше нового, при этом новые произведения носят скорее прикладной, а не теоретический характер, что соответствует тенденциям развития современной религиозности.

Несмотря на некоторую отстраненность современного «потребителя» религии от активного участия в религиозной жизни общины, возрастают возможности личного обучения и общения. Многочисленные жанры непосредственного обучения предлагают и выход из сложной экономической ситуации для авторов систем NewAge. Помимо чтения книг распространение среди адептов Нью Эйдж получили некоторые формы организации практик:

Семинары и тренинги. Отличие одного от другого весьма слабое, на тренингах большее внимание уделяется отработке приобретенных навыков. Эти мероприятия посвящены конкретной тематике, они включают в себя теоретический материал и практики. Могут продолжаться от нескольких часов до нескольких дней. Являются хорошей возможностью пообщаться с учителем, например, иностранцем, которого непросто встретить в обычной жизни. В качестве примера можно привести многочисленные йога-семинары, тренинги по самоисцелению, холотропному дыханию.

Курсы самосовершенствования. Они часто направлены на передачу теоретических знаний: *Сказочная семинария*, в которой с помощью мифологических образов и межрелигиозных идей учат повиноваться року. *Академия Каббала Михаэля* Лайтмана призывает посещать свои курсы ради выхода личности на новый уровень, недоступный в обыденной профанной среде, при этом не позиционируя принадлежность каббалы к религиозной традиции (называя каббалу наукой). Нередко курсы разделены на уровни, которые последовательно может осваивать адепт.

Оккультные школы — к оккультным дисциплинам в них будут относиться: различные виды гаданий, астрология, развитие экстрасенсорных способностей, нумерология, хиромантия, толкование снов и многое другое. Примерами таких школ могут служить Колледж Телема (здесь обучают каббале, таро, практической магии, хатха-йоге) и школа Атлантида. В ней ученик проходит пять курсов или ступеней. Обучение фактически состоит из посещения семинаров и тренингов, а также совместных выездов к «местам силы». Результатом становится преобразование ученика в целостную (объединенную со своими прошлыми воплощениями) личность и специализация в каком-либо виде магии. Посещение занятий в школах будет платными, но оплата вносится не одновременно, а за каждое занятие, а значит посещение их может быть названо «свободным».

Ретриты и совместные туры. Ретрит — это выезд в отдаленные от привычного местообитания места ради духовной практики. Ретриты представляются

серьезными мероприятиями, иногда в процессе духовных практик у участников изымаются средства связи, компьютеры, все что может отвлечь от основного дела. Чаще всего участникам предлагают отказаться от мясной пищи, алкоголя. Совместный тур — более свободная форма, может совершаться как в ближайший пригород (снятый загородный домик с баней), так и в экзотическую страну. Предполагает занятие практиками, отдых и культурную программу. Популярны семейные или женские туры. Они позволяют наладить общение с людьми, придерживающимися однотипных взглядов, но при этом не требуют включенности в структуру определенных религиозных организаций.

Фестивали — часто проводятся на природе, носят скорее увеселительный характер. В процессе участникам предлагают несложные практики, тренинги, теоретические занятия, танцы и музыка. На фестивалях нередко организуется торговля предметами, соответствующие религиозному содержанию, вегетарианская или сыроедческая кухня и т. д.

Перечисленные формы религиозной деятельности, помимо ретритов и фестивалей, существуют как в реальном, так и виртуальном пространстве, в качестве видеокурсов или online обучения.

Конкретным практическим наполнением форм существования религиозных движений Нью Эйдж являются:

Ченнилинг (от английского слова «канал», «контактерство»). Это явление может быть определено как деятельность медиумов, передача сведений от мира духовного в мир физический. В отличие от медиумов, ченнилингеры контактируют с определенным существом, духом, который проводит некую идею, подсказывает ответы на сложные вопросы и т. д. Таким образом учителем объявляется не контактер, а великий человек или иное существо, вышедшее с ним на связь.

Магия как способ видения мира, наполненного сверхъестественным содержанием, это высшая форма существования человека. Маг — это не традиционный субъект — носитель силы, влияющей на объективную действительность, а просветленный, ясновидящий, правильно вззирающий на реальность, поэтому способный влиять на нее.

Посещение мест силы — мест, имеющих некий духовный потенциал, появляющийся благодаря исторически накопленной энергии. Иногда говорится о существовании у места силы своего «эгрегора». Это понятие определяется, например как «групповое психоэнергетическое поле... душа какого-либо явления, сущность, порождаемая мыслями и эмоциями людей и обретающая самостоятельное бытие»⁸. Люди, посещающие места силы, влияют на эгрегор, дополняют его своими мыслями, эмоциями. Таким образом, «сильными» эти места становятся, потому что в древности здесь пребывали представители великих цивилизаций, находились капища, святилища и т. д. Холистические идеи приводят к мысли о космосе как организме, в котором проходят энергетические артерии — леи, они сходятся в чакрах земли, которые и являются местами силы. Здесь могут проходить каналы связи параллельных миров. Человек в месте силы может не только зарядиться энергией, но и открыть в себе сверхспособности, поговорить с местом, получить ответы на важнейшие вопросы своей жизни. Места силы почитаются во многих культах и организация NA.

Йога, медитация в самом широком смысле слова. Это многочисленные практики, связанные с формированием контроля над своим телом, дыханием, психикой. Примером может служить не только хатха-йога, воспринимаемая нередко как обычная гимнастика, но и набирающая популярность кундалини-йога с преобладанием дыхательных техник и системы работы с чакрами,

медитации под звуки гонга, поющих чаш, динамические медитации и пр. Все эти практики служат для психической стабилизации, улучшения здоровья и изменение личности и ее жизни к лучшему.

Нравственные и пищевые ограничения. Нравственные ограничения весьма абстрактны, то есть существует общее представление о правильном поведении, но, как замечает исследователь новой религиозности А. Н. Раевский: «Если говорить о проблеме добра и зла в движении NewAge, то в целом на этот важнейший для человека вопрос дается простой ответ — проблемы нет. С точки зрения ньюэйджеров на высших уровнях духовной реальности, из которых возникает феноменальный мир и от которых он зависит, двойственности не существует»⁹. Преодоление «дуальности» часто выдвигается целью, достигнув которую можно перейти на новый космический уровень. Преодолеть дуальность — значит быть свободным. Иногда нравственный характер принимает идея отказа от некоторых продуктов питания (мяса, рыбы, яиц, реже молока и продуктов, подвергнутых тепловой обработке). Но, все же, нередко отказ от алкоголя и особый контроль над питанием проводится ради оздоровления, отказа от ядов современного мира.

Кроме названных, можно обнаружить и другие практики, их число растет. Все практики носят прикладной характер, несмотря на то, что позиционируется их духовное содержание, оно в конечном счете, должно вывести человека на новый уровень жизни, интересов, миро- и самопонимания.

Главное, что праксиологический уровень религий Нью Эйдж постепенно замещает теоретический. Это не значит, что теоретическая информация оказывается совершенно лишней, но она все чаще подается в виде безличных интернет-статей, сообщений в блогах и социальных сетях в простом и коротком виде. Теория в Нью Эйдж легко и быстро меняется. При отсутствии яркого лидерства, каждый человек стремится найти собственное понимание и объяснение мира.

Таким образом, тенденция постепенного снижения интереса к печатному тексту связана с вынесением личного религиозного опыта в качестве главного критерия проникновения в суть религиозных представлений. Учителя лишь подсказывают способ интерпретации своего опыта. Когда субъективное представление о религиозной реальности возрастает, автор текста представляется поставщиком только своего мнения, а заключение его в письменную форму может быть воспринято как навязывание. «В чем разница между знанием и познанием? — говорит Ошо. — В словаре разницы нет, но в действительности разница огромна. Знание — это теория, познание — это опыт. Познание означает, что вы открываете глаза и видите, знание означает, что кто-то открыл глаза, увидел и рассказал об этом, а вы просто собираете информацию»¹⁰.

Примечания

¹ Головушкин Д. А. Религиозный фундаментализм / Религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестн. ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 1. С. 94.

² Баркер А. Новые религиозные движения. СПб., 1997. С. 3.

³ Балагушкин Е. Г., Шохин В. К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. № 2. 2006. С. 70.

⁴ Кантеров И. Я. Новые религиозные движения. М., 2006. С. 66.

⁵ Там же. С. 66—67.

⁶ Мелтон Дж. Г. Рамта и его Школа Древней мудрости: Путь к просветлению. М., 2011. 13 с.

⁷ Баркер А. Указ соч. С. 3.

⁸ Эгрегор [Электрон. ресурс] // Живое знание. URL:http://naturalworld.ru/key_egregor.htm (дата обращения: 13.04.2016).

⁹ Раевский А. Н. Онтологические, антропологические, этические и эсхатологические концепции движения Нью Эйдж // Гуманитарные и социологические науки. 2013. № 5. С. 153.

¹⁰ Ошо. Интуиция: Познание за пределами логики. М., 2009. С. 49.

М. В. ЧИГИРИНОВА,
А. И. ЛЮБИМЕНКО

Аспекты менталитета в формировании и транслировании идентичности бренда

Рассмотрены особенности формирования элементов идентичности бренда в зависимости от менталитета потребителей. Авторы выявили различия в ориентации на уровень ценностей в зависимости от этапа брендинга: создания или транслирования идентичности, и провели анализ особенностей менталитета потребителей разных стран с примерами их учета в стратегии бренда.

Ключевые слова: бренд; идентичность; позиционирование; менталитет; культура; ценность; мода; книгоиздание.

M. V. CHIGIRINOVA,
A. I. LYUBIMENKO

Aspects of mentality in brand identity formation and communication

The article considers peculiarities of brand identity elements formation depending on the mentality of consumers. The authors have revealed differences in the values level orientation according to the branding stage (the creation or communication of identity), and analyzed consumer mentality features in different countries exemplified by their acknowledging in brand strategy.

Keywords: brand; identity; positioning; mentality; culture; value; fashion; book publishing.

Последние десятилетия отмечены борьбой брендов за пространства отраслевых рынков. Наступила эпоха позиционирования. Позиционирование брендов — это завоевание умов потребителей, насаждение определенного стиля потребительского поведения, стиля жизни и, в конечном счете, мышления. Огромные средства вкладываются в создание и продвижения брендов-гигантов и эти вложения вполне оправданны, так как развитый бренд наделяет предприятие весомыми достоинствами.

К основным преимуществам бренда можно отнести относительную легкость выхода на рынок новых товаров под известным брендом, повышение уровня качества рекламы с применением логотипа бренда, возможность связать восприятие фирмы с именем ее создателей, наличие значительного временного лага на разработку инноваций, в то время как фирма, не обладающая ярким брендом рискует потерять потребителей, не готовых ждать эти и другие новшества.

Создание бренда — самый сложный и ответственный процесс. Ошибки и промахи, допущенные в этой деятельности, исправить в дальнейшем очень сложно и затратно.

Первым этапом создания бренда является формирование его идентичности. Идентичность бренда, по Д. Аакеру, — это уникальный набор марочных ассоциаций, который стремится создать или поддержать разработчик бренда. Эти ассоциации представляют значение бренда и обещания, которые даются потребителям членами организации¹. Другое, более лаконичное, определение идентичности бренда дал Ю. И. Бичун идентичность бренда — «идеальное содержание, каким бренд наделяет его оферент»².

Вторым этапом является транслирование идентичности бренда потребителям, посредством использования инструментов продвижения, в том числе рекламы. От качества рекламы зависит возможность передачи неискаженного

образа созданного стратегами по брендингу и детализированного в бренд-буке.

Рассматривая структуру идентичности для ее правильного построения, помимо выделения двух ее основных уровней (стержневого и уровня расширенной идентичности), можно провести ее анализ по элементам, предложенным основоположниками бренд-менеджмента. Все модели идентичности бренда (таблица) содержат ценностный уровень, под которым подразумеваются не только ценности данного бренда, транслируемые компанией, но и ценности общества в котором существуют потребители бренда³. Восприятие ценности — это основа менталитета связанная с традициями и устоями общества.

Модели идентичности бренда⁴

Модель идентичности Ж.-Н. Капферера	Модель 3D Branding (Т. Гэд, Великобритания)	Модель К. Л. Келлера	Модель Brand Wheel (США) «Колесо бренда»
Физические данные (т. е внешние проявления бренда): название, логотип и пр.	Функциональное измерение (характеристики товара, восприятие полезности, и пр.)	Позиционирование бренда	Атрибуты
Индивидуальность (т. е личностные привязки бренда, а также его характер)	Ментальное измерение (самовосприятие и самоидентичность потребителей)	Ценности бренда	Преимущества
Культура (все, что связано с традициями и ценностями бренда)	Социальное измерение (идентификация с определенной общественной группой)	Коды бренда	Ценности
Взаимоотношения (отношения бренда и потребителя, тип поведения)	Духовное измерение (общая система, к которой относится бренд, потребитель и его социальное окружение)		Индивидуальность
Отражение (какое впечатление желает произнести покупатель бренда)			Суть = ядро
Самообраз (идентификация потребителя в бренде)			
Суть бренда			

В некоторых моделях учет специфики менталитета реализуется не через ценностный уровень, а скрыт в других элементах: в соответствии с моделью 3D Branding это «ментальное измерение (самовосприятие и самоидентичность потребителей)» и «духовное измерение (общая система, к которой относится

бренд, потребитель и его социальное окружение)»; в модели идентичности Ж.-Н. Капферера это «Культура (все, что связано с традициями и ценностями бренда)»⁵.

Говоря о менталитете, мы подразумеваем «взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и многие другие нюансы, характеризующие ту или иную группу людей»⁶.

Целесообразно ли при создании бренда делать акцент на локальной специфике менталитета целевой группы потребителей, или более дальновидно ориентироваться на ценности всего человечества?

Как было замечено, с течением времени бренды, обретая глобальный характер, апеллируют к общим ценностям, присущим населению всего мира. Но, возможны варианты ориентации на ценности субкультурных слоев общества, схожих на территории многих стран земного шара, т. е. сужение спектра ценностей, концентрация на узкой специфике.

Многие великие бренды считают «достоянием мира», потому что в основе своей идентичности они содержат общечеловеческие ценности, близкие и понятные всем жителям земного шара. К этим ценностям можно отнести тревогу о земле, нашем общем доме, природе, экологии; о своей родине, патриотизм; заботу о семье, близких людях, стремление к созидательному труду. Идентичность многих глобальных брендов транслирует нам ориентацию на эти ценности, например, бренд «McDonald's» в описании своих потребителей указывает, что в фокусе находятся семьи и дети, пропагандируя ориентацию на семью и семейные ценности.

Более целесообразно использовать подход концентрации на локальной специфике бренда не при создании стержневой идентичности, а при генерации креатива в процессе продвижения бренда. И локальные бренды, дифференцируя подходы в рекламной компании бренда, часто достигают успеха, делая упор на специфику менталитета представителей узкого рынка. Такая концепция часто бывает хорошо воспринята не только целевой аудиторией, но и представителями других стран, делая образ более оригинальным и аутентичным, наполненным неподражаемой самобытностью.

Известный теоретик и практик в области рекламы и брендинга Майкл Ньюмен утверждал, что восприятие бренда и его рекламной коммуникации различается в странах с разным уровнем социального развития, различными традициями и культурными особенностями⁷.

«Жителям Европейских стран, к примеру Англии, привычнее уровень сложности, прямо пропорциональный их социальному развитию. Чем сложнее устроено общество, тем выше способность понимать сложные идеи с большим количеством абстракций. В развивающихся странах, вроде Бразилии, эта способность куда ниже. Быть простым и ясным — это не выбор, это важнейшая потребность»⁸.

Англичане склонны к метафоричности к усложненному процессу проникновения в суть вещей, поэтому восприятие бренда кроется под затейливыми многослойными конструкциями метафор.

Традиционно, в разных странах, сложилось разное отношение к брендам. Американцам присуще иронически-почтительное отношение обусловленное «пост-иронической» эпохой формирующей специфику коммуникаций бренда и его идентичности.

Культура определяет наш взгляд на вещи, формирует наши установки и ценности. Безусловно, очень многое объединяет людей разных стран, заставляя их улыбаться, наслаждаясь одним фильмом, музыкой, произведением искусства и рекламным роликом бренда. Но и различие их взглядов интересно и порождает нестандартные творческие решения в брендинге.

Российский брендинг находится в стадии формирования и болеет детскими болезнями подражательства и некоторой незрелости, боязни продемонстрировать собственное лицо, но с каждым годом появляется все больше примеров уверенного и профессионального подхода в формировании идентичности бренда и его продвижении.

Особенностью отечественного менталитета является стремление к приобретению импортных товаров, которые всегда кажутся более качественными и привлекательными по сравнению с отечественными, в соответствии с принципом «пророков нет в отечестве своем». Это и породило общую тенденцию мимикрии отечественных брендов, которые в своем названии используют иностранные слова, символы других культур и стран. Несмотря на то, что многие отечественные предприятия выпускают продукцию высокого качества, они пытаются всячески камуфлировать свое происхождение.

Особенно это актуально для индустрии моды. К таким брендам можно отнести *Incity, Oodji, Karlo Pazolini, Ralf Ringer, Ostin, Savage* и многие другие.

В книгоиздании существует похожая, но не столь ярко выраженная тенденция — создание брендов ассортиментных линий с иностранным названием, авторских брендов, когда псевдоним автора заставляет относить его к плеяде иностранных авторов, например, в жанре фэнтези — Макс Фрай.

Такие бренды обретают некоторый флер чего-то нездешнего и потому особенно влекущего.

Углублением этого явления являются бренды «оборотни», декларирующие принадлежность к другой стране, привлекающие потребителей «немецким качеством», «итальянским изыском», «французскими традициями производства уникальной модной продукции», а на самом деле ни магазинов данного бренда, ни его производства в этих странах нет, и не было никогда. Бренды, не пытаясь преодолеть предрассудки в мышлении потребителей, идут по пути копирования маркетингового опыта, использования маркетинговых приемов и технологий своих зарубежных конкурентов, в то время как качество их продукции вполне сопоставимо с качеством зарубежных аналогов.

Таким образом, становится очевидным, что наиболее значимым конкурентным преимуществом, вопреки ожиданиям, становится не качество и особенности продукции, поскольку на рынке много схожих товаров.

Эту отличительную особенность бренда можно создать, путем максимального соответствия ожиданиям, обращаясь к менталитету потребителей, к их самоидентификации, представлению о том, каков он и каким хочет быть. Транслирование этой специфики может осуществляться не только средствами рекламы, но и нестандартными подходами в мерчандайзинге. Создание «пояса бренда», нестандартные приемы в оформлении магазина становятся более эффективными в привлечении потребителей, чем попытки дифференцировать ассортимент.

В книжной торговле многие сетевые бренды достаточно давно выбрали путь широкой диверсификации, пополняя традиционную форму торговли книгами сопутствующими услугами, сервисами и атмосферой, которая становится все более важной. У потребителей появляется возможность прочитать книгу, иногда не покупая ее, посидеть в кафе, на искусственном газоне, почувствовать себя на природе, погрузиться в атмосферу домашнего уюта или рабочего кабинета с зеленым абажуром. Книжный магазин берет на себя функции клуба, библиотеки, культурного центра.

Таким образом, создается комплекс услуг, отсылающий нас к ключевым аспектам идентичности данных сетевых книготорговых брендов. Это не только возможность полного удовлетворения когнитивных и эстетических потребностей, которые нам дарит книга; но и ценность связи с поколениями

творческих людей, передающих им знания, возможность гордиться огромным культурным наследием, гордость за страну и ее писателей, чувство сопричастности, погружение в атмосферу семейного уюта и многое другое.

Несмотря на то, что идентичность бренда — характеристика уникальная, в каждом из брендов отражены те ключевые ценности, которые значимы для потребителей, объединенных общим менталитетом. А для глобальных брендов потребители — весь мир. Этим и обоснована их ориентация на общемировые ценности.

Примечания

¹ *Аакер Д. А.* Создание сильных брендов. М., 2003. 340 с.

² *Бичун Ю. А.* Управление брендами: учеб. пособие. СПб., 2006. 63 с.

³ *Домнин В. Н.* Идентичность бренда — ключевое понятие бренд-менеджмента // Бренд-менеджмент, 2009 № 05(48).

⁴ Там же.

⁵ *Капферер Ж.-Н.* Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. М., 2006.

⁶ Словарь С. И. Ожегова [Электрон. ресурс] // Галерея. URL: <http://ozhegov.info/slovar> (дата обращения: 13.03.2016).

⁷ *Ньюман М.* 22 непреложных закона рекламы / пер. с англ. О. О. Азаренковой. — М., 2008. 312 с.

⁸ Там же.

Е. О. МАТВЕЕВА

Окказиональные образования в текстах современной российской рекламы

Статья посвящена рассмотрению окказиональных образований, встречающихся в текстах современной российской рекламы. Рекламные окказионализмы проанализированы с точки зрения их влияния на речевую культуру личности и общества. Особое внимание уделяется функциям окказионализмов в рекламных текстах.

Ключевые слова: окказионализмы; рекламный текст; медиатекст; лингвокультурология; заимствованные слова; культурная коннотация.

E. O. MATVEEVA

Occasional lexical units in modern Russian advertising texts

The article is devoted to consideration of the occasional formations encountered in the texts of modern Russian advertising. Advertising occasionalisms are analysed from the point of view of their impact on speech culture of the individual and society. Special attention is paid to features of occasionalisms in advertising texts.

Keywords: occasionalisms; advertising text; media text; cultural linguistics; loan words; cultural connotation.

В последние десятилетия внимание отечественных лингвистов привлечено к изучению языка средств массовой информации. Рассматривая медиатексты с точки зрения активных процессов, характеризующих современный этап развития русского языка, можно отметить, что все чаще для усиления эмоционального воздействия на адресата (читателя, слушателя, зрителя) используются окказионализмы. Эта тенденция чрезвычайно характерна для различного рода рекламных посланий.

Активное функционирование окказионализмов в медиатекстах, их влияние на формирование языковой личности и лингвистической культуры подтверждает идею о взаимосвязи языка и культуры, о неизбежном, хотя и не всегда позитивном, изменении языка под влияние актуальных социальных событий. По-прежнему актуально звучит суждение Вильгельма фон Гумбольдта о творческом характере развития языка: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи»¹.

Два последних десятилетия внимание научного сообщества привлечено к рекламными посланиям. Рекламный текст сегодня становится объектом исследований психологов, культурологов, семиотиков. Однако ведущим необходимо признать лингвистический аспект: рассмотрение рекламного текста как лингвокультурного феномена предопределяет приоритет лингвистического

подхода, ибо язык — это зеркало культуры. Можно сказать, что язык народа и есть его культура.

Идеи немецкого лингвиста о непрерывном творческом процессе развития языка значимы для понимания природы, характера и особенностей окказионализмов, создающих художественную выразительность медиатекста, в том числе рекламного послания.

Термин «окказионализм» имеет в лингвистических исследованиях ряд синонимов: «неологизм контекста», «слово-самodelка», «поэтический неологизм», «одноразовый неологизм», «слово-экспромт». Однако, придерживаясь разных терминологических подходов, ученые, рассматривающие особенности данного явления (Н. И. Фельдман, В. В. Лопатин, Е. А. Земская, А. Г. Лыков, С. В. Ильясова, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова) сходятся во мнении, утверждая: окказионализм — слово, образованное по непродуктивной модели, используемое в условиях конкретного контекста, относящееся к пассивному составу языка. Например, такой подход прослеживается в работах Е. А. Земской «Словообразование как деятельность»², В. В. Лопатина «Рождение слова»³.

Рассматривая контекстуальную обусловленность окказионализмов, В. В. Лопатин подчеркивал: «Не следует думать, что окказионализмы — это какие-то неполноценные или ущербные слова. Нет, это слова настоящие, и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные, чем обычные, общеупотребительные слова. Но специфика их заключается в том, что обслуживая определенный контекст, данный частный случай, данную речевую ситуацию, они не претендуют на то, чтобы закрепиться в языке, войти в общее употребление»⁴.

Контекстуальная обусловленность окказионализмов наиболее заметна в рекламных текстах, срок существования которых в языковом пространстве и культуре ограничен рамками рекламной кампании.

Интерес к окказиональным образованиям в рекламных обращениях вполне логичен и закономерен, поскольку окказиональные инновации становятся источником экспрессии для языка рекламы. Помимо сугубо лингвистического аспекта бытования окказионализмов в рекламе, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание и на лингвокультурологический аспект этого явления, связанный, с одной стороны, с определенным влиянием культуры, характеризующей данный этап развития социума, на процесс возникновения слов-однодневок, а с другой — с обратным влиянием окказионализмов на речевую культуру наших современников.

Лингвокультурологический аспект рекламных окказионализмов интересен и с позиции изучения возможностей словотворчества. Так, Е. А. Земская в исследовании «Словообразование как деятельность» отмечала: «Окказионализмы характеризуют совершенно особый аспект изучения языка — творческий, индивидуальный, эстетический: они реализуют индивидуальную, творческую компетенцию говорящего, будь то поэт, ребенок или обычный человек. Они ориентированы на правила, общие для всех носителей языка. Окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы. Ведь любой самый индивидуальный окказионализм должен быть понятен другим»⁵. Часто рекламные окказионализмы возникают по одной словообразовательной модели с заимствованными словами. В возникновении таких контекстуально обусловленных слов-однодневок большую роль играет аналогия. Например, вместе с заимствованным словом *шопинг* в рекламных текстах стали появляться окказионализмы *покупинг*, *подаринг*, *товаринг*. Как мы видим, данные окказионализмы созданы по модели «производящая основа + суффикс — инг». С лингвистической точки зрения такой подход допустим, однако возникает вопрос о соответствии

подобных инноваций традициям языковой культуры российского общества и задаче сохранения русского языка, о которой должны задумываться сотрудники средств массовой информации и создатели рекламных текстов. Легко заметить, что каждой окказиональной инновации при желании можно найти аналог: *покупинг — покупки, товаринг — товары, подаринг — подарки*.

С нашей точки зрения, особенно неуместно смотрятся несколько окказионализмов такого рода в одном рекламном тексте: *Два дня неповторимого шопинга в торговом центре «Гранд каньон». Под одной крышей самые известные бренды со всего света. Приходите и убедитесь: биг товаринг, лайт покупинг, гуд подаринг*.

Обратим внимание на еще одну интересную деталь: в этом тексте окказионализмы *покупинг, подаринг, товаринг* употребляются с заимствованными словами: *light, big, good*. Соответственно, *легкий, большой, хороший*. Итак, расшифровав послание, мы начинаем понимать смысл текста: авторы хотели сказать, что в магазине легко и приятно совершать разнообразные покупки и выбирать хорошие товары. Приведенный пример свидетельствует об усилении влияния английского языка и интернационализации общения. Эта тенденция отмечается в работе Т. Г. Добросклонской «Язык средств массовой информации»⁶.

Окказиональные образования в текстах современной российской рекламы могут быть не только существительными, как в предыдущем примере, но и прилагательными: *кириешнутые советы* (рекомендации хозяйке на упаковке сухариков «Кириешки»), *самые пельменистые пельмени* (реклама пельменей «Братья Пушкаревы»), *спаровские рецепты* (кулинарные рецепты из рекламной газеты продуктового магазина «Спар»).

Популярны в рекламных текстах окказиональные наречия: «Приколись поскелетонски» (реклама йогурта «Скелетоны»); «И вкусно, и хрустно!» (реклама вафельного торта «Причуда»). Среди окказиональных глаголов необходимо, вероятно, выделить незабываемый призыв «Сникерсни!» Этот окказионализм в повелительном наклонении постепенно приживается в русском языке, а сам слоган «Не тормози — сникерсни» довольно часто цитируется.

Разновидностью окказионального словообразования в рекламных текстах является контаминация, усиливающая экспрессию послания, создающая возможности для языковой игры с реципиентом. Например, *счастливочный вкус* (счастливый + сливочный), *настоящий музыкайф* (музыка + кайф), *бифиформула здоровья* (усечение термина бифидобактерии + формула), *элвистильные скидки* (усеченное имя собственное Элвис Пресли + стильные). Однако, на наш взгляд, использование подобных окказионализмов возможно лишь в тех случаях, когда целевой аудитории понятны обе части нового слова, а сам окказионализм не вызывает психологического отторжения. Вряд ли, например, можно признать удачным окказионализм «шапкозакидательные», поскольку он соотносится с прецедентным выражением, имеющим негативную культурную коннотацию; ведь устойчивая фраза «закидать шапками» означает самонадеянность, пустое бахвальство, самоуверенность. Рекламный текст, обещающий «шапкозакидательные скидки, которые не позволят никому уйти без новой шапки», вызывает ощущение, что авторы послания переоценивают возможности продавцов.

Далее остановимся на лингвокультурологическом обосновании этих функций, для описания которых определяющее значение имеет научная концепция Н. З. Котеловой, в чьих работах делается особый акцент на общественном значении изменения лексики. Рассматривая процесс неологизации, Н. З. Котелова писала: «Появление в языке новых слов, новых значений слов и выражений отражает изменения в бесконечно разнообразном мире вещей и явлений, общественную деятельность человека, работу человеческого сознания,

результаты бесконечного познавательного процесса. Возникновение новых номинаций как ответ на социальный запрос, как результат познавательно-профессионального освоения мира — главная движущая сила неологизации во всех языках и на всех этапах их развития»⁷.

Лингвистическая концепция Н. З. Котеловой отражает специфику появления и бытования окказионализмов в языках для специальных целей, в том числе в языке рекламной коммуникации, где прагматические, суггестивные цели воздействия на реципиента оказываются самодавяющими. Суггестивный, иначе говоря, внушающий характер рекламной коммуникации, определяет основные функции окказионализмов в текстах рекламных посланий.

Первая и важнейшая функция окказионализмов в рекламе — это психологическая подстройка под целевую аудиторию, усиливающая суггестивный эффект взаимодействия автора и адресата. У реципиента, читающего, смотрящего или слушающего рекламу, должно возникнуть впечатление, что персонажи, от лица которых ведется повествование, говорят с ним на одном языке, а значит понимают его проблемы и предлагают их результативное решение. Снимая защитные барьеры подсознания, психологическая подстройка вызывает у адресата доверие к рекламной информации. Отсюда становится понятным значительное количество окказионализмов в рекламных текстах, адресованных молодежной целевой аудитории, ведь юношество — наименее консервативная социальная группа. Она открыта новому, склонна к созданию субкультуры, собственного языка, понятного лишь ровесникам. Именно этими чертами психологической характеристики юношества определяется большое количество окказионализмов, обращенных к нему. Вот некоторые примеры: *Не тормози — сникерсни!*, *Приколись по-скелетонски!*, *Крашные апельсины*, *Решительно! Освежительно!*, *Пепсиний день календаря*.

Юношество, стремящееся к психологическому отделению себя от взрослого мира, испытывает удовольствие от языковой игры, включает необычные окказионализмы в повседневную речь.

Современный рекламный рынок чрезвычайно конкурентен, перед создателями рекламных текстов неизбежно и очевидно встает проблема акцентирования внимания целевой аудитории именно на данном послании, выделения его из десятков и сотен аналогичных предложений. Окказиональные инновации, удивляя, эпатируя, иногда даже шокируя, помогают привлечь внимание реципиента, часто неосознанно запоминающего оригинальные слова. Окказионализмы в рекламе повышают эмоциональный градус сообщения, активизируют ассоциативное мышление и воображение потребителя. Отметим отдельные инновации: *Ощути музыкайф!*, *Спациальное предложение*, *Помогаем электроматериально*, *Элитарии всех стран. Развлекайтесь!*

Е. В. Бабенко справедливо отмечает: «Занимая сильную позицию в тексте, окказионализмы обладают большой силой воздействия прежде всего благодаря своей экспрессивности... Экспрессивность как основная стилевая черта окказионализма достигается столкновением нового, необычного со стандартным. Благодаря своей экспрессивности окказионализм обостряет отношения в тексте, являясь точкой напряжения формальных и смысловых связей. Обострение отношений происходит между элементами композиции всего текста, поэтому окказионализм часто занимает центральное положение: относительно него может быть выстроен весь текст»⁸.

С выделением особой целевой аудитории связана следующая функция окказионализмов в рекламных текстах. Окказиональные инновации, обращаясь к специфической группе потребителей, актуализируют уникальное торговое предложение, заставляющее реципиента обратить особое внимание на данный текст. Копирайтерам хорошо известно: языковая игра — действенный способ

управления поведением адресата, если окказионализм воспринимается как некое уникальное предложение, изюминка, присущая лишь данному товару, отличающая его от конкурентов. Окказионализмы *обезьятельные скидки, охрю-ненные подарки, фрустический вкус* могут порождать различные эмоции, но в любом случае они интригуют, вызывают желание понять, что же скрывается за новым, пусть иногда раздражающим словом.

Лингвистическая стратегия борьбы за потребителя, необходимость создания новых целевых аудиторий и выделения уникального торгового предложения вызывает к жизни значительное количество рекламных посланий, написанных в псевдонаучном стиле и щедро сдобренных окказионализмами, призванными, вероятно, актуализировать связь рекламного предложения с последними достижениями науки. Сегодня в рекламных статьях часто мелькают такие названия лекарств и клиник, как *Витанол, Витанорма, Витамед, Витамедикус* и окказионализмы, отражающие особые возможности объекта рекламы: *нанопротектор, наноэффектор, наноэффект*. Например, один из текстов российской рекламы оптимистически заверяет: *Каждый наноэффектор несет клеткам от двухсот до трехсот различных полезных растений*.

Наконец, не стоит забывать, что окказиональные образования создаются для развлечения потребителя, его отдыха и забавы. Психологически здесь важен момент возрастной регрессии, когда человек, включаясь в языковую игру, возвращается к детскому восприятию мира, а значит его критическое отношение к транслируемой информации снижается.

Использование окказионализмов в рекламных текстах — это, безусловно, неоднозначное лингвистическое явление, имеющие и позитивные, и негативные аспекты. С одной стороны, окказионализмы усиливают экспрессивные возможности рекламных посланий, позволяют привнести в рекламу элемент языковой игры. С другой — неудачные окказиональные инновации вульгаризируют язык, отрицательно сказываясь на формировании лингвистической культуры современного российского общества.

Примечания

¹ Гумбольдт В. Фон. О различия строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 70.

² Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 224 с.

³ Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973. 152 с.

⁴ Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973. С. 65.

⁵ Земская Е. А. Указ. соч. С.180.

⁶ Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. М., 2008. 116 с.

⁷ Котелова Н. З. Проект словаря новых слов русского языка. М., 1982. С. 4.

⁸ Бабенко Е. В. Стереотипное и окказиональное в лексике современной немецкой рекламы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 12.

О. В. АСТАШОВА

Визуальное воздействие в рекламном тексте

В печатной рекламе ощущается все больший перевес в сторону минимализации текста, замены вербального текста информативным изображением. Визуальное воздействие формируется совокупностью шрифтовой гарнитуры, композицией, цветом, семантикой иллюстрации. Основная функция изображения — представление товара. Для ее реализации используются многообразные приемы, классификация которых предпринята данной статье.

Ключевые слова: рекламный текст; функции изображения; приемы иллюстрирования; репрезентация товара; «двойное иллюстрирование»; визуализация культуры.

O. V. ASTASHOVA

Visual impact in the advertising text

Press advertising displays a growing overbalance towards minimizing the text and verbal text replacing with the informative image. A set of typefaces, composition, colours, and illustration semantics generate a visual effect, the main function of the image being product presentation. The paper undertakes a classification of diverse methods of product presentation along with press advertising illustration.

Keywords: advertising text; image function; illustration techniques; product representation; dual illustration; visualization of culture.

Текст (лат. «ткань», «сплетение», «соединение») — это объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Знаковые единицы включают себя элементы как вербальной (устной и письменной), так невербальной системы коммуникации. Рекламный текст от обычного «текста» отличается, прежде всего, своей направленностью на продвижение товара (услуги, лица или субъекта, идеи, социальной ценности), неличным и оплаченным характером, но точно также содержит в своей структуре вербальные и невербальные компоненты¹. По мнению современных авторов, рассматривать изолированную систему невербальной и вербальной коммуникации некорректно, вербальная и невербальная составляющая взаимодополняют друг друга и образуют один и тот же процесс².

В зависимости от того, какие невербальные элементы включаются в рекламный текст можно выделить четыре типа, к которым в конечном итоге сводится все многообразие форм рекламы.

1. Вербальный коммуникативный тип: главным средством коммуникации является слово, причем форма коммуникации в данном случае — письменная. Сюда относятся все формы газетной рекламы, SMM и крауд-маркетинга.

2. Вербально-визуальный коммуникативный тип: семантика, выраженная словом, дополняется визуализированными компонентами, такими как шрифт, изображение, цвет и макетирование. Сюда относятся все виды печатной и наружной рекламы.

3. Аудио-вербальный коммуникативный тип: в данном случае усложнение текстовой структуры идет за счет включения паралингвистической и экстралингвистической системы знаков. Паралингвистическая система — это система вокализации, т. е. качество голоса, его диапазон, тональность. Экстралингвистическая система — включение в речь пауз, других вкраплений,

например, покашливания, плача, смеха, наконец, сам темп речи. Все эти дополнения, имеющие место в аудио-рекламе, увеличивают семантически значимую информацию, но не посредством дополнительных речевых включений, а «околоречевыми» приемами.

4. Мультимедийный коммуникативный тип (аудио-вербально-визуальный): к имевшимся ранее резервам вербально-визуального типа добавляется подвижность видеоряда, создаются разные зоны внимания, что и позволяет максимально усложнить текстовую структуру данного типа³.

Таким образом, рекламный текст, за исключением вербального типа, является креолизованным. Креолизованность рекламного текста или его поликодовость делает его сложным, но является основой для воздействующей силы сообщения. Интеграция вербальных и невербальных средств выразительности (иллюстрации, шрифта, цвета, текстуры и макетирования) усиливает прагматический и стилистический потенциал рекламного текста, служит повышению информационной насыщенности текста, его оригинальности, запоминаемости и обладает максимальной силой воздействия на адресата.

При этом в журнальной рекламе ощущается все больший перевес в сторону визуализации, минимализации текста, замены вербального текста информативным изображением. Это явление касается не только рекламы, но и в целом современного общества. «Пророк электронной коммуникации» М. Маклюэн говорил, что чувственные установки современного ему поколения имеют преимущественно зрительный характер. Эра телевидения и кинематографа это движение «к экономии слов и глубинному символизму»⁴.

Рекламно-воздействующий смысл текста вербально-визуального типа формируется (помимо текста в узком смысле слова, со стилистическим анализом заголовка, собственно текста, эхо-фразы, слогана) целым рядом других факторов.

Во-первых, семантикой цвета. По некоторым данным, эффективность цвета колеблется от 85 до 45 %. Двухцветное объявление на 20 % привлекательнее черно-белого, а полноцветное уже на 38 %⁵. Предпочтение черно-белого варианта при технических и экономических возможностях цветного тоже рассматривается как смысловой элемент, например, для того, чтобы сделать акцент именно на рациональной информации, нивелировании любой эмоциональной составляющей.

Во-вторых, шрифтовыми предпочтениями. Использование строчных или прописных букв, цифр, знаков препинания, выбор размера шрифта (кегля), начертания (прямой, курсивный и др.), насыщенности (светлый, полужирный и др.), межбуквенного интервала (обычный, разреженный, уплотненный) влияет как на удобочитаемость текста, легкость его восприятия глазом, так и дополняет семантику текста. При этом графика шрифта не должна диссонировать с обликом объекта рекламы, но ассоциативно дополнять его. Например, заголовок рекламы курсов иностранного языка может быть выполнен национальным шрифтом, той страны, язык которой предлагается изучать.

В-третьих, характером иллюстрирования. Выбор в пользу рисунка, фотографии или сочетания изобразительных средств должен определяться не только дизайнерским замыслом, но спецификой продвигаемого продукта, его целевой аудитории, модными тенденциями в художественной культуре, которые во многом определяют и характер построения образа, и его художественное воплощение.

В-четвертых, макетированием. Строчным членением и расположением рекламных элементов можно создать как гармоничную и удобную для восприятия композицию, так и визуальный «хаос», мешающий считыванию информации, выраженной вербальными и невербальными средствами.

Таким образом, в широком смысле параграфемные элементы — особенности шрифтовой гарнитуры, шрифтового рисунка, варьирование строчного

и прописного написания, идеографический статус пунктуационных знаков, пространственная аранжировка текста, красочность набора, семантика иллюстрации, — формируют характер восприятия вербальной и невербальной составляющей рекламного текста и при грамотном и сбалансированном использовании оказывают запланированное воздействие на реципиента.

В рамках данной статьи мы хотели бы более подробно исследовать рекламные изображения. Иллюстрация в рекламе выполняет целый ряд функций. В первую очередь привлекает внимание потенциальных потребителей, но вместе с тем может и:

- представлять предмет рекламы, его пользователей, различные детали, связанные с предметом или его использованием;
- организовывать различные элементы рекламного текста в единую композицию, тем самым акцентировать связность этих элементов (например, фотографии различных курортов можно разместить в лепестках ромашки, а в сердцевине расположить название турфирмы, организующей поездки в эти страны);
- пояснять трудную информацию, наиболее часто для этого используются различные графики, диаграммы, инфографики.
- «трансформировать», т. е. передавать переносные значения при помощи визуальных метафор, олицетворений, метонимий, гипербол;
- декорировать, делая рекламу более привлекательной для восприятия (например, печатная реклама кондитерской может декоративно оформляться цветами)⁶.

Чаще всего, задача печатной рекламы — представить товар, выделив его имидж среди конкурентов в том числе и с помощью визуального представления. Классифицировать креативные приемы для реализации представляющей функции достаточно сложно. Как правило, они приводятся хаотично, без какой-либо попытки свести их в единую картину⁷. В данной статье мы предпримем попытку классификации. Все изображения, выполняющие представляющую функцию, можно разделить на:

- 1) репрезентирующие товар или услугу;
- 2) показывающие товар в действии;
- 3) эстетизированные имиджи товара.

Основанием классификации является противопоставление действия и статичности. Эстетизированные имиджи усиливают динамичность или статичность изображаемого товара различными визуальными тропами и неожиданным креативом. Рассмотрим каждый из них.

Задача репрезентации — показать товар реципиенту, чтобы он запомнил его зримые очертания. Данный тип имиджей статичен, его уместно использовать, если сам внешний облик продукта выявляет его уникальные утилитарные качества или привлекателен для реципиента с эстетической точки зрения. Можно отметить следующие наиболее распространенные приемы:

1. Демонстрация продукта (рис. 1) имеет место, когда рекламодатель ставит своей целью только показать свой товар «лицом», дать возможность покупателю запомнить, а впоследствии и найти свой товар в местах продаж. Этот прием актуален, когда товар осязаем.

2. Выделение важных характеристик продукта. В данном типе иллюстрирования наряду с изображением предмета рекламы присутствуют изображения его фрагментов, которые иллюстрируют потребительские преимущества товара (рис. 2).

3. Сравнение товара с чем-либо, позволяющим подчеркнуть его потребительские свойства (рис. 3).

Рис. 1

Рис. 2

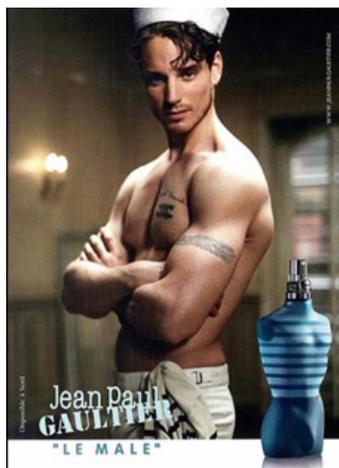

Рис. 3

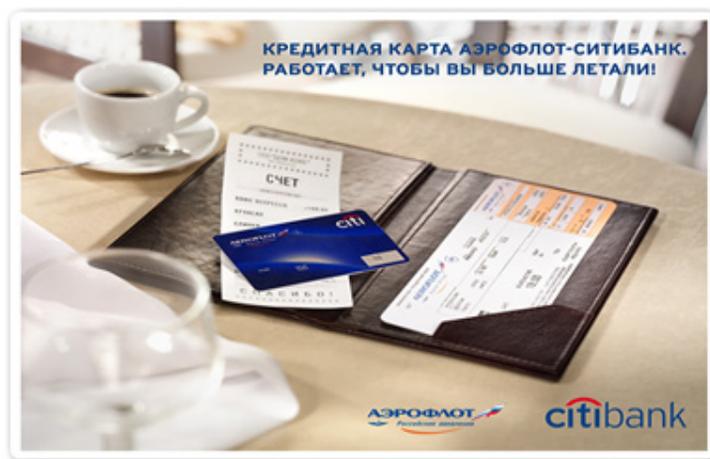

Рис. 4

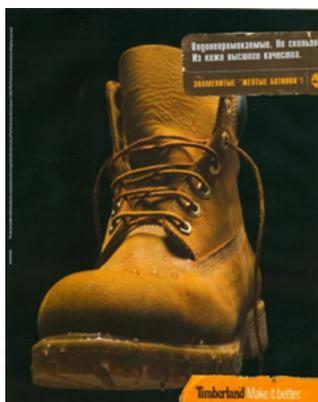

Рис. 5

Рис. 6

4. Помещение товара в контекст его использования. Товар на изображении помещается в контекст, обязательно узнаваемый, что позволяет потребителю «считывать» возможную ситуацию его употребления (рис. 4).

5. Демонстрация эстетичности дизайна товара или упаковки (рис. 5). К этому приему прибегают, когда товар обладает изначально привлекательным

дизайном, который сам и является его главным преимуществом и отличием от конкурентов.

Рис. 7

Рис. 8

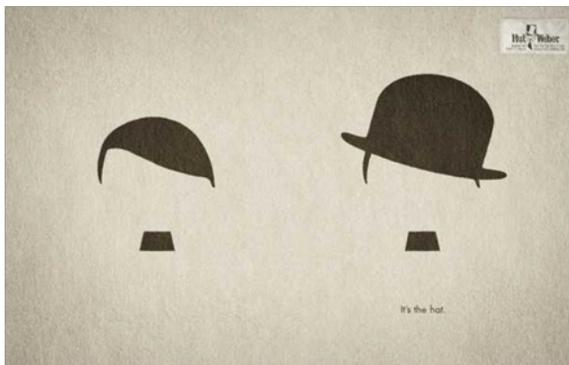

Рис. 9

Рис. 10

6. Представление рекламируемого объекта привлекательным персонажем или авторитетным героем(рис. 6). В данном случае происходит перенесение характерных черт персонажа на объект рекламирования, а также эмоциональное отношение к персонажу переносится на товар или услугу. Прием наиболее эффективен, когда товар или услуга неосвязаемы.

Цель показа товара в действии — заострить внимание реципиента на определенных эксплуатационных качествах предмета рекламы (простота применения, мощность, надежность и пр.) или результате его использования. Рекламист, таким образом, фиксирует не состояние, а процесс, не статику, а динамику. Исходным пунктом всех возможных рекламных идей и решений становится не сам рекламируемый товар, а та реальная выгода или эмоциональное удовлетворение (или, наоборот, отсутствие таковых), которые его применение способно принести потенциальному покупателю. Зачастую эмоциональная или рациональная польза от использования продукта сильно преувеличены. Выделим популярные приемы:

1. Демонстрация результата использования товара. Зачастую результат гиперболизирован, как в приведенной рекламе жевательной резинки (рис. 7).

2. Демонстрация ситуации использования товара с акцентированием внимания реципиента на важных характеристиках объекта рекламирования(например,

проходимость автомобиля, как на Рис.8) или проблемной ситуации, которую он призван разрешить.

3. Контраст. Два изобразительных фрагмента контрастируют друг с другом по принципу «хуже — лучше», «до — после», «с продуктом — без продукта», что позволяет подчеркнуть преимущества использования товара (рис. 9).

Рис. 11

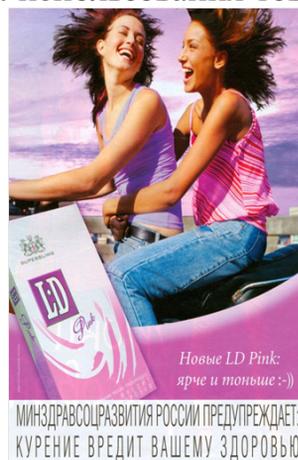

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

4. Изменение угла зрения — показ того, кому плохо при использовании товара (часто в рекламе средств борьбы с насекомыми, микробами (рис. 10) или что происходит, когда товар не используется (рис. 11).

5. Показ эмоционального воздействия, получаемого от пользования товаром или услугой. Эмоции демонстрирует привлекательный персонаж, который к тому же обычно наделен отличительными чертами, отражающими его социально-ролевой статус, соответствующий статусу адресата рекламного послания (рис. 12).

6. Показ ценности продукта для потребителя. Изображение демонстрирует, на что готов пойти потребитель, чтобы остаться с продуктом или сохранить его важные потребительские характеристики (рис. 13).

7. «Новые возможности» человеческого тела (рис. 14). Например, в рекламе бразильского банка «Брадеско», спонсора Олимпийских игр, через трансформацию человеческого тела метафорически показывается вся палитра возможностей, открывающаяся перед его потенциальными клиентами.

Цель эстетизированного имиджа — «прикрепить» к продвигаемому продукту положительные ассоциации и запомниться своей оригинальностью, что, правда, не всегда означает — убедить в реальной полезности товара. В данном случае говорить о стандартных приемах затруднительно, поскольку цель создания эстетизированного имиджа как раз уйти от стандарта, показать товар в необычном «ключе». Единственно ограничение — в поисках креативного

решения не отрываться от реального товара и его реальных свойств и следить за адекватным прочтением целевой аудиторией творческого замысла. Рассмотрим некоторые варианты подобного иллюстрирования:

1. Обращение к традициям визуализирует символы страны, где производится рекламируемый товар, или традиционные способы его производства

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Например, в печатной рекламе водки изображены березы, деревня, морозная зима — символы России, страны, по представлению большинства, где водка — национальный напиток (рис. 15).

2. Использование сказочных мотивов (рис. 16). При помещении товара в сказочный сюжет важно использовать сказки, известные большинству потребителей и тематически связанные с рекламируемыми свойствами товара.

3. Изображение персонажа, национального (рис. 17) или профессионального эксперта, который своим присутствием как бы «одобряет» или подчеркивает высокие качества рекламируемого продукта.

4. Использование семантики окружения (рис. 18) позволяет повысить или подчеркнуть статус рекламируемого товара: роскошное окружение для дорогостоящих товаров.

5. Использование произведений искусства позволяет перенести ассоциации, связанные известным произведением искусства на рекламируемый объект. Например, на рисунке 19 идея «абсурдно» низкое потребление топлива в

автомобиле «Polo BlueMotion» передано через картину знаменитого абсурдиста Рене Магритта. Именно для этого приема особенно актуально требование легкости прочтением целевой аудиторией творческого замысла и задуманных коннотаций.

6. Оживление товара эксплуатирует прием олицетворения, как, например, грязная посуда символизирует гостей, после которых она в изобилии остается (рис. 20).

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Необходимо сделать одно пояснение. Несмотря на то что репрезентация товара и демонстрация товара в действии отличаются от эстетизированного образа товара большей достоверностью, все-таки это отличие весьма условно. Даже когда рекламист изображает реальный товар, мы имеем дело с его имиджем, который преимущественно тяготеет либо к чистой репрезентации товара или его функций, либо к эстетизированному имиджу. Чтобы избежать этой дилеммы, рекламисты зачастую прибегают к «двойному иллюстрированию» — совмещению в одном изображении эстетизированного имиджа и «голой» репрезентации. Преимущества такого приема очевидно — эстетизированный имидж поражает и привлекает внимание реципиента своей

оригинальностью и креативным решением, репрезентация позволяет соотнести имидж с реальным товаром, сообщить потенциальному потребителю необходимые сведения о рекламируемом продукте. При использовании «двойного иллюстрирования» требуется упорядоченная подача визуальной информации — т. е. соблюдение легко обнаруживаемой читателем-зрителем иерархии изобразительных фрагментов визуального сообщения, когда один из них получает статус главного, а другой — подчиненного. Такой вариант иллюстрирования печатного рекламного обращения присутствует на рисунке 21: мы видим одновременно гипереболизированный результат использования товара и реальный продукт.

Прием «двойного иллюстрирования» наиболее часто встречается в современной печатной рекламе, что, с одной стороны, вполне закономерно в эпоху визуализации культуры. «Применительно к рекламному образу также можно зафиксировать тенденцию к его визуальной редукции... эволюция рекламного образа отражает общую тенденцию по изменению соотношения вербального и визуального в культуре, коммуникациях, социуме»⁸. Восприятие современного человека все больше тяготеет к бессловесному. Поэтому необходимо предельно полно «эксплуатировать» не только наглядно-иллюстративные, но и информационные потенциалы иллюстраций.

С другой стороны, «двойное иллюстрирование», помимо «оптимального» визуального воздействия на реципиента, дает возможность для удобной классификации всех имиджей печатной рекламы, которых по сути два: статичный показ товара или демонстрация товара в действии и эстетизированный имидж. Первый выполняет информационную функцию, второй ориентирован на выполнение задачи привлечения внимания реципиента.

Таким образом, в печатной рекламе ощущается все больший перевес в сторону визуализации, минимализации текста, замены вербального текста информативным изображением. Однако наряду с иллюстрированием, визуальное воздействие также формируется совокупностью шрифтовой гарнитуры, композицией и цветом.

Примечания

¹ *Фещенко Л. Г.* Структура рекламного текста. СПб., 2003. С. 27.

² *Коццолино М.* Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак. М., 2009. С. 22—25.

³ *Фещенко Л. Г.* Указ соч. С. 28—29.

⁴ *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 328.

⁵ *Месхешвили Н.* Экспрессивные средства письменной коммуникации. М., 1989. 202 с.

⁶ *Назайкин А.* Иллюстрирование рекламы. М., 2005. С. 7—13.

⁷ См., например, *Имшинецкая И.* Креатив в рекламе. М., 2004. 172 с.

⁸ *Визуальные коммуникации в рекламе и дизайне.* М., 2011. С. 177.

Художник и книга

А. Г. МЕТЕЛКИНА

Петербургский график Андрей Ефимович Мартынов (1768–1826). Новые материалы

Предметом настоящего исследования стали ранее неизученные материалы Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки, а также библиотек Академии наук и Государственного Эрмитажа. Результаты работы с архивными документами позволили по-новому взглянуть на три серии гравюр и литографий А. Е. Мартынова: «Типы народов России и Монголии. Из путешествия при Российском посольстве в Китай», «Новое собрание русских костюмов», «Монгольские сюжеты. Из путешествия при Российском посольстве в Китай».

Ключевые слова: русская литография XIX в.; Андрей Ефимович Мартынов; Журнал мод; Новое собрание русских костюмов.

A. G. METYOLKINA

New data on the graphic oeuvre of St. Petersburg artist Andrei Martynov (1768–1826)

The present article brings together newly found data on the creation of the three renowned series of prints by Andrei Yefimovich Martynov: 'Types of People of Russia and Mongolia. From a Journey to China along with the Russian Embassy', 'The New Collection of Russian Costumes', and 'Mongolian scenes. From a Journey to China along with the Russian Embassy'. The article is based on the archival documents from the Russian National Library, the Russian State Historical Archive, the Hermitage Academic Library, and the Library of the Russian Academy of Arts. The information considered, the article offers a new insight into Andrei Martynov's graphic oeuvre.

Keywords: Russian 19th-century lithography; Journal des Dames et des Modes; Andrei Yefimovich Martynov; New Collection of Russian Costumes.

Осенью 2014 г.¹ в залах Михайловского замка прошла вторая по счету персональная выставка, посвященная художнику Андрею Ефимовичу Мартынову. На экспозиции были представлены живописные полотна, оригинальная и печатная графика из собраний Государственного русского музея, Государственного Эрмитажа и частной коллекции А. Г. Егорова².

Предварительная работа над каталогом выставки заставила еще раз убедиться в существовании тем, не полностью разработанных при подготовке первой персональной выставки художника. К их числу относятся двенадцать серий печатной графики, впервые выделенных В. А. Наумовым после систематизации материала³.

Предметом настоящего исследования стали ранее неизученные материалы Российского государственного исторического архива (далее — РГИА)⁴, Российской национальной библиотеки (далее — РНБ), а также библиотек Академии наук и Государственного Эрмитажа. Результаты работы с архивными документами позволили по-новому взглянуть на три серии гравюр и литографий А. Е. Мартынова.

Новые сведения, относящиеся к серии «Типы народов России и Монголии. Из путешествия при Российском посольстве в Китай»⁵, заставляют усомниться в правильности ее датировки и названия, а также дают возможность поставить вопрос об их уточнении.

Первоначально известный исследователь гравюры Д. А. Ровинский, ссылаясь на каталог Мюллера 1876 г., опубликовал два издания, включавших: первое — 29 и второе — 30 листов, под одним названием «Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы А. Мартынова». Это название с датой выпуска — 1819 г. — утвердилось за изданиями в литературе. Д. А. Ровинский признавался, что обложку одного из изданий ему увидеть не удалось⁶.

В каталоге 1977 г. издание без обложки было названо по содержанию серией «Типы народов России и Монголии. Из путешествия при Российском посольстве в Китай» и датировано годом создания листов — 1808. Как писал В. А. Наумов, ему так же, как и Д. А. Ровинскому, не удалось найти обложку в музеях и библиотеках Ленинграда и Москвы⁷.

В 2014 г. поиски сведений о серии с титульным листом были продолжены в материалах фонда С.-Петербургского Цензурного комитета. Как оказалось, в 1808 г. в С.-Петербургский Цензурный комитет рукопись под названием «Живописное путешествие ...» ни на русском, ни на французском языках на одобрение не представлялась⁸.

Исходя из новых фактов, утверждение Д. А. Ровинского о том, что серия вышла в свет как издание только в 1819 г., имеет основание⁹.

В 1805 г. целью Посольства, возглавлявшегося графом Ю. А. Головкиным, было установление прочных торговых отношений между Китаем и Россией. По ряду причин предпринятое путешествие не увенчалось успехом. Неудача «возбудила неудовольствие» Александра I. Скорее всего, поскольку не была достигнута цель путешествия, император отказался от памятного альбома, посвященного Посольству.

Откомандированный с Посольством А. Е. Мартынов не пересек китайскую границу и был вынужден оставаться в Иркутске. Материал, привезенный художником из путешествия по Восточной Сибири, был логическим продолжением проекта научной классификации народов России и требовал публикации.

Но остаются открытыми вопросы: 1) были ли у художника в 1808 г. время и средства на собственное издание, включавшее более 30 офортов; 2) почему издание не было представлено в СПб Цензурный комитет; 3) почему только в 1810 г., спустя два года после возвращения, А. Е. Мартынов преподнес императору 24 рисунка и создал ряд живописных картин.

Известно, что летом 1810 г. А. Е. Мартынов был приближен ко двору императрицы Елизаветы Алексеевны. В формулярном списке Мартынова отмечено, что в 1819 г. иждивением художника было выпущено издание «Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы». Его выход в свет был приурочен к торжествам, посвященным 60-летию китайского императора¹⁰. Экземпляр издания был поднесен императору Александру I. В награду за труды мастер был награжден «бриллиантовыми вещами», а также получил пенсioen в 1900 рублей «за рачительную десятилетнюю службу» при Императорской Театральной Дирекции¹¹.

В Санкт-Петербургском Цензурном комитете в ведомостях «О просмотренных и одобренных рукописях и печатных книгах» за 1819 г. указаны две рукописи: первая на русском языке — «Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы» (56 листов), и вторая на французском языке — «*Voyage pittoresque par Andre Martinow*» (32 листа). В результате в свет вышло два издания, а не одно, как считал В. А. Наумов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1808 г. в свет вышли только разрозненные листы, а в виде издания исследуемая серия под названием «Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы» могла появиться только в 1819 г.

В ходе подготовительной работы над выставкой 2014 г. листы серии «Новое собрание русских костюмов» рассматривались в связи с определением издания, датировки¹² и оригиналов.

Коллекционер Е. Н. Тевяшов указал исследуемые листы из своего собрания в издании «Описание нескольких гравюр и литографий» в статье о художнике А. Е. Мартынове. Исследователь не смог объединить эстампы общим названием и перечислил их в подборке «Пятнадцать листов, раскрашенных от руки, литографий в 8°» (№ 58—72). Даже при беглом взгляде на листы создается впечатление, что Е. Н. Тевяшов объединил эстампы механически¹³. Внутри подборки их можно сгруппировать по четырем темам: модная женская и мужская одежда; изображения русских народных сцен; изображения медведей; танцующие пары.

В каталоге выставки 1977 г. листы из подборки Е. Н. Тевяшова «Пятнадцать листов, раскрашенных от руки, литографий в 8°» были помещены В. А. Наумовым под названием «Новое собрание русских костюмов» (СПб., 1822)¹⁴.

Для исследователя первоисточником сведений о литографиях этой подборки послужило объявление, опубликованное в газете «Русский инвалид» (1822, 7 августа): «Советник Императорской Академии художеств А. Е. Мартынов, известный публике многими изданиями... выдал ныне в свет Новое Собрание русских костюмов, состоящих из 15 листов...»

То, какие листы А. Е. Мартынова, с какими сюжетами входили в издание в объявлении, не оговаривается. Потому в настоящее время остается открытым вопрос: имеет ли утверждение В. А. Наумова документальное подтверждение?

Обратимся к листам с изображениями модной женской и мужской одежды¹⁵, по мнению В. А. Наумова, относящимся к серии «Новое собрание русских костюмов»¹⁶.

Как оказалось, оригиналами для литографий послужили иллюстрации известного парижского издания «Journal des Dames et des Modes», выписывавшегося в Петербург из-за границы¹⁷.

В процессе работы было установлено, что экземпляров этого журнала за 1819—1822 гг. в фондах РНБ¹⁸, Отделе редкой книги БАН, в Отделе западноевропейской гравюры ГЭ в фонде «Костюм» и в библиотеке ГЭ нет.

Это издание хранится в Дюссельдорфе¹⁹, и с ним можно ознакомиться в Интернете на сайте дюссельдорфского университета (Heinrich-Heine-Universitaet Duesseldorf)²⁰.

При сравнении литографий А. Е. Мартынова с иллюстрациями в журналах мод за 1819 г. и 1820 г.²¹ были выявлены идентичные изображения: в точности совпала раскраска, аналогичная постановка фигуры, положение рук, поворот головы и т. п.

Известно, что автором ряда оригинальных изображений модных картинок для французского журнала являлся известный французский художник Орас Верне²².

По мнению ведущего научного сотрудника Отдела рисунка и акварели ГРМ Н. Н. Соломатиной, изображения на литографиях нельзя именовать русскими костюмами. Это французская мода, потому они не могут быть отнесены к изданию «Новое собрание русских костюмов»²³.

В РГИА хранятся материалы²⁴, косвенно подтверждающие предположение о том, что А. Е. Мартынов был привлечен к выпуску серии листов с изображениями модной женской и мужской одежды издателем А. И. Плюшаром. Эти материалы были просмотрены В. А. Наумовым, но в каталоге выставки 1977 г. отражения не нашли.

В документах говорится о том, что в марте 1822 г. содержатель собственной типографии А. И. Плюшар обратился в С.-Петербургский Цензурный комитет

с прошением о дозволении ему перепечатывать раскрашенные изображения из периодического журнала парижских мод «Journal des Dames et des Modes». По мнению Плюшара, достоинство нового «в своем роде периодического» издания должно было состоять в том, чтобы... можно было доставлять... особам желающим иметь сии изображения новейших парижских костюмов с их описанием, почти в одно время с прибытием сюда иностранной почты...»²⁵. Предполагаемое издание Плюшар намеривался выпускать на французском языке под названием «Собрание новейших парижских мод».

В ответ на прошение А. И. Плюшара Попечитель Петербургского Учебного округа предписал, «чтобы к цензурному просмотру не представлялись книги уже печатанные, но всегда рукописные, исключая токмо печатаемых новым тиснением...» В результате А. И. Плюшару было предложено печатать журнал парижских мод «на общих правилах цензуры»²⁶. Первые пять выпусков издания были предоставлены в СПб Цензурный комитет между 20 и 22 мая 1822 г. Журнал выходил регулярно в течение двух месяцев. Последние два выпуска — № 29 и № 30 — были одобрены СПб Цензурным комитетом между 10 и 17 июля 1822 г.²⁷ В РНБ в Отделе «Россика» хранится экземпляр издания А. И. Плюшара «Collection des modes nouvelles de Paris» (St. Petersburg, 1822). Выпуски № 1—23²⁸. Каждый выпуск содержит не более трех-четырёх листов: 1) титул; 2) эстамп, раскрашенный акварелью; 3) описание костюма, повторяющее описание костюма в журнале парижских мод.

В июле 1822 г. работа над изданием «Собрание новейших парижских мод» по неизвестным в настоящее время причинам была прекращена. Вероятной причиной закрытия издания могли стать претензии к А. И. Плюшару, предъявленные издателями парижского журнала, поскольку им были затронуты их авторские права.

В настоящее время по архивным материалам не удалось установить имя литографа, исполнившего 30 иллюстраций издания «Собрание новейших парижских мод». Можно лишь предположить, что их автором является А. Е. Мартынов. Косвенными доказательствами могут служить: во-первых, успешное сотрудничество в 1819 г. А. Е. Мартынова и А. И. Плюшара в работе над изданием «Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы», во-вторых, неоднократное использование А. Е. Мартыновым в качестве оригинальных рисунков иллюстраций французского издания «Journal des Dames et des Modes» за 1819—1822 гг.

Листы еще одной серии «Монгольские сюжеты. Из путешествия при Российском посольстве в Китай» рассматривались в связи с уточнением названия серии и датировки.

В каталоге выставки 1977 г. В. А. Наумов объединил листы в серию «Монгольские сюжеты. Из путешествия при Российском посольстве в Китай» и датировал ее 1822—1824 гг. «...временем после создания серии «Новое собрание русских костюмов» и до отъезда А. Е. Мартынова в Италию в 1824 г.»²⁹

Название серии по каталогу В. А. Наумова «Монгольские сюжеты. Из путешествия при Российском посольстве в Китай» не вызывает возражений, поскольку листы серии объединены одной темой, посвященной типам и обычаям монголов. Серия вышла в свет одновременно с изданием Е. Ф. Тимковского «Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах»³⁰. Оказалось, что этот труд, переведенный на французский, немецкий и английский языки, сделавший имя Е. Ф. Тимковского «очень авторитетным между всеми изучающими Китай»³¹, был иллюстрирован гравюрами И. И. Ческого, выполненными с оригиналов XVIII в.³² Подобное решение не отвечало статусу научного издания. В результате, серия автолитографий А. Е. Мартынова дополнила издание Е. Ф. Тимковского и определила уровень, на котором находилась российская наука.

Уточнение датировки для листов серии стало возможным на основе документов С.-Петербургского Цензурного комитета. В мае 1823 г. в этом ведомстве были введены новые правила, по которым свободно приобретать литографические камни могли только художники, получившие дозволение от Министерства внутренних дел, и все эстампы должны были поступать на рассмотрение в Цензурный комитет³³.

Как оказалось в перечне рукописей, представленных в СПб Цензурный комитет в 1824 г., рукопись с литографиями на тему путешествия при Российском посольстве в Китай не указана. Таким образом, исследуемая серия могла выйти в свет не позднее 1823 г. и датируется 1822—1823 гг.

В настоящее время изучение творческого наследия А. Е. Мартынова продолжается.

Примечания

¹ С 22 октября по 3 ноября 2014 г.

² Выставка была организована при поддержке ОАО «Северсталь» и РосЕвроБанк.

³ Андрей Ефимович Мартынов. 1768—1826. Акварель, рисунок, гравюра, литография: каталог / авт.-сост. В. А. Наумов. Л., 1977 (далее — Каталог).

⁴ РГИА. Ф. 777 «С.-Петербургский Цензурный Комитет»; Ф. 797 «Канцелярия обер-прокурора Синода»; Ф. 1264 «1-й Сибирский Комитет».

⁵ В фонде отдела гравюры XVIII — начала XXI вв. ГРМ хранится сброшюрованный альбом, состоящий из 32 эстампов, на которых под изображением имеется гравированная дата — 1808 г. (см. Каталог. С. 38. № 138—176). Экземпляр альбома поступил в ГРМ из собрания Е. Е. Рейтерна в 1918 г. В инвентаре альбом значится как «Сборный альбом 1807—1820 гг., содержащий изображения различных типов».

⁶ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895. Т. 2. Ст. 629. № 6—34.

⁷ Каталог. С. 40

⁸ РГИА. Ф. 777.

⁹ *Ровинский Д. А.* Указ. соч. Ст. 629. № 6—34.

¹⁰ *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах, ... с рисунками, чертежами и картою. СПб., 1824. Ч. 1. С. 251.

¹¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1989. 1820 г. Л. 3 об., Л. 4 об.

¹² ГРМ. Гр.-27030, Гр.-27031, Гр.-27032, Гр.-27029, Гр.-27033.

¹³ *Тевяшов Е. Н.* Описание нескольких гравюр и литографий. СПб., 1903. С. 135—139.

¹⁴ За исключением двух листов с танцующими парами, которые исследователь отнес к серии «Бал в Иркутске».

¹⁵ В процессе работы с коллекциями музеев Ленинграда и Москвы В. А. Наумов определил в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина четыре листа с изображениями женских мод 1820-х гг., отсутствующих в собрании ГРМ. Листы А. Е. Мартынова хранятся как конволют. Выражаю благодарность М. А. Пожаровой за помощь, оказанную в исследовании.

¹⁶ Каталог. Л., 1977. С. 78. № 361, 362, 364, 365.

¹⁷ Выражаю благодарность сотруднику ГРМ А. М. Цывьян за помощь в поиске материалов в Интернете.

¹⁸ РНБ. Шифр 16.55.4.73. В РНБ в Отделе «Полиграфия» хранятся экземпляры журнала за 1819 (№ 11), 1821 гг. К сожалению, без иллюстраций.

¹⁹ Выражаю благодарность сотруднику ГЭ Василию Михайловичу Успенскому за помощь в работе.

²⁰ <http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/ihd/periodical/thumbview/2063772>.

²¹ Экземпляр издания журнала «Journal des Dames et des Modes» за 1820 г. обрывается на июле месяце.

²² Emile Jean Horace Vernet (1789—1863). См.: *Jacob P. L. Costumes historiques de la France...*, Administration de librairie. 1860.

²³ Протокол научного атрибуционного заседания отдела гравюры XVIII — начала XXI вв. ГРМ. № 103 от 12.02.2015 г.

²⁴ Журналы заседаний С.-Петербургского Цензурного комитета за 1822 г.

²⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. Д. 16. Л. 17.

²⁶ Там же. Л. 17., Л. 17 об., Л. 30.

²⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 382. 1822 г. Л. 47 об., Л. 49 об., Л. 57 об., Л. 59., Л. 61., Л. 62 об., Л. 73 об., Л. 76 об.

²⁸ РНБ. Шифр 13.16.1.45.

²⁹ Каталог. С. 80.

³⁰ *Тимковский Е. Ф.* Указ. соч.

³¹ *Тимковский Е. Ф.* Воспоминания / предисл. Н. Шуругова // Киевская Старина. 1894. С. 3.

³² Издание Е. Ф. Тимковского было иллюстрировано несколькими рисунками академика Императорской Академии художеств Иванова, доработавшего рисунки монаха Иакинфа (Бичурина). Выбор иллюстраций был предопределен дружеским расположением Е. Ф. Тимковского к монаху Иакинфу. Е. Ф. Тимковский писал: «Часть моих Записок украсил я двумя оригинальными изображениями „Манжура“ и „Манжурки“ (рисованными в Пекине китайским живописцем), для яснейшего понятия о наружности и одежде народа». Как оказалось, монах Иакинф в свою очередь использовал в качестве оригиналов ксилографии издания «Изображения данников августейшей Цинн (Хуан Цинн чжи гунн ту)».

³³ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 444. 1827 г. Л. 1.

И. Г. ЛАНДЕР

Город как альбом (Серия «Забывтый Петербург» издательства «Гиперион»*)

Статья посвящена деятельности издательства «Гиперион» в области научного петербурговедения. Серия книг «Забывтый Петербург» включает публикации рукописей, редких и малодоступных печатных текстов о быте горожан разных сословий в XIX — начале XX вв. Проанализирована научная и художественная подготовка изданий.

Ключевые слова: издательство «Гиперион»; петербурговедение; быт Санкт-Петербурга в XIX–XX вв.; мемуары горожан; художественное оформление изданий.

I. G. LANDER

A city as an album (“Forgotten St. Petersburg“ series of Hyperion Publishing House)

The article is devoted to the activity of Hyperion Publishing House in the field of St. Petersburg history studies. A book series „Forgotten St. Petersburg“ includes publications of manuscripts, rare and inaccessible printed texts about life of citizens of different estates in the 19th and early 20th centuries. The article studies scientific and artistic pre-publishing of books.

Keywords: Hyperion Publishing House; St. Petersburg history studies; local history, St. Petersburg life in the 19th and 20th centuries; memoirs of citizens; book decoration.

Серия «Забывтый Петербург», выпущенная в издательстве «Гиперион», является редким в настоящее время результатом творчества единомышленников — издателя, публикатора, редактора и художника.

Издательство «Гиперион» было основано 14 марта 1995 года¹. Директор и владелец издательства — Сергей Владимирович Смоляков¹ — выпускник Ленинградского института водного транспорта, увлекавшийся поэзией, театром, литературой. Друзья привели его в ЛИТО Вячеслава Абрамовича Лейкина (ЛИИЖТ, ДК железнодорожников), потом была «Театральная лаборатория» под руководством Вадима Максимова. В начале 1990-х Смоляков работал редактором в издательствах «Аста-пресс» и «ШАР».

Основав собственное издательство, Сергей Владимирович определил его направление: филология, театроведение, история Петербурга. Издательским предпочтением является выпуск серий, всего за 20 лет их было создано 19, а вне серий выпущено 80 книг (мировая литература разных жанров, работы по философии и истории).

В настоящее время издательство сосредоточилось на выпуске дальневосточной литературы — китайской, корейской, японской. Увлечение японской культурой у главного редактора началось с самостоятельного изучения языка, которое потом совершенствовалось у петербургских специалистов. Японская литература стала одним из направлений деятельности «Гипериона», за которую в 2014 г. Сергей Владимирович был награжден «Орденом восходящего Солнца. Золотые и серебряные лучи» Его Величества императора Японии. Так была отмечена работа над сериями «Японская классическая библиотека», «Японская классическая библиотека. XX век», «Terza Niponica», «Литературные памятники Древней Японии», в которых вышло 76 книг, большинство впервые или в новых переводах.

---

* Hyperion — «очень высокий». Титан, отец бога Солнца Гелиоса.

Несмотря на трудности 1990-х гг., издательство «Гиперион» рискнуло выпускать «штучные» иллюстрированные книги высокого полиграфического качества, посвященные «петербургскому быту во всем его историческом и культурном разнообразии».

Так, в 1998 г. появилась серия «Забытый Петербург», инициированная Альбином Михайловичем Конечным, в то время ведущим сотрудником РИИИ. Ученик М. Ю. Лотмана, последователь Н. П. Анциферова, он одним из первых в 1980-е гг. обратился к изучению бытовой и зрелищной культуры Петербурга. Великолепное знание источников, многолетняя практика комментирования, преподавательский опыт в ЕУ и университетах Италии и Японии, сотрудничество с Музеем истории Петербурга сказались на этом проекте². А в понятие «забытый Петербург», входит слово быт, который и должен, по мнению А. М. Конечного, стать темой публикации неизданных или редких, малодоступных материалов. В первую очередь публикатор использовал рукописи, редкие журналы, газеты и книги из фондов Театральной библиотеки, с которой сотрудничало в то время издательство «Гиперион».

Ответственным редактором книг серии «Забытый Петербург» стал Павел Вячеславович Дмитриев, в то время возглавлявший издательский отдел Театральной библиотеки*. Еще одно из направлений работы издательства — театроведение — было связано с профессиональными предпочтениями П. В. Дмитриева. По его инициативе были созданы серии «Российская драматическая библиотека», «Феатрон. История и теория зрелища», «Русская художественная летопись» и др.

Художником серии «Забытый Петербург» был приглашен Лев Езекильевич Миллер, работавший в издательстве «Искусство СПб». Миллер — выпускник Ленинградского театрального института, мастерской Николая Павловича Акимова, который в 1920-е гг. создавал непревзойденные книжные иллюстрации. Своим первым учителем в книжном искусстве Миллер считает Геннадия Георгиевича Ябкевича, также он выделяет книжных художников ленинградской школы Давида Плаксина, Евгения Большакова, Василия Бертельса. Лев Миллер отмечал, что наибольшее творческое удовлетворение ему принесла работа в «Гиперионе» над серией «Забытый Петербург», где он выступил как художественный редактор и автор эмблемы серии³.

Содружество единомышленников петербургской школы филологии, источниковедения, театроведения, книжной графики привело к созданию уникальной серии из восьми книг⁴.

Была выработана следующая структура сериального издания: собственно публикация рукописи (С. В. Светлова, П. Л. Пискарева и Л. Л. Урлауба) или малодоступных, редких текстов (воспоминания А. Лейферта, очерк С. Горного). Основной текст сопровождают приложения — мемуары, отрывки из литературных произведений на эту же тему. Необычайно важным историко-культурным источником является научно-справочный аппарат каждого из изданий: вступительные статьи с комментариями и собственно комментарии к тексту. О проделанной текстологической работе публикаторов могут говорить 32 страницы комментариев А. М. Конечного к 74-страничному тексту А. В. Лейферта (книга «Петербургские балаганы», 2000).

Перед редактором П. В. Дмитриевым стояла сложная работа по корректуре, балансировке этого разнородного материала.

Для издания серии была выбрана альбомная форма, гибкая цветная обложка с большими клапанами. Несмотря на то что это серия, книги в ней

---

* Издательская деятельность Театральной библиотеки и музея возобновилась с 1991 г. выпусками трудов сотрудников, журналом «Театральный Петербург».

разного формата, титульные сведения предваряет марка серии — изображение мостового фонаря. В трех книгах художник использовал двухколонный набор, дающий возможность свободного размещения иллюстраций — рекламных объявлений, газетных вырезок, вывесок.

Первая книга серии — «Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году)» является первой публикацией рукописи Сергея Федоровича Светлова (1857—1908). Он окончил Военно-историческое училище, состоял на службе в Государственном земельном банке и был завзятым театралом, оставившим ценнейший Театральный дневник за 1882—1895 гг. Кроме записей в дневнике, Светлов делал заметки о быте Петербурга, реалиях повседневности. Он замечал массу будничных событий, отмечал, казалось бы, незначительные детали. Рукопись сопровождают рисунки автора. Текст разделен на несколько частей. Первая — церковные обряды, с описанием пышности свадеб и похорон. Быт чиновников — включал как домашние будни в квартире и на даче, так угощение и прием гостей, не забыты и развлечения — табак, вино и карты. Светлов тщательно описывает жизнь петербургской улицы во всем ее разнообразии — магазины и вывески, уличная торговля, рекламирование, освещение и иллюминация. Автор заводит нас в сады и скверы, рестораны и кухмистерские; объясняет устройство водопоя для лошадей и общественных туалетов; мы слышим петербургские слова и выражения; читаем афиши и объявления. Четвертая часть рукописи описывает интерьеры чиновничьей квартиры и обязанности прислуги. Все эти сведения иллюстрируют трогательные зарисовки Светлова. Издание 52-страничного текста завершают 53 страницы комментариев А. М. Конечного.

Вторая книга серии «Гипериона» — «Петербургские балаганы» (2000) — имеет сложную структуру. Она начинается вступительной статьей А. М. Конечного «Петербургские балаганщики» о народных масленичных и пасхальных гуляниях, которые объединяли все городские сословия. Основа массовой зрелищной культуры — балаганы, в которых выступали фокусники, кукольники, комедианты. Почти 50 лет (1827—1872) на Адмиралтейской площади строили временные площадные театры, карусели с балагуром-зазывалой, райки, живописные панорамы. В середине XIX в. появились крытые карусели — синтез аттракциона и театрализованного зрелища. В 1873 г. эти гуляния переместились на Марсово поле, где проходили вплоть до 1917 г. Там показывали и разговорные пьесы с исторической и бытовой тематикой, близкие по стилистике ожившему лубку.

Публикаторы приводят очень редкий материал — текст Александра Лейферта «Балаганы», изданный в 1922 г. Александр Васильевич Лейферт (1868 — после 1931, имя и отчество даны при крещении) — владелец магазина и мастерской театральных и маскарадных костюмов, услугами которой пользовались Александринский и Мариинский театры. А его отец — Абрам Лейферт (1849—1912) — владел балаганным театром, о чем подробнее сказано в комментариях А. М. Конечного, публикующего «Рассказ раешника о представлении в театре Лейферта... во время Сырной недели 1897 года». В 1922 г. общество «Старый Петербург» проводило серию вечеров-воспоминаний о балаганах, на одном из которых Лейферт прочел свой доклад, позже напечатанный с предисловием Александра Бенуа.

Вторая часть «Петербургских балаганов» — это «Воспоминания» Алексея Яковлевича Алексеева (1850—1939, сценический псевдоним Яковлев). Он начинал творческий путь как исполнитель куплетов, продолжил как сценарист и режиссер «Пантомимного театра» Берга, работал как режиссер и декоратор в антрепризах Лейферта. Его мечтой было устройство народного театра в Петербурге. Как художник-декоратор он оформлял феерии, процессии,

считал, что зрелище должно быть «кратким, концентрированным, радостным, пестрым и ярким». Алексеев пишет о своих режиссерских работах в популярных театрах увеселительных садов — Ливадия, Аркадия, Крестовском, зоологическом, где он ставил оперетты, пантомимы. Алексеев сотрудничал с Петербургским попечительством о народной трезвости, организуя народные гуляния на Семеновском плацу, в Екатерингофском и Таврическом садах, в Полюстрове и на Васильевском острове. Составители издания дополнили текст мемуариста «Списком пьес А. Я. Алексеева» и публикацией его «Избранных пьес» из рукописного отдела Театральной библиотеки, с предисловием театроведа, профессора Анатолия Петровича Кулиша.

Третья книга в серии «Гипериона» — это «Санкт-Петербург. Видения» Сергея Горного (2000). Сергей Горный — литературный псевдоним Александра-Марка Авдеевича Оцуца (1882—1942). (Его младшие братья — поэты Николай и Георгий.) После успешного окончания Царскосельской гимназии Александр поступает в Горный институт, который оканчивает в 1908 г., работает директором гвоздильного завода в Екатеринославе. С 1906 г. — постоянный сотрудник «Сатирикона», автор юмористической книги «Почти без улыбки». С 1922 г. в Берлине заведовал литературным отделом журнала «Жар-птица», в 1930—1940-х жил в Париже, умер в Мадриде.

Уговаривая себя остановить кинематографическую Ленту памяти, Горный дарит нам поразительные кадры: «Лавочник брал высокую стеклянную банку в обхват, точно обнимал ее, и леденцы с приятным хрустом поворачивались в банке... И за медяк, положенный на прилавок, давался бумажный фунтик с клейкими конфетами или карамелью, завернутою в веселую бумагу «Гадалка»⁵.

Горный вспоминает книги своего детства — дешевого «Степку-растрепку» и подарочные издания Кнебеля, Сытина, Девриена. В книжных лавках его отрочества, в первую очередь в магазинах М. О. Вольфа на Невском проспекте, можно было купить «мальчишескую литературу» — произведения Ж. Верна, Э. Булвер-Литтона, журнал «Задушевное слово».

Восхищаешься особым устройством памяти писателя — выпукло, «вкусно», обоняемо-осязуемо передать свои воспоминания о невозвратном — детстве и любимом городе: «Хочется дождя, простого, питерского немолчного дождя. Чтоб лил не переставая»⁶.

«Бухгалтерия петербургской жизни»⁷ на деле оказывается сильнейшим признанием в любви к нему.

Четвертой книгой, выпущенной «Гиперионом», стал сборник «Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века». Тексты предваряет концептуальная вступительная статья А. М. Конечного «Невский проспект и прогулки по нему в первой половине XIX века».

Сборник открывает исторический очерк писателя и драматурга Георгия Тихоновича Полилова (1859—1915, псевдоним Северцев) «Петербург в начале XIX века», впервые напечатанный в мае 1903 г. («Исторический вестник». Т. 92).

В книгу включены оригинальные произведения русских писателей 1820—1840-х гг., посвященные Невскому проспекту.

Самым ранним текстом является «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» Павла Лукьяновича Яковлева (1789—1835). Яковлев — питомец Московского университета, в 1818 г. переехал в Петербург, служил в Коллегии иностранных дел. В Петербурге он стал сотрудничать с журналом «Благонамеренный», который издавал его дядя Александр Ефимович Измайлов. В этом журнале в 1822 г. и было напечатано «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту», которое пародировало жанр сентиментальных и романтических путешествий и содержало большое количество столичных бытовых подробностей.

В 1843 г. в журнале «Московитянин» была опубликована повесть Владимира Ивановича Даля (1801—1872) «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту». Повествование о судьбе «маленького человека» подкидыша-горбуна Иосифа (Осипа), служившего писарем в Губернском управлении, разворачивается на фоне Невского проспекта. По главной улице столицы герою суждено ежедневно совершать путь от своего жилища у кладбища Лавры до парадного здания близ Дворцовой площади. Он считает, что все, что не Невский, «то чужбина». Даль приводит позабытые подробности разделения сторон Невского на аристократическую (солнечную, четную) и плебейскую (теневую, нечетную). В своем дневнике Иосиф юмором описывает городские сценки — пьяного мужика на полицейских дрожках, указывающего в небо: «Служивый, — а служивый! Все там будем!!» Глазами героя мы видим Фонтанку и Мойку с их повседневной, речной жизнью; экипажи, гужевой транспорт; дома немцев-булочников (в одном из которых и воспитывался подкидыш).

Четвертая часть издания включает «Прогулки по Невскому проспекту» Егора Ивановича Расторгуева (1846). Расторгуев — забытый писатель 1840-х⁸ — создал настоящий «физиологический» очерк Невского проспекта. Он пишет о здоровье горожан, увеселениях, ресторанах, парикмахерах, портных. Особо останавливается на модных магазинах, торговле вином, сигарами, фруктами. Говорит Расторгуев и об иных достопримечательностях Невского: «Вот Публичная библиотека. Сюда свободный и безденежный вход всякому — для чтения, для справок и из любопытства»⁹. Автор отмечает парадоксальные явления питерской погоды: «В климатологии Невского проспекта замечаются иногда изумительные феномены... в 1839, в конце апреля и в продолжении мая на Невском проспекте произошли все четыре времени года... апрель месяц „сыпал иней пушисты и мятели воздымал“. В начале мая наступили летние жары, <...> до 25 градусов, потом осенние ветры сдули все жары с Невского проспекта и к концу мая настала весна, — стало быть после зимы было лето, а после осени — весна!»¹⁰ (Хотелось бы заметить, что в 2015 г. «Прогулки по Невскому» Е. И. Расторгуева вышли в аудиоверсии¹¹.)

Сборник издательства «Гиперион» дополняют приложения, которые повторяют тексты каталога Юбилейной выставки А. С. Пушкина в Эрмитаже (1949)¹². Это — отрывок из знаменитой «Панорамы Санкт-Петербурга» Александра Павловича Башуцкого (1834), первой иллюстрированной энциклопедии города¹³. «Здесь собраны все потребности жизни, все изобретения ума, все утонченности изнеженной роскоши, изящного вкуса и моды», — так писал Башуцкий о главной улице империи. Вторым приложением является хрестоматийный отрывок из повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя (1835). «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блесит эта улица — красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта».

Более 70 страниц объема издания занимают развернутые комментарии А. М. Конечного.

Хочется с горечью сказать о недостатках в художественном оформлении «Прогулок», связанных со сложившимися в то время техническими возможностями печати. На гибких обложках цвета топленого молока не просматриваются отпечатанные сепией фрагменты литографий пушкинского времени. Включенные в сборник очерки отделены плохо пропечатанными шмуцитулами с воспроизведением литографий Общества поощрения художеств. Оригинальным является оформление колонтитулов, включающее силуэтное изображение гуляющих, разносчиков, конных экипажей. Удачным является и чуть вытянутый формат, приближенный к книгам первой трети XIX в.

Сборник, сформированный в «Гиперионе» в 2002 г., был столь востребован, что его повторили со значительными дополнениями и множеством новых иллюстраций в издательстве «Петрополис» в 2009 г. под названием «Чувствительные прогулки по Невскому проспекту».

Пятая книга серии «Забытый Петербург» (2002) является публикацией рукописи Петра Николаевича Столпянского «Маг и чудодей Санкт-Петербургской сцены А. А. Роллер (1805—1891)». Текст о знаменитом сценографе Андрее Адамовиче Роллере был написан в 1917 г. по заказу основателя Театрального музея Л. И. Жевержеева. Роллер служил декоратором и главным машинистом Дирекции императорских театров около 50 лет. Он работал над оформлением самых значительных оперных и балетных спектаклей Петербурга. Публикацию текста Столпянского сопровождает альбом цветных репродукций театральных эскизов из собрания Санкт-Петербургской театральной библиотеки. Издание отредактировано театроведом Анатолием Петровичем Кулишем.

Очень редкий исторический материал заключен в издании «Петербургское купечество в XIX веке» (2003). Вступительная статья А. М. Конечного «Быт петербургского купечества» и комментарии оригинальных текстов вводят нас в малоизвестные детали повседневной и праздничной жизни, особенностей воспитания и распорядка дня, интерьеров купеческого дома. Публикаторы включили в сборник текст Г. Т. Полилова (Северцева) «Быт петербургского купечества в 1820—1840-х годах», впервые напечатанный в журнале «Исторический вестник» (1901, Т. 85, № 7—8). О значимости приведенной информации свидетельствуют слова Полилова: «...я старался поместить все, что более или менее могло иллюстрировать и осветить быт петербургского биржевого купечества, хотя должен сознаться, что материалов для этого описания существует очень мало, притом же русское купечество неохотно соглашается предавать их печати»¹⁴.

«Мои воспоминания» журналиста, прозаика и издателя юмористических «Осколков» Николая Александровича Лейкина (1841—1906) были напечатаны после его смерти¹⁵. Лейкин вырос в семье богатого гостинодворца, учился в Реформатском училище. Он был знатоком купеческого быта, который описывал в модном жанре «физиологического очерка» — «Шуты гороховые. Картины с натуры» (1879), «Наши за границей» (1892), «Сатир и нимфа» (1888). Воспоминания Лейкина о жизни своей семьи лишены карикатурности его литературных произведений, насыщены тонкими деталями.

Завершают издания два приложения. «Дневник» Юлии Полиловой¹⁶ за 1831 — начало 1832 гг. описывает повседневную жизнь столичного купеческого семейства, зажиточного и в то же время традиционно придерживающегося строгих правил. Мечтательная, способная к музыке барышня пишет: «Зачитываюсь книгами. Братец Николенька принес мне главу VII „Евгения Онегина“, сочинение господина Пушкина. Не могу выразить, сколь занимательна эта печальная история, Я долго плакала, прочитав о смерти Ленского. <...> Папенька нечаянно увидел у меня эту книгу. Взяв в руки, посмотрел, положил обратно и даже не забранился»¹⁷. Дневнику поверяются тайные влюбленности, а обрывает его фатальная запись: «Замужем! Плачу без просыпу! Завтра еду с мужем в Сибирь». Завершает сборник статья ученицы Анциферова, краеведа Татьяны Васильевны Сапожниковой «Дом Ковригиных». На 6 линии Васильевского острова в 1923—1924 был открыт музей купеческого быта, организованный обществом «Старый Петербург»¹⁸.

Сборник «Петербургское купечество» не имеет иллюстраций, только лаконичные рамки шмуцтитолов. На гибкой обложке книги представлена фотография купеческих лавок Апраксина двора. Небольшое по формату издание приближено к квадрату.

Редакционное и художественное решение книг серии «Забытый Петербург» было необычайно сложным. Редакторская работа заключалась в подготовке разнообразных текстов — от автографов рукописей XIX—XX вв. до мало-доступных, редких печатных публикаций. Издание перечисленных текстов впервые заполнило лакуны бытового «жизнеописания» города. Составление сборников, критерии отбора материала были заданы А. М. Конечным и П. В. Дмитриевым. Научная подготовка изданий серии включает приложения, дополнения, комментарии, вступительные статьи, библиографические списки.

Не менее важен вклад художника Л. Е. Миллера в создание серии. Казалось бы, он нарушает правила сериального оформления, отказавшись от единообразного формата, но неповторяющийся, уникальный материал книги влечет за собой разнообразие форматов, цвета обложек. Важно отметить типографические находки Миллера — оригинальную сетку полос в каждой книге, шрифты, неповторяемость колонтитулов, колонцифр, рамок, линеек. Необходимо отметить и разнообразие иллюстраций. Это могут быть документальные фотографии Петербурга, которые художник заключает в стилизованные рамки. В перечисленных изданиях воспроизводятся газетные и журнальные объявления и реклама. Тактично репродуцируются аутентичные времена действия текста картины, рисунки, эстампы, фотографии. Оригинальным явилась работа с рукописью С. Ф. Светлова, которая содержит авторские маргиналии-зарисовки петербургской жизни конца XIX в.

Сборники серии «Забытый Петербург» полно характеризуют стиль работы издательства «Гиперион». Как в космораме XIX в. мы смогли увидеть ушедшие мелочи городского быта, авторы дали нам возможность почувствовать звуки, запахи, осязать и пробовать город на вкус.

Примечания

¹ Сергей Смоляков / беседу вел П. Дмитриев // Театральный Петербург. 2002. № 19 (37). С. 23—25.

² *Конечный А. М.* Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда, XVIII — начало XX вв.: материалы к библиогр. СПб., 1997. Аннотированный указатель книг и статей на русском языке с XVIII в. по 1990-е гг. Включает мемуары, этнографическую беллетристику, массовую литературу, изобразительный материал, издания по регламентации частной и городской жизни, публикации в периодике, исследования по бытовому строю города, справочники, путеводители (1100 зап.). Состоит из четырех хронологических разделов: XVIII в.; первая половина XIX в.; вторая половина XIX в.; конец XIX — начало XX вв. Внутри разделов материал расположен в алфавите авторов и заглавий.

³ Тяга к совершенству: Л. Е. Миллер / Беседу вел П. Дмитриев // Театральный Петербург. 2002. № 12 (июль). С. 36—38.

⁴ *Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX. СПб., 1998. (2-е изд., 2008); Петербургские балаганы. СПб., 2000; *Горный Сергей.* Санкт-Петербург. Видения. СПб., 2000 (переиздана в 2011 г. под названием «Альбом памяти». С добавлением очерка «Только о вещах»); Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., 2002 (переиздана в издательстве Петрополис в 2009 г. под названием «Чувствительные путешествия и прогулки по Невскому проспекту»); *Столянский П. Н.* Маг и чудодеев Санкт-Петербургской сцены — Роллер. СПб., 2002; Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003; Петербургский раек. СПб., 2003; *Пискарев П. Л., Урлауб Л. Л.* Милый старый Петербург. Воспоминания о быте Старого Петербурга начала XX века. СПб., 2007.

⁵ *Горный Сергей.* Указ. соч. С. 33—36.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ Бухгалтерия Петербургской жизни [Электрон. ресурс] // Невское время. 2001. № 80 (2540). 4 мая. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_AOtsup_videnie_otziv.htm.

⁸ *Расторгуев Е. И.* Мысли русского вслух на Новый год: Посвящается всем русским. СПб., 1843.

⁹ Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., 2002. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 142.

¹¹ *Расторгуев Е. И.* Прогулки по Невскому проспекту [Электрон. ресурс] / читает В. Таск. СПб., 2015. Систем. требования: Pentium 4; Window's 2000; CD-ROM drive.

¹² Невский проспект в 1834 году: К Юбилейной Пушкинской выставке в Эрмитаже: [сборник] / Гос. Эрмитаж. Л., 1949.

¹³ *Башуцкий А. П.* Панорама Санктпетербурга: [Ч. 1—3]. СПб., 1834. 3 т.

¹⁴ Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003. — С. 11.

¹⁵ Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907.

¹⁶ Диван (Дневник купеческой девушки) // Полилов-Северцев Г. Т. Наши деды — купцы: Бытовые картины начала XIX столетия. СПб., 1907. С. 83—142.

¹⁷ Там же. С. 280.

¹⁸ Подробнее см.: *Голубева И. А.* Концепция музеефикации Общества «Старый Петербург» (на примере особняка купцов Ковригиных) // Музеология — Музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14—16 мая 2008 года. СПб., 2008. С. 328—337.

Д. М. МАХО, П. Г. МАХО

Формирование ленинградской школы дизайна детской книги в 1920–1930-е гг.

1920-е гг. в советском искусстве были временем, когда авангардное и традиционное течения взаимодействовали активно, конфликтно, плодотворно. Искусство детской книги стало важной сферой развития этого процесса. Детская книга для художника «Мира искусства» была средством, прежде всего, культурно-эстетического воспитания в духе классических традиций, ей уделялось большое внимание мастерами этого направления. Тогда как авангард ставит перед собой задачу создания новой культуры, формирования нового человека, отрицая значение традиций.

В стремлении к конструктивной целостности объекта заключается общность подходов как традиционалистов-мирискусников, так и авангардистов. Но если одни предпочитали традиционные сюжеты, осмысленные в формах исторических стилей, то другие, обращаясь к новым литературным сюжетам, искали небывалых форм художественного языка.

Ключевые слова: дизайн детской книги; ленинградская школа книжной графики 1920–1930-х гг.; «Мир искусства»; авангард; А. Бенуа; И. Билибин; П. Митурич; В. Лебедев; В. Конашевич.

D. M. MAHO, P. G. MAHO

Leningrad children's book design school in the 1920s–1930s

For Soviet art the 1920s represented the time of active, conflicting and productive interplay between the avant-garde and traditionalism. Children's book design became a stage where this kind of conflict was well advanced. For an artist in "The World of Art", children's books were a means of classical cultural and aesthetic education while the avant-garde was aimed to develop a new culture, as well as to form a new person by denying the significance of convention. An attempt to achieve the constructive integrity of a book form was the common approach both traditionalists and avant-garde artists. But if the former chose traditional historical plots, the latter were searching for an unparalleled kind of artistic language.

Keywords: children's book design; Leningrad school of book graphics of the 1920s–1930s; 'The World of Art'; avant-guard; A. N. Benois; I. Y. Bilibin; P. V. Miturich; V. V. Lebedev; V. M. Konashevich.

Художники объединения «Мир искусства» развивают сформулированную еще в 1900-е гг. концепцию понимания книги как целостного художественного организма, в котором иллюстративная и конструктивная составляющие образуют эстетически осмысленное единство. Для детской книги эти идеи были особо значимы в силу специфики восприятия ребенка, для которого книга не столько источник текстовой информации, сколько привлекательный материальный объект игрового постижения мира.

Наивысшие достижения художников объединения «Мир искусства» приходятся на 1900–1910-е гг., когда были опубликованы ставшие классическими работы «Азбука в картинах» А. Бенуа, серия русских народных сказок, вышедшая в издательстве И. Кнебеля в оформлении И. Билибина, и самые изысканные в подарочной серии этого издательства сказки В. Гауфа в исполнении Д. Митрохина. Для понимания задач книжного оформления художниками «Мира искусства» характерно стремление в соответствии со

спецификой текста стилизовать книгу как художественное произведение, опираясь на ту или иную художественную традицию, будь то древнерусское искусство, наследие старых европейских мастеров или культура Востока (Китая, Японии, Персии).

Благодаря работам мастеров «Мира искусства», детская книга выделяется в особый синтетический художественный жанр. Как пишет автор монографии «Русская книжка-картинка 1900—1941» В. Блинов: «...произведения этого художественного жанра имеют двоякую направленность: книжки, по определению детские, привлекают внимание и интерес всей художественно-ориентированной публики как яркие, самобытные декларации художников»¹.

В 1920-е гг. художники по духу своего искусства бывшие «пассеистами», как они сами себя называли, оказались в условиях, когда общество декларировало в качестве своей задачи реализацию футуристического проекта². Детская книга, которая в течение 1920-х — начала 1930-х гг. испытывала на себе в меньшей степени, чем другие области искусства, давление идеологической цензуры, была для этих мастеров возможной сферой творческой самореализации. Так, В. Замирайло, сохраняя приверженность мирискуснической традиции, стиливым ориентирам модерна и преклоняясь перед творчеством Г. Доре, казалось, не был восприимчив к новой эстетике. Его работы, такие как «Загадки» В. Ходасевича (1922) или «Гришка-Грохотун» Е. Иванова (1925), и даже его иллюстрации для журнала «Еж» (1929) к стихотворению «Евсей» Ю. Владимирова, где действуют пионеры и красноармейцы, отображали его позицию сознательного бегства от действительности.

В 1925 г. в издательстве «Радуга» вышла книга К. Чуковского «Бармалей» (рис. 1) в оформлении М. Добужинского. Характерное для мастера изящество линейного строя, продуманность уравновешенных композиционных конструкций по контрасту подчеркивают экспрессивную выразительность персонажей, обладающих яркой жизненной убедительностью. Большой мастер искусства книги М. Добужинский в полной мере использует художественные возможности авторских шрифтов, придавая заголовкам игровой, веселый характер,

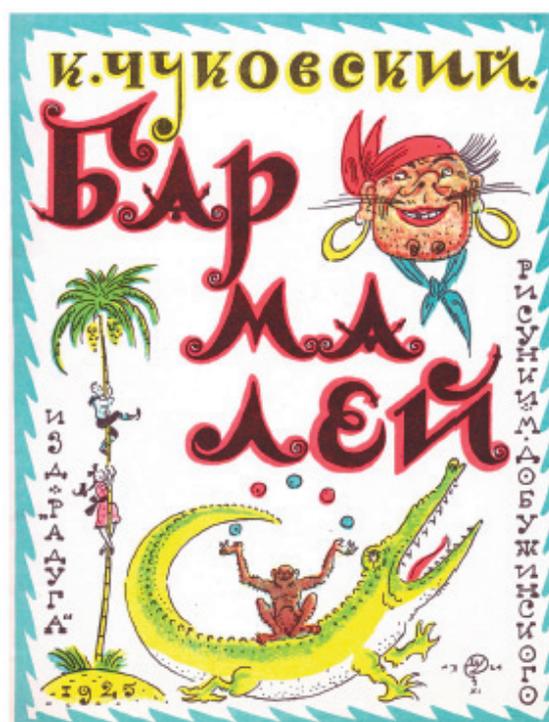

Рис. 1. М. Добужинский. Бармалей. 1925. Обл.

Рис. 2. С. Чехонин. Книжка про книжки. 1925. Обл.

но и в начертании шрифтов, и в обобщенности формы, и в геометризации орнамента сказывается влияние искусства авангарда.

В. Блинов, в упомянутой монографии, пишет: «Иллюстрированные Мстиславом Добужинским „Примус“ Мандельштама и особенно „Бармалей“ Чуковского, принадлежали, пожалуй, к последним детским книжкам картинкам, сделанных в духе и традициях „Мир искусства“... Очевидные достоинства „Бармалея“ как книжки-картинки, выполненной в традициях „Мир искусства“, во многом были уже достоянием прошлого. „Бармалей“ вышел из печати в начале 1925 года, а чуть позже в том же издательстве „Радуга“ появились новые книги для детей, открывшие в истории русской детской книжки-картинки одну из самых ярких страниц, и она была связана с именами Лебедева и Маршака»³. Утверждение В. Блинова о прекращении развития «миriskusнической» традиции в середине 1920-х гг. представляется спорным, так как в книгах М. Добужинского, И. Билибина, В. Конашевича эта традиция сохранялась и развивалась в 1920—1930-е гг.* Впрочем, и позже, в 1960—1970-е гг., наследие «Мира искусства» было очень значимо для развития ленинградской школы книжного дизайна.

В творчестве двух, достаточно близких по направленности в предреволюционные годы, художников С. Чехонина и Д. Митрохина по-разному складывается взаимодействие старого и нового в 1920-е гг. У С. Чехонина (рис. 2).

Рисунки выполнены в острой нервной манере ломкой напряженной линией, впрочем сохраняющей изысканное изящество прежних лет. Они обладают отчетливой ясностью экспрессивной геометризованной композиции, насыщенной острыми ракурсами. Пространство в них то уплощается, то обретает стремительное развитие. Тогда как в работах Д. Митрохина использование

* Например, «Три толстяка» Ю. Олеши 1928 г. с иллюстрациями М. Добужинского; «Сказки избы» 1931 г. с иллюстрациями И. Билибина, или в его же оформлении «Русалочка» Г.-Х. Андерсена 1937 г. и в 1943 г. издание М. Лермонтова «Песня про купца Калашникова»; работа В. Конашевича 1926 г. для книжки-картинки Е. Ильиной «Алешка беспризорник» или для Р. Энгеля «Работничек» 1929 г.

крупных геометризованных пятен локального цвета, вывернутого на зрителя пространства, контрастного столкновения ближнего и дальнего планов — все эти подчеркнута динамические характеристики пространственно-предметной среды вступают в конфликтное взаимодействие с неспешной каллиграфичностью линии, нежным, задумчивым строем создаваемых образов. С. Чехонин в первой половине — середине 1920-х гг. активно вовлечен в исполнение социального заказа, тогда как Д. Митрохин сохраняет по отношению к реалиям нового общества некоторую долю отстраненности.

Нужно особо отметить работу С. Чехонина в области дизайна шрифта. Художник активно работал в этом направлении, начиная еще с 1905 г. его эксперименты отличались яркой декоративностью, экстравагантностью на грани китча: «...художник „взьерошил“ даже классическую антикву, но удивительное дело: в своих варварских вольностях он не позволил ни одной вульгарной интонации»⁴.

В первых детских книжках, оформленных в начале 1920-х гг. для издательства З. Гржебина художником младшего поколения объединения «Мир искусства» В. Конашевичем*, изящная дробность линии рисунка, строгая рациональность композиционных построений, чуть ироничная характеристика персонажей позволяют говорить о творческом развитии тех художественных качеств, которые были характерны для книжной графики А. Бенуа, М. Добужинского, Ю. Нарбута, С. Чехонина. Однако уже в своих работах с середины 1920-х гг. для издательства «Радуга», например, в книге С. Маршака «Пожар», сохраняя изысканность контура, В. Конашевич активно использует выразительные средства пятна, придает композиции большую свободу и сообщает ей разнообразие ритмов, визуально раскрывающих строй стиха. Очень выразительны шрифтовые композиции титульной страницы, характер начертания вибрирующих, как будто бы пляшущих букв передает высокое эмоциональное напряжение. Включая заголовки в структуру изображения, например, черные буквы слова «пожар» видны в красных окнах горящего дома, художник достигает особой цельности визуальной и текстовой составляющих дизайна книги. Композиции разворотов ритмически продуманы, но лишены монотонности. «...В насыщенной графикой странице предстает та же, но теперь еще более затейливая энергия действия. Поза пожарных гротескна, в их коротком жесте, смешном и быстром силуэте торжествует откровенное веселье... Грациозно-шаловлив бег рисунка. Цвет радостно открыт причудливой игре, он звенит то красным, то желтым среди тревожного шуршания черной массы. В декоративном разгуле красочных переживаний царит почти детское упоение зрелищем. И мы оказываемся в мире столь же вымышленном, сколь и настоящем, свидетелями драматического и одновременно веселого представления»⁵. «Пожар» С. Маршака пользовался большим успехом и много раз переиздавался и переоформлялся В. Конашевичем.

В таких книгах, как «Ванька и Васька» С. Маршака, «Работничек» Р. Энгеля, «Наша улица» В. Мировича, та специфическая «барочная декоративность»⁶, что сложилась в работах для издательства Гржебина, находит выражение в оформлении обложек с изображением свитков с завернувшимися краями (картушей, характерных для графики XVIII в.), нарочито геометризованных, в духе конструктивистской эстетики 1920-х гг.

В своих работах конца 1920—1930-х гг. В. Конашевич идет по пути все большего обобщения и упрощения формы. Так, в ставшей одной из самых популярных детских книжек С. Маршака «Вот какой рассеянный», художник

---

* Здесь прежде всего имеются в виду книги, вышедшие в издательстве З. Гржебина: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Кот в сапогах», «Мальчик с пальчик», «Красная шапочка».

Рис. 3. В. Конашевич. Сказки. 1934. Обл.

Рис. 4. Э. Лисицкий. Сказ о двух квадратах. 1922

языком выразительных лаконичных образов воссоздает характернейшие детали нового советского быта. В этот же период параллельно с обновлением графического языка мастер обращается к новым для себя конструктивно-дизайнерским приемам построения книги. Например, для книжки К. Чуковского «Загадки» (1933) используется форма «гармошки», в виде горизонтально складывающейся ленты страниц. В эти годы начинается многолетнее сотрудничество В. Конашевича с К. Чуковским. Успех этого творческого тандема основывается на том, что как в сказках К. Чуковского гипербола и фантастика реализуются в пространстве, необычайно насыщенном конкретными элементами быта («Мойдодыр», «Айболит», «Федорино горе»), так и в книжной графике В. Конашевича изысканная стилизация соседствует с выразительной убедительностью деталей. В обложке В. Конашевича к «Сказкам» К. Чуковского (1934) года художник использует прием контрастного сопоставления (русская стужа и африканский зной). В геометризованных в духе ар-деко, выполненных в ярких, лаконичных цветах формах мастер создает узнаваемый и достоверный образ (рис. 3).

1920-е гг. — время постановки перед обществом новых задач, обусловленных сменой социального строя. Одной из самых важных было воспитание нового человека, а значимым инструментом стала новая книга для детей. Символическим для новой эпохи стало появление книги Эль Лисицкого «Сказ о двух квадратах» (рис. 4), в которой построению издания придавался архитектурный характер, выразительность абстрактных геометрических форм,

Рис. 5. П. Митурич. Рояль в детской. 1920. Обл.

их ритм, динамика, локальная символическая окраска составляли основу образности. Эту книгу, созданную под влиянием супрематизма К. Малевича, можно считать своего рода декларацией нового искусства детской книги, хотя спорным представляется восприятие ее в качестве книги, адресованной ребенку.

Если Эль Лисицкий предлагает супрематический вариант детской книги, то П. Митурич в своем оформлении «Сказа грамотным детям» Н. Пунина в 1919 г. обращается к языку футуристической книги первой половины 1910-х гг. Текст и изображение представляют собой единое целое, будучи выполненными в технике литографии. Иллюстрации нарисованы в нарочито упрощенной «детской» манере. Иная грань дарования П. Митурича, как детского иллюстратора проявляется в вышедшем в 1920 г. сборнике детских пьес композитора А. Лурье «Рояль в детской» (рис. 5), где обобщенная лаконичная манера художественного выражения дополняется чуть ироничной нежной интонацией. Книга большого формата с широкими полями, на хорошей мелованной бумаге, была предназначена для элитарной публики. В иллюстрациях изображения выхвачены из пространственной среды, представление о которой иногда дается лишь только намеком. Они помещены на абстрактный белый фон, что придает композиции остранный характер. П. Митурич использует рукописный шрифт мягких, чуть неправильных очертаний, будто воспроизводя старательность детского почерка.

Футуристический проект первых послереволюционных лет уже к середине 1920-х гг. был свернут. Эксперименты П. Митурича, Эль Лисицкого не получают дальнейшего развития в детской книге. Расцвет жанра в середине 1920-х — первой половине 1930-х гг. связан не только с искусством наследников мирикуснической традиции, но в первую очередь с творчеством В. Лебедева и его школы.

Первой детской книгой, оформленной В. Лебедевым, была изданная в 1918 г. арабская сказка «Лев и бык». В монографии В. Петрова дается емкая и содержательная характеристика этой ранней работы мастера: «Работая над детской сказкой, Лебедев впервые встретился с задачами не только иллюстрирования, но и построения, художественного конструирования книги. Уже в этой ранней работе выступают особенности, впоследствии ставшие характерными признаками лебедевской книжно-графической системы. Язык изображения сжат и ясен. Контурная линия играет для Лебедева лишь вспомогательную роль; структура его рисунков определяется не столько контуром формы, сколько сопоставлением живописно-пластических масс и объемов. Стремясь

Рис. 6. В. Лебедев. Приключения Чуч-ло. 1922. С. 4—5

сосредоточить внимание зрителей на характеристике персонажей и динамическом действии сказки, художник совершенно исключил орнаментальные и даже пейзажные мотивы, излюбленные графиками „Мира искусства“. Фигуры развернуты на нейтральном белом фоне книжной страницы. Чередование иллюстраций, то страничных, то вкомпонованных в текст, продиктовано верным и точным чувством ритма»⁷. Исследователь сосредотачивает свое внимание на чертах отличия от мирискуснического книжного оформления, однако представляется, что в «Льве и быке» В. Лебедев отнюдь не чужд изящной декоративности, присущей книжной графике старших мастеров.

Следующее обращение к детской книге в творчестве В. Лебедева приходится на 1922 г. Предшествующие четыре года были заняты активными экспериментами по поиску нового художественного языка. В работе над созданием плакатов для «Окон РОСТА», требовавшей монументальной экспрессивной выразительности образа, ощущается и влияние народного лубка, и воздействие идей К. Малевича, и переосмысление концепции кубизма. Этот опыт оказался очень плодотворным в дальнейшей работе художника.

В 1922 г. выходят две книги в оформлении В. Лебедева. В дизайне первой из них, «Приключения Чуч-ло» (рис. 6), использован прием футуристической книги начала 1910-х гг.: текст и иллюстрации выполнены в технике литографии. И в характере начертания шрифтов, и в иллюстрациях художник использует прием имитации детского творчества. Сам В. Лебедев в дальнейшем отказывается от использования «инфантильной» манеры, однако стремление к созданию целостного дизайна важно для дальнейшего развития концепции детской книги В. Лебедева.

Ю. Герчук в своей работе «Художественные миры книги», в отличие от большинства исследователей, высоко оценивает эту работу: «А все-таки „скачок в неизвестность“ оказался во многом плодотворным, а значит, и удачным. Творческий риск художника отвечал и его убеждению, и потребностям времени. Он был необходим для будущего. И потому законное место этой много раз руганой книжки в одном ряду с такими смелыми опытами тех лет, как „Сказ грамотным детям“ П. Митурича... или „Сказ про два квадрата“ Лисицкого»⁸.

Вторая книга «Слоненок» Р. Киплинга, вышедшая в том же издательстве «Огни», определила не только дальнейшие пути развития творчества В. Лебедева, но и жанра в целом. В иллюстрациях художник добивается баланса между геометризованной условностью и убедительной узнаваемостью природной формы. Рисунки, легкие для восприятия ребенка, обладают острой выразительностью и конструктивной ясностью. Язык мастера предельно лаконичен, те немногие детали, которые он использует, придают образам эксцентрическую веселость и игровой характер.

Очищение изображения от предметной и пространственной конкретики, которое позволило В. Лебедеву добиться такой яркой выразительности, позднее в теоретическом плане было осмыслено В. Фаворским в статье «Кое-что о формальной стороне детской книги» (1926): «Освобождение предмета от пространства в скульптуре, хотя бы в игрушках, позволяет ребенку свободнее играть в нее, ставить ее в различные положения и навязывать ей различные действия. Думаю, что и с предметной иллюстрацией возможно отчасти то же самое, при условии особой формы книги (помню, как дети играли в зверинец с книжкой-гармоникой)»⁹.

В этой работе В. Лебедева отразилось влияние творческой концепции супрематизма К. Малевича и идей конструктивизма, однако обобщенной геометризованной форме, выразительным выверенным ритмам художник умеет придать живую энергию природной пластики. То, что у Эль Лисицкого выглядит холодной рациональной абстракцией, у В. Лебедева становится веселой, озорной игрой.

Этапом и в творчестве В. Лебедева, и в истории советской детской книги стало начавшееся в 1925 г. сотрудничество с издательством «Радуга», основателем, владельцем и вдохновителем деятельности которого был Лев Клячко. Он привлекал для создания детских книг лучших писателей, поэтов и художников. За семь лет своего существования издательство «Радуга» не просто выпустило более шестисот изданий, но сумело обновить сам подход к изданию книг для детей большими тиражами. Если раньше высокие эстетические требования предъявлялись лишь только к дорогим подарочным изданиям, то «Радуга» ставила перед собой задачу сделать книгу для детей высокохудожественной и доступной.

Работы В. Лебедева, которые сейчас представляются несомненными шедеврами детской книги: «Охота», «Мороженое», «Цирк» — все они и многие другие были созданы именно в этом издательстве. То, что в книгах «Слоненок», «Приключение Чуч-ло» выглядит экспериментом, в оформлении этих изданий складывается в целостную систему нового дизайна детской книги.

В этой системе все элементы глубоко связаны между собой. Замечательный пример мастерского использования новых возможностей верстки — книга С. Маршака «Как рубанок сделал рубанок», вышедшая в издательстве «Радуга» в 1927 г. Блоки текста включены в композицию страницы, становясь элементами изобразительной системы, помогая визуализации поэтического образа. В. Лебедев использует рубленый шрифт, очертания которого вторят угловатой форме инструментов — главных героев этого произведения. Сочетание горизонтальной и диагональной компоновки слов на обложке книги делает заголовок подобием изображения рубанка. Применяя один и тот же шрифт разного кегля и начертания, художник добивается особой выразительности композиции.

Как пишет В. Петров: «Результаты работы, начатой в 1920-х годах, превзошли самые смелые ожидания. В противовес традициям „Мира искусства“, Лебедев и близкие ему художники выдвигали в качестве главной задачи иллюстратора и оформителя не „украшение книги“, а конструктивно-органическое соединение рисунков и текста. Работа художника неизменно начиналась с макета, в котором внимательно учитывалась взаимосвязь всех элементов оформления; художник руководил и типографским процессом. Книга не украшалась, а строилась, как строится здание»¹⁰.

Однако представляется, что и художники объединения «Мир искусства» мыслили книгу как целостный художественный организм, продумывали взаимодействие текста и иллюстрации, уделяли большое внимание техническому исполнению изданий. Но если мастера 1900—1910-х гг. мыслили в эстетических

категориях стиля модерн, то творческая концепция В. Лебедева и художников его окружения базировалась на опыте конструктивизма и кубизма.

Новые художественные средства необходимы были для отображения стремительно менявшейся реальности, которая формировала и детскую литературу 1920-х гг. Исключительно плодотворным в это время было сотрудничество С. Маршака и В. Лебедева. В конце 1924 г. в Ленинграде был создан Детский отдел Государственного издательства, который возглавил С. Маршак, а художественную редакцию — В. Лебедев. Атмосфера, сложившаяся в издательстве, была очень творческой и продуктивной, с ним сотрудничали с первых лет его существования Н. Тырса, Н. Лапшин, В. Ермолаева. В дальнейшем вокруг В. Лебедева сложилась группа молодых художников, которых можно назвать его учениками.

Говоря о своем учителе В. Лебедеве, Т. Шишмарева отмечает: «У него было поразительное умение собрать в издательстве все лучшее, что было в ту пору в Ленинграде. Привлечь и разыскать интересную молодежь, которая во главе с ним и такими художниками, как Тырса, Лапшин, Конашевич, и создала советскую детскую книгу. Содружество с Маршаком было, конечно, очень важным. Самуил Яковлевич делал в литературе то, что в искусстве делал Лебедев. А какая удивительная атмосфера заинтересованности в работе, требовательности к себе и другим, чувство участия в общем деле и очень высокий уровень, который был задан старшими товарищами, не говоря о самом Лебедеве, к которому надо было тянуться. И, что было очень важно, люди были разные, непохожие. Достаточно назвать Пахомова и Петра Соколова, Эвенбах, Мочалова — и всех их объединяла общая задача — создание понятной, увлекательной, познавательной и стоящей на очень высокой ступени, как в литературе, так и в искусстве, детской книги»¹¹.

В той плеяде молодых графиков, что сформировалась вокруг художественного отдела, В. Лебедев высоко ценил разнообразие дарований. «Страсть и сила Лебедева как прирожденного педагога заключалась в том, чтобы в каждом из своих питомцев открыть его истинное призвание, а значит, и то место, которое он должен занимать в детской книге, где ему не будет равных»¹². Так, благодаря учителю, Е. Чарушин находит себя в анималистике, А. Пахомов — в изображении детей и деревенской темы, Ю. Васнецов становится художником-сказочником.

С 1928 г. при Детском отделе Государственного издательства выходит журнал для пионеров «Еж» («Ежемесячный журнал»), и с 1930 г. сначала как приложение к «Ежу», а вскоре как самостоятельное издание для детей дошкольного возраста — «Чиж» («Чрезвычайно интересный журнал»). Главный редактор обоих периодических изданий Н. Олейников, будучи близок к литературному объединению ОБЭРИУ, привлек к работе Д. Хармса, Е. Шварца, А. Введенского, Н. Заболоцкого. Эти талантливые молодые литераторы с веселым энтузиазмом делали журнал, наполненный живым юмором, изобретательностью и умением рассказать просто о сложном. В этом им помогали художники: В. Лебедев, В. Конашевич, В. Ермолаева, Н. Тырса, А. Порет, А. Пахомов, Н. Радлов и др. При всем многообразии их творческих манер в рисунках для этих журналов можно найти немало общего. Лаконичность композиции, обобщенность формы, стремительность линии отвечают беглой динамичности повествования на журнальных страницах.

В работах А. Пахомова используются острые композиционные приемы, персонажам как будто тесно в пределах листа, они смотрятся особенно монументально в сопоставлении с уменьшенными элементами пейзажного или архитектурного фона. В иллюстрациях Н. Тырсы, выполненных в очень жизнерадостной, насыщенной и утонченной цветовой гамме, чувствуется

влияние мастеров современного французского искусства, Р. Дюфи, А. Марке. Даже такой сформировавшийся в традициях «Мира искусства» мастер, как В. Конашевич, в иллюстрациях на страницах «Чижа» и «Ежа» использует приемы авангардного искусства. Графика В. Ермолаевой для этих журналов отличается цветовой насыщенностью. Как пишет В. Блинов: «Живописная „неправильность“ героев ермолаевских картинок — человечков, зверюшек, мальчишек и девчонок — сродни детскому смеху, но существуют эти персонажи прежде всего в мире цвета, цвета всех оттенков и тоналностей — от нежных, пастельных, до тяжелых, насыщенных»¹³.

Особенную цельность, стройность, упорядоченность, облегчающую восприятие этих периодических изданий, придает хорошо продуманная верстка, в которой применяется такой эффективный прием, как использование сетки. подача материалов остается разнообразной, для чего в заголовках часто встречаются авторские рисованные шрифты¹⁴.

Стремление увидеть мир по-новому, глазами ребенка, восприятие которого свободно от предрассудков мира взрослых, свойственное обэриутам, отвечало самим принципам изобразительного творчества, и потому журналы «Чиж» и «Еж» представляли собой столь органичное слияние повествования и изображения, став классикой детской периодики XX в.

Расцвет детской книги 1920—1930-х гг. был необычайно ярким, но непродолжительным. Набиравшее все большие обороты в 1930-е гг. идеологическое давление в советском тоталитарном обществе в изобразительном искусстве приняло форму «борьбы с формализмом», под которым понималось любое отступление от клише социалистического реализма. На протяжении первой половины 1930-х гг. книга для детей, в силу своей специфики, служила убежищем для творческого самовыражения как литераторов, так и художников. Однако к середине 1930-х ситуация радикально изменилась и в этой сфере. 1 марта 1936 г. в газете «Правда» была опубликована статья «О художниках-пачкунах»¹⁵, в которой ведущие мастера детской книги, прежде всего В. Лебедев и В. Конашевич, подверглись грубым нападкам. В ней прозвучало роковое для тех лет обвинение мастеров в формализме. Поскольку мнение, высказанное в газете «Правда», было выражением взглядов партийного руководства, то вслед за этой статьей последовала лавина публикаций и настоящая травля выдающихся художников. Противостоять этому было невозможно. Искусство детской книги замерло в своем развитии на долгие двадцать лет.

Подводя итог обзору формирования ленинградской школы дизайна детской книги 1920—1930-х гг., можно сказать, что в стремлении к конструктивной целостности объекта заключается общность подходов как традиционалистов-мирискусников, так и авангардистов. Но если одни предпочитали традиционные сюжеты, осмысленные в формах исторических стилей, то другие, обращаясь к новым литературным сюжетам, искали небывалых форм художественного языка.

Примечания

¹ Блинов Ю. В. Русская детская книжка-картинка 1900—1941. М., 2005. С. 44.

² Штейнер Е. С. Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. М., 2002. С. 22—24.

³ Блинов Ю. В. Указ. соч. С. 100.

⁴ Домбровский А. «Артизан» Чехонин // Проектор. 2010. № 3 (12). С. 46.

⁵ Молок Ю. А. Владимир Михайлович Конашевич. Л., 1969. С. 28.

⁶ Блинов Ю. В. Указ. соч. С. 124.

⁷ Петров В. Н. Владимир Васильевич Лебедев. Л., 1972. С. 78.

⁸ Герчук Ю. Я. Художественные миры книги. М., 1989. С. 164–166.

⁹ Фаворский В. А. Кое-что о формальной стороне детской книги (1926). Цит. по: Книга о Владимире Фаворском / сост. Ю. А. Молок. М., 1967. С. 268.

¹⁰ Петров В. Н. Указ. соч. С. 90.

¹¹ Шишмарева Т. ...Написала о своих друзьях [Электрон. ресурс] / Э. Курбатова // Наше наследие: [ист.-культ. журн.]. 2009. № 92. [2003–2013]. URL: <http://www.nasledie-gus.ru/podshivka/9212.php> (дата обращения 01.05.2013).

¹² Кузнецов Э. Д. Медведь летит, хвостом вертит: Рассказы о художнике Ю. Васнецове. СПб., 2007. С. 69.

¹³ Блинов Ю. В. Указ. соч. С. 118.

¹⁴ Харшак А. Художник Александр Аземша // Северная Аврора. 2011. № 15 // Читальный зал [портал]. URL: <http://www.reading-hall.ru/> (дата обращения 10.05.2013).

¹⁵ О художниках-пачкунах // Правда. 1936. 1 марта. № 60. С. 3.

Г. Б. ЛАВРЕНКО

Проблемы авторской индивидуальности художников книги на примере творчества санкт-петербургского художника Олега Яхнина

В статье исследуются проблемы творческой индивидуальности художников в работе над созданием иллюстраций для книг, издаваемых массовыми тиражами. Рассмотрены наиболее известные работы художника Олега Яхнина с точки зрения специфики работы над книжными иллюстрациями.

Ключевые слова: художник; индивидуальность; творчество; иллюстрация; издательство; книга; графика; литература; читатель; зритель; творческая манера; художественный образ.

G. B. LAVRENKO

The issue of book artists' creative individuality exemplified by St. Petersburg artist Oleg Yakhnin's illustrations

The article is devoted to the creative individuality of artists working for publishing houses and investigates illustrations by Oleg Yakhnin in the context of the artist's creative manner manifestation. Special attention is paid to the specific of the conceptual basis for creating author's illustrations.

Keywords: artist; individuality; creativity; illustration; publishing house; book; graphic art; literature; reader; audience; viewer; imagery creation; creative manner; artistic image.

Проблема взаимоотношений художника и издательства всегда была актуальной. Творческое видение литературного материала художником часто не совпадает с идеологическими и экономическими задачами, которые ставятся издательством для конкретной книги. Однако не всегда это вызвано серьезным конфликтом интересов. В этой статье мы не затрагиваем авторские «книги художника» (artist's book), а только книги, издаваемые массовыми тиражами (livre d'artiste). Традиция издавать книги с иллюстрациями известных или перспективных художников идет из Франции от издательства Воллара, где все издание рассматривалось как предмет искусства. И на сегодняшний день в книжной отрасли нашей страны заметно возрос интерес к выпуску именно таких изданий художественной литературы, что обеспечивает не только привлекательность книг для покупателей, но и создает хорошую репутацию издателю.

Такие издательства, как «Вита Нова», «Дрофа», «Речь» и некоторые другие, стараются привлечь к работе новых и уже сложившихся художников, найти интересные варианты иллюстраций для переиздания, позволить художникам проявить свою индивидуальность в той мере, в которой позволяют их мастерство и творческие интересы. Однако в большинстве случаев иллюстраторы работают под большим давлением сроков заказа, вкусов авторов, составителей и книготорговых организаций.

Дополнительной сложностью для художников книги является то, что на практике не существует общей профессиональной среды, которая ставила бы какие-либо общие цели, продвигала бы конкретные идеи и определяла бы

критерии исполнительского мастерства. Тем не менее, в среде художников иллюстраторов много заметных имен, которые не только создают прекрасные циклы иллюстраций по конкретным заказам издательств, но и выставляют большие графические листы на профессиональных выставках, выполненные на тему литературных произведений, создавая определенное направление в современном графическом искусстве. Распространенной практикой стало то, что книжные художники, отличающиеся яркой индивидуальностью, изначально стараются проявить себя на всей территории искусства и представляют на выставках циклы графических листов на темы литературных произведений, отнюдь не являющиеся подлинными иллюстрациями.

Парадоксальным образом именно литературный сюжет соединяет культ личной неповторимости художника, с его тяготением к безличному, стихийному, повышенную рефлексивность творчества с теми подсознательными исканиями, которые зритель понимает как высший смысл творчества, с его желанием внедрить эстетическое в повседневную жизнь. Чисто книжных иллюстраций, в привычном их понимании, становится все меньше, скорее уместно говорить об изобразительном ряде, задающем концептуальный камертон всей книге и разворачивающемся на нескольких разворотах, листах, в книжной конструкции, в системе рубрикации. «Востребована определенная композиционная и эмоциональная последовательность, заданная однозначно, без вариантов, чтобы и текст и графика считывались в определенном и никаком другом порядке»¹. В некоторых, хотя и редких, случаях дело касается и новых приемов развертывания, раскручивания, нестандартной фальцовки книги, при которой традиционное перелистывание заменено на игровое общение с объектом.

Эффективность деятельности художника книги во многом зависит от того, насколько прочно слились в его сознании желание достичь определенных общих с издательством целей с помощью своего творческого воздействия и желание проявить свою индивидуальность, свой авторский почерк в этом виде деятельности. Творчество далеко не новый предмет исследования. Оно всегда интересовало мыслителей всех эпох и вызывало стремление создать «теорию творчества». На рубеже XIX–XX столетий как специальная область исследований начала складываться «наука о творчестве» — «теория творчества» или «психология творчества». Ситуация научно-технической революции второй половины XX в. создала условия, открывающие новый этап развития исследований творчества: индивидууму приходится самому искать ответы на новые вопросы, к которым не применимы старые подходы. Известный итальянский физик, посвятивший ряд своих работ психологии творчества, Антонио Дзикаки дает весьма характерное для такого подхода определение творчеству как «способности генерировать что-то такое, что никогда раньше не было известно, не встречалось и не наблюдалось»².

Несмотря на то что область книжного искусства привлекает все большее количество ярких художников, творческая индивидуальность иллюстратора книги в определенном смысле имеет объективные ограничения для поисков самовыражения. Сложность проявить себя в этом виде деятельности обусловлена не только отсутствием выбора тем литературных произведений, подлежащих изданию, но и проблемами авторского права, вкусами и традициями издательств, экономическими факторами и требованиями полиграфии. Индивидуальный стиль автора иллюстраций, зажатый этими ограничениями, проявляется в основном в устойчивости выбора тем для иллюстрирования, индивидуальным подходом к использованию приемов и способов композиционного построения изображений, оригинальной манерой исполнения, которая может меняться в зависимости от темы, типа издания и других факторов.

Но главной формой существования творческой индивидуальности художника книги в рамках одного издания будет так называемый «образ автора». Это форма творческой индивидуальности складывается из многих составляющих, касающихся не только конкретной личности, но и от конструктивности отношений с издательством, с коллективом редакторов, способностью художника отстаивать свое видение литературного материала. Все творческие и психологические проблемы художника книги находятся исключительно внутри самого материала, полученного им от издательства, где от его творческого потенциала зависит в определенной мере перспектива реализации тиража, а значит — и успех издания в целом.

Нельзя недооценить роль художника, который в конечном счете создает новый визуальный образ издания, на протяжении всего процесса его подготовки. Опыт работы над иллюстрациями Олега Яхнина* интересен тем, что «художник в большой степени иллюстрирует книгу как повод для выражения собственной индивидуальности»³. Его репутация интересного и мастеровитого художника сложилась очень рано. На выставке 1981 г. были представлены литографированные листы из монументального цикла «Фауст», который принес мастеру заслуженную славу. Впоследствии этот цикл иллюстраций был издан в издательстве «Имена» (2005 г.).

Без томительного ожидания в передней, столь характерного для молодых, он сразу был произведен в мастера. Сегодня Олег Яхнин — признанный мастер живописи и станковой графики. Его яркая индивидуальность, знания и представления об искусстве проявились уже в первых работах достаточно ясно. Его явно увлекают эпоха нидерландского Возрождения и немецкий экспрессионизм и, конечно, такие мастера, как Дюрер и Босх, тем не менее, он не цитирует их, но привносит в свои работы изысканность языка традиции, придавая им артистичность исполнения. В каком-то смысле станковые литографии на тему Фауста и определили дальнейшие интересы Олега Яхнина к определенным литературным темам.

Новаторская по своей форме интерпретация известного литературного текста ставила перед художником важнейшую творческую задачу: не только создать новый художественный образ духовных проблем, определенных произведением В. Гете, способный отразить индивидуальность авторской трактовки, но и заявить о себе как о мастере, способном решать в искусстве сложные задачи. «Создаваемое художником пространство лежит между текстом и изображением, именно это и есть созданный им индивидуальный язык. Посредством этого языка он пытается закрепить тот вечно ускользающий смысл, который человечество ищет в книгах или, точнее, посредством книги»⁴.

Разумеется, художника-иллюстратора не могла не интересовать фабула литературного произведения, его содержательность и эмоциональная выразительность, однако внешняя упорядоченность, композиционная грамотность не могли скрыть яркой индивидуальности Олега Яхнина в трактовке образов,

---

* Олег Юрьевич Яхнин родился в 1945 г. в городе Лесозаводске Приморского края. В 1972 г. окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР (Ленинград). Олег Яхнин — член-корреспондент Академии гуманитарных наук, директор программ по изобразительному искусству Международного фестиваля «От авангарда до наших дней», автор проекта и председатель оргкомитета Международной биеннале графики в Санкт-Петербурге, учредитель фонда развития графики «Современная графика», заведующий кафедрой графики Санкт-Петербургского института декоративно-прикладного искусства. Заслуженный художник России. Награжден государственными наградами, премиями и дипломами Союза художников СССР, Союза художников РСФСР, Российской академии художеств, Министерства культуры РФ.

в передаче настроения, ощущении фантазмагоричности происходящего. Чувство стиля, мастерство рисовальщика, наполненность содержанием стали его «визитной карточкой», глубокая культура, знания искусства и эмоциональность исполнения утвердили его как художника высокого ранга. В своем творчестве О. Яхнин продолжает и развивает традицию «фантастического реализма», заложенную в русском искусстве еще Павлом Филоновым. Для фантастического реализма типично изображение проблем действительности в фантастических, гротескных образах, которые, тем не менее, остаются узнаваемыми и не относятся к иному, сказочному миру. Не последнее место для художника занимает выбор тематики, авторов литературных текстов, которые затрагивают серьезные философские проблемы и «задают главные вопросы. Как отразить суть вещей? Что ждет в точке, к которой стремится человечество? И, наконец, как достичь нуля и шагнув за него, открыть начало всего?»⁵.

Мастерство и уверенная личностная позиция позволила Олегу Яхнину сохранить свою творческую индивидуальность даже в конце 90-х гг., когда книга перестала быть предметом культа в любом доме и фигура редактора-интеллектуала постепенно вытеснилась менеджерами по продажам. И именно менеджментом продиктовано все то, что происходит с рисованной книгой сегодня. Задачи его лежат далеко от какого-либо искусства. Конечно, есть редкие исключения, такие издательства, как «Вита Нова», и существуют эксклюзивные небольшие тиражи авторских книг, выполненные в единичных экземплярах, но это совсем другая работа. Это скорее развлечение для элит, для узкого, очень специфического круга, в то время как здесь речь идет о массовых изданиях.

«Надо отметить, что печать как сфера общественной деятельности — одна из наиболее идеологизированных и подчиненных цензуре систем. Однако книга и книжная традиция относится к неоспоримым ценностям, как русской культуры, так и практически любого ее носителя, идущим от христианства в его православном опыте; именно на этой территории художники начинают утверждать ценность не только свободы, но и личности, индивидуальности, независимости»⁶. Поэтому художники искали для себя особенные темы для самовыражения, стремясь познать суть искусства и сделать осязаемой границу между условным миром литературного произведения и явью его изображения, которая заставляет думать и напряженно всматриваться в работу художника, стремясь принять его творческие принципы и признать право на индивидуальность трактовки.

Для Олега Яхнина это серии станковых произведений, созданных в последние два десятилетия в технике офорта: «Семь смертных грехов» (2014), «Славянские мифические существа» (2011), «Большой кодекс» (1999—2003). Художник проиллюстрировал более 50 книг, среди которых произведения К. Чуковского, А. Линдгрен, М. Семеновой, Р. Грейвза, Ф. Горенштейна. Его иллюстрации к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Крошке Цахесу» Э. Т. А. Гофмана, «Войне с Ганнибалом» Тита Ливия, рассказам А. П. Чехова стали классикой книжной графики.

Одной из наиболее заметных форм выражения творческой индивидуальности художника является творческая манера, которая выступает как один из аспектов его идентификации. «Творческая индивидуальность управляет манерой, меняя ее в зависимости от типа информационного потока, типа издания и других факторов»⁷. Каждый индивидуальный стиль представляет собой уникальную систему, которую характеризуют устойчивость используемых приемов и способов изображения, а также обусловленность этой системы сюжетом или тематикой литературного произведения. Именно

хорошо узнаваемая манера, определяемая личными интересами, эффективно подтверждает индивидуальность автора.

На протяжении своего творческого пути О. Яхнин активно экспериментировал с разнообразными графическими техниками. Он приобрел известность в первую очередь как мастер торцовой деревянной гравюры, в ней выполнено наибольшее число произведений его книжной графики, однако в некоторых случаях художник обращался к таким техникам, как офорт, линогравюра, гуашь, работал с разными фактурами. Именно особенности фактуры часто служат в творчестве художника решению функциональных задач, в основном — отражению эмоций и стиля произведения, создавая присущую только этому художнику фантастическую атмосферу.

Интересны также его иллюстрации последних лет, выполненные для издательства «Вита Нова», экслибрисы, уникальные издания с авторскими офортами, рисунки из серии «20 сонетов к Марии Стюарт» Иосифа Бродского из собрания Русского музея, где изобразительный язык так же, как в других работах мастера, наполнен метафорами и символами, проникнут сюжетными и литературными ассоциациями.

Когда мы говорим о художнике Олеге Яхнине, то зачастую думаем даже не о его произведениях, о том, насколько он соответствует тому образу «художника-творца», который мы заимствовали из старинных книг, а о том, как его иллюстрации выдвигают на передний план иррациональные аспекты жизни человека, привлекающие убедительностью своей интерпретации. Такой художник не может существовать без творчества, он все события преломляет через призму своего восприятия. Все, включая и этот придуманный мир, и свою жизнь. Индивидуальный почерк О. Яхнина известен многим, но понятен единицам. Одних его произведения пугают, других завораживают, у третьих вызывают недоумение. Но никого они не оставляют равнодушными.

В своем творчестве Олег Яхнин решил, пожалуй, одну из наиболее серьезных проблем для художников книги — найти гармонию между стремлением к новому, желанием найти собственный путь, сохранить свою индивидуальность и желанием соблюсти традиции, избежать всего, что может спровоцировать конфликты с редакторами. Даже в самых близких отношениях с издателями иллюстратор стремится быть хоть немного неуловимым, сохранить в тайне часть своих переживаний, иметь «личную территорию», порой довольно обширную. Трудно привести в равновесие два одинаково сильных желания — работать в содружестве, иметь партнера в лице автора или редактора и оставаться свободным. И даже те художники, которые полагают, что они смогли этого добиться, обычно не подозревают, что чем-то все же пожертвовали. Мастерство исполнения иллюстраций и творческое видение литературного материала не дают гарантии быть абсолютно независимым в рамках работы в издательствах. Тем не менее, это тот сложный путь, когда художник книги становится на одну ступень с автором; и этот союз рождает тот предмет, арт-объект, который мы с удовольствием бережем несколько поколений, передавая детям по наследству.

Данное исследование не претендует на полное изучение всех аспектов творчества О. Ю. Яхнина; однако в нем предпринимается попытка проанализировать художественный язык его книжной графики с позиции индивидуального подхода к иллюстрированию, что могло бы в дальнейшем послужить основой для более подробных исследований. Введение книжной графики в обиход искусствоведческих исследований в качестве одного из равноправных элементов культуры книги может способствовать более детальному и разностороннему пониманию задач иллюстраторов книжных изданий.

Примечания

¹ *Чегодаева М. А.* Советская книжная иллюстрация // Книжное искусство СССР. Т. 1. М., 1982. С. 28.

² *Дзикики А.* Творчество в науке / пер. [с англ.] Е. С. Ключина; отв. ред. Е. П. Велихов; науч. ред. В. О. Малашенко. М., 2001. С. 37.

³ *Шербинина С.* Олег Яхнин: «Я никогда не был лучшим, но лидером был всегда» [Электрон. ресурс]. URL: <http://piterbook.spb.ru/2005/04/graph/>.

⁴ *Григорьянц Е. И.* Книга художника: к феноменологии жанра // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 7. СПб., 2006. С. 260–267.

⁵ *Боулт Дж., Мислер Н.* Филонов. Аналитическое искусство / [пер. с англ.]. М., 1990. С. 78.

⁶ *Григорьянц Е. И.* Диалог поэт-художник в современной петербургской Книге художника [Электрон. ресурс]. URL: <http://artru.info/ar/art/>.

⁷ *The Essential Guide to Children's Books and Their Creators* / ed. Anita Silvey. NY, 2002. С. 143.

Е. И. ГРИГОРЬЯНЦ

«Книга художника» — территория эксперимента

Статья посвящена художественным экспериментам с книгой, представленным в направлении artist's book. Автор рассматривает примеры новаторского подхода к конструированию пространства книги и созданию оригинального пластического языка в классических образцах livre d'artiste и произведениях современных российских художников.

Ключевые слова: «Книга художника»; искусство книги; современное искусство; интерпретация текста; книжная графика.

E. I. GRIGORIANETS

The Artist's book as a territory of experiment

The article is devoted to the artistic experiments with the book presented in the direction of an artist's book. The author reviews examples of innovative approach to the book space design and to creation of original plastic language in classical samples of livre d'artiste and works of modern Russian artists.

Keywords: artist's book; book art; modern art; text interpretation; book graphics.

«Книга художника» — особое направление в современном искусстве. Возникнув на стыке искусства книги и тиражной графики, впитывая в себя новые художественные течения и веяния, это направление постепенно приобретало самостоятельность, формулируя собственные законы и принципы. Важной особенностью «книги художника» является постоянный поиск и эксперимент, которые позволяют не останавливаться на достигнутом, не использовать удачные находки в качестве штампов, а все время идти вперед. Действительно, каждый раз приступая к созданию новой книги, художник «рождает» ее заново. К каждой художественной идее, которая лежит в основе книги, подбираются свои выразительные средства, начиная от формы и формата, заканчивая отдельными художественно-графическими элементами и оформительскими деталями, такими как, например, тесемки для завязывания папки, которые лишь непосвященному могут показаться второстепенными.

Экспериментируя с выразительными средствами, художники привносят в книгу нетрадиционные материалы и нетипичные для книжного искусства техники. Порой они полностью оказываются от текста или превращают последний в визуальный, принципиально нечитаемый, объект. В данной статье мы хотим остаться в границах книжной формы. Поэтому за рамками нашего анализа остается книга-объект и книжные инсталляции, которые в принципе экспериментальны, но эти опыты порой уводят далеко от книги как привычного артефакта. Кроме того, хотелось бы посмотреть на эксперимент в книге художника как на широкий и многогранный процесс, связанный с влиянием современного искусства.

Со времени появления livre d'artiste, когда художник получил максимальную свободу самовыражения через образ книги, существуют выдающиеся примеры поисков нового пластического языка, экспериментирования с выразительными средствами. Многие из этих экспериментальных для своего времени произведений сегодня стали классикой жанра. Один из ярчайших

примеров подобного рода, выдающееся произведение *livre d'artiste*, «Jazz» Анри Матисса. Книга была выпущена издательством Териада в Париже в 1947 г. тиражом 270 экземпляров.

Это произведение по праву считается новой вехой в сфере высокого книжного искусства, и это несмотря на то, что художник принципиально трансформирует традиционный книжный язык, привнося в него новые принципы формирования текста как пространственно-художественного явления, построенного на современных художественных техниках. Здесь визуальный образ становится самодовлеющим, расширяя границы понимания текста от традиционной словесно-буквенной до практически любой зафиксированной знаковой формы. А принципом построения пространства книги становится импровизация, т. е. живое рождение образа в процессе его создания художником и перелистывания страниц читателем, погружения его в ритмику знаков, что и объединяет книгу Матисса с одноименным музыкальным направлением. Этот важный для художника принцип построения образа отразился в смене первоначального названия. Издатель заказал Матиссу книгу под названием «Цирк», которая продолжила бы издательскую тему Териада, нашедшую свое воплощение и произведениях Ф. Леже и М. Шагала, однако в процессе работы название трансформировалось в «Джаз», что больше соответствовало принципам работы художника над этим его произведением.

Матисс в «Джазе» предложил совсем иной принцип художественного конструирования пространства книги, принцип свободного художественного творчества. Книга должна была передавать рождение и развитие художественной идеи через ритмику разворотов и динамику цветовых форм. Впервые в книжной практике художник воспользовался техникой свободной пластики изображения, «рисованием в цвете», как он сам это называл. Териад называл этот свой проект «книгой о цвете», а многие исследователи, в том числе М. Башмаков и М. Балан, справедливо отмечают, что проект получился «книгой о цвете и форме»¹.

Вернемся к самой сути эксперимента, который осуществил Матисс в «Джазе». В этой книге впервые была использована техника декупажа — вырезания из специально окрашенной по указаниям художника бумаги. Декупаж является разновидностью коллажа, который активно используется многими авторами *artist's book*. Декупаж, надо сказать, встречается не столь часто, как более привычные варианты коллажей. В *livre d'artiste* этого до Матисса не было. Для художника было важно не только использовать эту технику, которая впоследствии заменила ему живопись, в книге. Ему хотелось отобразить свободное конструирование пространства, закрепить рукотворность образов и в каком-то смысле их неповторимость. Если бы Матисс делал «книгу художника», он бы вероятнее всего сделал уникат, где все, от замысла до воплощения, было бы в полной мере осуществлено им самим. Но в *livre d'artiste*, как издательском проекте, присутствует необходимость повторения, тираж, хоть и небольшой. Это привело в дальнейшем к сложностям с воспроизведением листов оригинала, которые повторялись с помощью пошуаров, выполненных Эдмоном Верелем и, естественно, немного отличавшихся от оригинала. Правда, в конечном итоге художник согласился с таким решением, отмечая, что цвета переданы достаточно точно, а это одно из главных выразительных средств его книги.

В декупаже для Матисса особенно важна была возможность свободного вырезания и комбинирования элементов непосредственно в книге. Для этого вырезанные элементы прикреплялись булавками и перемещались до тех пор, пока художник не находил идеального композиционного решения. Этот подход к формированию композиции разворота принципиально отличается

от традиционно используемых в книге графических тиражных техник. Здесь художник свободно реагирует на «дыхание» книжных листов, фиксируя творческий акт. Декупажи позволили художнику создать особую игру плоскостности и глубины страницы.

Многие развороты, например «Метатель ножей», первоначально воспринимаются как декоративные объекты. Но, будучи помещенными в книгу, они притягивают к себе зрителя, заставляя его вглядываться, вникать, погружаться в суть композиции. Этот процесс характерен для общения с современными произведениями искусства и, одновременно, он во многом аналогичен чтению, когда смысл раскрывается перед читателем постепенно, линейно, в процессе вчитывания.

Принцип свободного конструирования книги логично привел к тому, что художник написал и свой текст, который не вполне связан с изобразительным рядом, но раскрывает интенцию, внутренний посыл образов, выразившиеся в цветовых формах. «Джаз» максимально приближается к художественному произведению в том смысле, что здесь фиксируются образы, которые идут изнутри сознания мастера, а не следуют за текстом как содержательной формой. Имеются комментарии Матисса, в которых он говорит о том, что композиции навеяны и цирком, и сказками, и путешествиями, они не связаны между собой, но, объединенные в книгу, они становятся целостным произведением.

Текст написан от руки, авторским почерком. Что касается почерка, то в книге это особый графический объект, сознательно выстраиваемый художником. Это не реальный почерк художника, которым он писал обычно в жизни, это каллиграфия, подбор графики рукописных строк к общей художественной концепции книги. Почерк, так же как и другие элементы, «работает» на создание определенного ритма, когда слова то растягиваются, то набегают одно на другое. При этом рукописность дополняет ощущение реально разворачивающегося на наших глазах творческого акта. Этому способствует общая стилистика художественного языка, созданного художником в этом произведении, что и позволяет соединить несколько тем в единый образ.

К тому же Матисс, прекрасно чувствовавший книгу как целостный организм, заложил в процесс формирования художественного образа особую ритмику, переданную через чередование страниц. Черно-белые страницы, наполненные рукописным текстом, чередуются с цветными листами и разворотами. Два черно-белых листа, один цветной, четыре черно-белых листа, один цветной разворот. За этим чередованием слышится особая музыка книги. В этом случае уместно было бы вновь обратиться к аналогии с джазом, когда импровизация каждого из музыкантов на заданную тему завершается общим звучанием.

Обратимся теперь к примерам того, как современные авторы *artist's book* экспериментируют с книгой. Еще раз отметим, что в данной работе мы оставляем за рамками книгу-объект и сосредоточим свое внимание на тех произведениях, в которых сохраняются не только идея книги, но и ее формообразующие элементы. Если в *livre d'artiste* художник в каком-то смысле «застрахован» книжной традицией, то в *artist's book* он находится в состоянии постоянного поиска, экспериментируя со всеми возможными художественными средствами рассчитывая, в итоге, на законченный результат.

Остановимся на проекте известного петербургского художника Алексея Парыгина «Искусство — это бизнес, бизнес — это искусство», над которым художник работал начиная с 2000 г. и продолжает работу до сегодняшнего дня. В эту работу включаются, помимо объектов, крупномасштабные панно, звуковые инсталляции, графика и книжная составляющая. Это становится новым принципом — книга как элемент художественной системы, носитель

определенной идеи, в том числе и художественной, и одно из ее выразительных средств. В данном случае мы имеем дело с включением концепта как элемента художественной практики в книгу, несущую в себе не только многовековую традицию, но и особый метафизический смысл. В результате получается своего рода книжный перфоманс.

В рамках проекта «Искусство — это бизнес, бизнес — это искусство» художник уже устраивал перфоманс в выставочном зале «Манеж» (январь 2001 г.), в процессе которого два человека, на два голоса, высокий женский и низкий мужской, нараспев повторяли общую концептуальную фразу, двигаясь навстречу друг другу. В первых книжных опытах проекта, которые относятся к 2001 г., А. Парыгин предлагает читателю самому осуществить аналогичное действие, перелистывая страницы и читая или созерцая помещенную на каждой странице фразу-концепт: «Искусство это бизнес. Бизнес это искусство». В этих своих произведениях художник сохраняет привычную форму книги и ее отдельные элементы, можно сказать всячески подчеркивает «книжность» произведения. Страницы, выходные данные, обложка — все это присутствует и тщательно проработано. Работая в традициях *artist's book*, художник делает все вручную, подкрашивая буквы, активно используя приклеюку, как бумажных элементов, так и натур-объектов.

Повторяя одну и ту же фразу, казалось бы, обесмысливая ее, художник предлагает нам своеобразный «образ чтения», когда понимание должно возникнуть в воспринимающем сознании, вне букв и страниц. Экспериментальной в данном случае становится сама идея, принцип закрепления содержания в книге. Здесь книга, несущая человеку смысл и знания, становится формой, содержащей в себе противоречивый и неразрешимый, порой до бессмысленности, концепт. Окончательный смысл, ответ на вопрос, если он вообще возможен, становится достоянием не автора, а читателя, что отсылает нас к классическому подходу в понимании процесса интерпретации текста. Однако в данном случае, встречаясь с одним и тем же текстом, читатель оказывается участником провокационной игры автора, который заставляет его, интерпретируя одну и ту же фразу, искать ответ на вопрос о смысле существования современного искусства в целом.

Продолжая свою работу над проектом, А. Парыгин создает в 2015 г. еще несколько книжных произведений — это «Solar System Art», «ИББИ», «Искусство это бизнес, Business is an Art». Это тоже книги, полностью, от макета до исполнения, сделанные художником. В этих работах он усиливает воздействие книги за счет варьирования пластических выразительных форм. Художник экспериментирует с заполненностью страниц текстом, то оставляя большое пространство белого листа, то, наоборот, заполняет текстом весь текстовый блок, оставляя только поля, представляя зрителю визуально привычный образ книжного разворота. При этом, как и в книгах 2001 г., он вводит цветовой набор, передает фразу не только на русском, но и на иностранных языках. При этом он использует готовые шрифты, предлагая нам своеобразные опыты типографики, как в свое время делали конструктивисты.

В книге «Solar System Art» фраза-концепт становится компонентом графических образов, ее смысловая нагрузка минимизируется, а декоративно-художественная — возрастает. Художник предлагает нам переход от содержания к знаку. При этом ему важно задать особую структуру разворотов и ритмику движения переворачиваемых листов, что достигается за счет заполненности листа разновесными графическими элементами. Художественный образ выстраивается через взаимодействие пустого и заполненного пространства. Художник предлагает нам различные композиционные решения, перемещая объекты до наиболее точного, в каждом случае, композиционного попадания.

Это напоминает опыты работы Матисса в «Джазе», только техника и задачи здесь, разумеется, иные.

Еще один интересный пример экспериментирования с книгой — работа Анастасии Зыкиной «Город Кривулина» (СПб., 2011 г.). Это — уникат весом в 10 кг. Действительно, художница использует здесь не самый типичный для книги носитель — латунь и традиционные для этого материала техники травления, а для текста часто используемую в «книге художника» шелкографию. Книжки на металле весьма редкое явление. Из известных автору статьи примеров можно привести «иорданские кодексы», относительно происхождения и исторической ценности которых у специалистов еще нет единого мнения. В своей работе А. Зыкина сохраняет форму книги, в данном случае книжгармошки. Автор подчеркивает книжность произведения: форма, страницы, которые «работают» как самостоятельная композиция и, разворачиваясь, выстраиваются в единый образный ряд. Отчетливо просматривается также передняя и задняя части обложки книги. Перед нами книга, но это уже очевидно не книга для чтения, хотя текст там присутствует, а визуальный объект, направленный на создание определенного художественного образа, атмосферы поэтики Виктора Кривулина.

Благодаря выбранной технике создается образ ускользающего, размытого в движении времени, пространства, населенного множеством образов, от музыкантов до странных и порой сомнительных обитателей метро, повседневно встречающихся в современной цивилизации каждому из нас. А. Зыкина передает своеобразную «дымку времени», наполняя свое произведение постмодернистским звучанием. И при этом страницы приближаются к фактуре бумаги, по ним хочется провести рукой и кажется, что почувствуешь не металл, а действительно привычную бумагу. Художнице удалось сделать практически невозможное — зрительно передать тактильное ощущение книжных страниц. Сплавляя металл и поэтическое слово, Зыкина создает своеобразный художественный памятник эпохи в ее поэтическом преломлении.

Проект «Неправильная книга», осуществленный в 2016 г., инициатором которого стал известный художник Григорий Кацнельсон, объединил еще трех молодых авторов: Екатерину Ефимик, Анну Зинштейн и Алексея Ворина. Художников ярких и самобытных объединили общие взгляды в отношении к книге. Этот проект развивает саму идею книги художника, ее основной посыл, связанный с неповторимостью вновь создаваемого артефакта. Действительно, идея, объединившая художников, состояла в том, чтобы вернуть последней дыхание живой жизни, живого организма, живущего по своим законам, не подчиняясь правилам производства. Эта идея напоминает о творческом посыле книжного творчества футуристов. Отсюда постулируемая рукотворность книжных артефактов. При этом как важное выразительное средство приветствуются разного рода «неточности» и «неправильности», которые не нужно убирать: нарушение размера листов, сдвиги в приклейке и т. п.

Особое значение в работах проекта уделяется авторскому почерку. Этот характерный для книги художника элемент художественного языка вновь оказывается в центре внимания. Однако в данном случае мы имеем дело с более широкой трактовкой этого понятия. Здесь это не только характерное для автора написание текста, это авторский подход к конструированию книги в целом, выбор и соразмерность ее конструктивных элементов. И это проявляется особенно наглядно в связи с тем, что в качестве исходных форм представленных в проекте книг используются заданные и вполне привычные: свиток, гармошка, куб. И это по-своему интересно.

Художники не просто используют ту или иную книжную форму, они стараются проникнуть в суть этой самой формы, отнестись к ней не формально,

а как к выразительному средству. В качестве иллюстрации этого «проникновения» приведем цитату одной из участниц проекта, Екатерины Ефимик, в которой она очень выразительно говорит о форме свитка: «Почему свитки? Потому что некоторые книги появляются в виде полотен, способных свернуться многослойно, сберегая нутро из прирученных слов, своенравных цветов, неприкаянных линий в слоях своей кожи»².

Авторы-участники проекта «Неправильная книга» стремятся к тому, чтобы вернуть книги особое дыхание, сделав ее в результате живой и притягательной. Рукотворность их произведений можно расценивать как символ живой жизни книги и слова, в нее заключенного. Они стремятся к созданию таких книг, которые хочется взять в руки и рассматривать, перелистывать страницы, углубляясь в их содержание.

Интересно, что такой импульс вновь возникает в тот момент, когда мы наблюдаем своеобразный «бум» «книги художника», рост интереса к этому направлению и у художников, и у зрителей, и у специалистов-исследователей. В этом, впрочем, проявляется характерное для «книги художника» свойство: стремление к постоянному творческому поиску, подход к каждому новому произведению, можно сказать, как к первому. Книге художника чужды закрепленные правила, здесь важно, чтобы художник искал и находил новый, подходящий именно для этой, конкретной, книги язык. Художник здесь остается подчеркнуто главным лицом, который творит вне зависимости от привычек публики, независимо от технических требований и издательских ограничений, ориентируясь, в первую очередь, на свое видение материала, пользуясь максимальной свободой творческого самовыражения. Именно *artist's book* дает такую возможность. В ручной книге сохраняется не просто идея, но, можно сказать, живое авторское дыхание.

«Книга художника» сегодня привлекает к себе все больше внимания, как со стороны творцов, так и со стороны зрителей и специалистов. Книга художника, по сути, экспериментальна. Здесь художник, работая со всеми составляющими классической книги, начиная от формы и заканчивая содержанием, создает новое пространства художественного смысла. Каждый элемент книги может быть подвергнут целенаправленному изменению, нацеленному на получение законченного результата: художественного произведения. А итогом становится более глубокое понимание неких сущностных составляющих, как искусства, так и вообще человеческого существования.

Примечания

¹ *Балан М. В., Башмаков М. И. Paroles peintes: Книги из собрания Марка Башмакова: [кат. выставки] / Государственный Эрмитаж. СПб., 2015. С. 282–283.*

² «Неправильная книга»: кат. выставки. СПб., 2015. С. 6 (рукопись).

О. Н. ФАХРУТДИНОВ,
А. А. ЕВМЕНОВА

Системный подход к проектированию электронного и печатного издания на примере выпускной квалификационной работы «Дизайн электронного журнала DOTS»

В статье рассматриваются системный подход к проектированию электронного периодического издания и его печатной версии на примере журнала об оптических иллюзиях и визуальном искусстве «DOTS».

Ключевые слова: электронное издание; электронный журнал; печатное издание; интерактивный журнал; мультимедиа технологии; дизайн; юзабилити; оптические иллюзии; визуальное искусство; системное проектирование; концепция; нейминг; модульная сетка; верстка.

O. N. FAKHRUTDINOV,
A. A. EVMENOVA

A systematic approach to the design of electronic and printed publications as an example of final qualifying work “electronic magazine design DOTS”

This article discusses a systematic approach to the design of electronic periodicals and printed version on example of the magazine DOTS which is dedicated to optical illusions and visual arts.

Keywords: electronic publication; electronic magazine; interactive magazine; print publication; multimedia technologies; design; usability; optical illusions; visual art; system design; the concept; naming; modular grid; typesetting.

Обучение дизайну средств массовой информации невозможно без учета современных издательских реалий. В эпоху бурного развития Интернета вопрос применения интерактивных, мультимедийных и онлайн-технологий в периодических изданиях становится очень актуальным. Проникновение электронных технологий в издательское дело настолько стремительно, что с каждым годом «колонизация» виртуального пространства будет только расти. Именно поэтому логично и дальновидно при проектировании печатного издания заблаговременно подумать и о его электронной версии. Ведь интерактивная версия журнала — это не только источник информации с большим потенциалом, но и средство массовой информации, которое поможет охватить большее количество людей благодаря своей доступности и малой цене.

Наше время можно считать переходным периодом, от бумажных журналов к электронным, подобно периоду перехода от свитка к кодексу. Этот процесс неизбежен, его скорость зависит от развития технологий нашей цивилизации. Хотя это не означает, что журнал как печатное издание исчезнет. Скорее всего, массовые издания рано или поздно прекратят существовать в том виде, к которому мы привыкли. На смену большим тиражам придут тиражи малые, эксклюзивно направленные на ценителей материальной культуры. Ведь электронное издание не передает натуральный запах бумаги и типографской краски, ее фактуру, шорох перелистываемых страниц, тактильные ощущения объема и веса журнального блока. Хотя новейшие разработки в области виртуальной

реальности уже настолько продвинулись вперед, что охватывают буквально все наши органы чувств. Со временем они будут проникать в мир материальный: еще вчера мы удивлялись возможностям графического планшета, а уже сегодня появляется информация о создании интерактивной или «умной» бумаги, способной реагировать на прикосновение, меняя рисунки, проигрывая звук и предоставляя полную свободу интерактивного взаимодействия¹.

На кафедре Графики Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна дипломное проектирование как логическая завершающая часть учебного процесса представляет собой системную работу над дизайном традиционных печатных изданий и их электронных версий. Основание и актуальность темы выстраиваются на фундаментальном теоретическом исследовании, направленном на поиск принципиально новых идей, путей и методов решения проблемы, на работе с аналогами, на прикладном исследовании практического использования данной работы. В исследование входят формирование образа и его воздействие на потребителя, изучение динамики времени (модификация спроса, потребления, моды и т. д.), изучение средового влияния, технологий и др. Только совокупность всех этих компонентов составляет аналитическую модель дизайна и является основой для целостного процесса разработки эстетико-художественной концепции такого сложного социально-культурного объекта, как журнал.

Целью дипломного проектирования является выявление и демонстрация профессиональных навыков выпускников кафедры, умение выполнять сложные объемные проекты в соответствии с приобретенными за время обучения специальными знаниями. Для этого подбираются темы выпускных квалификационных работ, максимально раскрывающие художественную и технологическую часть проблемы, наполняющие работу студента необходимым аналитическим содержанием.

Такой темой стало создание журнала об оптических иллюзиях и визуальных эффектах DOTS (выпускная квалификационная работа студента кафедры Графики Игоря Ерешко; руководитель — О. Н. Фахрутдинов). Журнал охватывает область визуального искусства, не только актуальную для профессионалов, но интересную и широкому кругу читателей, и самому автору работы. Созданию журнала предшествовала большая аналитическая работа. Предстояло подобрать материалы по теме, найти действительно актуальные статьи, интересные широкой целевой аудитории.

Определились три направления для поиска содержания журнала:

1. Оптические иллюзии как явление, искажающее наше зрительное восприятие окружающего мира.
2. Визуальные эффекты как средства достижения воздействия в искусстве и дизайне.
3. Психологические аспекты восприятия визуальных эффектов.

Далее разработан рубрикатор, определивший основную структуру издания. Журнал разделили на 5 рубрик: *1D*, *2D*, *3D*, *4D*, *5D*.

Английская буква «D», с одной стороны, означает dimension, что на русский язык переводится как «измерение», с другой, аббревиатуру можно расшифровывать как *dot* — точка. Точка в пространстве, формирующая пространственную модель, а следовательно, и модель нашего восприятия.

Размещение рубрик *1D*, *2D*, *3D* (рис. 5, 6) характеризуется возможностью передачи визуальных эффектов непосредственно в печатном издании. Так, например, *3D*-эффект вполне можно представить при помощи специально подготовленного изображения и анаглифических очков, которые вкладываются в журнал. Анаглиф — это метод, при котором стереоэффект получается путем наложения двух одинаковых картинок друг на друга, на бумаге или на экране

с небольшим смещением. Две картинki различаются по цвету, одна красная, другая синяя, такого же цвета линзы у анаглифических очков. Надевая 3D-очки, мы видим четкое объемное изображение, а если будем смотреть без них, то оно будет размытым и нечетким.

Рубрики 4D, 5D (рис. 7, 8) выделены в отдельное электронное издание — мультимедийное приложение, где появляются дополнительные возможности для передачи эффектов — анимация и звук. Причем рубрика 5D несет в себе интерактивный функционал — различные тестовые и развлекательные игры, дополняющие основную тематику журнала.

Работа над названием журнала и его графическим образом велась с учетом результатов опроса основной целевой аудитории. Были предложены различные методики поиска от матричных моделей до мозгового штурма и вербального анализа. Результатом поиска стали два рабочих названия — *Parallax* и *Dots*. Работа фокус-группы, графический и вербальный анализы показали, что второе название более подходит для данного издания и раскрывает его концепцию. Отмечалась краткость, лаконичность даже некоторая хлесткость этого варианта. У фокус-группы название ассоциировалось с актуальным, современным изданием. Однако есть и недостаток — отмечены частые случаи ассоциаций с компьютерной игрой *Dota*.

Графическое начертание слова *Dots* содержит большой потенциал для создания динамичного логотипа. Благодаря гротеску удалось стилизовать букву *O* под визуальный эффект и применить gif-анимацию для электронной версии журнала (рис. 1). Такой логотип несет в себе графический образ идеи издания, раскрывает основную концепцию подачи контента.

Логотип журнала контрастирует с белым фоном и собран в один блок с подстрочником и сквозным номером. Это дает возможность графически отделить его от фонового рисунка обложки. Сочетание минимальной цветовой гаммы (желтый, черный и белый) делает контрастными все элементы композиции (рис. 2).

Для оформления данного издания были выбраны шрифты, позволяющие сочетать в себе достоинства обоих алфавитов и раскрывающие наиболее красочно возможности типографики: кегль основного набора — 11 pt, интерлиньяж — 10 pt; *OfficinaSerifMediumC* для русскоязычных текстов; *Pt sans* для английских текстов; *Pf din text comp pro* для подзаголовков на обоих языках.

Модульная сетка основана на двух колонках. Это оптимально подойдет для верстки статей на двух языках. Специально предусмотренное пространство у полей журнала, равное половине колонки, отведено для комментариев, сносок и подписей. Колонцифры, жестко зафиксированные по краям полосы, призваны удерживать зеркало набора, придавая конструкции основательность и надежность. Навигация снизу и сверху страниц позволяет легко ориентироваться в рубриках издания (рис. 3).

Электронный журнал является продолжением бумажной версии издания и ориентирован на мониторы диагональю от 20 дюймов, поэтому модульная сетка, схема верстки и шрифтовое оформление практически не претерпели изменений. Обложки также идентичны. Отличие состоит в добавлении видеоконтента, звуковых эффектов, музыкального сопровождения, элементов игры и интерактивности, ссылок на ресурсы. В остальном, номер представляет собой документ, имитирующий печатную версию, так как по смысловой нагрузке оба вида изданий связаны между собой.

Графическое оформление журнала *DOTS* является не готовым рецептом того, как может выглядеть журнал, синтезирующий в себе современные технологии производства и выпуска периодических изданий, а лишь одним из возможных решений этой творческой задачи, весьма перспективным по своей сути. Проект представляет собой тесную связь электронной и бумажной

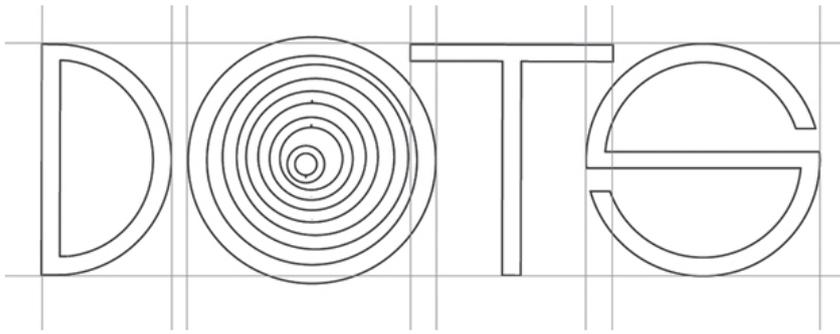

Рис. 1. Построение логотипа журнала DOTS

Рис. 2. Обложка журнала DOTS

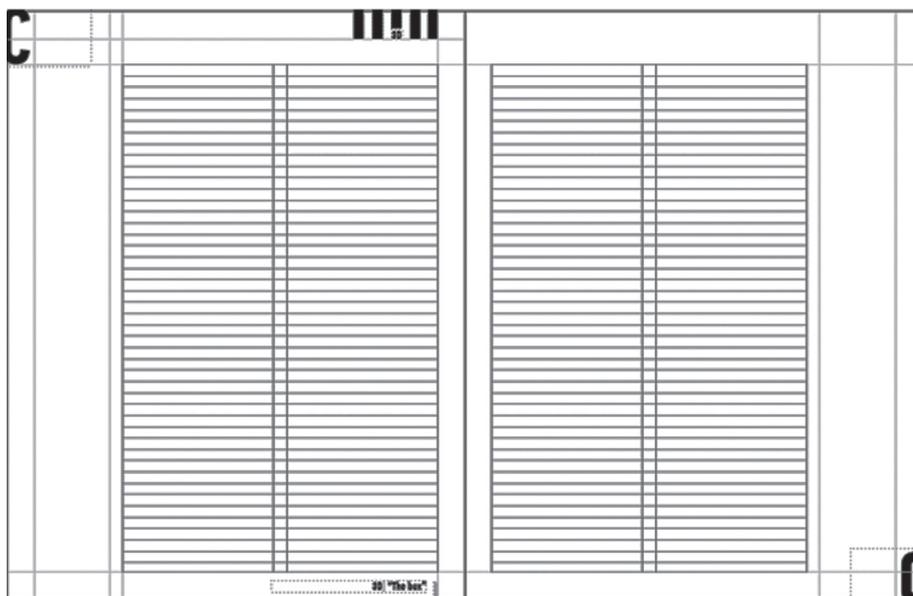

Рис. 3. Модульная сетка журнала DOTS

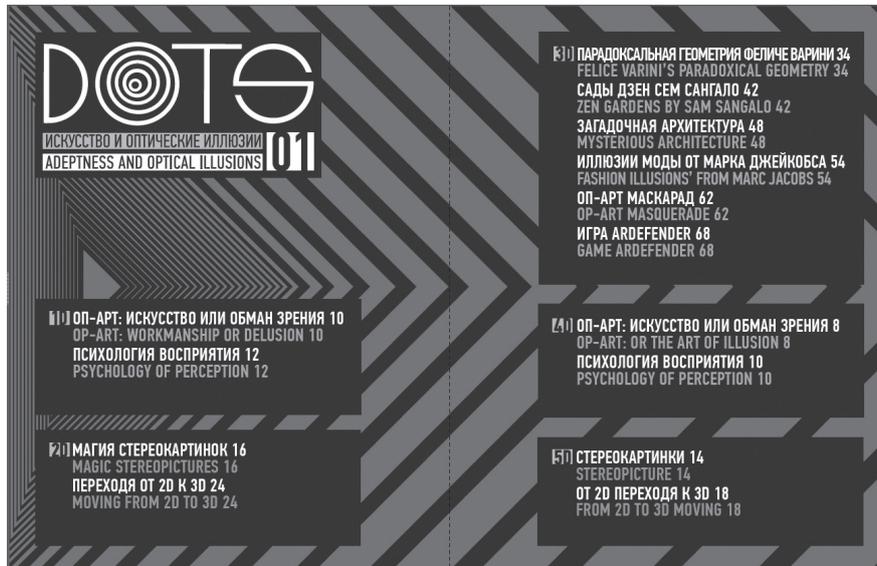

Рис. 4. Разворот «Содержание» журнала DOTS

Рис. 5. Разворот статьи рубрики 2D журнала DOTS

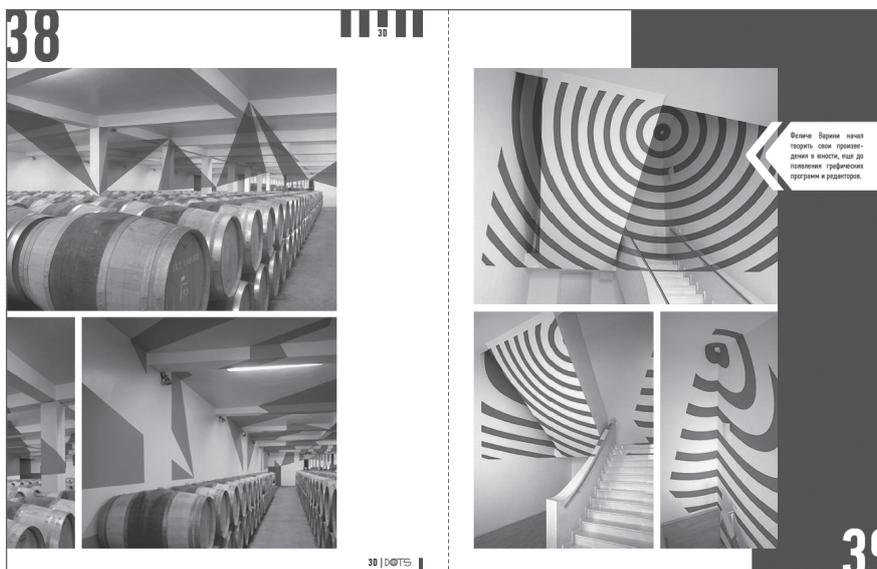

Рис. 6. Разворот статьи рубрики 3D интерактивного журнала DOTS

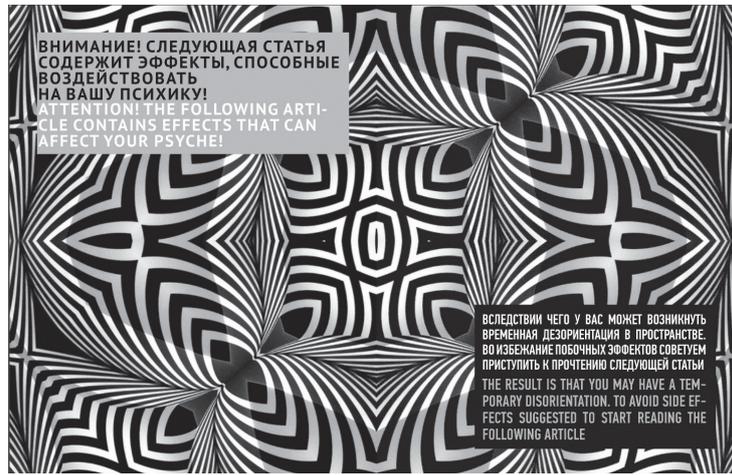

Рис. 7. Разворот статьи рубрики 4D интерактивного журнала DOTS

Рис. 8. Разворот статьи рубрики 5D интерактивного журнала DOTS

версии журнала, с общей стилистикой и компоновкой полосы набора. Это обеспечивает основную концепцию распространения номера, в которой электронный журнал является логическим продолжением бумажного издания. Подобное решение обусловлено положением дел в медиаиндустрии. Технический прогресс предоставляет нам новые возможности в реализации творческих идей, в то же время, по многим причинам сегодня не возможно полностью отказаться от выпуска традиционной печатной версии издания, как материального носителя информации.

Проект журнала DOTS определил новые задачи в обучении студентов, выявил актуальность внедрения новых технологий в процесс создания периодического издания, открыл новые горизонты для развития перспективных направлений в области дизайна СМИ, раскрыл творческий потенциал студента, показал его профессиональную компетенцию.

Основная задача проекта как учебного задания была с успехом выполнена. В 2014 г. журнал DOTS получил высокую оценку выпускной квалификационной комиссии. Дальнейший путь проекта от концепции до полноценного издания, его развитие и внедрение в структуру СМИ требует серьезной дополнительной работы с учетом реалий современного издательского дела.

Примечания

¹ Популярная механика: электрон. журн. URL: <http://www.popmech.ru/technologies/6703-interaktivnaya-bumaga-zhivoe-chtenie>.

Межкультурные коммуникации

В. А. ЯМШАНОВА

Быть или иметь? (на материале немецких пословиц и их русских эквивалентов)

В статье рассматриваются немецкие пословицы с глаголами *haben* и *sein*, а также их русские эквиваленты с глаголами *иметь* и *быть*. Исследуются их синтактико-семантические свойства, а также культурологические особенности оформляемых этими пословицами структур со значениями обладания и бытия.

Ключевые слова: пословица; иметь-язык; быть-язык; обладание; бытие; тождество; культурология.

V. A. YAMSHANOVA

To be or to have? (as exemplified in German adages and their Russian equivalents)

The article contemplates on the German adages containing verbs *haben* and *sein* as well as their Russian equivalents carrying Russian verbs meaning *to have* and *to be*. Their syntactic and semantic features are examined in line with culturological peculiarities of the structures modeled by the proverbs with meaning of possession and beingness.

Keywords: proverb; adage; H-language (to-have-language); E-language (to be-language); possession; beingness (existence); identity; culturology.

Различия в выражении универсальной понятийной категории посессивности (принадлежности, обладания) в разных языках отразились в различении так называемых «иметь-языков» (или Н-языков, от лат. *habere* — *обладать*) и «быть-языков» (или Е-языков, от лат. *essere* — *быть*)¹. Исторически известные нам языки выражали посессивные отношения с глаголом *быть*, а глагол *иметь* появился позднее даже в пределах индоевропейской семьи языков². Во многих современных языках глагол *иметь* отсутствует и сегодня. Пример победы «иметь-конструкции» над «быть-конструкцией» представляет латинский язык, имевший оба типа синтаксических структур — с глаголом *быть* и с глаголом *иметь*. Все языки — потомки латинского (например, французский, итальянский, испанский, португальский) — стали «иметь-языками».

Посессивные отношения, отношения обладания, по-разному представлены в синтаксических «иметь-конструкциях» и «быть-конструкциях». В первых «обладатель» выступает как субъект обладания и занимает позицию подлежащего: *Я имею деньги*. Во вторых как субъект осмысляется объект обладания, «обладатель» же обозначается в разных языках по-разному — обычно предложной конструкцией или периферийным падежом, нечто вроде: *У меня есть деньги*, *На мне деньги есть*, *За мной деньги есть* и даже *Мои деньги есть*³.

В настоящее время немецкий язык, как и все западноевропейские языки, относится к семье «иметь-языков», а русский, в отличие от многих славянских языков, включая украинский и белорусский, является «быть-языком». Соответственно, различно в них и выражение обладания: в немецком языке — через глагол *haben* (*иметь*), а в русском — через глагол *быть*: *Er hat eine Familie* — *У него есть семья*; *Ich hatte Geld* — *У меня были деньги*.

Представляет интерес, в какой степени эта закономерность проявляется не только в современном употреблении названных глаголов в обоих языках,

но и в языковом материале, имеющем достаточно продолжительную историю существования, — в немецких пословицах и их русских эквивалентах. Особенно показательными в связи с этим представляются случаи одинакового лексического оформления немецких и русских пословиц.

Немецкие пословицы с глаголом *haben* и их русские эквиваленты с одинаковым лексическим составом

Выявлена закономерность синтаксического оформления немецких пословиц с глаголом *haben* и их русских эквивалентов с тем же лексическим составом. Немецким пословицам, построенным по модели «X hat Y», регулярно соответствуют русские эквиваленты, построенные по модели «у X есть Y»: *Lügen haben kurze Beine* — *У лжи короткие ноги*; *Die Furcht hat tausend Augen* — *У страха глаза велики* (букв.: *Страх имеет тысячу глаз*); *Jede Münze hat zwei Seiten* — *У каждой медали две стороны*; *Wände haben Ohren, Fenster Augen* — *У стен есть уши, у окон — глаза*; *Arme haben Kinder, Reiche haben Rinder* — *У богатого телята, а у бедного ребята*; *Was man nicht im Kopf hat, muss man in den Beinen haben* — *Дурная голова ногам покою не дает* (букв.: *Чего нет в голове, то нужно (приходится) иметь в ногах*). В выборке зафиксирован лишь один случай употребления в русском языке не предлога «у», а другого предлога: *Jedes Warum hat sein Darum* — *На каждое «почему» есть свое «потому»*.

В пословицах с глаголом *haben* существительные, занимающие позицию подлежащего, обозначают активного «обладателя», а глагол *haben* «с точки зрения синтаксиса приравнивает обладание к активному действию»⁴ — такому же, как, например, *брать*, *класть*, *держат* или *нести*. Это проявляется, в частности, в нередком синонимичном употреблении в пословицах этих глаголов: *Der Schuster hat (или: trägt) die schlechtesten Schuhe* — *Сапожник без сапог* (букв.: *Сапожник имеет (или: носит) самые плохие сапоги*).

Семантические отношения между элементами X и Y в большей части немецких пословиц с глаголом *haben* строятся по типу «целое — его часть»: *Böse Kühe haben krumme Hörner* — *Бодливой корове бог рог не дает* (букв.: *Бодливые коровы имеют кривые рога*); *Nicht alle Esel haben vier Beine* — *Не у всех ослов четыре ноги*; или шире — отношения принадлежности, т. е. вхождения в состав чего-либо, отличительной черты, неотъемлемой особенности, постоянного свойства кого-либо или чего-либо⁵: *Wer das Feuer haben will, muss den Rauch leiden* — *Любишь тепло, терпи и дым* (букв.: *Тот, кто хочет иметь огонь, должен терпеть дым*).

В русских эквивалентах пословиц с глаголом *haben*, построенных по модели «у X есть Y», смысл обладания выражен иначе. На передний план выступает существование (бытие) той отличительной черты, неотъемлемой особенности (Y) «обладателя», на которую следует обратить внимание. Обозначение признака занимает позицию подлежащего, а то, к чему или к кому относится этот признак, выражается в конструкции с локативным значением (у X), в обозначении как бы «хранилища» для этого признака: *У каждой медали две стороны*; *У стен есть уши*; *У богатого телята, а у бедного ребята*; *У страха глаза велики*.

Глаголы *haben/иметь* и *sein/быть* в немецких и русских пословицах

Русских и немецких пословиц, совпадающих по лексике, сравнительно немного. Подавляющее большинство пословиц в обоих языках, выражающих аналогичные идеи, построены на основе разных образов: *Der Esel und die Nachtigall haben beide ungleichen Schall* — *Гусь свинье не товарищ* (букв.: *Осел и соловей издают (имеют) разные звуки*); *Wo Frösche sind, da sind auch Störche* — *На то и щука в море, чтобы карась не дремал* (букв.: *Где лягушки,*

там и аисты); Kein Haus ohne Maus — *В семье не без урода* (букв.: *Нет дома без мышей*).

Соотношение пословиц с глаголами *haben/иметь* и *sein/быть* в немецком и русском языках различно. В русском языке пословиц с глаголом *иметь* — единицы, например: *Что имеем — не храним, потерявши — плачем; Всех слушай, а свой ум имей; Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. Основная масса русских пословиц с посессивной семантикой образуется с глаголом *быть*, форма настоящего времени которого (*есть*) обычно опускается: *И на старуху бывает проруха; Будет охота — заладится любая работа; Каков поп, таков и приход; Нет дыма без огня; Простота хуже воровства; Худой мир лучше доброй ссоры; Глаза — зеркало души; Бесплатный сыр только в мышеловке*.

Наше исследование показало, что ни один из приблизительных русских эквивалентов немецких пословиц с глаголом *haben*, не имеющих буквального повторения лексических единиц, не содержит глагола *иметь*; ср., например: Jedes Tierchen hat sein Pläsierchen — *У всякой пташки свои замашки; Всяк молодец на свой образец; Glück im Unglück haben — Не было бы счастья, да несчастье помогло; Jedes Häuslein hat sein Kreuzlein — В каждой избушке свои погремушки* (букв.: *Каждый домик имеет свой крестик*); Die Raben müssen einen Geier haben — *На то и щука в море, чтобы карась не дремал* (букв.: *Вороны должны иметь коршуна*).

Однако и глагол *быть* употребляется в русских эквивалентах не всегда; часто русские эквиваленты немецких пословиц с глаголом *haben* передают аналогичные смыслы другими средствами, в том числе глаголами иной семантики: Die Gesunden und Kranken haben ungleiche Gedanken — *Сытый голодного не разумеет* (букв.: *Здоровые и больные имеют разные мысли*); Die dümmsten Bauern haben die größten Kartoffeln — *Дуракам везет* (букв.: *Самые глупые крестьяне имеют самый крупный картофель*); Wenn die Herren sich zanken, haben die Schafe freies Spiel — *Когда паны дерутся, у холопов чубы трещат* (букв.: *Когда хозяева ссорятся, овцы разбегаются*); Habe Rat vor der Tat! — *После драки кулаками не машут* (букв.: *Перед делом посоветуйся* (букв.: *имей совет*!)); Wer die Wahl hat, hat die Qual — *Кому выбирать, тому и голову ломать*; Junges Blut hat Mut — *Молодость не ведает страха*; Geschehene Dinge haben keine Umkehr — *Что было, того не воротить*.

Структурные и семантические особенности пословиц с глаголами *haben* и *sein*

В отличие от русского языка, в котором явно преобладают пословицы с глаголом *быть*, в немецком языке представлены пословицы как с глаголом *быть* (*sein*), так и с глаголом *иметь* (*haben*). Поэтому представляет интерес выявление синтактико-семантического и количественного своеобразия немецких пословиц обоих типов.

И пословицы с глаголом *haben*, и пословицы с глаголом *sein* построены в основном по трехчленной модели: «X hat Y» и «X ist Y», где X и Y могут выражаться как именами существительными (или замещающими их местоимениями): Jeder Tag hat seine Plag' — *День на день не приходится* (букв.: *Каждый день имеет свои заботы (хлопоты)*); Kinder sind Geschenk Gottes — *Дети — Божий дар*, так и целыми предложениями: Wer nichts hat, dem kann man nichts nehmen — *У кого ничего нет, с того нечего взять*; Man muss die Menschen nehmen, wie sie sind — *Нужно принимать людей такими, какие они есть*.

Элементы X и Y в структурах, построенных по модели «X hat Y», в большинстве случаев замещены лексемами с предметным значением — обозначениями предметов, лиц, животных: Auch Kinder haben Ohren — *У детей*

тоже есть уши; Kühe fremder Leute haben immer größere Euter — В чужих руках ломоть велик, а как нам достанется, мал покажется (букв.: У чужих коров вымя всегда больше); *Der eine hat die Mühe, der andere hat die Brühe — Один с сошкой, семеро с ложкой* (букв.: Один трудится, а другой имеет похлебку); *Man müsste viel Brei haben, allen Leuten den Mund zu verstopfen — На чужой роток не накинешь платок* (букв.: Потребовалось бы много каши, чтобы заткнуть рот всем людям). Передаваемые такими пословицами смыслы касаются обладания или овладения материальным миром — вещами, имуществом, богатством и даже людьми.

Одна из естественных характеристик материального мира — количественная. Закономерно обилие количественных показателей в конструкциях со значением обладания, среди которых пословицы, выражающие желание иметь как можно больше, превалируют: *Je mehr man hat, je mehr man braucht — Чем больше имеешь, тем больше хочется*; *Hast du viel, so brauchst du mehr — Всегда хочется иметь больше*; *Spare was, so hast du was — Храни, что имеешь*; *Wer viel hat, hat selten genug — Кто имеет многое, редко считает это достаточным*. Одновременно эти пословицы указывают на то, что погоня за количеством делает самого человека зависимым от материальных благ, превращая его из субъекта в объект обладания. В конечном счете ценность человека определяется тем, сколько он имеет: *Jeder gilt, soviel er hat — Каждый стоит (значит) столько, сколько он имеет*.

Элементы X и Y в структурах, построенных по модели «X ist Y», в большинстве случаев замещены лексикой, имеющей отношение к человеку. Причем речь идет не просто об обозначении самого человека, как в модели «X hat Y», а о назывании его действий, свойств, качеств, продуктов эмоциональной и интеллектуальной деятельности: *Geheime Wohltaten sind die besten — Тайные дары* (букв.: *благдеяния*) — *самые лучшие*; *Fröhlichkeit und Mäßigkeit sind die besten Ärzte — Веселость и умеренность — лучшие врачи*; *Worte können tödliche Waffen sein — Словом можно убить* (букв.: *Слова могут быть смертельным оружием*); *Gute Worte und harte Strafen sind die beste Zucht — Воспитание кнутом и пряником* (букв.: *Добрые слова и суровые наказания — лучшее воспитание*); *Anderer Fehler sind gute Lehrer — Чужие ошибки — хорошие учителя*. В отличие от модели «X hat Y», модель «X ist Y» можно назвать антропоцентрической.

Наиболее частотная семантическая модель, структурно выражаемая моделью «X ist Y», — тождество, независимо от того, стоят ли в позиции X и Y существительные, глагольные формы или целые предложения: *Die Letzten werden die Ersten sein! — Последние будут первыми!*; *Mann und Weib sind ein Leib — Муж и жена — одна сатана* (букв.: *Муж и жена одна плоть*); *Gewesen ist gewesen — Что было, то было*; *Wie ich bin, so ist mein Sinn — Каков я, таковы и мои убеждения*; *Wo einer nicht gern ist, da bleibt er nicht lange — Там, где кому-то не нравится, он надолго не останется*; *Wer überall sein will, ist nirgends — Кто хочет быть везде, тот нигде*. Форма тождества максимально удобна для выражения в краткой форме сентенции, утверждающей определенное умозаключение, часто имеющее нравоучительный смысл.

Еще одна продуктивная модель бытия, распространенная как в немецких, так и в русских пословицах, — модель «X ist besser als Y» / «X лучше, чем Y»: *Besser Sein als Schein — Лучше быть, чем казаться*; *Besser haben als hoffen — Лучше синица в руках, чем журавль в небе* (букв.: *Лучше иметь, чем надеяться иметь*). В русском языке список пословиц, построенных по этой модели, особенно велик, например: *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*; *Лучше поздно, чем никогда*; *Худой мир лучше доброй ссоры*; *Лучше свое старое, чем*

чужое новое; Доброе сердце лучше пригожества; Одно нынче лучше двух завтра; Смерть лучше бесчестья; Лучшее враг хорошего и т. п.

Пословицы с глаголами *haben/иметь* и *sein/быть* в культурологическом аспекте

В ходе исследования выявлено разное количественное распределение пословиц с глаголами *haben/иметь* и *sein/быть* в русском и немецком языках. Если среди русских пословиц явно преобладают пословицы с глаголом *быть*, что полностью соответствует статусу русского языка как «быть-языка», то в рамках немецких пословиц выявлена определенная пропорция в употреблении в них глаголов *haben (иметь)* и *sein (быть)*: 60:40. Возможно, немецкие пословицы отражают тот длинный «переходный период», в ходе которого язык движется от «быть-состояния» к «иметь-состоянию».

С точки зрения Э. Фромма подобные языковые различия отражают более фундаментальные категории — способ осмысления действительности носителями данного языка и способ их существования — в опоре на обладание или на бытие.

На первый взгляд кажется, что «альтернатива „обладание или бытие“ противоречит здравому смыслу. Обладание представляется нормальной функцией нашей жизни: чтобы жить, мы должны обладать вещами. Более того, мы должны обладать вещами, чтобы получать от них удовольствие. Да и как может возникнуть такая альтернатива в обществе, высшей целью которого является иметь — и иметь как можно больше — и в котором один человек может сказать о другом: „Он стоит миллион долларов“? При таком положении вещей, напротив, кажется, что сущность бытия заключается именно в обладании, что человек — ничто, если он ничего не имеет»⁶. Именно такое представление фиксируется пословицами: *Jeder gilt, soviel er hat — Каждый стоит (значит) столько, сколько он имеет*; *Hast du was, so bist du was — Если ты чем-то обладаешь, то ты и что-то значишь*.

Природа обладания вытекает из природы частной собственности. «При таком способе существования самое важное — это приобретение собственности и мое неограниченное право сохранять все, что я приобрел. Принцип обладания, то есть установка на собственность и прибыль, неизбежно порождает стремление к власти — фактически потребность в ней. Чтобы управлять людьми, мы нуждаемся во власти для преодоления их сопротивления. Чтобы установить контроль над частной собственностью, нам необходима власть, ведь нужно защищать эту собственность от тех, кто стремится отнять ее у нас, ибо они, как и мы сами, никогда не могут довольствоваться тем, что имеют; стремление обладать частной собственностью порождает стремление применять насилие для того, чтобы тайно или явно грабить других»⁷.

В качестве следующей ступени обладания Э. Фромм рассматривает потребление, когда акцент переносится не на сохранение приобретенного, а на сам процесс потребления: «сегодня человек покупает, чтобы в скором времени выбросить покупку». Приобретение — временное обладание и пользование — выбрасывание (или, если возможно, выгодный обмен на лучшую модель) — новое приобретение — таков «порочный круг потребительского приобретения»⁸.

Поскольку общество, в котором мы живем, подчинено приобретению собственности и извлечению прибыли, мы редко можем встретить какие-либо свидетельства такого способа существования, как бытие. «В связи с этим многие считают обладание наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым для человека образом жизни». Однако, хотя биологическая потребность в самосохранении приводит к тому, что принцип обладания гораздо чаще берет верх, «оба способа существования — и

обладание, и бытие суть потенциальные возможности человеческой природы», и «эгоизм и леность — не единственные внутренне присущие человеку качества. Нам, людям, присуще глубоко укоренившееся желание быть: реализовать свои способности, быть активными, общаться с другими людьми, вырваться из тюрьмы своего одиночества и эгоизма»⁹.

Анализируя тексты Библии, Э. Фромм приходит к выводу, что «одна из основных тем Ветхого Завета — оставь то, что имеешь, освободись от всех пут: будь!», а в Новом Завете идеи протеста против собственнической структуры существования носят даже более радикальный характер, чем в Ветхом. Центральным постулатом здесь является то, что люди должны избавиться от алчности и жажды наживы и полностью освободиться от структуры обладания и, напротив, что «позитивные этические нормы коренятся в этике бытия, общности и солидарности»¹⁰.

«Модус бытия имеет в качестве своих предпосылок независимость, свободу и наличие критического разума. Его основная характерная черта — это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивного использования своих человеческих потенциалов. Быть активным — значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми — хотя и в разной степени — наделен каждый человек. Это значит обновляться, расти, изливаться, любить, вырваться из стен своего изолированного „я“, испытывать глубокий интерес, страстно стремиться к чему-либо, отдавать»¹¹.

Пословицы, построенные по модели бытия «X ist Y», это максимально удобная лаконичная форма передачи сложного содержания, базирующегося на народной мудрости и выполняющего функцию призыва к «внутренней активности», к «продуктивному использованию своих человеческих потенциалов». В них постоянно звучит призыв — теперь уже современному человеку — «будь!»

В структурах с модальными глаголами рекомендации оформлены как явные нравоучения: *Man muss die Menschen nehmen, wie sie sind* — *Нужно принимать людей такими, какие они есть!*; *Man kann (muss) nicht alles haben* — *Нельзя иметь все!* Модель «X ist besser als Y» / «X лучше, чем Y» в эксплицитном виде дает рекомендацию «делай так, а не иначе!», прямо называя и осуждаемый негативный вариант поведения: *Viel wissen ist besser als viel haben* — *Много знать лучше, чем много иметь!*; *Lieber sein als scheinen* — *Лучше быть, чем казаться!*; *Lieber nicht versprechen, als nicht halten* — *Лучше не обещать, чем слово не сдержать!*; *Lieber ein kleiner Mann sein, als ein großer Narr sein* — *Лучше умный упрёк, чем глупая похвала*. Во многих тождествах рекомендации содержатся имплицитно: *Dankbar sein bricht kein Bein* — *Будь благодарен!*; *Fröhlichkeit und Mäßigkeit sind die besten Ärzte* — *Будь веселым и умеренным!*; *Geheime Wohltaten sind die besten* — *Совершай благодеяния втайне!*; *Anderer Fehler sind gute Lehrer* — *Учись на чужих ошибках!*; *Träume sind Schäume* — *Не доверяйся мечтам!*; *Lehrjahre sind keine Herrenjahre* — *Не рассчитывай на благоденствие в годы ученичества!*

Пословицы с глаголами *haben* и *sein* занимают важное место в кругу немецких пословиц. Это связано не только с центральным положением самих глаголов *haben* и *sein* в системе немецких глаголов вследствие их особых синтаксических функций, но и с огромной семантической потенциальностью этих глаголов. Они выражают две основные идеи, владеющие умами людей на протяжении многих столетий, причем в их противопоставлении: что важнее — иметь или быть?

Разные люди и целые общества в разные времена по-разному отвечают на этот вопрос. При этом ни одна из этих двух идей не пропадает совсем.

Изменяется лишь их соотношение в модели мира. Наше исследование показало, что в русских и немецких пословицах закрепились разные модели мира. Если русские пословицы в основном призывают «быть!», то немецкие пословицы отдают предпочтение модели обладания, хотя модель бытия в них также присутствует.

Примечания

¹ *Журинская М. А.* Поссесивность. // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд, доп. М., 2002. С. 388—389.

² *Бенвенист Э.* Общая лингвистика [Электрон. ресурс]. М., 1974. Гл. XVII: Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. URL: <http://www.classes.ru/grammar/167.Benvenist-common-linguistics/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения 15.05.2016).

³ *Плунгян В. А.* Почему языки такие разные. Популярная лингвистика [Электрон. ресурс]. М., 2010. Гл. 7. URL: <http://scisne.net/a-1241> (дата обращения 14.05.2016).

⁴ Там же.

⁵ *Бенвенист Э.* Указ. соч. Гл. XVII.

⁶ *Фромм Э.* Иметь или быть? [Электрон. ресурс]. Киев, 1976. Гл. 1. URL: http://thelib.ru/books/fromm_erih/imet_ili_bit-read-2.html (дата обращения 15.05.2016).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Гл. 5.

¹⁰ Там же. Гл. 3.

¹¹ Там же. Гл. 5.

М. Л. МАЛЫШЕВ

Значение максим Грайса в преподавании межкультурной коммуникации

Речь в статье идет о максимах речевого общения, сформулированных Полом Грайсом и легших в основу современной лингвопрагматики, а также об их роли в коммуникации и преподавании иностранных языков.

Ключевые слова: теория коммуникации; коммуникативная импликатура; Г. П. Грайс.

M. L. MALYISHEV

The importance of Grice's maxims in teaching cross-cultural communication

The article deals with the communicational maxims postulated by Herbert Paul Grice which made the basis of modern linguistic pragmatics and their role in communication and teaching foreign languages.

Keywords: theory of communication; communicative implicature; H. P. Grice.

Лингвопрагматика — молодая дисциплина, занявшая важное место в теории коммуникации. Важна она и для преподавателя языковых дисциплин, которому нужно не только научить студентов грамотной и связной речи, но и обучить их правилам построения коммуникации для достижения желаемого ими эффекта. С этой целью нам представляется важным напомнить о постулатах успешного общения, разработанных американским лингвистом Гербертом Полом Грайсом и нашедших широкое применение в теории коммуникации.

Нужно помнить, что любое речевое взаимодействие строится на признании Принципа Кооперации, который, по определению Грайса, заключается в том, что «участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания»¹. Это достаточно очевидный факт. Достижением Грайса была формулировка правил соблюдения этого принципа — «Твой вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» — и четырех основных максим, или правил поведения, исполнение которых приводит к соблюдению данного принципа:

МАКСИМА КАЧЕСТВА

1. Не говори того, что считаешь ложным.
2. Не говори того, в чем сомневаешься.

МАКСИМА КОЛИЧЕСТВА

Не давай слишком много или, наоборот, слишком мало информации в конкретной коммуникативной ситуации.

МАКСИМА ОТНОШЕНИЯ

Не отклоняйся от темы.

МАКСИМА ЯСНОСТИ

Выражайся ясно.

А. Избегай неясности.

Б. Избегай двусмысленности.

В. Будь краток (избегай излишнего многословия).

Г. Будь аккуратен (систематичен).

Нарушение любой из этих максим несет в себе большой коммуникативный смысл, непонимание которого является ключом к коммуникативной неудаче.

Речь идет о понятии коммуникативной имплицатуры.

Грайс так сформулировал это понятие, ключевое для лингвопрагматики: «Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал — или хотя бы готов позволить мне думать — что *q*: итак, он имплицировал, что *q*»².

Хотелось бы показать на примерах, к каким коммуникативным последствиям может привести нарушение любого из этих принципов.

Пример 1³

А: У Смита, кажется, сейчас нет девушки.

Б: В последнее время он часто ездит в Нью-Йорк.

Пример 2⁴

А: Миссис Х — старая карга.

Б: Прекрасная погода, Вы не находите?

В обоих этих примерах наблюдается нарушение *максимы отношения*. Рассмотрим, чего добивался Б, сознательно уклоняясь от темы разговора. Нет и не может быть сомнения в том, что в примере 1 Б постулировал возможность наличия у Смита девушки, проживающей в Нью-Йорке, а в примере 2 — нежелание продолжать обсуждение миссис Х в негативном ключе.

Можно привести еще один характерный пример знакомой каждому преподавателю ситуации.

Пример 3⁵

Если в рекомендации претенденту на должность профессора кафедры философии сказано, что «...*мистер Х превосходно владеет английским языком; он регулярно посещал семинары, он прекрасный игрок в теннис и хорошо разбирается в современной музыке...*», то любой читающий данную рекомендацию человек поймет, что нарушение *максимы отношения* и *количества* в данном случае имеет своей целью показать неуместность данного человека на посту профессора, при этом не дает ему ни единой отрицательной характеристики.

Пример 4 (наш. — М. М.)

А: Как Ваша жена?

Б: Она жива.

Нарушение *максимы количества* здесь тоже явно намеренное — Б не хочет говорить о своей жене и демонстрирует это социально приемлемым образом.

Нарушение *максимы количества* обыгрывается в известном анекдоте про Шерлока Холмса и математика.

Пример 5 (наш. — М. М.)

Ш.Х.: Где мы, сэр?

М.: Вы на воздушном шаре, сэр.

Нарушение *максимы количества* происходит и при использовании тавтологических фраз вроде «Война есть война».

Очень часто мы сознательно прибегаем к нарушению *максимы качества*. Так, например (пример Н. Б. Вахтина⁶) про человека, о котором известно, что он переломал всю мебель в квартире, могут сказать: «Он был немного возбужден» (этот принцип широко используется в англоязычной художественной литературе и называется «understatement»). Обычно коммуникативная цель использования данного приема — ирония).

Можно также привести интересные примеры нарушения *максимы ясности*.

Пример 6⁷

А: Как доклад X?

Б: Ну что же, доклад был сделан на ту тему, которая была объявлена, говорил X минут двадцать.

Вряд ли можно допустить толкование слов Б, отличное от «доклад был плох, но я не могу этого сказать прямо».

Сам Грайс приводит такой пример:

Пример 7

Сравним два высказывания

«(а) Мисс X пела „Home sweet home“.

(б) Мисс X испускала последовательность звуков, соответствующую песенке „Home sweet home“.

Предположим, очевидец предпочел описать ситуацию при помощи (б), а не (а). (*Комментарий.* Почему было выбрано чересчур многословное предложение (б) вместо краткого и почти синонимичного ему (а)? Вероятно, говорящий хотел отметить существенную разницу между поведением мисс X и тем поведением, которое обычно обозначается глаголом *петь*. Первое предположение, которое приходит в голову, что в исполнении мисс X был какой-то вопиющий дефект. Говорящий знает, что это предположение скорее всего придет в голову слушающему; именно это он и имплицитует.)⁸

Таких примеров можно привести множество, мы сталкиваемся с ними повседневно и большей частью способны правильно вычленять коммуникативную импликацию, стоящую в основе.

Наличие способности передавать смысл и интенцию подобным образом и считывать постулируемое таким прагматическим образом — возможно, то небольшое, что пока отличает человека от искусственного интеллекта. Наша задача как преподавателей иностранного языка — научить студентов вычислению подобных импликаций и на изучаемом языке, так как без этого умения невозможна полноценная коммуникация, и никакой компьютерный переводчик пока не способен справиться с данной задачей.

Примечания

¹ Грайс Д. П. *Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1985. Вып. 16. С. 217—237.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. *Социоллингвистика и социология языка.* СПб., 2004.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Грайс Д. П. *Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1985. Вып. 16. С. 217—237.

И. В. ЛИСКОВЕЦ,
Н. М. МАГАЛОВА

Формирование профессионального вокабуляра у студентов направлений подготовки ИТ

Статья исследует проблемы обогащения профессионального вокабуляра студентов ИТ-специальностей, закономерности развития их профессионально-ориентированных речевых навыков при работе с аутентичными текстами. Указаны критерии отбора учебного материала для обучения профессиональной лексике. Описываются методы использования этих материалов в повседневной практике.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный вокабуляр; специальный текст; лексический навык; информационные технологии; аутентичный текст; чтение

I. V. LISKOVETS,
N. M. MAGALOVA

Formation of the professional vocabulary of IT-students

This article deals with the problems of enriching the professional vocabulary of IT-students, developing their professionally-oriented lexical skills using authentic texts. Denoted are the material selection criteria for the functional lexis to be studied. The article provides an outlook on the technique of using these materials in everyday practice.

Keywords: professionally-oriented vocabulary; specialized text; lexical skill; information technology; authentic text; reading.

В настоящее время целью обучения иностранному языку студентов является освоение ими языка в первую очередь в связи с их будущей профессиональной деятельностью. Лексический аспект как важнейший компонент системы языковых средств должен быть в фокусе внимания при преподавании языка, по меткому выражению Майкла Льюиса, «язык состоит из лексики, облеченной в грамматические структуры, а не грамматики, наполненной лексическими единицами»¹.

В современной методической литературе проблема обучения профессионально-ориентированной лексике освещается достаточно широко, однако остается ряд актуальных вопросов преподавания профессионального английского языка для студентов, специализирующихся на информационных технологиях. И это при том, что для ИТ-специалистов знание английского языка имеет особое значение, так как без свободного владения профессиональным языком нельзя ни понять документацию на программное обеспечение, ни полноценно работать со многими программными продуктами, многие из которых еще не русифицированы, ни сдать требующиеся сертификационные экзамены.

Часто преподавание лексики сводится к введению новой единицы только при ее прочтении. Однако недостаточность такого подхода достаточно очевидна, и общим местом в современной теории преподавания ESL является понимание того, что обучение лексическому аспекту должно быть частью учебной программы и преподаваться комплексно. Это означает приоритет чтению, аудированию, просмотру видеоматериалов над выполнением лексических упражнений.

В данной статье мы рассмотрим вопросы расширения лексического запаса путем работы со специальным текстом, ведь именно это является главным

навыком, формирование которого обязательно должно входить в программу обучения английскому языку студентов технических специальностей.

Критерии отбора материалов

Как нам показывает практика работы со студентами, при отборе учебного материала необходимо руководствоваться следующими критериями:

- 1) текст должен быть аутентичным или учебным;
- 2) текст должен быть актуальным для изучаемой области (он может быть устарелым, но обязательно должен быть релевантным);
- 3) текст должен быть интересным для студента, для этого желательно, чтобы он носил проблемный характер;
- 4) источники материала должны быть авторитетными (журналы, газеты, книги, профессиональные сайты).

Говоря кратко, с лингвистической точки зрения учебный текст должен соответствовать грамматической и стилистической норме языка научной прозы, а с методической точки зрения он должен соответствовать уровню языковой и профессиональной компетенции данного студента.

Это означает на практике, что начинать нужно с учебных материалов, взятых из учебных пособий, а оканчивать курс обучения можно материалами, ориентированными на профессионалов, взятыми из внушающих доверие источников.

В качестве учебных пособий можно порекомендовать следующие:

- Esteras, Santiago Remacha & Elena Marco Fabr . Professional English in Use ICT. Cambridge UP, 2007;
- Glendenning, Eric. & John McEwan J. Oxford English for Information Technology 2nd edition, Oxford UP, 2014.

В практике преподавания английского языка IT-студентам в ВШПМ в качестве неучебных аутентичных текстов мы используем отрывки из научно-популярных журналов (печатных или электронных), газетных статей, книг, руководств для пользователя, которые являются важным источником аутентичного научного материала².

Способы введения изучаемой лексики

Первым этапом преподаватель отбирает лексический материал, подлежащий усвоению. Далее выбирается способ его введения и интериоризации. Основными способами введения лексических единиц являются следующие:

- перевод с использованием словарей;
- догадка посредством контекста.

Работа со словарем является важнейшей частью усвоения лексики. Ключевым моментом в данном аспекте является наличие свободного доступа к онлайн-словарям, так как издание бумажных словарей не способно успеть за данной постоянно и быстро меняющейся областью знаний. Важным преимуществом онлайн-словарей является наличие функции фонетического воспроизведения единицы. Это решает сразу две проблемы — формирования правильного фонетического облика единицы и задействования аудиального канала памяти, в значительной степени развитого у большинства современных студентов.

Метод контекстной догадки крайне полезен при чтении профессиональной литературы, при этом многие из студентов не обучены ему в рамках школьной программы. Мы приучаем студентов анализировать морфемы, выводя значение нового слова на основании уже известных. Кроме того, мы опираемся на профессиональные знания студентов, призывая их при переводе учитывать логику не только английского языка, но и логику той области, в которой многие из них гораздо более компетентны, чем мы, преподаватели

английского языка, получившие гуманитарное образование и являющиеся лишь пользователями программных продуктов.

Методы закрепления лексических единиц

Языковые единицы для их лучшего усвоения лучше вводить не изолированно, а в тех сочетаниях, в которых они встречаются в изучаемом тексте. Также эффективно работает подача словарного материала в виде таблиц словосочетаний, словарных деревьев, анализ морфемного состава единиц.

Аудиторная работа над специальным текстом по изучению профессионально-ориентированной лексики предполагает предтекстовые, текстовые и послетекстовые упражнения. Наша белорусская коллега, М. В. Короткая, предлагает следующий набор упражнений:

1) прослушайте и повторите за преподавателем следующие слова и словосочетания (включить профессионально-ориентированные единицы по данной теме);

2) подберите русские эквиваленты к следующим словам и фразам (включить интернациональные слова или слова со знакомыми корневыми морфемами), составьте собственные предложения с этими словами и фразами;

3) нарисуйте схему связи слов и словосочетаний из упр. 1 и 2;

4) прочтите текст и выразите свое согласие/несогласие со следующими утверждениями;

5) переведите текст на профессионально приемлемый русский литературный язык;

6) закончите приведенные ниже предложения в соответствии с содержанием текста;

7) напишите ответы на заданные вопросы;

8) заполните пропуски соответствующими словами;

9) составьте предложения из разрозненных слов;

10) организуйте пункты плана в соответствии с логикой повествования

11) кратко (8—10 предложений) перескажите в письменной форме содержание текста, используя этот план;

12) прочтите текст еще раз и передайте его содержание как можно ближе к тексту, упоминая как можно больше деталей;

13) выскажите свое собственное мнение по поводу сказанного в материале³.

Наша практическая работа показала эффективность предложенной методики работы.

Несомненно, большую роль играет самостоятельная внеаудиторная работа по английскому языку, особенно в условиях малого количества аудиторных часов, отводимых учебной программой на курс английского языка в неязыковом вузе.

Кроме заданий непосредственно на перевод текста, студентам дается задание найти небольшой отрывок аутентичного текста по определенной теме и представить его содержание в виде доклада или презентации. Следующим этапом работы является подготовка обзора материалов по некоторой проблеме, также предлагаемого в виде доклада или презентации. Лучшие, по мнению студентов, доклады впоследствии представляются на студенческой конференции, проводимой нашей кафедрой ежегодно.

Важность владения английским языком специалистами в области информационных технологий трудно переоценить. Формирование лексического запаса профессиональной лексики должно стать ядром, вокруг которого строится обучение студентов профессиональному языку. Эффективное усвоение лексики невозможно без использования комплексного подхода к изучению тщательно отобранных аутентичных текстов.

Примечания

¹ *Lewis M.* Implementing the lexical approach: Putting theory into practice. Heinle, Cengage Learning, 2008. P. 13.

² *Лисковец И. В., Магалова Н. М.* Технический перевод. СПб., 2015.

³ *Короткая М. В.* Особенности использования индивидуального подхода при обучении IT-студентов английскому языку [Электрон. ресурс]. URL: <http://tea4er.ru/home/volume5/3531--it> (дата обращения 01.10.2016).

А. А. КРУЧИНИНА

Учебный исследовательский проект как средство формирования универсальных учебных действий

Формирование метапредметных универсальных учебных действий рассматривается на материале анализа итогов российско-французского междисциплинарного учебно-исследовательского проекта, посвященного изучению российско-французских культурных связей в конце XVIII — начале XIX вв. и осуществлявшегося средней школой № 553 с углубленным изучением английского языка г. Санкт-Петербурга совместно с лицеем им. Расколя г. Альби (Франция) с 2012 по 2016 г. Представленный опыт интересен, в частности, тем, что, поскольку начало реализации проекта совпало с введением в школе преподавания французского языка как второго иностранного, с самого начала французский язык являлся для учащихся не только предметом изучения, но и средством доступа к информации, инструментом учебной и научной коммуникации.

Ключевые слова: международный учебный исследовательский проект; универсальные учебные действия; метапредметный; второй иностранный язык; французский язык; учебная и научная коммуникация; кооперативная педагогика.

A. A. KRUCHININA

School research project as a means of assimilating universal learning activities

The formation of metadisciplinary universal learning activities is considered as a case study of the Russian-French interdisciplinary school research project related to the Russian-French cultural relations at the end of the 18th century and the beginning of the 19th century executed in cooperation between the secondary school 553 (St. Petersburg, Russia) and Lyceum Rascol (Albi, France) over the period from 2012 to 2016. The proposed experience is of particular interest because the project start coincides with the introduction of second foreign language teaching in the school, so that from the very beginning the French language has become for the scholars not only the subject matter, but also a means of access to information and an academic and scientific communication tool.

Keywords: international school research project; universal learning activities; metadisciplinary; second foreign language teaching; the French language; academic and scientific communication; cooperative pedagogy.

В соответствии с положениями нового ФГОС среднего (полного) общего образования освоение основной образовательной программы предполагает «становление личностных характеристик выпускника, готового к сотрудничеству, способного осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность, умеющего вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания и успешно взаимодействовать»¹.

«Готовность и способность к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, включая умение ориентироваться в различных источниках информации» (8.4)² является составной частью требований к метапредметным результатам освоения основной образовательной программы, а среди требований к предметным результатам освоения курса иностранного языка упоминается «владение иностранным языком как одним из средств

формирования учебно-исследовательских умений, расширения своих знаний в других предметных областях» (9.1.2.)³.

Все эти требования ФГОС второго поколения отражают ориентированность нового образовательного стандарта на формирование у учащихся универсальных учебных действий (УУД), предполагающих «способность субъекта к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта; совокупность действий учащегося, обеспечивающих его культурную идентичность, социальную компетентность, толерантность, способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включающих организацию этого процесса» (Глоссарий ФГОС)⁴.

В соответствии с этими положениями ФГОС и была организована работа по формированию УУД на базе развития метапредметных умений и навыков в ходе реализации междисциплинарного международного проекта на французском языке «Жан-Батист Бартеlemi де Лессепс и российско-французские культурные связи на рубеже XVIII—XIX веков» учителями и учащимися школы № 553 с углубленным изучением английского языка Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга (координаторы проекта — учитель французского языка школы № 553 А. А. Кручинина и учитель французского языка и литературы коллежа им. Оноре де Бальзака Жанн Жонк).

Начало работы над данным совместным проектом с французским коллежем им. Оноре де Бальзака (г. Альби) совпало с введением в школе № 553 преподавания французского языка как второго иностранного. Была сформирована междисциплинарная группа учителей французского, английского языков, истории, биологии и ОБЖ и учащихся 9—10 классов для совместного изучения с французскими партнерами (преподавателями французского языка и литературы, английского языка, истории, географии и учащимися коллежа) жизни и деятельности Жана-Батиста Бартеlemi де Лессепса, французского дипломата и путешественника, единственного выжившего участника погибшей экспедиции Лаперуза, интенданта занятой Наполеоном Москвы. Жизнь Лессепса, детство которого прошло в Санкт-Петербурге, изучалась в историко-культурном контексте эпохи и ее проекции на социокультурные реалии современных Франции и России.

Проект носил телекоммуникационный характер (по классификации Е. С. Полат)⁵, поскольку осуществлялся на основе компьютерной коммуникации: через электронную почту, социальные сети и скайп — между российскими и французскими учащимися, через электронную почту — между преподавателями-координаторами проекта с российской и французской стороны и директором Музея Лаперуза, между российскими учителями и учащимися — через электронную почту в рамках дистанционного тьюторства.

В ходе первого этапа работы над проектом (2012—2013 уч. год) учащиеся нашей школы под руководством учителей-предметников успешно работали с франкоязычным, англоязычным и русскоязычным контентом из интернет-источников, печатных изданий и музейных экспозиций. Ими было создано пять презентаций и фильм на французском, английском и русском языках. Все эти материалы были размещены на официальном сайте коллежа им. О. де Бальзака и использовались французской стороной в учебном процессе по французскому языку и литературе, истории, географии.

Результаты учебно-исследовательской деятельности были представлены учащимися на французском и английском языках в ходе научных конференций районного и городского уровней (*Купчинские чтения* — диплом II степени; *Поликультурное пространство Санкт-Петербурга* — диплом I степени).

Первый этап работы над проектом завершился изданием во Франции исторического романа о Бартеlemi де Лессепсе, написанного совместно

преподавателем французского языка коллежа им. О. Де Бальзака и ее учениками. В ходе работы над романом использовались и наши материалы, поэтому участники рабочей группы проекта с российской стороны (учителя и учащиеся) также упомянуты в этом издании*.

На втором этапе работы над проектом (2013—2014 уч. год) изучался текст данного исторического романа как гипертекст с точки зрения социокультурных и кросс-культурных особенностей восприятия российских реалий и Санкт-Петербурга, в частности французскими и российскими читателями. Результаты работы были представлены учащимися на французском и русском языках на конференциях районного и городского уровней (*Купчинские чтения* — диплом I степени; фестиваль *Мир из моего окна* — сертификат победителя).

Одной из составляющих второго этапа реализации проекта стала академическая мобильность учителей школы № 553. Заместитель директора по иностранным языкам Е. Ю. Григорьева и учитель французского языка А. А. Кручинина приняли участие в круглом столе в лицее им. Расколя г. Альби (март 2014 г.), посвященном проектной деятельности учащихся, в качестве докладчиков. По итогам первых двух этапов работы над проектом А. А. Кручининой и Ж. Жонк была подготовлена и представлена к публикации на сайте Международной федерации преподавателей французского языка (FIPF) статья «*Projet interdisciplinaire franco-russe comme exemple d'une pédagogie coopérative*»⁶.

Третий этап проекта (2014–2015 уч. год), «Лаперуз на Камчатке» («*Escale au Kamtchatka*»), был посвящен изучению материалов, связанных с пребыванием экспедиции Лаперуза на Камчатке в сентябре 1787 г. В сотрудничестве с Лицеем им. Расколя (г. Альби, Франция).

Коллективная работа коллективов российских и французских учащихся возрастной группы 15—17 лет была организована дистанционно с использованием методов проектной кооперативной педагогики таким образом, что каждая из них оставалась в пределах своего образовательного учреждения и работала по своей образовательной программе.

Решая различные педагогические задачи, обусловленные особенностями педагогического контекста, каждая из сторон работала над созданием общего конечного продукта, обобщающего результаты совместной работы, — подготовкой к изданию двуязычной книги на русском и французском языках. С французской стороны в рабочую группу по проекту входило 26 учащихся вторых классов, выбравших специализацию «литература и общество». С российской стороны в работе участвовали 26 учащихся 10-х классов, изучающих французский язык как второй иностранный (третий год обучения).

Для французских лицеистов рабочей задачей являлось оценить вклад литературы и гуманитарных наук (история, социология, этнология, лингвистика) в познание мира и межкультурных отношений.

После ознакомления с документами (бортовой журнал капитана Лаперуза, документы по географии и истории Камчатки) французские учащиеся должны были написать короткие рассказы от имени конкретных персонажей (участников экспедиции Лаперуза или жителей Камчатки). При создании этих нарративных повествований учащиеся должны были затронуть, в контексте пребывания экспедиции Лаперуза на Камчатке, вопросы, касающиеся местных нравов и особенностей быта, общественной организации, религии, языков, пищи, одежды, жилища, средств передвижения и т. д.

Перед российскими учащимися стояла задача предоставить французским партнерам документы, относящиеся к Камчатке и ее жителям в период

---

* Le roman de Barthélémy.

пребывания там экспедиции Лаперуза (конец XVIII в.), которые могли бы послужить источниками для создания нарративных текстов, а затем перевести на русский язык тексты, написанные французскими учащимися, для издания в Альби двуязычной книги. Для них основной учебной задачей являлось научиться использовать французский язык как рабочий инструмент, служащий для получения доступа к франкоязычным источникам, а также развитие навыков перевода.

Для обеих рабочих групп данная дистанционная совместная работа оказалась весьма полезной. Для французских лицеистов это была возможность применить в условиях сотрудничества знания и умения, приобретенные в ходе прохождения учебных дисциплин, а также возможность самореализации. Для российских учащихся эта работа способствовала развитию академической и профессиональной коммуникативной компетенции на французском языке как иностранном, а также формированию личностных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий.

Среди сопутствующих результатов этого сотрудничества следует прежде всего отметить вовлечение молодежи в аутентичную практическую деятельность, имеющую общую направленность несмотря на различие выполняемых задач.

Работа строилась по следующим направлениям:

С французской стороны — получение фоновых знаний из области истории, географии, биологии, в том числе и на основе материалов, разработанных и присланных учащимися нашей школы, и создание учащимися лица под руководством преподавателя французского языка 20 небольших рассказов от лица членов экспедиции Лаперуза (реально существовавшие исторические личности) и жителей Камчатки (выдуманные персонажи), передающих в беллетризованной форме их впечатления и мысли по поводу увиденного во время пребывания экспедиции Лаперуза на Камчатке.

С российской стороны — предоставление французам, работающим над рассказами, материалов по некоторым аспектам истории, географии, этнографии, биологии Камчатки XVIII в., а также некоторых архивных материалов (факсимиле писем Лаперуза и Лессеписа, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга) и перевод, под руководством учителей французского языка, рассказов, написанных французскими участниками проекта для публикации во Франции двуязычного французско-русского издания, куда, помимо этих рассказов, вошли и два подлинных письма: командира экспедиции капитана Лаперуза французскому посланнику при российском дворе графу де Сегюрю и капитана второго корабля экспедиции Флерио де Лангля астроному экспедиции Монжу, высадившемуся на Тенерифе, перевод которых также был поручен нашим учащимся.

Работа была организована по двум сценариям (в рамках блока учебных занятий в очно-дистанционном режиме или в рамках дополнительной внеклассной работы) следующим образом:

1. Перевод 12 материалов (11 рассказов и 1 письмо) осуществлялся при очно-дистанционном руководстве со стороны преподавателя в рамках выделенного фрагмента курса (9 уроков) — 3 недели в 10-м классе (3-й год изучения французского языка как второго иностранного). Работа осуществлялась в индивидуально-групповом режиме. На вводном занятии учителем были поставлены задачи, выполнено распределение работы и проведен примерный тайм-менеджмент этапов работы. На последующих уроках учащиеся занимались допереводным анализом текстов в отношении как собственно языковой, так и экстралингвистической информации, делали черновые варианты перевода отдельных частей своих текстов, имея возможность обсудить их с учителем. Выполнение и представление учителю законченных отрывков

перевода осуществлялись в дистанционном режиме — по электронной почте. Фронтальному обсуждению типичных ошибок и трудностей перевода посвящалось начало каждого последующего урока. Так, например, в переводе рассказа Бизальона, слуги французского лейтенанта Клонара, учащийся первоначально написал: «мой господин всегда очень вежлив со мной, несмотря на различие в нашем *социальном положении*», что дало повод поговорить о необходимости стилистического соответствия передачи дискурса персонажей на русском языке их национально-историческим, социокультурным, гендерным характеристикам. Так, в данном случае была предложена правка «несмотря на разницу в нашем положении». В интерпретации одной из учениц 20-летняя девушка-камчадалка, одна из первых увидевшая входящие в Петропавловскую гавань корабли Лаперуза, говорила: «было ли это видение плодом моего воображения или результатом оптической иллюзии», что явилось поводом вспомнить, кто такие камчадалы, и сделать вывод о том, могла ли 20-летняя камчадалка, жившая в 70-х гг. XVIII в., изъясняться подобным образом. В рамках стилистической правки был предложен вариант: «мне это привиделось или эти образы были просто отражением солнечных лучей, которые проходили через облака».

По завершении работы над переводом отрывка, что происходило у отдельных учащихся в разном темпе, каждый из авторов представлял своего персонажа на французском языке и делился впечатлениями о том, что для него было самым трудным и самым интересным в этой переводческой работе.

На заключительном занятии переводческого блока при участии всего класса обсуждались общий ход работы, возникшие проблемы и способы их разрешения, основные приемы организации работы и тайм-менеджмента, личностные результаты (индивидуальные бонусы, что нового узнал я лично, какие новые умения и навыки приобрел).

При осуществлении руководства работой учащихся использовался не только групповой, но и индивидуальный менеджмент с учетом типов личности, уровня подготовки и мотивации обучающихся: для некоторых слабо мотивированных учащихся, не укладывавшихся в общий тайм-менеджмент, была предложена помощь соавторов из других классов, а некоторым учащимся со слабой подготовкой, но увлекающимся информатикой, было разрешено прибегнуть к помощи компьютерного перевода с последующим саморедактированием и окончательным редактированием со стороны учителя, что явилось для них весьма полезным и поучительным упражнением.

2. В рамках внеклассной работы с последующим редактированием учителем и представлением результатов редактирования исполнителям была выполнена работа по переводу 10 материалов (9 рассказов и 1 письма).

Мотивации учащихся очень способствовало понимание того, что они выполняют реальную задачу создания переводов, предназначенных для публикации. В процессе осуществления этой работы каждый учащийся, переводя свою часть, не только решал задачи общеязыкового характера (поиск в словаре незнакомых слов), но и специальные (восполнение пробелов в фоновых знаниях, использование переводческих трансформаций).

Таким образом, проекты оказываются не только «ориентированными на внешний наглядный результат», но и «органично решающими задачи обучающего и творческого характера» (Н. Кочетунова)⁷. Тем самым происходит «развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и творческого мышления» (Е. С. Полат)⁸.

Так, например, специальных энциклопедических изысканий потребовал подбор переводческого эквивалента к французскому ботаническому термину *saranne*. Русский эквивалент *саранка* отсутствовал в двуязычных словарях и

был найден через приведенное в Энциклопедии Дидро и Даламбера латинское название с использованием интернет-ресурсов. Обращение к специальным словарям и описаниям устройства французских фрегатов XVIII в. потребовалось для перевода названий различных кают, кормовых и носовых отсеков и т. д., а также хирургических инструментов корабельного врача. Историко-энциклопедические экскурсии оказались необходимыми и для перевода ряда географических названий. Таким образом, работа над переводом носила в известной степени междисциплинарный интегративный характер.

Работая над данной частью проекта, мы убедились в справедливости утверждения Е. С. Полат о том, что в международном проекте «требуется, как правило, более глубокая интеграция знаний, предполагающая не только знание собственно предмета исследуемой проблемы, но и знания особенностей национальной культуры партнера. <...> Это всегда диалог культур»⁹. Так, при работе над переводом нашим учащимся пришлось не только думать, как передать названия национальных бретонских танцев и музыкальных инструментов, но и указать французской стороне на то, что такие мужские имена, как *Milan Kovalitch*, *Vassili Rimskaya*, имя маленького мальчика *Petrovich*, не соответствуют нормам русского языка и невозможны в условиях российского Дальнего Востока конца XVIII в. По нашему предложению они были заменены соответственно на *Михаил Ковалев*, *Василий Рябов* и *Петрушка*.

Третий этап работы над проектом завершился изданием двуязычной книги *Escalé au Kamtchatka*, содержащей поименное перечисление всех авторов перевода*, что способствовало мотивации учащихся к изучению иностранных языков и дальнейшему участию в исследовательской проектной работе.

Итак, в ходе работы над переводческой частью проекта и взаимодействия в рабочей группе с одноклассниками и учителями-координаторами проекта можно было наблюдать от урока к уроку, как у учащихся формируются все основные виды УУД: а) личностные (смыслообразование, т. е. соотношение цели действия и его результата; ориентация в социальных ролях и межличностных отношениях); б) познавательные (общеучебные — умение работать с информацией; логические — умение анализировать и синтезировать новые знания, а также ставить и решать проблемы); в) коммуникативные (умение вступать в диалог и вести его, учиться работать и общаться в команде); г) регулятивные (целеполагание, планирование, корректировка плана)¹⁰.

Учитель выступал в ходе этой проектной работы уже не в роли носителя и медиатора знаний, а в роли координатора, эксперта, тьютора, менеджера проекта. В руководстве работой обучающихся фактически применялась модель партисипативного менеджмента, направленного на вовлечение исполнителей в управление процессом с целью стимулирования чувства ответственности за результаты труда. В данном случае применялась так называемая форма *снизу-вверх* через механизмы личного общения и работы в малых группах в рамках проектной команды.

На четвертом, заключительном, этапе осуществления данного международного проекта в рамках международного дистанционного кооперативного сотрудничества (2015—2016 уч. год) две группы учащихся работали над подготовкой к изданию книги, посвященной пребыванию в Санкт-Петербурге по приглашению Екатерины II французского энциклопедиста Дени Дидро. Задачей 32 французских лицеистов (класс BTS экономической специализации Лицея им. Расколя) было написание, под руководством учителя французского языка и литературы Жанн Жонк, художественного текста, состоящего из диалогов между российскими и французскими историческими персонажами эпохи

---

* *Escalé au Kamtchatka*. Albi : Entreprise adaptée Rebond, 2015.

конца XVIII в., отражающими реальный исторический контекст, и эпизодов, рассказывающих о работе французской съемочной группы в Петербурге в 2015—2016 гг. над историческим фильмом о пребывании Дидро в российской столице в 1773—1774 гг.

Группа из 21 российского учащегося 9—11 классов школы № 553, под руководством учителей французского языка А. А. Кручининой и Е. Ю. Бок, работала по индивидуальным образовательным маршрутам над переводом текстов, созданных французскими учащимися. На данном этапе работы над проектом был сделан упор на внеурочные формы работы, которые, в соответствии с новым ФГОС, становятся одной из базовых составляющих организации образовательного пространства в современной школе (18.3.2.)¹¹.

Мониторинг деятельности обучающихся со стороны учителей носил преимущественно дистанционный характер. При данной организации работы ролевые позиции «учитель — ученик» выстраивались в духе сотворчества. При этом учителя не только руководили содержательной частью работы обучающихся (собственно коррективкой переводов), но и помогали выстроить организационно-методологическую составляющую индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся (поэтапное планирование работы каждого учащегося, методика и очередность работы со справочными материалами, рекомендации по оформлению рукописи при подготовке переводов к изданию). Таким образом, уделялось внимание развитию регулятивных УУД.

Итогом совместной деятельности российских и французских участников проекта явилось издание книги «Le voyage en Russie» («Путешествие в Россию»)*, что подтвердило возможность практического применения компетенций, сформированных в ходе изучения второго иностранного языка с опорой на имеющиеся компетенции в области родного и первого иностранного языков, и, следовательно, метапредметных лингвистических компетенций¹².

Таким образом, в ходе международной междисциплинарной учебно-исследовательской проектной деятельности не только получают развитие все основные виды УУД, предусмотренные ФГОС второго поколения (личностные, познавательные, общеучебные, логические, коммуникативные, регулятивные), имеющие метапредметную и метакогнитивную направленность¹³, но и обеспечивается преемственность между средним и высшим образованием, так как в основе новых образовательных стандартов третьего поколения системы высшего профессионального образования лежит именно компетентностный подход, в соответствии с которым у студентов должны вырабатываться не только профессиональные, но и общекультурные компетенции¹⁴. Именно в рамках компетентностного подхода в настоящее время разрабатывается вопрос о преемственности между средним и высшим образованием¹⁵, без которого невозможна подготовка специалиста, сочетающего высокий уровень профессиональной подготовки с устойчиво сформированными личностно-адаптивными, организационными и социально-коммуникативными компетенциями.

Примечания

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [Электрон. ресурс]. Утвержден приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413. URL: минобрнауки.рф/документы/2365 (дата обращения 30.10.2016).

² Там же.

³ Там же.

³ *Le voyage en Russie. Путешествие в Россию*. Albi: Enreprise adaptée Rebond, 2016.

- ⁴ Фундаментальное ядро содержания общего образования / под редакцией В. В. Козлова, А. М. Кондакова. 4-е изд., дораб. М., 2011. С. 66.
- ⁵ *Полат Е. С.* Метод проектов [Электрон. ресурс]. С. 5—7. URL: <https://docs.google.com> (дата обращения 30.10.2016).
- ⁶ *Junck J., Kruchinina A.* Projet interdisciplinaire plurilingue franco-russe: expérience d'une pédagogie coopérative [Электрон. ресурс]. URL: fipf.org/projet-interdisciplinaire-plurilingue-franco-russe-experience-d'une-pedagogie-cooperative (дата обращения 30.10.2016).
- ⁷ *Кочетунова Н.* Метод проектов в обучении языку. Теория и практика [Электрон. ресурс]. URL: www.itlt.edu.nstu.ru/article4.php (дата обращения 30.10.2016).
- ⁸ *Полат Е. С.* Метод проектов [Электрон. ресурс]. С. 2. URL: <https://docs.google.com> (дата обращения 30.10.2016).
- ⁹ Там же. С. 6.
- ¹⁰ Фундаментальное ядро содержания общего образования. С. 67—70.
- ¹¹ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [Электрон. ресурс]. URL: минобрнауки.рф/документы/2365 (дата обращения 30.10.2016).
- ¹² *Кручинина А. А.* Контрастивные аспекты преподавания второго иностранного языка и формирование универсальных учебных действий // Современный образовательный процесс: поиск и определение: сб. ст. СПб., 2014. С. 161—170.
- ¹³ *Кручинина А. А.* Метапредметная составляющая проектной деятельности учащихся // Петербургские педагогические чтения. Опыт реализации инновационных подходов в обучении школьников: сб. материалов. Вып. 2. СПб., 2013. С. 118—122.
- ¹⁴ Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата [Электрон. ресурс]. URL: минобрнауки.рф/документы/924 (дата обращения 30.10.2016).
- ¹⁵ *Аверьянова С. Ю.* Ключевые компетенции как факторы и результаты профессионального самоопределения старшеклассников [Электрон. ресурс]// Научный диалог. 2013. № 8 (20). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-kompetentsii-kak-factory-i-resultaty-professionalnogo-samoopredeleniya-starsheklassnikov> (дата обращения 30.10.2016).

Е. К. ГУЛОВА

Цель формирования интегрированного курса «Иностранный язык и риторика» при обучении иностранному языку в неязыковом вузе

Данная статья посвящена проблеме формирования интегрированного курса при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Междисциплинарный характер обучения нацелен на формирование профессионально значимых качеств личности будущего специалиста. Статья рассматривает создание интегрированного курса «Иностранный язык и риторика» с целью формирования у студентов аргументативной компетенции, обучения умению выстраивать эффективные аргументативные выступления с глубоким пониманием структуры аргументации публичного выступления.

Ключевые слова: интеграция; обучение иностранному языку; интегрированный курс; аргументативная компетенция; риторика; публичное выступление.

E. K. GULOVA

The purpose of developing the integrated course “Foreign Language and Rhetoric” when teaching a foreign language in a non-linguistic higher education environment

This article deals with the problem of creating the integrated course when teaching a foreign language in a nonlinguistic higher education institution. The interdisciplinary nature of the training is aimed at the formation of professionally significant qualities of the future expert. The article pays attention to the creation of the integrated course ‘Foreign language and Rhetoric’ for the purpose of forming students’ argumentative competence, teaching how to build effective argumentative speech with in-depth understanding of argument line structure in public speaking.

Keywords: integration; foreign language teaching; integrated course; argumentative competence; rhetoric; public speech.

Интегрированное обучение иностранному языку в неязыковом вузе обусловлено разнообразными педагогическими, психологическими и методическими факторами. Термин «интеграция» трактуется как понятие состояния связанности отдельных разрозненных частей в единое целое, а также как педагогический процесс, ведущий к этому состоянию с целью сформировать у обучаемых «гибкие, мобильные, многофункциональные знания»¹. Процесс интеграции представляет собой гармоничное объединение отдельных элементов системы на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости².

Интеграция предметных связей в условиях профилизации образовательной среды обеспечивает логическую взаимосвязь и профессиональную направленность преподаваемых в высшей школе дисциплин. Междисциплинарный характер обучения способствует формированию профессионально-значимых качеств личности будущего специалиста, профессиональной мотивации и профессионального самоопределения будущего специалиста³.

По мнению исследователя проблемы профессиональной мобильности М. В. Вотинцевой, «дисциплина „Иностранный язык“ обладает потенциальными возможностями к интеграции, поскольку <...> процесс обучения иностранному языку предполагает овладение интегрированным знанием межпредметного характера и умение пользоваться этим знанием для получения еще более обширного знания на фоне формирования системы ценностей, профессионально значимых качеств и личностных характеристик, необходимых современному выпускнику неязыкового вуза»⁴.

Л. П. Меркулова подчеркивает в своей работе, что изучение иностранного языка «интегрирует два вида деятельности — познание и общение: с помощью языка решаются профессиональные задачи и развивается потребность в профессиональной самореализации; <...> успешность обучения специальным дисциплинам обусловлена успешностью обучения иностранному языку, повышающей адаптированность к условиям профессиональной среды за счет синергетичности адаптации к познавательной деятельности и адаптации к коммуникативной деятельности»⁵. Автор рассматривает статус иностранного языка как профессионально значимого в числе базовых специальных дисциплин, что доказывается «межпредметными связями и корреляционной зависимостью между успешностью по иностранному языку и успешностью по специальным дисциплинам, между успешностью по специальным дисциплинам и структурой личностных характеристик успешных и неуспешных студентов»⁶.

В данной связи актуальность представляет методика предметно-языкового интегрированного обучения — CLIL (Content and Language Integrated Learning), введенная Д. Маршем в 1994 г. для обозначения ряда методик, посвященных изучению содержательной стороны определенного предмета с использованием и одновременным изучением иностранного языка. Другими словами, учебный предмет или его часть преподается через иностранный язык с двойной целью — одновременное изучение содержания предмета и иностранного языка⁷.

Целью предлагаемого нами интегрированного курса «Иностранный язык и риторика» является создание с помощью иностранного языка условий для успешного формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей. В связи со спецификой курса особое внимание уделяется формированию у студентов аргументативной компетенции, которая определяется как приобретаемая в учебном аргументативном дискурсе система знаний и умений о том, как убеждать в правильности излагаемых доводов. Мы рассматриваем аргументативную компетенцию как один из элементов иноязычной коммуникативной компетенции. В структуре профессиональной коммуникативной компетентности аргументативная компетенция соотносится с компетенцией речевого взаимодействия, энциклопедической и языковой компетенциями.

Интегрированная основа обучения при формировании аргументативной компетенции на основе текста публичного выступления включает организацию речевого взаимодействия и достижение коммуникативных целей общения путем решения ряда коммуникативных задач. Обучаемый вначале овладевает умениями осуществлять отдельные коммуникативные намерения на уровне аргументативного высказывания, затем в коммуникативном акте и блоках общения и далее осваивает умения выбирать коммуникативные намерения в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией. Отметим, что формирование аргументативной компетенции ведется не только на эксплицитном вербальном уровне, когда происходит обучение студентов аргументативным речевым клише, но и на когнитивном, эмоциональном и социальном уровнях. В связи с этим аргументативные умения, формируемые при работе с текстом публичного выступления, характеризуются разнообразием и принадлежностью к указанным выше уровням⁸.

Таким образом, формирование у будущих специалистов гуманитарного профиля аргументативной компетенции включает обучение умению выстраивать грамотные аргументативные выступления путем создания учебных аргументативных речей.

Для создания курса с данными целями наибольшей эффективностью обладает интеграция образовательных областей «Иностранный язык» и «Риторика». Ввиду объемности понятия «Риторика» целесообразно ограничить этот объект интегрирования и выделить в качестве основы интеграции аргументативный дискурс, предполагающий формирование у студентов ценностного отношения к дискурсу как системе убеждений, которая требует освоения определенных правил его построения, овладения основными технологиями убеждающей коммуникации, а также навыками защиты от манипулятивных воздействий.

Структура курса реализуется в комплексе, отраженном в учебном пособии «Persuasive techniques in English»⁹. Материалом для пособия выступают тексты публичных выступлений известных ораторов, оформленные в виде тематических модулей. Организация занятий направлена на поэтапное формирование аргументативных умений разных видов на основе публичных выступлений на профессиональную тему.

С целью установления уровня компетентности обучаемых в интересующем нас жанре — публичном выступлении на профессиональную тему — и таких его видах, как краткое выступление/сообщение, презентация и доклад, проводится устный опрос о степени их информированности о специфике указанного жанра¹⁰. Например, студентам могут быть предложены следующие задания:

1. Исходя из темы публичного выступления, назовите возможные аргументы, которые будут звучать в этом выступлении. Задание направлено на определение уровня сформированности умения определять возможные аргументы, исходя из темы выступления.

2. Прочитайте выступление. Выделите основные проблемы, затронутые в публичном выступлении. Данное задание нацелено на определение уровня сформированности умения извлекать общую информацию.

3. Определите, какие высказывания автора публичного выступления направлены привлечь внимание аудитории. Целью данного задания является определение уровня сформированности умения привлечь внимание к тезису, факту, собственному мнению.

4. Выделите наиболее важную, по мнению автора, информацию, содержащуюся в его выступлении. Данное задание обращает внимание на определение уровня сформированности умения извлекать фактическую информацию.

5. Назовите имеющиеся в публичном выступлении аргументы, установите их назначение и передайте их содержание. Данное задание раскрывает уровень сформированности умения классифицировать мнения и аргументы «за» и «против».

6. Используя логические маркеры в начале или в середине высказывания, соедините тезис с примерами. Задание направлено на определение уровня сформированности навыков логично излагать в публичных выступлениях определенное содержание, устанавливать логическую цепочку между фрагментами текста выступления.

Авторы отмечают, что проблема формирования интегрированного курса охватывает следующие аспекты: языковой, предметно-содержательный и коммуникативный¹¹. Так, рассматриваемый интегрированный курс обучения иностранному языку «Иностранный язык и риторика» состоит из трех этапов, каждый из которых посвящен решению конкретных задач обучения.

В задачи первого этапа входит повторение пройденного ранее языкового материала, используемого при формировании аргументативной компетенции.

Второй этап посвящен ознакомлению обучаемых с основными предметно-содержательными аспектами, которые отражены в ряде специально отобранных текстов публичных выступлений, тематически объединенных в модуль.

Третий этап курса заключается в выполнении упражнений, направленных на углубление формирования навыков и овладение качественно сформированными умениями, призванными обеспечить достижение сформированной аргументативной компетенции — информирование реципиентов с оказанием на них определенного воздействия.

Уровень сформированности аргументативной компетенции на основе текста публичного выступления у студентов неязыковых специальностей определяется в результате выполнения определенных заданий, сопровождающих текст публичного выступления, например:

1. Прочитайте тему и первое предложение публичного выступления и определите коммуникативную ситуацию и адресат публичного выступления.
2. Выявите разные виды аргументов, которые применяются в выступлении, и определите их назначение.
3. Используя логические маркеры в начале или в середине высказывания, соедините тезис с примерами, выразите собственное мнение по рассматриваемой ситуации.
4. Выделите риторические вопросы, которые направлены на активизацию внимания реципиентов, стимулируя их соучастие в диалоге.
5. Составьте план публичного выступления на предложенную тему.
6. После ознакомления с содержанием его основной части составьте введение и заключение публичного выступления.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что успех устного иноязычного общения на основе текста публичного выступления зависит не только от решения коммуникативных задач, связанных с реализацией процесса общения, но и от решения коммуникативных и когнитивных задач по учету коммуникативных особенностей изучаемого текста публичного выступления, в том числе от эффективного умения анализа и понимания представленной структуры аргументации публичного выступления.

Итак, использование интегрированных курсов при изучении иностранного языка ведет к повышению мотивации к изучению иностранного языка, способствует возникновению коммуникативно-познавательных мотивов, формированию готовности к профессиональной деятельности в условиях интеграционных процессов в экономической, социальной и политической сферах жизни. Кроме того, «интегрированные курсы несут в себе возможность многомерного понимания действительности и роли языка»¹². Общей целью интегрированного курса «Иностранный язык и риторика» является создание с помощью иностранного языка условий для развития умений и навыков построения корректного, эффективного устного аргументативного дискурса.

Примечания

¹ Довгополова Л. Б. Формирование интеркультурных коммуникативных умений у студентов вузов. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. С. 88.

² Вотицева М. В. Интегрированное обучение иностранному языку как условие формирования профессиональной мобильности экономистов: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2011.

³ Каргина Е. М. Возможность реализации профильной направленности образования на основе интеграции предметных связей [Электрон. ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/32342> (дата обращения 21.03.2016).

⁴ *Вотинцева М. В.* Указ. соч.

⁵ *Меркулова Л. П.* Формирование профессиональной мобильности специалистов технического профиля средствами иностранного языка: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Самара, 2008. С. 9.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ *Marsh D.* Content and Language Integrated Learning: The European Dimension — Actions, Trends and Foresight Potential. OUP, 2002.

⁸ *Слесаренко И. В.* Обучение устному аргументативному общению на основе текста газетно-публицистического стиля: дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2003.

⁹ *Гулова Е. К.* Persuasive techniques in English: учеб. пособие. СПб., 2015.

¹⁰ *Плесцова Т. А.* Формирование умений публичного выступления на профессиональную тему (английский язык, неязыковой вуз, продвинутый этап обучения): дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.

¹¹ *Фоменко В. Т.* Построение процесса обучения на интегративной основе. Ростов н/Д, 1994; *Данилюк А. Я.* Теория интеграции образования. Ростов н/Д, 2000; *Шепель Э. Н.* Интегрированные учебные программы и обучение иностранному языку // Иностранные языки в школе. 1990. № 1. С. 8—13; *Яковлев И. П.* Интеграционные процессы в высшей школе. Л., 1988.

¹² *Довгополова Л. Б.* Указ. соч. С. 88.

Н. В. БОГДАНОВА

Требования к участникам бинациональных групп в рамках тандем-метода обучения иностранным языкам

Данная статья посвящена одному из методов обучения иностранному языку — тандему, который не только позволяет интенсифицировать процесс современного профессионально-языкового образования, но и позволяет расширить возможности самостоятельной работы в освоении иностранного языка. В статье рассмотрены требования к участникам бинациональных групп в тандем-группах в условиях современной информационно-образовательной среды в неязыковом вузе.

Ключевые слова: тандем-метод; бинациональный учебный процесс; билатеральный обмен; инициатива; толерантность.

N. V. BOGDANOVA

Requirements to participants of binational groups within a tandem method of training in foreign languages

This article is devoted to one of methods in foreign language training — a tandem, which not only enables to intensify the process of modern professional and language education, but also gives the possibility to expand possibilities of independent work in development of foreign language skills. The requirements to participants of binational groups in non-linguistic higher education institution within a tandem method in foreign languages training in the modern information and education environment are considered.

Keywords: tandem method; binational educational process; bilateral exchange; initiative; tolerance.

Главной целью изучения иностранного языка как учебной дисциплины неязыкового вуза следует считать формирование иноязычной коммуникативной компетенции, т. е. способности и готовности участвовать в иноязычной устной и письменной коммуникативной деятельности. В современной ситуации интенсивного межнационального профессионального общения формирование данной компетенции можно считать важным направлением подготовки будущего специалиста¹. В сложившейся ситуации все больше методистов и преподавателей иностранного языка обращается к методам, позволяющим быстрее и качественнее овладеть тем или иным иностранным языком. Одним из таких методов является *тандем-метод*, который подразумевает непосредственное общение с носителем изучаемого языка. Тандем (от англ. *tandem* — велосипед для двоих или троих) является одним из современных методов обучения иностранному языку, и этот метод приобретает все большую популярность в мире. Тандем-метод — способ самостоятельного изучения неродного языка двумя партнерами с разными родными языками, работающими в паре². В методической и педагогической литературе тандем-метод относят к интенсивным методам изучения иностранного языка, поскольку он подразумевает непосредственное погружение в язык в процессе общения с его носителем. Цель тандема — овладение родным языком своего партнера в ситуации реального или виртуального общения, знакомство с его личностью, культурой страны изучаемого языка, а также получение

информации по интересующим областям знания. В качестве вспомогательного метода при изучении иностранного языка в вузе тандем-метод также оказывает огромное влияние на процесс обучения, поскольку с помощью данного метода восполняются пробелы в составляющих коммуникативной компетенции. Важными преимуществами тандема является его гибкость, быстрота и эффективность изучения иностранных языков. Он может осуществляться самостоятельно или быть интегрированным в языковой курс, в течение короткого или продолжительного времени. Он может осуществляться с помощью электронных средств коммуникации, как, например, e-mail, skype, Facebook, видеоконференция и тому подобное между группами студентов, расположенных в разных странах. Партнеры могут выбрать удобный для себя график. Выбор того, как будет проходить тандем, остается за участниками, особенно в индивидуальных тандемах. Также происходит процесс применения усвоенных знаний на практике. Постоянная речевая практика с носителем языка способствует овладению живой разговорной речью в короткие сроки³. На любом этапе изучения иностранного языка тандем-метод является эффективным способом формирования социокультурной компетенции — знания культурных особенностей носителя языка, его привычек и традиций, норм поведения и этикета и умения их понимать и использовать в процессе коммуникации, а также социолингвистической компетенции — способности выбирать и использовать подходящие языковые средства в зависимости от ситуации и цели общения⁴.

Участники в неязыковых специализированных вузах обнаруживают на бинациональном языковом курсе концепцию, которая, как уже упоминалось, принципиально отличается от традиционного преподавания иностранного языка. Благодаря используемому принципу тандема обучаемые одновременно являются посредниками. Они говорят на целевом языке партнера по тандему и, кроме того, на языковых курсах с профессиональной направленностью являются специалистами в своей профессиональной области. Поэтому они не находятся исключительно в ситуации, в которой задаются вопросы, характерной для обучаемого, но одновременно помогают другим при изучении, обсуждении и описании специальных вопросов в профессиональных областях, в которых они в связи со своим профессиональным опытом чаще всего имеют более широкие специальные знания, чем обучаемые специалисты языковых курсов. Преимущество применения принципа тандема заключается в возникновении динамики группы, характеризующейся тем, что каждый участник курса может внести свой вклад. Все чувствуют, что они нужны, и им нужны остальные, и они замечают, как легко им дается обучение в тандеме. Такое переплетение связей, а также тот факт, что билатеральный обмен не ограничивается часами курсов, в наибольшей степени характеризуют отношения участников бинациональных языковых курсов.

При работе в тандеме, которая занимает наибольшую часть занятий, участники предоставляют друг другу информацию на своем языке о своем языке. Обучение на бинациональных языковых курсах основано на принятии ответственности участниками за самих себя, а также за партнера. С одной стороны, они должны определить собственную цель обучения, собственные интересы и границы; с другой стороны, они вносят вклад в успех языкового курса и для этого должны также учитывать потребности других участников. Именно работа в тандеме, которая должна протекать в большой степени независимо от руководителей курса, требует договоренности о совместном процессе, например, об интенсивности работы, о возможной дифференциации постановки задач, об исправлении ошибок и выборе языка и т. д. Речь при этом идет о дидактической договоренности, которая достигается

партнерами более или менее сознательно. Руководители курса могут способствовать достижению участниками таких договоренностей, убедив их в такой необходимости в начале курса и, если необходимо, указывая на это также в ходе дальнейшего процесса.

Следующие качества участников являются основополагающими для того, чтобы сотрудничество в тандемах и жизнь в группе протекали удовлетворительно:

Собственная инициатива	Толерантность	Чувствительность
-------------------------------	----------------------	-------------------------

Определенная степень *собственной инициативы* участников курса является предпосылкой автономного обучения в тандеме. Обучаемые должны проявлять это качество как при реализации своего родного языка, так и при изучении целевого языка. В тандемах необходимо достигать равновесия потребностей. Обе стороны должны иметь возможность достижения своих целей обучения; для этого соответствующие партнеры должны обмениваться данными о своих жизненных потребностях, а также, может быть, иногда демонстрировать границы, чтобы учитывались собственные интересы.

При регулировании процесса обучения важное значение имеют *чувствительность* и *толерантность* по отношению к партнеру. Участники должны быть *чувствительными*, чтобы распознавать потребности других, и они должны также проявлять терпимость в отношении таких потребностей и принимать других такими, какие они есть. Слушать партнеров, быть открытыми по отношению к ним, поддерживать их в их деятельности, не будучи навязчивыми. Это непросто, потому что может возникнуть межкультурное недопонимание, но это жизненно необходимо для удовлетворительного и позитивного процесса обучения на курсе.

Преподавательский состав является для группы примером бинационального тандема и должен понимать это. Однако и преподавателям, как и всей бинациональной группе, требуется время для создания общей основы. Для облегчения данного процесса и обеспечения удовольствия и продуктивности сотрудничества, можно, например:

- договариваться как можно точнее. В ходе предварительного обсуждения создавать общие рамки. Попытаться найти «МЫ» и сформулировать его, при этом не теряя «Я»;
- насколько возможно, разделять организационную и содержательную работу;
- обмениваться информацией. Это особенно важно при принятии решений, которые участник команды должен принимать самостоятельно;
- предоставлять билатеральную обратную связь (также и прямо позитивную). Для этого каждую неделю необходимо планировать определенный период времени. Тогда возможность поговорить (пообщаться по скайпу, написать электронное сообщение) будет не исключением, а правилом;
- обсуждать восприятия и впечатления, например, в Facebook или других социальных сетях (для сохранения динамики в группе, оправдания ожиданий и т. д.).

Также в отношении сотрудничества между руководителями курсов и организаторами должны достигаться четкие договоренности, чтобы найти общую линию и создать возможность для свободного сотрудничества. При этом, прежде всего, следует выделить договоренности в отношении прохождения курса, а также содержание и цели курса.

Примечания

¹ *Кондрашова Н. В.* Иноязычная коммуникативная компетенция как составляющая общей профессиональной компетенции выпускника неязыкового вуза // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 43—45.

² *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие для преподавателей и студентов. М., 2007.

³ *Кудрявцева Е. Л.* Использование тандема (индивидуального и группового) для сохранения родного языка у естественных билингвов // III научно-методические чтения: сб. науч. ст. М., 2012. Вып. 3.

⁴ *Ковальчук С. С.* Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с помощью тандем-метода // Молодой ученый. 2015. № 15.2. С. 32—33.

Т. А. БАЕВА,
К. И. КУБАЧЕВА

Формирование иноязычной читательской компетенции аспирантов медицинских вузов

В статье рассматривается иноязычная читательская компетенция как качественная сторона повышения уровня профессиональной подготовки будущих специалистов на этапе последиplomного обучения. Определяются факторы, влияющие на ее формирование. Описаны упражнения, направленные на овладение данной компетенцией аспирантами медицинских вузов.

Ключевые слова: иноязычная читательская компетенция; медицинские тексты; понимание основного содержания прочитанного; извлечение необходимой информации; полное понимание прочитанного; самостоятельная работа; профессиональная подготовка специалистов; аспиранты медицинских вузов.

T. A. BAEVA,
K. I. KUBACHEVA

Foreign language reading competence formation in postgraduates of medical universities

The article discusses the foreign language reading competence as the qualitative aspect in raising the level of future health care professionals' education at a stage of postgraduate training. The authors determine the factors influencing its formation. They describe the exercises aimed at mastering this competence by the postgraduate students of medical universities.

Keywords: foreign language reading competence; medical texts; reading for gist or skim reading; reading for specific information or scanning; reading for detailed comprehension or reading for detail; self-study; professional education; postgraduate students of medical universities.

Новая парадигма образования центрируется на формировании социально необходимого уровня иноязычной читательской компетенции студентов, магистрантов и аспирантов, владение которой помогает им адаптироваться в современном информационном поле. Иноязычная читательская компетенция означает умение читать, понимать прочитанное, эффективно использовать получаемую информацию в ситуациях профессионального общения, умение работать с письменными документами на иностранных языках.

Возрастающее международное сотрудничество в области медицины требует эффективного взаимодействия российских медицинских работников с зарубежными коллегами на иностранных языках. Качественный обмен опытом при решении глобальных проблем здравоохранения зависит от уровня языковой подготовки медицинских специалистов, их иноязычной профессиональной компетенции. Иностранный язык для специалистов является средством формирования языковой личности, обладающей иноязычной профессиональной компетенцией, необходимой для сотрудничества в профессиональной и научной деятельности, реализации познавательных, творческих интересов, осуществления личных контактов, а также постоянного самообразования и саморазвития.

Современная действительность ставит перед специалистами-медиками задачу быть в курсе последних открытий в области медицины, способов и

методов лечения и профилактики заболеваний, информация о них быстрее появляется в научных медицинских журналах, таких как *British Medical Journal (BMJ)*, *New England Medical Journal (NEJM)*, *The Lancet* на английском языке, и только потом в переводе. Поэтому знание иностранного языка является одним из показателей компетентности профессионала высокого уровня, что, в свою очередь, вносит некоторые особенности в курс обучения иностранному языку аспирантов медицинских специальностей.

Широкое распространение в социуме видео- и компьютерной продукции сопровождается вытеснением чтения и письменных текстов на периферию культуры, что негативно влияет на уровень профессиональной подготовки специалистов. Между тем большая часть соответствующих знаний по профилю подготовки приобретается через чтение. Печатная продукция представлена в разных кодах, которым следует обучаться специально: их невозможно освоить на обыденном уровне. Соответственно, обучение иноязычному чтению и освоение информации, представленной в письменных текстах на иностранных языках, становится важной задачей образовательных учреждений.

Результаты исследования профессиональных потребностей аспирантов медицинских вузов показывают, что основной формой реализации знания иностранного языка является чтение, которое оказывается востребованным в тех случаях, когда не хватает информации для решения конкретной задачи. Исходя из этого, в процессе преподавания иностранного языка в группах аспирантов большое внимание уделяется обучению чтению.

Аспиранты медицинских специальностей, выполняющие лечебно-диагностическую работу в учреждениях системы здравоохранения, осуществляют читательскую деятельность преимущественно для решения какой-то поставленной перед ними учебной или профессиональной задачи.

Согласно А. А. Леонтьеву, мы не просто воспринимаем и читаем текст, а, как правило, используем его в качестве ориентировочной основы для другой деятельности¹. В. А. Сластенин считает, что владение иноязычной читательской компетенцией является средством обогащения предметных знаний, совершенствования профессионально важных умений, развития личностных качеств, совокупность которых определяет уровень готовности студентов к выполнению учебной и будущей профессиональной деятельности². Т. А. Разуваева рассматривает сформированность читательской компетенции как «критерий высокого уровня профессиональной образованности», который является «интегративной характеристикой конкурентоспособной личности»³.

Следует также отметить, что чтение текстов дает огромные возможности для интенсивного самообучения, так как развивает способности обучающихся к самостоятельной обработке информации из книг. В этом заключается учебная функция читательской компетенции. Причем самообучение на основе текстов тем эффективнее, чем лучше сформирована читательская компетенция.

Иноязычная профессионально ориентированная читательская компетенция выступает как средство формирования и контроля междисциплинарных знаний, поскольку:

- оптимизирует процесс усвоения языкового материала, лексической особенностью которого является терминология, а синтаксической — определенные структуры (пассивный залог, причастные обороты);
- строится на основе письменных текстов профессиональной сферы, отличающихся определенной композицией и форматом;
- методические инструкции в формировании профессионально ориентированной читательской компетенции направлены на формирование языковой компетенции.

При этом появление нового лексического материала предполагает также самостоятельный грамматический анализ отдельных слов, так как словари не успевают фиксировать новую терминологию, необходимо научить использовать максимальное количество лингвистических и экстралингвистических опор, способствующих адекватному пониманию специального текста.

И. Ю. Марковина к числу опор лингвистического порядка относит следующие:

- известный графический образ слова, словосочетания и предложения;
- базовые термины, словообразовательные модели;
- частотные синтаксические структуры (пассивный залог, безличные и инфинитивные конструкции, сложноподчиненные предложения);

- узкий контекст.

К числу же опор, имеющих экстралингвистический характер, она относит:

- заголовок;
- предисловие;
- смысловые опоры;
- широкий контекст;
- иллюстрации;
- методические инструкции⁴.

Поскольку формирование иноязычной читательской компетенции связано с чтением текстов, изобилующих специальной терминологией, в основе которой преобладают аффиксы и префиксы, огромную роль играет знание словообразовательных моделей, интернациональная лексика, латинская терминология и знание специальных предметов профессиональной направленности.

Иноязычная читательская компетенция выступает как качественная сторона повышения уровня профессиональной подготовки специалистов на этапе последиplomного обучения, так как позволяет обогащать профессионально значимые знания, совершенствовать профессионально важные умения, развивать профессионально значимые личностные качества, совокупность которых определяет его готовность к выполнению учебной и профессиональной деятельности.

Задачи формирования иноязычной читательской компетенции аспирантов медицинских вузов достаточно сложны и могут быть решены при творческом сотрудничестве преподавателя и аспиранта, при переходе на субъект-субъектные отношения, которые лежат в основе личностно-ориентированного подхода. Данный подход делает знания, полученные обучаемыми, личностно-значимыми, что побуждает их к активности, самостоятельности и творческому подходу при изучении иностранного языка.

В связи с этим на передний план выдвигается задача тщательного отбора текстов для формирования иноязычной читательской компетенции аспирантов. С. К. Фоломкина выделяет релевантные признаки текстов для профессионально ориентированного чтения:

- целостность;
- смысловая законченность;
- завершенность;
- соответствие адаптированных текстов характеристикам оригинальных текстов;

- языковая доступность;
- содержание, мотивирующее студентов;
- информационная насыщенность;
- величина текста⁵.

Учитывая данные критерии отбора текстов, следует понимать, что целью чтения студентов выступает не столько языковые материалы, сколько информация, содержащаяся в них.

В традиционной методике при обучении чтению иноязычных текстов ставится задача формирования речевых умений чтения. К речевым умениям Е. Н. Соловова относит владение различными технологиями извлечения информации из текста. Иными словами, задача обучения чтению как самостоятельному виду речевой деятельности заключается в том, чтобы научить учащихся извлекать информацию из текста в том объеме, который необходим для решения конкретной речевой задачи, используя определенные технологии чтения⁶.

Мы установили, что формирование иноязычной читательской компетенции зависит от множества факторов, существенно влияющих на данный процесс. К таковым относятся следующие: индивидуальные особенности аспирантов, их общий кругозор, область медицины и направление подготовки, опыт читательской деятельности, а также готовность преподавателя иностранного языка к формированию иноязычной читательской компетенции на занятиях.

Поэтому для учета такого важного фактора? как общий кругозор аспирантов? большое значение придается работе, направленной на активизацию имеющихся у них знаний и на расширение их общего кругозора.

Для формирования читательской компетенции студентов Г. А. Краснощекова предлагает следующие задания:

1. Задания, направленные на овладение *лингвистической (языковой) компетенцией*:

- read these terms. Try to guess their meaning. Look them up and translate into Russian;
- complete each sentence with a word or phrase given below;
- match the words with their definitions;
- underline the words in the text connected with the message.

2. Задания, направленные на овладение *предметной компетенцией*:

- what new facts have you learnt from the text? Have you heard of them before?
- what words and phrases in the text are used in new meanings for you?

3. Задания, направленные на формирование *деятельностного компонента* иноязычной читательской компетенции:

- read the heading and try to guess what the text will be about;
- read the beginning of the first sentence of each paragraph and try to predict the ending;
- read the first sentence of each paragraph and name the issues which will be discussed in the text;
- what information do you want to obtain from the text? What is the purpose of your reading the text?

4. Задания, направленные на совершенствование *интерпретационных умений*:

- what is the author's attitude to the information/facts/issues in the text?
- do you think the text has any implication?
- try to retell the text in the name of...

5. Задания, направленные на совершенствование оценочных умений:

- what is your attitude to the text?
- what significant information have you learnt from the text?
- what turned out difficult for you while reading the text?⁷

Рассматривая текст как компонент содержания обучения иностранным языкам, мы постарались определить? какой материал должен быть освоен аспирантами с целью формирования читательской компетенции. В частности, нами был подготовлено учебное пособие, которое рассчитано на развитие как пассивных, так и продуктивных навыков владения английским языком. Представленные в пособии тексты и диалоги сопровождаются заданиями языкового и речевого характера:

- find and underline the key sentence in each paragraph;
- find and underline the key sentence in the text;
- find the main argument in favor of the message.

В качестве конечного результата работы над темой предусматривается речевой или языковой контроль усвоения материала темы, представлены тестовые задания, а также задания для самостоятельной работы⁸. Упражнения, представленные в пособии, представляют собой особую систему обучающих действий, т. е. упражнений, направленных на формирование специфических знаний и умений пользоваться сформированными знаниями, которые обеспечивают овладение навыками извлечения и обработки информации из иноязычного источника (чтение, перевод, аннотирование и реферирование медицинской литературы), а также устными коммуникативными навыками общения в профессиональной сфере⁹.

Обучение чтению аспирантов медицинских специальностей заключается в формировании умений владения видами чтения иноязычных текстов всех функциональных стилей и жанров. Чтение специальной литературы предполагает использование различных видов чтения: просмотровое, ознакомительное, изучающее, поисковое чтение. Для специалистов-медиков значение имеют все виды чтения. Для поиска необходимой информации в специальных медицинских журналах в библиотеках, в базах данных в сети Интернет важно уметь бегло просматривать медицинские сайты, электронные версии медицинских журналов, научные статьи и, опираясь на ключевые слова, решить, есть ли там необходимая для работы информация.

Опыт применения умений и навыков чтения в профессиональной деятельности — это составление языкового портфолио аспиранта, включающего перевод статьи по специальности (15 000 п.ч.) и подбор специальной литературы по направлению подготовки (статьи из научных медицинских журналов, главы из монографий) и глоссарий терминов по соответствующей отрасли медицины).

Следует сделать вывод, что проблема формирования читательской компетенции обусловлена потребностью современного общества и системы образования в специалистах, способных реализовывать свои образовательные возможности в динамично изменяющейся образовательной ситуации, готовых к профессиональному информационному самообеспечению.

Таким образом, иноязычное обучение в медицинском вузе определяет вектор работы в данных направлениях, целью становится подготовка специалиста, обладающего профессиональной иноязычной компетенцией, готового участвовать в межкультурном профессиональном общении, способного получать, извлекать, анализировать и использовать иноязычную информацию по специальности, использовать иностранный язык в качестве средства информационной деятельности и дальнейшего самообразования.

Основой современного образования является концепция непрерывного образования в течение всей жизни. Чтобы быть конкурентоспособным специалистом на рынке труда, выпускник вуза, ординатор, аспирант должен быть готов к самостоятельной работе по повышению своей компетентности, приобретению новых компетенций. Языковая подготовка специалиста необходима как для профессиональной деятельности, так и для самообразования. Обучение иностранному языку может и должно занять свое особое место в многоэтапной системе образования российских специалистов-медиков «вуз — послевузовское обучение» (повышение квалификации, научно-исследовательская деятельность, переподготовка, циклы тематического усовершенствования врачей и пр.).

Примечания

¹ *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1997.

² *Сластенин В. А.* Педагогика: учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений. М., 1997.

³ *Разуваева Т. А.* Оценивание иноязычной читательской компетенции учащихся в рамках компетентностного подхода: анализ отечественного и зарубежного опыта // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Сер. Общественные науки. Пенза, 2011. № 24. С. 756—762.

⁴ *Марковина И. Ю.* Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

⁵ *Фоломкина С. К.* Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учеб.-метод. пособие для вузов. М., 1986.

⁶ *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М., 2003.

⁷ *Краснощекова Г. А.* Формирование читательской компетенции студентов в рамках курса «Иностранный язык для специальных целей» // Междунар. журн. эксперимент. образования. 2016. № 2-1. С. 51—54.

⁸ Английский язык в сфере профессионального общения. Медицина: учеб. пособие / В. К. Колобаев, Т. А. Баева, К. И. Кубачева, Е. М. Жаворонкова. М. ; Берлин, 2015.

⁹ *Баева Т. А., Кубачева К. И., Потапова О. М.* Текст как компонент содержания обучения иностранному языку студентов медицинских вузов // Евразийский союз ученых (ЕСУ): ежемес. науч. журн. 2016. № 1 (22). Ч. 3. С. 48—51.

М. К. АЛТУХОВА

Критерии отбора песенного материала в обучении дошкольников и младших школьников иностранному языку

Статья затрагивает проблему отбора песенного материала для обучения иностранному языку в дошкольных образовательных учреждениях и младших классах средней школы. Автор исследует существующие критерии отбора песен для обучения иностранному языку. Внимание автора обращено на разницу в критериях отбора песен, которые следует применять для обучения детей начальной и старшей школы. Подчеркивается целесообразность использования неаутентичных песен наряду с аутентичными. Даны рекомендации по использованию различных типов песен.

Ключевые слова: использование песен в обучении иностранному языку; критерии отбора песен; аутентичные песни; неаутентичные песни; психологические особенности детей дошкольного и младшего школьного возраста.

M. K. ALTUKHOVA

Criteria for the song material selection in teaching a foreign language to preschool and primary school children

The article touches upon the problem of selection of the song material for teaching a foreign language in pre-school and primary education institutions. The author examines the existing criteria for selection of songs for teaching a foreign language. The author's attention is drawn to the difference of criteria which should be applied to teaching primary and senior schoolchildren. The advisability of employing non-authentic songs along with the authentic ones is stressed. Some recommendations on using different types of songs are given.

Keywords: using songs in foreign language teaching; criteria for selection of songs; authentic songs; non-authentic songs; psychological characteristics of preschool and early school age children.

Песни заслуженно занимают почетное место в арсенале средств обучения учителя иностранного языка младших классов и педагога дошкольного образования. Песни помогают учащимся развить навыки аудирования, закрепить пройденный на уроке грамматический материал, быстро и весело запомнить новые слова и выражения. Использование песен на уроке способствует релаксации учащихся за счет их переключения на другой вид деятельности, учету интересов учащихся, повышению их мотивации к изучению языка.

В настоящее время появляются новые методические пособия, содержащие песни на иностранном языке, выходят разнообразные сборники иноязычных песен для детей. Однако приходится констатировать, что авторы многих печатных изданий, предлагая использовать песенный материал в обучении детей дошкольного и младшего школьного возраста, не учитывают особенности детей данной возрастной категории.

Песни для обучения детей раннего возраста можно найти и на просторах Интернета. Тем не менее, для учителя поиск подходящей песни в Интернете представляет трудности и связан с большими временными затратами, поскольку в Сети нет развернутой классификации песен, а у учителя нет четкого понимания критериев отбора песен.

Причин сложившейся ситуации, на наш взгляд, несколько, и главная из них заключена не в том, что в методике обучения языкам отсутствуют критерии отбора песен, а в том, что ряд критериев не может быть применим в обучении детей младшего школьного и дошкольного возраста.

Рассмотрим некоторые критерии. Первый критерий — аутентичность (этот критерий отмечают в своих работах З. Н. Никитенко, И. И. Небезина и др.). Аутентичные песни — это песни, которые были созданы носителями языка и отобраны для использования на уроках вне языковой среды, без методической адаптации. Такие песни обычно имеют большое количество незнакомых для учащихся младшей возрастной категории лексических единиц, в том числе редко употребительные слова, а также сложные грамматические конструкции. Использование таких песен противоречит принципу доступности в обучении. Напротив, неаутентичные песни, т. е. авторские, специально сочиненные самим учителем или взятые им из учебно-методической литературы, могут быть значительно эффективнее аутентичных. В частности, сочиняя песни самостоятельно, учителю легче учесть возраст детей, уровень их обученности, цель и тему урока. Кроме того, неаутентичные, учебные песни, как правило, не сложны по содержанию и форме. Ритм таких песен быстро запоминается детьми, и строчки песен легко всплывают в памяти позже, когда учащимся нужно применить какую-то конструкцию при выполнении упражнений или в ситуации общения.

Другой критерий, по которому принято отбирать песни, — наличие в песнях проблематики (данный критерий поддерживают К. Т. Трифонова, К. Т. Глеужанова, Н. В. Энгель и др.). Заметим, что обсуждать с детьми дошкольного возраста существующие социальные, политические или межличностные проблемы, затронутые в песнях, не имеет смысла. Мышление детей этого возраста, как правило, ограничено проблемами, связанными с объектами окружающей действительности. Кроме того, мышлению дошкольника присущ эгоцентризм. Как показывает практика, именно песни с простой констатацией фактов (что я делаю сейчас, каждый день, или чем занимается забавный Тим в своей волшебной стране) детям учить проще, интереснее и полезнее.

Еще один критерий, выдвигаемый, в частности, С. Ф. Гебель, заключается в том, что при выборе песни преподаватель должен ориентироваться на песни, часто транслируемые по радио. К сожалению, детских зарубежных песен на иностранном языке русское радио не транслирует, поэтому с данным критерием мы согласиться тоже не можем.

В методической литературе можно встретить критерии, с которыми мы согласимся частично. В частности, Т. Н. Гнилова, исследуя проблему обучения английскому языку с помощью песен, заметила, что либо иногда хороший текст не имеет мелодии (т. е. это стихотворения, которые не положены на музыку), либо у песен с подходящим для обучения текстом сложная, не ритмичная или не легко запоминающаяся мелодия. Однако, как отмечает автор в своей работе «Обучение иностранному языку дошкольников и младших школьников с опорой на популярную песенную мелодику», приемлемые мелодии можно обнаружить в песнях, содержание которых не соответствует возрасту обучаемых, либо лексико-грамматические средства выражения не соответствуют уровню владения иностранным языком учащимися. Таким образом, исследователь делает вывод, что учителю следует подобрать ряд стихотворных текстов и текстов песен и иметь обширный репертуар узнаваемых мелодий. Далее задача учителя будет состоять в том, чтобы «приноравливать» стихотворные тексты к имеющимся мелодиям. В качестве примера, Т. Н. Гнилова приводит стихотворение «Oh, cow», которое перекладывает на мелодию песни «Антошка» из мультфильма «Веселая карусель», музыка В. Я. Шаинского:

Oh, cow, oh cow, tell me, what can you do?
Oh, cow, oh cow, tell me, what can you do?
I give good milk, that's I can do
I give good milk, that's I can do

Обе песни имеют двойное окливание («Антошка» и «Oh, cow»), обе песни шуточные, и первые две строчки песни «Oh, cow...» легко укладываются на мелодию. Однако, на наш взгляд, пропевание слов припева «I give good milk, that's I can do...» представляется затруднительным, поскольку ритм песни становится быстрым. Таким образом, песня, предназначенная для того, чтобы облегчить учащимся путь к овладению иностранным языком, превращается в дополнительное препятствие на этом пути. В целом, следует отметить, эта методика интересна и имеет право на существование и разумное применение, в то же время приведенный автором пример не совсем удачный. Нам также представляется не совсем правильной авторская позиция всегда использовать аутентичные тексты.

Приведем примеры неаутентичных песен на английском языке и дадим краткие рекомендации по их использованию в обучении детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Песенки для освоения грамматических конструкций и лексики:

I like carrot,
I like pea,
Pasta, sausages,
And tea.

Данная песня может быть использована учителем на этапе презентации новых слов по теме Food («Еда»).

Песни — зарядки для отдыха, смены вида деятельности:

Hands up, clap your hands,
Hands down, stamp your feet,
Sing a song and dance about.
We are happy, there's no doubt!

Поскольку детям дошкольного и младшего школьного возраста присуща большая потребность в движении, песни этого типа целесообразно включать в середину и/или конец каждого урока и сопровождать движениями, отражающими содержание песен.

Песни-диалоги для обучения разговорной речи:

— I'm looking for some spices,
I'm looking for some nuts.
— Here you are. Here you are.
— Thank you.
— You are welcome.

Песня в рамках темы «Shopping» («Покупки в магазине») разучивается хором, затем пропевается по ролям в парах. Далее учащиеся самостоятельно в парах заменяют одни существительные и местоимения другими и таким образом сочиняют новую песню, которую затем исполняют перед всем классом.

Песни на музыку из кинофильмов и мультипликационных фильмов для использования в сценках, выступлениях, праздничных программах:

We go, go, go
We go very far
By train and by plane,
By buses and by car.

Эту простую песенку по мотивам «Песенки друзей» («Мы едем, едем, едем») из кинофильма «Веселые путешественники», музыка М. Старокадомского, можно использовать при изучении лексики по теме «Means of Transport»

(«Транспорт») и в выступлении (ролевой игре) по теме «Путешествие» — «Travelling». Песню желательно исполнять, сопровождая ее движениями.

I'm lying in the sun,
I'm looking at the sun.
I'm lying, I'm lying
And I'm looking at the sun.
Hippopo is walking here,
Crocodile is swimming near.
Only I am still lying
And I'm looking at the sun

(слова И. В. Анухиной, в редакции автора).

Данная песня, сочиненная на мотив песни «Я на солнышке лежу» из мультфильма «Как львенок и черепаха пели песню», музыка Г. Гладкова, может применяться при обсуждении видов отдыха и при изучении грамматической темы «Present Continuous».

Возможно использовать песни из мультфильмов в постановке сказок на английском языке.

Песню на мотив «Какой чудесный день» из мультфильма «Песенка мышонка», музыка А. Флярковского, можно включить в инсценировку сказки «Who Said Mew» («Кто сказал Мяу?»).

Oh, what a lovely day!
I like to run and play,
I sing along my way.
Oh, what a lovely day!

Oh, what a lovely day
My friends — with me today
I like to work and say,
Oh, what a lovely day!

Еще один пример — песня на мелодию песен о маме из музыкального фильма «Мама» («Динь-дон, я ваша мама», «Мама — первое слово, главное слово в каждой судьбе»), музыка Буржоа Жерар. Песню можно исполнять в спектакле по одноименному фильму или сказке «Wolf and Seven Kids» («Волк и семеро козлят»), а также в концерте для мам и бабушек, посвященном женскому дню 8 Марта.

Ding-dong.
Mummy is coming,
Mummy is coming,
Open the door!
Ding-dong.
My little children,
My dear children,
Open the door!

***

Mummy, you are so beautiful,
You are so wonderful!
Thank you for all!
Mummy! Thank you for giving,
Thank you for loving,
Thank you for all! (слова неизвестного автора).

Подведем итоги и сформулируем критерии отбора песенного материала для детей дошкольного и младшего школьного возраста, которые учитывают

психологические особенности детей этого возраста, их уровень владения иностранным языком и условия обучения вне языковой среды.

Критерий методической ценности для формирования базовых речевых навыков и умений учащихся в соответствии программными требованиями обучения на данном этапе.

Критерий доступности. Песни могут содержать небольшое количество незнакомого языкового материала, однако, в основном песни должны состоять из понятных, изученных ранее лексико-грамматических структур.

Критерий учета возрастных особенностей и интересов учащихся. Например, песни из знакомых мультфильмов и сказок дети всегда с удовольствием исполняют на иностранном языке.

Критерий наличия эмоционально-окрашенного компонента для воздействия на эмоциональную и мотивационную сферу личности. Песни должны артистично исполняться и вызывать положительный отклик у учащихся.

Общезакономерные критерии: наличие четкого ритмического рисунка, ритмообразующего темпа, запоминающейся мелодии, которая удобна для пропевания и в большинстве случаев — для сопровождения движениями.

Критерий наличия в песне текстового (лексического и/или структурного) и музыкального повторов.

В заключение следует отметить, что мы не выступаем против использования аутентичных песен как таковых, если они подходят по теме, возрасту и уровню языковой подготовки учащихся; мы не исключаем использование на уроке периодически звучащих по радио песен (например, «Jingle Bells») и уверены, что содержание некоторых песен можно и нужно обсуждать с детьми, однако включение их в обязательные критерии отбора песен в обучении детей дошкольного и младшего школьного возраста считаем ошибочным.

С. В. КАТАЕВА

Конъюнктив как грамматическое средство выражения вежливости в немецком языке

В статье анализируется использование в немецком языке грамматических форм конъюнктива для выражения вежливости, рассматривается взаимодействие этих форм с грамматическими средствами выражения грамматической категории респективности.

Ключевые слова: грамматическая категория респективности; сослагательное наклонение конъюнктив; вежливость; лексико-грамматические средства; функциональная избыточность.

S. V. KATAEVA

Using means of expressing grammatical category of respectfulness in the German language

The article deals with using the grammatical forms of the German subjunctive mood (Konjunktiv) for expressing politeness. The interaction of these forms with grammatical means of the grammatical category of respectfulness in the German language is considered.

Keywords: grammatical category of respectfulness; subjunctive mood (Konjunktiv); politeness; lexical-grammatical means; functional redundancy.

В научной литературе при анализе вежливости как коммуникативной категории выделяется три уровня вежливости.

Высокий уровень вежливости образует формальную вежливость, характерную для официальной обстановки общения. Средний уровень вежливости — это нейтральная вежливость. Она реализуется посредством выражений с меньшей степенью вежливости, т. е. обычных принятых формул вежливости. Такие формулы воспроизводятся автоматически и представляют собой устойчивые клишированные фразы. Низкий уровень вежливости представляет собой неформальную вежливость, характерную для разговорно-фамильярного стиля речи.

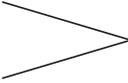
Функционирование языковых форм вежливости в немецком языке обусловлено национальной спецификой. Частое использование немецких формул приветствия и прощания в речевом общении (например, обязательные приветствие и прощание у немцев в общественных местах, в магазине, на работе, в лифте, в купе вагона и т. д.), регулярное обращение немцев к формулам извинения и благодарности свидетельствует о высоком уровне бытовой вежливости немецкой лингвокультурной общности. В результате многие этикетные формулы становятся семантически опустошенными и ритуализованными. В речевой коммуникации они выступают во многих случаях в качестве формальных маркеров вежливости, реализуя при этом низкий или нейтральный уровень вежливости. В свою очередь, для выражения высокого уровня вежливости используются стилистически повышенные формы, характеризующиеся осложнением высказывания посредством определенных лексико-грамматических способов. В результате происходит «семантическое оживление» этикетных формул, которые способны выполнять, таким образом, присутствующие им изначально функции¹.

Базовыми однозначно идентифицирующими грамматическими средствами выражения вежливости на всех уровнях являются языковые формы, представляющие грамматическую категорию респективности в немецком языке.

Грамматическую категорию респективности в немецком языке мы определяем — как грамматическую категорию, выражающую субъективно-социальную

оценку слушающего говорящим, содержащую два противопоставленных значения: респектив и ареспектив, ареспектив в свою очередь различается по значению числа.

Парадигму грамматической категории респективности можно представить следующим образом:

	Ареспектив		Респектив
единственное число	<i>du+Vf</i>		<i>Sie+Vf</i>
множественное число	<i>ihr+Vf</i> (Vf — форма глагола)		

При взаимодействии в рамках функционально-семантического поля респективности грамматические, лексические и орфографические средства оказывают друг на друга определенное влияние, а именно: *усиливающее; конкретизирующее; ослабляющее; «переключающее»*, создающее новое значение².

Усиливающим средством выражения респективности может служить использование конъюнктивных форм в речевой цепи наряду с граммами респектива: *Würden Sie unterschreiben!*

В качестве примера *конкретизирующего* влияния при выражении уважительности к слушающему можно привести сочетание обращения *Herr/Frau* + фамилия + *Sie+Vf*, выражающее семантическое значение респектива: *Frau Schmidt, unterschreiben Sie!*

Ослабление значения мы наблюдаем при «смешанной технике» в обращении, так называемом «гамбургском или ганзейском *Sie*»: *Sie+Vf* 3 л. мн. ч. + имя. Так как общепринятой нормой для немецкого языка при обращении с формой *Sie+Vf* 3 л. мн. ч. является использование «свободного» обращения *Herr/Frau* + фамилия, то употребление в сочетании с грамматическими формами респектива имени уменьшает дистанцию между собеседниками, ослабляет грамматическое значение вежливости, выраженное в «связанном» обращении.

«*Переключение*» значения происходит при использовании в немецком языке «мюнхенского *du*», например, *Frau Huber, gib mir mal den Kugelschreiber*. В данном предложении наблюдается сочетание двух средств разных уровней с разными значениями. Хотя форма «связанного» обращения и имеет грамму ареспектива, но лексическое средство *Frau Huber* дает возможность говорящему выразить уважительность к собеседнику. Средство с семантическим значением респектива оказывается здесь в смысловом отношении «сильнее» средства со значением ареспектива, как бы подавляет его, меняя его значение ареспектива. В обратном направлении происходит замена значения респектива значением ареспектива с помощью лексических средств в выражении типа: *Sie Idiot haben geglaubt*.

Грамматические средства респективности, взаимодействуя друг с другом и со средствами лексическими, не только дополняют друг друга, распределяя между собой семантическую нагрузку, но и выражают одно и то же (по-разному или одинаково), что свидетельствует о наличии функциональной избыточности.

Функциональная избыточность проявляется при функционировании соответствующей словоформы в соответствующем окружении и возникает не всякий раз, когда употребляется соответствующая форма, а зависит от целей коммуникации и желания говорящего. Функциональная избыточность важна для совершенного выполнения языком его основной функции — функции общения³.

В предложении *Herr Müller, könnten Sie mir helfen!* вежливость к собеседнику выражается не только граммой респектива *Sie+Vf*, но и грамматической формой «дипломатического» конъюнктива *könnten Sie* и лексическим

средством — «свободным» номинальным обращением *Herr Müller*. Здесь три различных средства выражают одно и то же семантическое значение респектива. Такая избыточность является необходимой для коммуникации. Семантическое значение респектива прежде всего представлено в самой грамматической категории респективности *Sie+Vf*. Использование конъюнктивной формы глагола *könnten* усиливает информацию о респективности говорящего к собеседнику и придает высказыванию новый оттенок вежливости. Формы «дипломатического» конъюнктива могут использоваться не только в сочетании с граммемой респектива. Конъюнктивная форма с таким же оттенком вежливости используется во 2-м лице и в сочетании с граммемой ареспектива. Лексическое средство — номинальное обращение *Herr Müller* является дополнительным сигналом респективности.

Одним из наиболее употребляемых грамматических средств для усиления значения вежливости высказывания в немецком языке является сослагательное наклонение — конъюнктив. Наклонения, являющиеся средствами выражения объективной внешней модальности (отношения содержания предложения к действительности в плане реальности/нереальности), определенным образом воздействуют на семантические значения респектива/ареспектива форм, входящих в состав парадигмы грамматической категории респективности в немецком языке. Конъюнктив лишает высказывание категоричного тона, который несет с собой индикатив. Он создает впечатление осторожного вопроса или утверждения и поэтому используется часто при подчеркнуто вежливом обращении: *Ich sage nur, was Sie wissen sollten* (H. Otto). *Das sollten Sie unbedingt auch einmal tun, man hört es einfach an der Sprache, glauben Sie mir. Womit ich selbstverständlich nichts gegen Ihre Aussprache gesagt haben möchte* (E. Reichart). На денотативном уровне здесь происходит десемантизация конъюнктива.

Вежливее становится предложение с конъюнктивной формой глагола при самообозначении: *Ich wollte Sie nicht lange aufhalten* (H. Otto). Такое явление мы наблюдаем в осторожных, некатегоричных вопросах. Вопросительность нейтрализует различие между конъюнктивом и индикативом, ибо гипотетичность свойственна любому вопросительному предложению без вопросительного слова: *Hättest du nicht Lust, auszugehen?* приблизительно: *Hast du nicht Lust auszugehen?* Явное различие ощущается на коннотативном уровне. Сема «гипотетичность» создает эффект осторожного, робкого вопроса или просьбы, которую говорящий, казалось бы, в любой момент готов признать недействительной. Здесь конъюнктив как наклонение нереальности превратился на денотативном уровне в свою противоположность, так как речь идет о совершенно реальных действиях. Различие между конъюнктивом и индикативом сохраняется на коннотативном уровне.

Формы претерита конъюнктива и кондиционалиса часто используются при выражении вежливой просьбы, приглашения. В претерите конъюнктива стоят обычно модальные глаголы: *Sie könnten sich dann mit dem gleichen Recht an meine Kollegin wenden* (A. Seghers); *Sie könnten herkommen, wenn es ein Sonnabend oder ein Sonntag ist* (H. Otto); *Ihr könntet noch einen Tag bleiben* (H. Otto); *Du könntest ein Paar Päckchen Tabak holen*. Несмотря на выбранные формы обращения *du+Vf* и *ihr+Vf*, глагольные формы претерита конъюнктива модального глагола дают возможность выразить вежливую просьбу и уважительное отношение к собеседнику. Такого рода просьба часто завуалирована в форму побудительно-вопросительного предложения, что производит впечатление неуверенности говорящего: *Könntest du denn nicht wenigstens einen Schlag weniger hart operieren?* (C. Nowak); *Könnten Sie mir Ihre Adresse mitteilen?* (H. Fallada); *Dürfte ich Sie um eine Tasse Kaffee bitten?* (H. Fallada); *Wenn ich um ein Glas Wasser bitten dürfte?* (H. Fallada).

Аналогичным является употребление кондиционалиса: *Ja würden Sie denn eine Eintrittserklärung unterschreiben?* (E. Günther); *Würden Sie mir erlauben, einmal Ihr Telefon zu benutzen?* (E. M. Remarque); *Würden Sie das für mich noch machen?* (E. M. Remarque); *Ich möchte Sie um etwas bitten: falls der Bus aus Stralsund eintrifft, würden Sie uns dann freundlicherweise eine Nachricht geben* (S. Lenz); *Jedenfalls würdest du von mir nicht sagen können, daß ich aussähe wie eine Kommunistin* (S. Lenz); *Ich würde es Ihnen nicht raten* (E. M. Remarque); *Würden Sie mir erlauben, daß ich mir ein wenig Einblick in die Sammlung verschaffe?* (Th. Mann). Кондиционалису свойственна сема «гипотетичность», которая в сочетании с интонацией волеизъявления создает коннотативный эффект неуверенности, осторожности.

В предложениях с сигналами респективности может также использоваться плюсквамперфект конъюнктив для обозначения действия в настоящем времени: *Von Ihnen hätte ich eigentlich mehr Arbeitsdisziplin erwartet* (К.-Н.-Jakobs). Чаще всего плюсквамперфект встречается в предложениях с *gern* и *am liebsten*: *Ist Herr Müller nicht da? Ich hätte gern mit ihm selbst gesprochen. Was wünschen Sie? — Entschuldigen Sie! Ich hätte nur gern gewußt, was so eine Vase wie die im Schaufenster kostet.*

Презенс конъюнктива на коннотативном уровне соответствует скромному, вежливому, ненавязчивому и в то же время назидательному тону: *Um sich die Entstehung der passiven Bedeutung anschaulich zu machen, wolle man folgendes erwägen.*

Праздничным и возвышенным становится высказывание при выражении пожелания с глаголом *mögen* в форме конъюнктива презенса: *Mögest du Erfolg haben!*

Некоторые фразеосхемы с презенсом конъюнктива относятся к средствам выражения вежливости: 1) *Es sei vorläufig nur kurz bemerkt, dass...*; 2) *Es sei mir gestattet, Herrn Professor P. zu danken.* Здесь не выражен ни адресат, ни адресант (модель 1), или адресат выражен косвенно в форме дополнения в дативе (модель 2). Презенс конъюнктива в данных моделях выражает пожелание, просьбу о разрешении, допущение, представляя изысканную вежливость.

Таким образом, обязательным средством выражения респективности в немецком языке является грамматическая категория респективности. Формы конъюнктива с другими грамматическими и лексическими средствами используются как дополнительные сигналы респективности, которые способствуют повышению уровня вежливости высказывания. В то же время в некоторых случаях, когда, например, конъюнктив или вежливое «свободное» обращение *Herr/Frau* используется в сочетании с граммемой ареспектива, эти средства языка могут играть роль основного сигнала вежливости.

Примечания

¹ Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2011. С. 26.

² Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 7.

³ Жукова Н. С. Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. С. 12.

А. Н. ЯКОВЛЮК

Термин «валентность»: возможность или реализация?

В статье анализируется использование в лингвистической теории терминов «валентность» и «сочетаемость», предлагается путь решения противоречий в их корреляции.

Ключевые слова: теория валентности; валентность; сочетаемость; реализация; возможность.

A. N. YAKOVLYUK

The term 'valence': the possibility or realization?

The article examines using the terms 'valence' and 'compatibility' in linguistic theory, a way to resolve the contradictions in their correlation is offered.

Keywords: theory of valence; valence; compatibility; realization; possibility.

Для теории валентности, впрочем, как и для многих других лингвистических теорий, характерен определенный терминологический разнобой, который не преодолен по сей день и преодоление которого, возможно займет еще продолжительный отрезок времени. В первую очередь это касается самого термина «валентность», пришедшего в языкознание из химии. Начав работать с понятием валентности значительно раньше лингвистов, ученые-химики пришли к выводу, что «в настоящее время накопленный химией экспериментальный материал столь обширен и разнообразен, а картина химической связи в разных соединениях столь пестра, что задача последовательного, единого и всеобъемлющего определения валентности представляется крайне сложной»¹.

Обращение к лингвистическим энциклопедическим словарям показывает расплывчатость и ограниченность приведенных в них формулировок, касающихся термина «валентность» и термина «сочетаемость», что, как это будет показано ниже, имеет следствием их самое разное толкование в исследованиях по теории валентности.

В вышедшем в 1966 г. «Словаре лингвистических терминов» термин «валентность» не представлен, хотя валентность косвенным образом упоминается при толковании термина «семантико-фразеологический», который относится к семантической валентности слов, их способности привлекать или отталкивать друг друга в словосочетании².

Через десять лет Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова вводят в свой словарь-справочник словарные статьи «валентность» и «сочетаемость», причем первая определяется как «способность слова вступать в словосочетания с другими словами», а вторая — как «способность языковых элементов соединяться друг с другом в речи».³

Понимание валентности как способности слов или членов предложения присоединять к себе другие слова или члены предложения характерно для словаря Р. Конрада⁴.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре понятие валентности ограничивается синтаксическим применением и определяется как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами». Сочетаемость трактуется как «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня»⁵.

Отсутствие четких энциклопедических дефиниций вынуждает лингвистов пытаться вновь и вновь определить свое понимание терминов и их соотношение друг с другом.

В настоящее время может считаться практически не представленной точка зрения, согласно которой валентность и сочетаемость отождествлялись и произвольно подменяли друг друга, когда валентность рассматривалась одновременно как сочетательные свойства и как их реализация в речи (см. работы О. И. Москальской, Н. И. Филичевой, Н. Ю. Шведовой и др.).

Преодоление этой позиции и разделение валентности и сочетаемости было связано с выходом теории валентности из рамок чистого синтаксиса и получившим все более широкое распространение семантическим подходом, причем одна из первых попыток преодолеть неоправданное слияние терминов имела место уже почти полвека назад, когда валентность стала рассматриваться как потенция (язык), а сочетаемость — как реализация (речь).

Идея разграничения терминов по линии «язык — речь» оказалась плодотворной, о чем свидетельствует целый ряд работ, положивших ее в свою основу. Однако, признавая неадекватность явлений и терминов, ученые образовали два направления, зафиксировав за ними полностью противоположные значения.

Представители первого относят валентность к системе языка, а сочетаемость — к ее реализации в речи (см., например, работы И. Г. Ольшанского, В. М. Лейкиной и др.), во втором же направлении валентность характеризуется как речевая реализация потенциальной сочетаемости.

Семантическая основа характеризует многие определения валентности зарубежных лингвистов. Так, В. Бондзио придерживается мнения о необходимости описания валентности при помощи метода компонентного анализа лексического значения носителя валентности, а Г. Вотьяк определяет валентность как свойство лексических значений вступать в отношения с другими значениями.

Усиление позиций семантического подхода не могло не привести к спорам относительно ведущей роли синтаксиса или семантики (например, утверждение, что лексическая сочетаемость базируется на синтаксической и предопределяется ею, диаметрально противоположно точке зрения Н. И. Филичевой о зависимости синтаксической валентности от семантики слова и мнению, что валентность регулируется главным образом семантической структурой слова), однако наличие слияния в валентности синтаксического и семантического уровней представляется бесспорным.

В связи с этим правильнее всего обратиться к первоисточнику, к исходному определению валентности в химии, которое может быть и страдает отсутствием «всеобъемлемости», но зато очень четко формулирует главную мысль о *потенциальности* (а не какого-то конкретного материального проявления) валентности: «валентность (от лат. *valentia* — сила), способность атома к образованию химических связей»⁶ (подчеркнуто нами — А. Я.).

Разделяя точку зрения лингвистов, считающих ведущей семантическую сторону структуры, мы определяем *валентность как обуславливаемую ее семантической характеристикой способность языковой единицы вступить в синтагматическое окружение*. Представленное определение не претендует на универсальность, оно является в определенной степени узким понятием (так, например, в нем не отражена формальная валентность односторонних единиц языка) и призвано служить целям установления позиции автора, без которого невозможно дальнейшее рассмотрение теоретических и практических вопросов.

Установив принадлежность валентности к системе языка, необходимо определиться с выбором термина для ее реализации в речи. На первый взгляд, это не должно представлять сложности, так как в лингвистике, как

уже было показано выше, для этой цели неоднократно использовался термин «сочетаемость».

Проанализировав, однако, функционирование термина «сочетаемость» для обозначения реализации в речи валентности языковой единицы, нельзя не обратить внимание на то, что в значении самого термина на первый план выступают семы потенциальности и процессуальности, а не требуемая в данном случае сема результативности. На наш взгляд, именно этот процессуальный аспект термина служил и продолжает служить причиной смешения терминов «валентность» и «сочетаемость», порождая неточности формулировок даже у ученых, которые стоят на позициях разделения терминов.

В данных условиях возможной и целесообразной представляется замена термина «сочетаемость» новым термином, для чего предлагается *ввести для обозначения реализации валентности языковой единицы в конкретном синтагматическом окружении термин «сочленённость».*

Примечания

¹ БСЭ. Т. 4. М., 1971. С. 255.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 400.

³ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 44, 450.

⁴ Conrad R. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig, 1981. S. 283.

⁵ Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 79, 483.

⁶ БСЭ. Т. 4. С. 255.

Н. С. ШАПОВАЛОВА

Сопоставительный анализ каузативных конструкций в английском и русском языках

Проблема, рассматриваемая в статье, относится к актуальным, так как она связана с рядом важных вопросов переводоведения, в частности, с определением переводческих соответствий, определением возможных способов перевода на русский язык английских предложений, содержащих каузативные конструкции различных типов. Материалом для данного исследования послужили тексты английских и американских авторов с параллельными переводами, выполненными высококвалифицированными переводчиками, что, безусловно, делает его полезным при рассмотрении вопроса о каузативных конструкциях.

Ключевые слова: каузативная конструкция; переводческие соответствия; сравнительный анализ; параллельный перевод; лингвистическая типология; художественный текст; концепт причины; межъязыковая коммуникация.

N. S. SHAPOVALOVA

The comparative analysis of causative constructions in the English and Russian languages

The problem investigated in the article is essentially related to a range of core questions in the theory of translation, notably identifying translation equivalents, determining possible ways of translating into the Russian language English statements containing diverse type causative structures. The research was exemplified in English and American writers' works accompanied with parallel translations by highly skilled translators, which makes it helpful in the course of causative structures analysis.

Keywords: causative construction; translation equivalents; comparative analysis; parallel translation; linguistic typology; literary text; text concept of cause; interlinguistics.

Перевод представляет собой вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноценной замены оригинала в качестве коммуникативно-равноценного последнему. Так как в ряде языков обнаруживаются как сходные черты, так и резкие отличия их друг от друга, при переводе с одного языка на другой необходимо учитывать действия одних и тех же факторов логико-семантического порядка для передачи одного и того же смыслового содержания.

Лингвистическая типология занимается сравнением языков. Типологические исследования, проводимые отечественными и зарубежными лингвистами, позволяют решить многие общезыковые проблемы. Одной из таких проблем является определение возможных способов перевода на русский язык английских предложений, содержащих каузативные конструкции различных типов. Эта проблема, безусловно, относится к актуальным, так как она связана с рядом важных вопросов переводоведения, в частности, с определением переводческих соответствий. С этой целью возникает необходимость:

1. Описать концепт причины, охарактеризовать причинные отношения в языке. Определить типы каузативных конструкций, входящих в английские предложения.

2. Определить систему каузативных глаголов в английском языке на основе классических художественных текстов.

3. Определить способы перевода каузативных конструкций.

4. Проанализировать переводческие соответствия.

Материалом для данного исследования послужили тексты английских и американских авторов с параллельно выполненными переводами на русский язык.

Необходимо отметить, что языковые явления рассматриваются исследователями этой проблемы в системе «человек — текст — культура». Концепт причины в культурологическом смысле имеет значимость для науки и философии, повседневной жизни, обыденного мышления и, следовательно, именно поэтому находит отражение в работах многих ученых.

Рассматривая понятие каузации, следует подчеркнуть, что само исследование причины в широком смысле основано на системно-функциональном подходе, методах критической лингвистики и теории жанров, которые в целом идут в русле идеи о речевых жанрах, т. е. определенных и относительно устойчивых типических формах построения целого¹.

В английском языке концепт причины может быть определен через семантическое содержание лексических единиц, которые создают семантическое поле «причины», и через семантику грамматического значения причины, посредством которых аккумулируется понятие причины и причинное смысловое отношение.

Грамматическое значение причины, формирующее концепт причины, имеет определенную лингвистическую значимость в грамматической системе английского языка.

Лингвистическая значимость определяется через отношение к одно- и разноязыковым грамматическим значениям с учетом функционально-коммуникативного фактора. При этом могут быть определены ближние ряды взаимодействия (следствие, результат, условия, уступление, цель), дальние ряды (модальность необходимости и возможности) и опосредованные ряды взаимодействия (сочинительная противительная связь).

В английском языке причина выступает как грамматическое значение, когда причинное отношение по степени грамматизации стоит в одном ряду с субъектно-объектными (каузативными) отношениями, или как собственно лексическое значение «cause» и «reason». Более широкое понятие — каузальность — отражает связи между событиями реальной действительности.

В исследовании проблем каузативности в разных языках неизбежно используется сопоставительный анализ, поскольку именно этот метод позволяет четко увидеть различия между вступающими в контакт языками. Одним из таких контактов является перевод.

Сопоставление переводов с английского на русский язык показывает, что часто вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно-окрашенные русские слова. Наряду с более ярко выраженной экспрессивностью русская лексика отличается и большей конкретностью. Сущность экспрессивно-эмоциональной конкретизации была раскрыта В. Г. Гаком на основе сопоставлений переводов в сочетании с другим явлением — «экспрессивно-стилистическим согласованием»².

Например, в английском языке глагол *get* — глагол широкой семантики. Анализ статьи *get*, которую приводит БАРС³, показывает, что очень многие русские соответствия переходному, непереходному и косвенно-переходному значению этого глагола являются экспрессивно-эмоциональными: *добывать, проникать, схватить, захватывать, увлечь, волновать, выведывать* и т. д.

При этом в большинстве случаев применение приема экспрессивной конкретизации в переводе сочетается с экспрессивным согласованием, по В. Г. Гаку⁴. Перевод в зависимости от контекста может значительно расширить рамки даже самого полного словаря за счет контекстуальных значений.

Одним из центральных понятий *теории перевода* является понятие «эквивалентности перевода», которое обозначает, по мнению, В. М. Комисарова, *относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества*. Детальное исследование вопроса межъязыковой коммуникации и факторов, на основе которых выводится оценка результатов переводческого процесса, вызвало необходимость введения термина «*адекватность перевода*».

При переводе учитывается принятая на основе ряда факторов стратегия, при которой соблюдается *соотношение эквивалентности и адекватности перевода*. Наибольшее значение при этом имеет *цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого получателя перевода*.

Основная задача при переводе произведений художественной литературы — передать художественно-эстетическое достоинство оригинала, создать полноценный художественный текст на язык перевода. Теоретики перевода считают, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и вследствие отсутствия тождества отношение между содержанием оригинала и перевода обозначают термином «*эквивалентность*». Исходя из положения об очевидной важности максимального совпадения между текстами оригинала и перевода, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода.

Из этого следует, что само *условие эквивалентности должно включаться в сущность определения перевода*. Так, Джон Кэтфорд, английский переводовед, рассматривает перевод как замену текстового материала на одном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом языке (ПЯ)⁵. Американский исследователь Ю. Найда утверждает, что *в процессе перевода создается ближайший естественный эквивалент оригиналу*⁶.

Каузативный глагол *to make*, например, соответствует русским глаголам *заставлять, вынуждать, побуждать* (кого-либо делать что-либо), например: *I shall make him do it.* — Я заставлю его сделать это.

Вместе с тем *аналитическая форма каузатива to make + object + infinitive* может быть переведена на русский язык каузативным глаголом с прямым дополнением:

I can make him believe anything I choose. — Я могу убедить его в чем угодно.

Разнообразные контексты, в которых употребляется каузативный глагол *to make*, указывают на то, что он *часто* передает значение *без отменка принуждения, оказания давления*. Например, выражение *to make smb. understand* может иметь *двойкий перевод*:

а) заставлять кого-либо понять и б) дать кому-либо понять. Выражение *you made me change my mind* не обязательно означает упрек (*Ты заставил меня передумать (переменить мое решение)*), но может выражать признательность:

Я переменяла решение благодаря тебе (под твоим влиянием) (здесь и далее примеры цитируются по: Н. П. Федорова, Л. И. Варшавская).

Переводы дают представление о большом разнообразии переводческих решений при передаче каузативной конструкции с глаголом *to make* на русский язык.

1. *Make her give you change (Show).* — Возьмите у нее сдачу (К.).

2. *It makes me feel young again (Show).* — Как-то чувствуешь себя опять молодым (К.).

3. *What made you think that? (Gals.)* — С чего ты это взяла? (Лорие).

Как показывают примеры, эта синтаксическая конструкция переводится на русский язык различными способами, т. е. синтаксическое построение английского языка часто передается переводчиками на русский язык в виде более или менее сложных грамматических форм, чтобы сохранить передаваемое при переводе содержание (например, 1–3).

Исследование художественных классических произведений и анализ существующих способов перевода каузативных конструкций, содержащихся в них, позволяют сделать вывод о большом разнообразии способов перевода этих конструкций, о зависимости между характером каузативной ситуации и вполне определенном способе ее выражения.

Источники примеров

1. *Fitzgerald F. Scott. This Side Of The Paradise.* М., 2002.
2. *Wild Oscar. The Picture of Dorian Gray. Wordsworth classics,* 1992.
3. *Salinger J. D. The Catcher in the Rye.* 1968.
4. *Фитцджеральд Фрэнсис Скотт.* По эту сторону рая / пер. М. Лорие. М., 1998.
5. *Уайльд Оскар.* Портрет Дориана Грея / пер. М. Абкиной. М., 2002.
6. *Сэлинджер Джером Д.* Над пропастью во ржи / пер. Р. Райт-Ковалевой. М., 1999.

Примечания

- ¹ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1987. С. 257.
- ² *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1972. С. 129.
- ³ *Амосова Н. Н., Апресян Ю. Д., Гальперин И. Р.* Большой англо-русский словарь: в 2 т. М., 1987—1988. 1688 с.
- ⁴ *Гак В. Г.* Указ. соч. С. 129.
- ⁵ *Кэтфорд Дж.* Лингвистическая теория перевода. М., 1965. С. 71.
- ⁶ *Найда Е.* Наука перевода. М., 1969. С. 65.

Особенности функционирования произведений словесного искусства на мифопоэтической стадии

Статья представляет собой рассмотрение процесса становления словесного искусства на ранних этапах истории формирования художественной деятельности. Рассматриваются особенности создания и существования текстов словесного творчества от стадии первобытного синкретизма через архаическую стадию господствовавшего мифологического мышления до ранних произведений героического эпоса англосаксов. Определяются основные характеристики произведений раннего поэтического творчества.

Ключевые слова: первобытная культура; мифопоэтическая стадия; синкретизм; мифология; словесное искусство; фольклорные тексты.

Peculiarities of verbal art works at the mythopoetic stage

The article reviews the process of formation of the verbal art at the early historic stages of artistic activity formation. The creation and existence peculiarities of the verbal art texts from the stage of the primitive syncretism through the archaic stage of the dominating mythological thinking up to the early works of the heroic epos of Anglo-Saxons are considered. The main characteristics of the early poetic artworks are defined.

Keywords: prehistoric culture; mythopoetic stage; syncretism; mythology; verbal art; folklore texts.

Первобытная культура представляла собой единство двух начал: религии, донаучных представлений об окружающем мире («идеологический синкретизм») и художественной деятельности, неотделимой от религиозно-магической практики («формальный синкретизм»)¹.

Синкретизм формальный и идеологический вытекал из самого характера первобытной культуры, ядром которой были тесно связанные миф и обряд, где миф являлся доминантой в идеологическом синкретизме, а обряд был вместилищем формального начала. Поэтому сакральное, магическое слово было одновременно и мифологическим, поскольку заклинания и ритуальные песни были неотделимы от определенных представлений о предках, духах, богах. Этим объясняется то, что знахарские заговоры часто включали элементы мифологического повествования. И хотя отмечалось, что танец мог задавать тему песни, не следует забывать и о том, что эту тему танцу часто подсказывал миф, так как с самого начала «народно-обрядовые игры» были религиозно-магическим ритуалом, который должен был способствовать удачной охоте, уборке урожая, удаче на войне, излечению больного и т. д. Таким образом, танец, пение и мифическое повествование были объединены единой мифологической тематикой и семантикой. Поэтому именно миф дает ключ к пониманию содержания первобытного фольклора.

Фантазия мифа, надолго определившая набор сюжетов и мотивов, воспринималась как нечто объективное, достоверное, сакральное, боговдохновенное, так как именно миф был гегемоном в жанровом синкретизме, характерном для состояния повествовательного искусства в архаических обществах².

Мифология, как известно, весьма архаическая и вместе с тем очень живучая форма человеческой фантазии, была не просто жанром словесности,

а определенным представлением о мире. Возникновение и становление мифологии относится к наиболее ранним эпохам человеческой истории, к первобытнообщинному строю, где она выступала доминантой духовной культуры и являлась господствующим способом «глобального концепирования»³. В первобытной культуре мифология представляла собой цельную систему, в терминах которой воспринимался и описывался весь мир, изначальную слитность различных видов культурного творчества, свойственную ранним стадиям его развития, а также «почву» и «арсенал» становящегося искусства вообще и словесного в особенности⁴. Миф — это основа первобытного мышления и первобытного речения, «материал» для развития следующих за ним форм: фольклора и литературы⁵. Точку зрения О. М. Фрейденаберг разделяет и И. Франк-Каменецкий, считая миф «сырым материалом поэзии», ее предшественником, не отказывая при этом мифу в поэтичности⁶. Эту же идею высказал и А. Н. Веселовский в «Неизданной главе из „Исторической поэтики“»: «И в формальном, и в содержательном отношении, — писал он, — поэзия продолжает собою, на почве уже определившихся исторических отношений, деятельность мифа, как миф является развитием слова»⁷. Этот вывод будет служить отправной точкой при выявлении основных особенностей словесного искусства, свойственных мифопоэтической стадии его развития и связанных с особенностями, характерными для магического способа мышления, оформившегося в виде парадигмы мифологического сознания.

На самой архаической ступени миф, обряд, песня могли принадлежать родоплеменным группам, мужским союзам, культовой общине, «династии» шаманов или жрецов, однако мыслились как внушенные свыше и извечно существующие. Древние индоевропейцы считали, что дар речи, наряду с «двуногиестью», отличает людей от животных; что боги отличаются от людей (помимо «бессмертности» и «небесности») особой пищей и особым языком. Мифологический мотив пищи богов и языка богов известен хеттской, греческой, кельтской, германской традициям. Обе эти характеристики богов — наличие особой речи и особой пищи — как бы объединяются в единый сюжетный мотив — миф о добыче *меда поэзии* в «Старшей Эдде» («Речи Высокого», 104—110) и в «Младшей Эдде» («Язык поэзии»). История изготовления и добывания священного меда поэзии связана с верховным богом скандинавского пантеона Одином, который утолил жажду священным медом из рук великана Бельторна, представителя иного мира. Мед поэзии обычно «символизирует экстатический источник как мудрости, так и обновления жизненных и магических сил»⁸, неотделимый от таинственного поэтического вдохновения. Поэтому Один мыслился также как бог поэзии, покровитель скальдов.

Даже гораздо позднее, в античной и средневековой литературе, когда представление о боговдохновенности могло ослабеть, все равно содержание литературы представлялось как традиционное и коллективное достояние.

«Песня» или «слово» в архаической поэзии иногда представляется отдельным существом, независимым от певца. (Образ певца вводится в текст гораздо позже, лишь в ряде отдельных героических эпосов.) Однако певец должен уметь найти это «слово», т. е. обрести возможность и способность что-то сделать. Это «что-то» относится не к плану содержания, а к плану выражения. Песня делается как танец, как сакральная роспись или скульптура. Во всех этих случаях мифологическое содержание дано, а мастерство относится к форме. «Мудрость» поэта указывает на его способность получить извне (как Один получил «мед поэзии»), из высших мифических источников «содержание» для поэзии и вдохновение для ее создания, но само это создание воспринимается как ремесло и мастерство, ведущее к формальному совершенству, чему способствуют просодичность, повторяемость, структурность,

риторические интенции и формулы поэтических произведений. Первый этап в развитии поэтического слова — это мифопоэтическая стадия, на которой поэтическое слово имело свои особенности. «Основное содержание текстов (в семиотическом смысле) мифопоэтической или „космологической“ эпохи состоит в борьбе упорядочивающего космического начала с деструктивной хаотической функцией»⁹.

Танец, изображающий тотемных предков зоантропоморфной природы, и песня, их воспевающая и возвеличивающая, на уровне выражения воспринимаются как умение и мастерство. Сходная ситуация во многом наблюдается и в развитом фольклоре, где «сакральное» понемногу отступает перед чисто «традиционным», так как фольклор также включает в себе синкретическое единство знания и искусства и представляет собой важнейший процесс социального взаимодействия (в неразрывном соединении творческой импровизации и исполнения) и передачи информации художественными средствами, отличающими художественную (в генезисе — ритуализованную) речь от обычной речи. Именно фольклор, в недрах которого сложилось множество произведений, способствовал установлению отношений между человеком и другими членами коллектива, а также окружающим его миром.

В первобытных синкретических фольклорных текстах господствовал, как уже отмечалось, магический способ мышления, не исключая, однако, существования и логического способа мышления. В основе существования этих двух способов — магического и логического — лежит, по мнению, К. Р. Мегрелидзе, разграничение на: «сектор опыта, где люди сами творили свое положение и определяли свое существование, и сектор опыта, где люди зависели от игры случая, которую невозможно было предвидеть. В последнем случае приходилось прибегать к магическим формам мысли, гаданиям, знамениям и т. д., что в общем составляет нереальный сектор, магический строй мыслей»¹⁰.

В свое время Л. Леви-Брюль писал о существовании «пралогического» или «мистического» способа мышления, отличного от современного логического¹¹. Причем он неоднократно подчеркивал, что пралогическое мышление в его понимании — это не алогическое мышление, а такое мышление, которое в ряде случаев исходит из предпосылок, абсурдных с современной точки зрения, и допускает противоречия, с современной точки зрения недопустимые. Леви-Брюль понимал, конечно, что в своей практической деятельности первобытный человек мог мыслить логично, делал правильные наблюдения и умел использовать их даже лучше, чем современный человек, так как был лучше приспособлен к окружающей среде. Взаимопроникновение логического и пралогического способов мышления Леви-Брюль считал характерным для племен и народов, не достигших государственности, в том числе и германских племен. Но основное, что интересовало Леви-Брюля, — это отличия психологии первобытного человека от психологии современного европейца. Сходства между ними (в частности, в логическом аппарате) его не интересовали. Именно такие акценты и повлияли на то, что позднее работы Леви-Брюля были подвергнуты серьезной критике (И. С. Брагинский, С. Д. Кацнельсон, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев), хотя в отечественной науке концепция Леви-Брюля, с некоторыми оговорками, была поддержана многими крупными учеными, такими как Л. С. Выготский, Н. Я. Марр, К. Р. Мегрелидзе.

Сущность первобытного мышления Л. Леви-Брюль определял как его «мистичность», т. е. подчиненность вере в сверхъестественные силы. В сущности к этой вере сводится и так называемый «закон сопричастия» (т. е. мистического сопричастия или мистических связей), который, согласно автору, — основа первобытного мышления.

Заслуга Леви-Брюля заключается в том, что он первый исследовал данные о психологии первобытных народностей с точки зрения ее отличия от психологии современного человека, т. е. с последовательно исторической точки зрения. Однако, что особенно важно, значение работ Леви-Брюля очень велико и для науки о мифах, так как своими исследованиями он подтвердил, что возникновение мифов должно быть объяснено особыми психологическими условиями той стадии развития сознания, на которой оно тогда находилось, а именно такой, которая воспринимает миф как «повествование, которое там, где оно возникло и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно»¹².

Связывая миф в первую очередь с «содержанием» архаического словесного искусства, следует всегда иметь в виду генетическую связь художественной образности с мифологическим типом мышления, с мифологичностью самого поэтического слова, поэтической речи, когда основной способ понимания мира и разрешения его противоречий обеспечивается мифологией, понимаемой не только как набор (система) мифов, но как особый тип мышления, хронологически и по существу противостоящий историческому и естественнонаучному типам мышления. Мифологическое мышление синтезировало религию, не отделившееся от нее искусство и даже примитивную философию родовой общины. Но при всем своеобразии мифологическое мышление, несомненно, было формой познания окружающего мира и несомненно служило инструментом анализа, без которого была бы немислима материальная культура даже на древних стадиях развития человечества¹³.

Главной отличительной особенностью мифического мышления было то, что оно не выделяло человека из окружающей социальной и природной среды, исходя из тождества макрокосма и микрокосма, мира и человека, сохраняло черты диффузности и нерасчлененности и было почти неотделимо от эмоциональной и моторной сферы. Следствием этого явилось наивное очеловечивание всей природы, «метафорическое» сопоставление природных и культурных объектов, которое привело к тотемическим классификациям и мифологическому символизму, а также к представлению космоса в целом в виде живого существа, к отождествлению макро- и микрокосмоса. Древний человек ощущал себя скорее частицей природы, космоса, чем структурным элементом общественной иерархии. Независимо от степени развития общества, человеку было свойственно осознание некоторой силы, стоящей над ним. Так, для представителей германских племен это были звезды, планеты, божества и пр. Имеется достаточное количество доказательств, подтверждающих, что в главных чертах язычество англосаксов было аналогично другим германским и индоевропейским племенам. Например, дни недели у англосаксов носят названия тех же божеств, что и у других германских племен¹⁴. Диффузность мифологического мышления выражалась в неотчетливом разделении происхождения и сущности, что вело к подмене сущности происхождением и далее к появлению нарратива, повествования о происхождении различных элементов модели мира, историй о богах и героях. Синкретизм и конкретно-чувственный способ обобщения мифа наследуется художественной формой как таковой. Отождествление происхождения и сущности дает на архаической ступени основу для сравнений, параллелизмов, метафор, синонимов, столь характерных для раннего фольклора и перешедших в произведения более поздних этапов. Таким образом, миф оказывается у истоков тропов. В построении тропов ярко отражается мифологический параллелизм микро- и макрокосма, т. е. человека и космоса, человека и природы. Примером может послужить способ превращения в мифе, подражательный по своей природе, который раскрывается с точки зрения современного сознания приблизительно

следующим образом: птица летит с помощью крыльев; если эти крылья прикрепить к человеку, то и он полетит как птица. Но поскольку для мифологического сознания словесно выраженное сравнение еще отсутствует, то ясно, что формула «человек полетит с помощью крыльев» в дальнейшем неизбежно будет приравнена к понятию «станет птицей». Значительно более поздняя ступень мышления переведет это превращение в план абстрактных представлений, и тогда «реальное» превращение мифа будет заменено сравнительной формулой с союзом «как»¹⁵.

Мифическое мышление, особенно на ранней его стадии, определяется единством духовного и природного, отсюда его основа — закон тождества. Единство природного мира выражается на начальной ступени мифического мышления в отсутствии четкой дифференциации между живым и неживым. Очевидно, именно эта ассоциация названных представлений и определяет собой основополагающий для мифического сознания принцип анимизма. Человек не отделял себя от природы, наделяя ее человеческой жизнью и приписывая человеческие способности и возможности силам природы и неодушевленным предметам. Эта особенность первобытного мышления отразилась в господствовавшей в древности идеологии тотема, ядром которой было убеждение в существовании связи человека с каким-либо животным, растением, неодушевленным предметом или даже явлением природы, а точнее, вера в родственные отношения с животным или растением, «в происхождение от предков — фантастических полулюдей, полуживотных, полурастений или объектов неодушевленной природы, или людей, животных и растений одновременно, обладающих способностью реинкарнации»¹⁶. Эта идеология нашла свое отражение в тотемных мифах, в которых действуют тотемные предки — создатели одновременно и какой-то определенной породы животных, и человеческой группы, для которой тот или иной вид животных является тотемом. Этот тип мифов перешел в сказку и частично в песню.

Другая форма выражения первобытного магического способа мышления — это магия, нашедшая свое выражение в заговорах и заклинаниях. Наиболее древний пласт англосаксонских заклинаний представлен текстами *charms* (самыми ранними древнеанглийскими заклинаниями), основанными на обрядах тотемизма — идеологии, господствовавшей на стадии родового англосаксонского общества. В сознании народа заклинания и заговоры были сугубо утилитарными текстами, которые, являясь неотъемлемой частью словесного творчества, обнаруживали как содержательное, так и формальное сходство с фольклорными произведениями. Для текстов заклинаний было характерно включение ряда параллельных миров, реального и вымышленного, и репрезентация практических действий как действий одного порядка с магическими. Древнегерманская картина мира предстает для современного адресата текста в виде необъяснимого переплетения, магической взаимосвязи явлений. Магия слов, в первую очередь имен собственных и нарицательных (в словесной магии именно через имя оказывалось влияние на его обладателя), магия цифр взаимодействуют с образцами ритуальных действий в общем континууме древних представлений, отождествляющих микрокосм и макрокосм, где движущей силой мироздания являются невидимые, но интуитивно ощущаемые силы-призраки. Подробный анализ текстов заклинаний *charms* был дан И. Б. Руберт в ее докторской диссертации «Становление и развитие английских регулятивных текстов»¹⁷. Родство фольклорных заклинаний, заговоров и заклятий с мифом отмечалось многими виднейшими отечественными учеными прошлого столетия. Ф. И. Буслаев подчеркивал, что они «стоят в теснейшей связи с первобытной эпической поэзией, входят в древнейший эпический миф как отдельные эпизоды»¹⁸.

Здесь представляется целесообразным более подробно рассмотреть вопрос соотношения мифа и ритуала. Согласно данным исследований этнографов и этнологов целый ряд ритуалов был непосредственно связан с мифами так, что, либо ритуал представлял собой инсценировку мифа, либо миф восходил к ритуалу¹⁹. Иногда одному обряду соответствовало несколько мифов или одному мифу — несколько обрядов. Однако есть случаи, когда обряды не имеют прямого мифологического эквивалента. Несмотря на это, мифы и обряды, даже в тех редких случаях, когда между ними нет прямой эквивалентности, едины семантически и структурно изоморфны. Указанное семантическое единство — необходимая предпосылка синкретизма форм искусств в рамках обряда. Само по себе оно выражает синкретизм идеологический, т. е. неразвернутое единство зачатков искусства, религии, донаучных представлений, первобытной «философии». Если обряд является гегемоном в формальном синкретизме искусств (детально разобранном А. Н. Веселовским в его «Исторической поэтике»), то миф — гегемон в идеологическом синкретизме²⁰. Иными словами, в тех случаях, когда ритуал воспроизводит миф, т. е. акты человека или коллектива соотносятся с действиями культурных героев и богов, космогоническими процессами, миф можно рассматривать как план содержания ритуала. И обряд в целом, и его словесная часть, как правило, имели магическую силу. Кроме того, вера в магическую силу слова лишала почти каждое слово нейтральности. Поэтому магическое слово, как слово сакральное, не могло быть случайным, хотя, вероятно, часто было непонятно всем или понятно только определенной группе представителей общества (как правило, жрецам). Однако, несмотря на это, магическое слово было сугубо коммуникативно и, по сути, диалогично, так как предписывало адресату выгодное для адресанта ответное поведение. Таким образом, словесное искусство в момент своего рождения оказывается неотделимым и от других видов искусства, и от магии, и от сакральной «мудрости».

Стилистический уровень словесного искусства на архаической стадии своего развития был более тесно сопряжен с магическим обрядом, в то время как поэтическое воображение — с мифической мудростью. Доказательством тому служит лиро-эпическая по своему характеру обрядовая поэзия, т. е. песня, сопровождающая обряд, имеющая своей важной характеристикой «песенно-стихотворность» и отмеченная и отполированная стилистически, в то время как прозаическое изложение мифа, часто вне обряда, стилистически совершенно нейтрально. Очень часто в прозаическое изложение мифа включались диалоги, как правило, оказывающиеся стилистически отполированными и содержащими элементы стихотворного ритма. Чередование, смешение стиха и прозы в пределах одного произведения известно в истории литературы, особенно на древнейшем этапе ее развития (например, римская сатура, ирландский эпос и др.). И хотя классические эпические памятники народов мира большей частью стихотворны, в более архаических памятниках эпоса удельный вес прозы больше. Чаще они бытуют в прозе со стихотворными вставками, совпадающими с речами действующих лиц, и часто совпадают с ритуальными образцами. Такая смешанная форма, по мнению исследователей, является исходной для мифологического и героического эпоса²¹.

Важнейшая категория мифического вымысла — это «раннее», т. е. мифологическое, время, эпоха предков, родовых или племенных, часто тотемических. Раннее время иногда называют «временем сновидений», так как в сновидениях могут оживать события «ранних времен». Его герои — предки-демиурги-культурные герои (эти три категории мифических персонажей часто объединяются в один образ), которые выделились из мифологических пантеонов как древнейшие герои словесного искусства, моделирующие саму

человеческую родоплеменную общину, которой противостоят различные духи как воплощение стихийных сил природы. На более поздней ступени те же культурные герои выступают как богатыри-победители различных духов-чудищ.

В ранних формах героического эпоса герои, как правило, отмечены реликтивными чертами культурных героев. Соответственно враги в архаической эпике представлены в виде мифических чудовищ, часто возглавляемых их матерью-ведьмой (этот мотив перешел в более поздние формы эпоса). Эпическое время, героический век еще выступают как раннее время претворения. Только в эпической классике, сложившейся после государственной консолидации ее носителей, исторические предания начинают вытеснять мифы, раннее время предстает как славное прошлое, как период расцвета первых государств; хотя в своей общей структуре этот «исторический» эпос строится по моделям «мифологического».

В повествовательном фольклоре и начальных ступенях литературы чисто мифический вымысел преобладает, собственно ритуальные модели имеют меньшее значение, а для народной лирики ритуальное наследие гораздо важнее мифической фантазии, так как народная лирика непосредственно вырастает из обрядовой. Хотя до настоящего времени практически не дошли тексты ритуальных песен (погребальных плачей), одного из древнейших жанров обрядового фольклора, однако отдельные сведения о них могут быть почерпнуты из древних памятников других жанров. Например, это те несколько строк в поэме *Beowulf* («Беовульф»), которые посвящены Эскхере, дружиннику Хродгара, унесенному матерью Гренделя в свое логово, а также заключительные строки поэмы, где женщины оплакивают Беовульфа. Основными элементами этих реликтов погребальных плачей являются прославление погибшего и выражение скорби по поводу его гибели. Своеобразным «продолжением» песен-причитаний являются так называемые «женские песни», широко распространенные в средневековой поэзии (своеобразными реликтами этого жанра в англосаксонской поэзии являются героические элегии *The Wife's Lament* («Плач жены») и *Wulf and Eadwacer* («Вульф и Эадвакер»), сохраняющие общую направленность и композиционное строение этого жанра — противопоставление прошлого и настоящего).

Конкретные мифологические топосы и целые сюжеты, в частности восходящие к античной и библейской мифологии, на протяжении веков переисказываются, по-новому интерпретируются и по-разному используются развивающейся и меняющейся литературной традицией. Миф остается важным компонентом «языка» литературы, мыслимого в самом широком смысле.

Что же касается первобытных текстов, то они как продукты творческой деятельности на архаической стадии уже особым образом организованы, что позволяет говорить о них как о поэтических произведениях. На архаической стадии, особенно на раннем, собственно мифопоэтическом, этапе, весь культурный опыт транслируется путем непосредственных устно-зрительных контактов от поколения к поколению (т. е. диахронно) и от лица к лицу (т. е. синхронно). Отсутствие средств письменной фиксации создает трудную и парадоксальную ситуацию при необходимости преодоления пространственно-временных разрывов. Естественной оказывается в этом случае «мифологическая персонификация и антропоморфизация значимого окружения, безразличие к субстанции знаков, составляющих сообщение»²².

В поздней архаике мы застаем начало осознания процесса отделения особой речи от обыденной как формирования поэтического языка и поэтического творчества. Поэтический язык, формируясь по образцу сакральных, эзотерических языков, на первых порах отчетливо акцентирует свою формалистическую усложненность как признак художественности, как доказательство своего

мастерства, искусства. М. И. Стеблин-Каменский в своих многочисленных работах о поэзии исландских скальдов подчеркивал этот акцент на изошренной форме, противостоящей данному извне «объективному» содержанию, так как в своих сочинениях скальд не имел права исказить реальные факты, но мог проявить мастерство в отделке стиха, в изошренных эпитетах, в синтаксических перестановках.

Художественность в ранних поэтических произведениях маркирована главным образом в песенной реализации. В ходе эволюции, по мере сужения круга собственно обрядовой поэзии эстетическая доминанта выявилась в жанрах, наиболее удаленных от обряда, — в лирических песнях, в сказке и героическом эпосе. Процесс становления эстетической функции поэзии способствовал развитию поэтического мироощущения, сокращению религиозных и дидактических функций и превращению поэзии из вспомогательного вида словесного творчества в самостоятельный род искусства.

Примечания

- ¹ Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
- ² Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора. М., 1977.
- ³ Там же.
- ⁴ Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа.
- ⁵ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 9.
- ⁶ Франк-Каменецкий И. К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Л., 1935. С. 4.
- ⁷ Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1959. С. 103.
- ⁸ Мелетинский Е. М. «Эда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 128.
- ⁹ Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 9.
- ¹⁰ Мегрелидзе К. Р. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. М., 1935. С. 482.
- ¹¹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
- ¹² Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976. С. 4.
- ¹³ Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора; Топоров В. Н. Указ. соч.
- ¹⁴ Общественная жизнь Англии. Религия, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература. Т. 1. М., 1897.
- ¹⁵ Еремина В. И. Миф и народная песня (К вопросу об исторических основах песенных превращений) // Миф. Фольклор. Литература: сб. ст. Л., 1978.
- ¹⁶ Хайтун Д. Е. Проблема тотемизма в освещении современной науки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1957. С. 11.
- ¹⁷ Руберт И. Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов (структурные, семантические, прагматические аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.
- ¹⁸ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 251.
- ¹⁹ Топоров В. Н. Указ. соч.
- ²⁰ Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора.
- ²¹ Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974; Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972.
- ²² Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 103.

Ю. В. СМЕРНОВА

Роль англосаксонского стандарта красоты для афроамериканцев США в 30–40-х гг. XX в. (на материале романа Т. Моррисон «The Bluest Eye»)

Статья посвящена стандарту физической красоты афроамериканцев и анализу репрезентации концепта <ВНЕШНОСТЬ> в романе Тони Моррисон «Самые голубые глаза». Концепт <ВНЕШНОСТЬ> является одним из ключевых понятий в языковой картине мира афроамериканцев, так как они отличаются по своим антропологическим признакам от других жителей США. В статье предложен анализ концепта <ВНЕШНОСТЬ> с привлечением культурологического материала.

Ключевые слова: категория этничности; концепт <ВНЕШНОСТЬ>; репрезентация концепта; стандарт красоты афроамериканцев.

Y. V. SMIRNOVA

The role of the Anglo-Saxon beauty standard for US African Americans in the 30-40s of 20th century (based on T. Morrison' novel The Bluest Eye)

The article is devoted to the African American outward beauty standard and analysis of the linguistic representation of the concept <APPEARANCE> in the novel „The Bluest Eye“ by Toni Morrison. The concept <APPEARANCE> is one of the key notions in the African American world picture due to the fact that African American physical characteristics differ from those of other residences of the USA. The linguistic representation analysis of the concept <APPEARANCE> in the novel is based on the cultural data.

Keywords: category of ethnicity; concept <APPEARANCE>; representation of the concept; African American beauty standard.

В современном американском обществе, несмотря на отмену рабства как института еще в XIX в., сохраняются непростые межэтнические отношения. Особенно остро расовая проблема находит выражение между белым населением США и афроамериканцами, которые продолжают оставаться наименее обеспеченной категорией населения.

В когнитивной лингвистике языковые явления исследуют с позиции категоризации. Категоризация представляет собой естественное явление для человеческого сознания. Категория (Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская) — обобщение конкретных признаков или концептов. Категоризация, следуя теории Н. Н. Болдырева, происходит посредством концептуализации. Концепт — это ментальная единица, квант структурированного знания¹.

Категория этничности является одной из основных категорий, формирующих коллективное самосознание этноса. Центр категории этничности представлен инвариантными характеристиками «СВОИ—ЧУЖИЕ», вокруг которых группируются остальные члены категории.

Категория этничности включает в себя следующие основные концепты: <APPEARANCE>/<ВНЕШНОСТЬ> (расовые признаки), <RELIGION>/<РЕЛИГИЯ>, <LANGUAGE>/<ЯЗЫК>, <MATERIAL CULTURE>/<МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА>.

Для афроамериканцев в США расовые признаки и прежде всего цвет кожи имеет большое значение. Социально-экономическое положение и политический статус большинства афроамериканцев продолжают оставаться неизменными и оказывать влияние на этнические идеалы красоты данной этнорасовой общности.

Более 400 лет афроамериканцы живут в окружении народов с явно выраженной европеоидной внешностью, которая для многих афроамериканцев стала эталоном, потому что в реальной жизни цвет кожи определяет социальное положение, материальное благополучие, успех и даже счастье. Эталон красоты заключал в себе наличие определенных черт внешности, а именно: белый цвет кожи, светлые волосы, тонкие черты лица.

Стремление к такому совершенству наиболее показательно проявилось у известного американского исполнителя Майкла Джексона (Michael Joseph Jackson, 1958—2009), который полностью изменил свою внешность и избавился от признаков негроидной расы с помощью пластических операций. Необходимо отметить, что все операции Майкл Джексон объяснял какими-то внешними факторами, болезнями и непредвиденными операциями.

В романе *The Bluest Eye*, который был опубликован в 1970 г. Т. Моррисон раскрывает разлагающее влияние доминантной культуры, пропагандировавшей западный стандарт красоты, распространенный в 30—40 гг. прошлого столетия, который был представлен в кино, в рекламе, в книгах, журналах и газетах, на детской посуде, куклах и на обертках конфет. Культовыми фигурами, олицетворяющими стандарт англосаксонской красоты, были актрисы Ширли Темпл (Shirley Temple), Грета Гарбо (Greta Garbo), Джейн Уизерс (Jane Withers), Джинджер Роджерс (Ginger Rogers). Т. Моррисон, имплицитно сравнивая голливудских звезд со своими чернокожими персонажами, показывает, что природная внешность (черный цвет кожи, темные волосы колечками и широкий нос) остается неизменной данностью для большинства афроамериканцев.

В своем творчестве афроамериканская писательница Т. Моррисон воссоздает идеи этнического самосознания, а также идею о национальном, этническом образе внешности с целью осмысления и сохранения этнической идентичности афроамериканцев.

По мнению В. М. Богуславского, «национальный образ внешности — это совокупность исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры о привлекательном облике человека»².

Первое отличие, по которому можно узнать представителя этноса, это какие-либо внешние признаки³. Для афроамериканцев это особенно актуально, так как по своей телесной природе они отличаются от других представителей США.

По данным общеязыковых толковых словарей, лексема *appearance* имеет следующие значения: *the way smb/smith looks to the other people; the outward or visible aspect of a person or thing; the state or form in which one appears; external show*⁴. Данные определения позволяют говорить о том, что внешность воспринимается зрительно и характеризуется целостностью.

В. М. Богуславский отмечает, что «в основе акта оценивания лежит сравнение данного объекта оценки с эталоном или стандартом, отталкиваясь от которого мы устанавливаем ценностную значимость данного объекта»⁵.

Вымышленные западным и американским обществом идеалы красоты насаждаются с детства. В романе Т. Моррисон *The Bluest Eye* англосаксонский стандарт красоты представлен через систему официального образования в школе.

Роман начинается с описания идеальной белой семьи о Дике и Джейн из школьного учебника для чтения, который использовали в 1940-х гг. Текстовая функция Дика и Джейн — это ведущая сила идеологии, посредством которой

доминантная культура представляет иерархические структуры. Отрывки жизнеописания белой семьи повторяются трижды, видоизменяясь графически, а затем в каждой главе обрамляют историю и имеют тематическое значение, показывая повсеместное проникновение идеологии белых в негритянскую культуру:

«Here is the house. It is green and white. It has a red door. It is very pretty. Here is the family. Mother, Father, Dick and Jane live in the green-and-white house. They are very pretty. <...>

Here is the house it is green and white it has a red door it is very pretty <...>

Hereisthehouseitisgreenandwhiteithasareddoor <...>»

В романе наглядно показаны личные переживания чернокожего ребенка, читающего историю Дика и Джейн, которые живут счастливо с родителями в красивом доме и имеют собаку и кошку. Жизнь белых детей представлена как эталон. При чтении этого отрывка главная героиня рассматривает слова и пробелы между словами в поиске своей культурной реальности и не находит для себя места в стандартизированном мире белых. Семья главной героини Пеколы отличается от той, о которой рассказано в учебнике.

Использование отрывков учебника является одним из структурных приемов Т. Моррисон, чтобы показать, как учат детей отрицать свою культурную идентичность. Таким образом, с помощью текстовых включений автор показывает, какую роль играло официальное образование в формировании этносоциальных стереотипов на основе идей социального дарвинизма. Чтение учебника, где представлены ценности культуры белых, опасно для чернокожих детей, потому что такое обучение чтению и письму означает, с одной стороны, необходимость соприкосновения и принятия ценностей доминантной культуры⁶, а, с другой, формирование комплекса неполноценности из-за биологической невозможности им соответствовать.

Следует обратить внимание на еще одну особенность общества США середины прошлого века, которая также отражена в романе — это иерархическая оценка людей в зависимости от их расовой принадлежности и оттенка кожи: чем она темней, тем более презираемы люди.

Главная героиня романа — чернокожая девочка Пекола Бридлав — мечтает о голубых глазах, которые являются символом англосаксонской красоты. Все герои романа считают девочку уродливой из-за черного цвета кожи. Но Пекола не мечтает о белой коже, а только о голубых глазах. Для Пеколы голубые глаза символизируют красоту и счастье.

Обычно в рамках художественного произведения первое появление персонажа связано с наличием в тексте словесного портретного описания его внешности⁷. Это правило не находит подтверждения в романе Т. Моррисон *The Bluest Eye*. Главная героиня, появившись на страницах романа, остается незаметной среди сверстниц. Представление о ней, ее внешнем облике складывается постепенно, как бы параллельно в соответствии и сравнении с другими персонажами произведения, которым даются развернутые описания.

Например, описывая внешность всей семьи Пеколы, Т. Моррисон дает ей отрицательную оценку. Она использует слова с отрицательным значением, например, *ugliness, heavy, low, irregular, crooked*: «The eyes, the small eyes set closely together under narrow foreheads. The low, irregular hairlines, which seemed even more irregular in contrast to the straight, heavy eyebrows which nearly met. Keen but crooked noses, with insolent nostrils. They had high cheekbones, and their ears turned forward. Shapely lips which called attention not to themselves but to the rest of the face».

По описанным антропологическим признакам становится понятно, что герои романа негритянского происхождения. Пол С. Тейлор обращает внимание

на оценочный подтекст этого стандартного языкового описания: черные люди с курчавыми волосами, плоским носом, толстыми губами, темной кожей, выступающей челюстью — уродливые — «black folks — with our kinky hair, flat noses, thick lips, dark skin, pragnathism — ugly»⁸.

Несмотря на то что отдельным физическим чертам Пеколы дается положительная оценка: «her teeth were good, and at least her nose was not big and flat like some of those who were thought so cute», она считается уродливой из-за ее черного цвета кожи.

Для более глубокого понимания образа главной героини Т. Моррисон использует такой стилистический прием, как метафора. Одуванчик, являясь неприметным растением, представляет образ самой Пеколы. «Why, she wonders, do people call them [dandelions] weeds? She thought they were pretty». Слово «weed», согласно толковым словарям, имеет значение: *a plant that is not valued where it is growing and is usually of vigorous grows, a plant considered undesirable, unattractive, or troublesome, an obnoxious grows, thing, or person*⁹. Члены негритянской общины воспринимают Пеколу как сорняк, недостойный внимания из-за уродства. Одуванчик является символом нелепости, а также беззащитности Пеколы в негритянской общине.

В романе Т. Моррисон *The Bluest Eye* при описании внешности значительную роль играет детализация. Автор выделяет отдельные аспекты, которые повторяются по ходу повествования. Большое внимание Т. Моррисон уделяет физическим характеристикам персонажей. В частности, описывает лицо, черты лица (глаза/eyes, лоб/forehead, нос/nose, губы/lips, волосы/hair). Языковые средства, используемые для описания внешности, выражают авторское видение объекта и дают оценку на основе эмпирического опыта.

В романе *The Bluest Eye* находим описание одноклассницы Пеколы по имени Морин Пил. Т. Моррисон блестяще создала образ красивого ребенка с помощью стилистических приемов. Красивая девочка поражала, раздражала и приводила в восторг героев романа: «A high-yellow dream child with long brown hair braided into two lynch ropes that hung down her back. She was rich, by our standards, as rich as the richest of the white girls... There was a hint of spring in her sloe green eyes, something summery in her complexion, and a rich autumn ripeness in her walk».

Авторский эпитет «high-yellow dream child» направлен на определение расовой принадлежности, характеристику различных признаков и создает развернутый положительный образ. High-yellow называют людей, у которых 1/8 часть негритянской крови. Люди с таким цветом кожи не могут быть причислены к белым, хотя считаются более красивыми, счастливыми, чем чернокожие афроамериканцы. Соответствуя в большей степени стандарту красоты, благодаря своему оттенку кожи, Морин Пил находится по социальному уровню выше чернокожих сверстниц, таким образом, имеет более легкий образ жизни, что является мечтой для афроамериканцев.

К. В. Голубина, исследуя эпитет, подчеркивает, что при описании привлекательной внешности чаще всего используются эпитеты, которые относятся к концептам <COLOR>/<ЦВЕТА>, имеющим в большинстве культур положительные ассоциации¹⁰.

В одном предложении писательница передает противоречивые чувства. Морин Пил названа ребенком-мечтой, и в то же время ее косички с иронией сравниваются с веревками для линчевания (lynch ropes): «...when we found out that she had been born with six fingers on each hand and that there was a little bump where each extra one had been removed, we smiled .....calling her Six-finger-dog-tooth-meringue-pie».

Авторский эпитет «Six-finger-dog-tooth-meringue-pie» дополняет описание внешности и резко противопоставляет описанию внешности, предложенному ранее. Эпитет, связанный с концептом <FAUNA>/<ФАУНЫ>, имеет отрицательные ассоциации и направлен на то, чтобы показать, что Морин не идеальна и у нее есть недостатки, которые пусть и заметны не всем, но все же не дают ей возможности полностью оторваться от своих корней, намекая на ее африканское происхождение. Для ее одноклассниц, давших ей прозвище (six-finger-dog-tooth-meringue-pie), это своеобразный способ самоутверждения.

В одном из своих интервью Т. Моррисон сообщила, что «в мое намерение входило напомнить, что „Черный — это прекрасно“, в течение поколений мы подпитывали наши комплексы о собственных физических недостатках. Я упрекаю себя за то, что выставила на обозрение белым эту скрытую от глаз уязвимость черного человека»¹¹.

Т. Моррисон передает с помощью языка те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности афроамериканского этноса. В художественном произведении отражаются особенности национальной картины мира. В этом смысле автор выступает как носитель афроамериканских этнокультурных стереотипов.

При моделировании картины мира в романе Т. Моррисон использует зоологические и ботанические наименования, цветовую концептуализацию.

Описание внешности персонажа художественного произведения является наиболее важной составляющей его образа, поскольку именно оно представляет собой основу формирования ментального впечатления, аналогичного зрительной картине, позволяющей представить литературный персонаж как реального узнаваемого человека. Формирование художественного образа невозможно без обращения к его когнитивным аспектам, участвующим в образовании представлений об окружающей нас действительности.

Анализ репрезентации концепта <APPEARANCE> показал, что авторский компонент в составе когнитивной семантики концепта <APPEARANCE> — это голубые глаза на черном лице в описании внешности, а черный цвет кожи — этнокультурологический компонент. Привлечение культурологического и исторического материала позволяет правильно интерпретировать художественное произведение, т. е. понять его замысел и получить представление об особенностях менталитета и языковой картины мира афроамериканцев США. Концепт <APPEARANCE> играет ключевую роль в романе. Т. Моррисон показывает, как господствующие культурные стереотипы оказывают разрушающее воздействие на формирование личности и этническое самосознание.

Примечания

¹ Кубрякова Е. С., Демьянов В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.

² Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., 1994. С. 77.

³ Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: учеб. для вузов. М., 2003.

⁴ Cambridge Dictionary Online [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>; Dictionary.com [Электрон. ресурс] / Based on the Random House Unabridged Dictionary, Random House, Inc., 2011. URL: <http://www.dictionary.com>; Merriam-Webster Online Dictionary [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com>; The Longman Dictionary of Contemporary English [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com>.

⁵ Богуславский В. М. Указ. соч. С. 37.

⁶ Gibson D. B. Text and Countertext in T. Morrison's *The Bluest Eye* // LIT: Literature, Interpretation, Theory. 1989. Vol. 1. № 1–2. P. 20.

⁷ Домашнев А. И., Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста. М., 1989. С. 96.

⁸ Taylor P. C. Malcom's Conk and Danto's Colors or Four Logical Petitions Concerning Race, Beauty and Aesthetics [Электрон. ресурс] // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1999. Vol. 57. № 1. P. 16. URL: <http://www.jstor.org/pss/432060>.

⁹ Cambridge Dictionary Online [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>; Dictionary.com [Электрон. ресурс] / Based on the Random House Unabridged Dictionary, Random House, Inc., 2011. URL: <http://www.dictionary.com>; Merriam-Webster Online Dictionary [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com>; The Longman Dictionary of Contemporary English [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com>.

¹⁰ Голубина К. В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

¹¹ Coste Ph. Toni Morrison: „En France, on ne m'aurait jamais donne un job“ [Электрон. ресурс]. 2009. URL: <http://noblit.ru/content/view/679/33/>.

Г. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Магические и мифологические символы «Кровавой комнаты» Анджелы Картер

Магический реализм — литературное направление, ставшее особенно популярным во второй половине XX и начале XXI вв. Английская писательница Анджела Картер является несомненным лидером этого направления. В своих произведениях Анджела Картер использует богатейший арсенал приемов: магические, мифологические, библейские символы, относящиеся к различным историческим эпохам, культурам, литературным источникам. Сама автор охарактеризовала символы, используемые в своих произведениях, как «мифологический бандитизм». Декодирование этих символов позволяет понять идеи автора, образы, ситуации максимально полно.

Ключевые слова: магический реализм; магический символ; мифологический символ; библейский символ; гамма классических цветов; сказка; сказание; легенда; миф.

G. V. VOSKRESENSKAYA

Magical and mythological symbols of The Bloody Chamber by Angela Carter

Magical realism is a literary trend that became especially popular in the second half of the 20th — the beginning of the 21st centuries. An English writer Angela Carter is the undisputed leader of this trend. In her writings Angela Carter uses the rich arsenal of techniques: magical, mythological, biblical symbols that belong to different historical epochs, cultures, literary sources. The writer characterized symbols she used in her writings as „magical banditry“. Decoding of the symbols allows readers to understand the author's ideas, images, situations in the best possible way.

Keywords: magical realism; magical symbol; mythological symbol; biblical symbol; palette of classical colours; tale; story; legend; myth.

Термин «магический реализм» применительно к литературе впервые был предложен французским критиком Эдмоном Жалу в 1931 г. Вот что он писал: «Роль магического реализма состоит в отыскании в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического — тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преобразованиям»¹.

Открытый латиноамериканскими писателями, магический реализм представляет собой гибрид фантастики и реализма. Однако магический реализм — это «не какая-нибудь традиционная фантастика — полеты в иные миры, средневековые или заоблачные мечты. Это фантазия мира сего с суровыми пейзажами, на фоне которых происходят самые невероятные, абсурдные и чудесные вещи»². К ним относятся фантастические элементы, которые могут быть внутренне противоречивыми, но никогда не объясняются. Действующие лица в произведениях магического реализма принимают и не оспаривают логику магических элементов. Использование символов и образов также характерно для магического реализма. Этот стиль приобретает все большую популярность у широкого круга читателей, удачно сочетая фантастику и реализм, стирая границы между правдой и вымыслом.

Так, в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова профессор Воланд со своей свитой пристально наблюдает за москвичами, подвергая их различным

испытаниям, экспериментам, трюкам, соблазнам: «сеанс черной магии с полным ее разоблачением»³, перемещение в пространстве (Лиходеев), исчезновение физического тела с сохранением голоса (председатель зрелищной комиссии Прохор Петрович), удлинение руки, «покрывшейся трупной зеленью» (Гелла)⁴, волшебный «крем Азazelло»⁵, полет на «половой щетке»⁶. Габриэль Гарсиа Маркес в рассказе «Очень старый человек с крыльями ангела» (*Un señor muy viejo con unas alas enormes*, 1968) описывает обычную деревенскую жизнь, внезапно прерванную появлением ангела, который принимает вид дряхлого старика с гигантскими крыльями и вшами в перьях. Другой его персонаж из романа «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1967) неожиданно возносится на небо во время стирки белья. Обрывки бумаги превращаются в бабочек. За одну ночь вся деревня теряет память.

Классиками магического реализма считаются немецкий писатель Густав Майринк (Gustav Meyrink, 1868–1932), австриец Франц Кафка (Franz Kafka, 1883–1924), бразилец Жоржи Амаду (Jorge Leal Amado de Faria, 1912–2001), аргентинец Хулио Кортасар (Julio Cortázar, 1914–1984), колумбиец Габриэль Гарсиа Маркес (Gabriel García Márquez, 1927), английский писатель Салман Рушди (Ahmed Salman Rushdie, 1947), японец Харуки Мураками (1949), русские писатели Николай Гоголь (1809–1852), Михаил Булгаков (1891–1940), Даниил Хармс (1905–1942), Виктор Пелевин (1962).

Одним из ведущих писателей магического реализма является Анджела Олив Картер (Angela Carter, 1940–1992). Анджела Картер — одна из самых ярких и необычных английских писательниц второй половины XX в., лауреат множества литературных премий, в том числе премии имени Сомерсета Моэма. Российский литературный критик, кандидат филологических наук Н. З. Шамсутдинова считает, что «литература для А. Картер является „магическим“ источником, освежающим реальность, а литературная аллюзия — ссылкой на общий фонд знания»⁷.

А. Картер мастерски использует традиционные черты магического реализма и вводит свои, новаторские, черты, придающие ее произведениям удивительную оригинальность. В сборнике рассказов «Кровавая комната» в повествовательную канву вплетаются многочисленные символы: магические, мифологические, библейские, символы из легенд. Автор охарактеризовала символы, используемые в своих произведениях, относящиеся к различным историческим эпохам, культурам, литературным источникам, как «мифологический бандитизм».

В сборнике «Кровавая комната» — десять рассказов: «Хозяйка Дома Любви» (*The Lady of the House of Love*), «Женитьба мистера Лайона» (*The Courtship of Mr Lyon*), «Невеста Тигра» (*The Tiger's Bride*), «Оборотень» (*The Werewolf*), «Волчье братство» (*The Company Of Wolves*), «Волчица Алиса» (*Wolf-Alice*), «Кровавая комната» и др., основой для которых послужили классические сказки «Белоснежка», «Кот в Сапогах», «Красная Шапочка», «Красавица и Чудовище», «Синяя Борода», средневековые легенды об оборотнях и вампирах. Преобразованные А. Картер сказки отличаются сумрачными готическими настроениями, действие происходит в относительно современном нам мире, герои являются обычными людьми и в то же время сказочными персонажами. Невинные сюжеты из Шарля Перро преобразуются в сумрачные страшилки, используются традиционные превращения людей в животных и наоборот; между сказочными персонажами возникают чувства, которые подвергаются испытаниям.

Наиболее значительным в сборнике «Кровавая комната» является рассказ с одноименным названием. Это преобразованная история Синей бороды, помещенная на современную почву.

Описывая замок, интерьеры, персонажей, рутину роскошной жизни маркиза (Синей бороды), Анджела Картер задействует различные магические и мифологические символы, замок наводнен символами. Эти символы не случайны, они раскрывают подлинную природу распутно-маниакального характера маркиза. В замке много книг, но подборка книг очень своеобразна: *La bas* Гюисманса — роман, посвященный оккультному возрождению 80-х гг. XIX в., причем в числе действующих лиц средневековый сатанист — бретонский барон Жиль де Ре, прообраз Синей Бороды; книги Элифаса Леви — французского автора, отца-основателя популярного оккультизма. Маркиз не отказывал себе ни в чем, если дело касалось его любимых символистов Гюстава Моро, известного своими мистико-мифологическими сюжетами («Жертва»), Джеймса Энсора, скандально известного бельгийского художника-символиста, предпочитавшего преимущественно мистические сюжеты («Глупые девы»), Гогена («Из ночи вышли мы и в ночь уйдем») и многих других, использовавших необычные, нередко распутные сюжеты. Героиня не сразу разгадывает символический смысл подобной литературно-художественной подборки.

Наиболее эффектными, вызывающими некоторый трепет и даже страх, являются многочисленные магические символы. Магические символы составляют таинственную паутину, заставляют читателя насторожиться, почувствовать что-то патологически зловещее с самого начала повествования в «Кривой комнате». Магическая символика строится на гамме классических цветов: белого, черного и красного. Все повествование «Кривой комнаты» как будто пропитано удушающим запахом белых лилий, лицо маркиза было белым, как и свадебно-траурные лилии, оно выглядело как маска, грузная фигура маркиза напоминает охапки белых похоронных лилий, вследствие чего спальня новобрачных ассоциируется с залом для бальзамирования: «Последнее, что я запомнила, перед тем как заснуть, был высокий кувшин с лилиями, стоявший возле кровати, и то, как его толстое стекло преломляло их сочные стебли, так что они становились похожими на руки — отрезанные руки утопленниц, плавающие в зеленоватой воде»⁸.

Жена для маркиза — жертва, не случайно и после первых супружеских обязанностей и перед казнью юная супруга по настоянию маркиза облачается в наряд из белого муслина: «Затем я пошла в гардеробную и надела белое муслиновое платье — наряд для жертвы аутодафе...» (с. 23). Белые торжественные лилии, белый цвет в целом являются в рассказе магическим символом увядания, смерти, траура.

Контрастным белому, но не менее зловещим является в рассказе красный цвет. Этот цвет символизирует некую обреченность с одной стороны и вызов, брошенный суровым обстоятельствам, с другой. На фоне белой маски лица яркие неестественно алые губы маркиза выглядят пугающе, тем более что неизменным спутником ярко-алых губ маркиза является кривая усмешка: «Он дразнище помахал ключом у меня над головой, вне досягаемости моих протянутых рук; его обнаженные алые губы скривились в усмешке» (с. 12). Красные язычки пламени от камина не говорят об уюте и тепле, они привносят тревожность в описание комнаты и сигнализируют о грядущих трагических событиях в замке.

Маркиз с изысканно-жестоким изобретательством занимался организацией своего очередного семейного цикла, обставляя его как символический ритуал, состоящий из определенных стадий: завлечение жертвы, подверженность физическому и материальному соблазну и искушению тайной, кровавое возмездие за послушание. И в этом кровавом замысле особая эстетическая и символическая роль отводится ярко-красному рубиновому ожерелью: «Свадебный подарок, обвивший мою шею. Рубиновое ожерелье шириной в два дюйма, словно невероятная, драгоценная рана на горле... Внезапно я

увидела себя такой, какой видел меня он... Я увидела, насколько к лицу мне было это кровавое ожерелье» (с. 4). Ожерелье доставляет маркизу истинное эстетическое наслаждение, он восторгается им: «Переговорив со своим агентом, он повернулся ко мне и погладил рубиновое ожерелье, которое впивалось мне в шею» (с. 9).

Наконец, уличив жену в ослушании, маркиз приступил к наивысшей стадии ритуала — к осуществлению жертвоприношения, т. е. той стадии своего замысла, ради которой и задумана вся эта игра. Разумеется, рубиновое ожерелье является в этой стадии неотъемлемым символом: «И вдруг я снова оказалась облачена лишь в рубиновое ожерелье: острое лезвие разрезало мое платье надвое, и оно упало к моим ногам» (с. 25). Юная жена — всего лишь носитель символа, манекен для ожерелья, часть игры, в которой ей отведена роль жертвы.

Дополнением к красно-белой символической гамме служит магический черный цвет. Прячась от пренебрежительного взгляда шофера маркиза, героиня «поплотнее укуталась в свою меховую пелерину из черно-белых широких полос соболя и горностая» (с. 5). Брачное ложе было украшено горгульями, «вырезанными на боках из черного дерева». До странности алые губы маркиза были окружены «черными локонами бороды» (с. 6). Однако именно «амазонка во вдовьем трауре» (с. 24), т. е. женщина в черном, разрушает магическую силу зловещей трехцветной символики, уничтожая палача своей дочери.

Магический смысл несет в себе и кольцо с опалом размером с голубиное яйцо, подаренное юной пианистке маркизом в «Кровавой комнате». Опал издавна называли «злой глаз» и связывали с ним множество суеверий, считая, что он приносит всевозможные беды: «Моя старая нянька, которая все еще жила с нами, с подозрением взглянула на кольцо. „Опал приносит несчастье», — заявила она“» (с. 2).

Как выясняется, маркиз является потомком Дракулы, прославившимся своей жестокостью, и кольцо, ранее принадлежавшее ему, должно было обладать зловещей силой. Маркиз дарил его всем своим женам, он очень гордился им. Кольцо имело большую притягательную силу, героиня признается: «Я не могла оторвать от кольца глаз» (с. 4). Кольцо служило основанием для признания значимости человека в обществе: «...но едва заметив таинственно сверкающий камень, шофер улыбнулся, словно это было действительное доказательство того, что я жена его хозяина» (с. 5). Кольцо играло роль всевидящего магического ока, шпионящего за героиней. Благодаря кольцу маркиз знал обо всем, что происходило с его женами. Благодаря кольцу он узнал о посещении героиней кровавой комнаты: «Пламя свечей всколыхнулось... Их отблеск осветил огненный опал на моей руке, который мгновенно вспыхнул, загоревшись каким-то зловещим светом, как будто хотел сказать мне, что око Господне — его око — видит меня» (с. 18).

Подобно рубиновому ожерелью, кольцо было частью кровавой игры маркиза, частью ритуала, являлось переходящим символом ослепления роскошью, подавления, подчинения, оно впитывало энергию жертвы, переливаясь загадочным сиянием. Вне жертвы оно блекло: «Весь блеск опала угас. Я с радостью сняла кольцо с пальца, и, стоило избавиться от него, даже здесь, в этом печальном месте, у меня словно камень свалился с сердца» (с. 24).

Для создания магических символов Анджела Картер использует сказки, сказания, легенды. Магический смысл в рассказе «Кровавая комната» приобретает ария Изольды *Liebestod* — ария «Смерть любви», которую Изольда исполняет над телом своего любимого, Тристана, умершего от тоски по ней, после чего сама умирает. Тристан и Изольда, легендарные персонажи средневекового рыцарского романа XII в., испив волшебный любовный напиток,

связаны любовью столь же сильной, как жизнь и смерть. В «Кровавой комнате» значение этой арии меняется, из гимна любви она превращается в некий траурный гимн, в поминки по любви. Маркиз приглашает свою юную невесту-пианистку в театр слушать оперу «Тристан и Изольда», и именно ария *Liebestod* особенно впечатлила ее: «И, знаете, во время арии „Liebestod“ у меня так ныло и замирало сердце, что я подумала, будто действительно люблю маркиза» (с. 3). Тогда героиня еще не знала, что одной из жен маркиза была оперная дива, исполнявшая арию *Liebestod* и погибшая от его жестокой руки. Таким образом, ария «Смерть любви» становится магически-ритуальным символом, на фоне ее звучания протекает короткая, но плотно наполненная впечатлениями, эмоциями, событиями, жестоким опытом история взаимоотношений маркиза и его юной жертвы. «Смерть любви» является обрамлением их маниакально-обреченного, запланированного на жертвоприношение брака. *Liebestod*, наряду с рубиновым ожерельем, кольцом с опалом является составным звеном зловещей игры.

Анджела Картер использует символы из разнообразных литературных, исторических и художественных источников. В рассказе «Кот в сапогах» главным героем является рыжий самодовольный, самовлюбленный кот с белой игривой манишкой, обладатель стильных офицерских сапог, чему он обязан офицеру кавалерии, запустившему их в него за то, что кот пел свои кошачьи песни. Кот представляет собой синтез Кота в сапогах из сказок Шарля Перо и Фигаро, героя пьес Бомарше, что создает комбинированный символ плутовства, ловкости, хитрости, способности разыгрывать и одурачивать.

Чтобы читатель мог представить себе богатство маркиза, Анджела Картер ссылается на образ последнего лидийского царя Креза, о богатствах которого слагались легенды: «Богат, как Крез» (с. 2). «Земноводный» замок маркиза, полностью окруженный водой и отрезанный от материка во время прилива, напоминает «печальную русалку, которая сидит на камне, томясь нескончаемым ожиданием своего возлюбленного... Милая и печальная морская сирена здешних мест!» (с. 6).

Подобно Русалочке из сказки Г. Х. Андерсена, которая страдала и погибла от неразделенной любви, замок символизирует женское страдание, его очертания говорят о несчастных жертвах, когда-то пойманных в ловушку вероломным маркизом.

Анджела Картер использует библейские символы. Когда героиня, услышавшись маркиза, проникает в тайную комнату, маркиз подвергает ее наказанию, первой ступенью которого является возложение на нее Каиновой печати (*The mark of Cain*). В библейском сюжете Каинова печать — «знамение», наложенное на Каина Господом за братоубийство. Разумеется, героиня «Кровавой комнаты» не совершала такого тяжкого преступления, но маркиз мнил себя в своих владениях тем собственником, который считает любое слушание преступлением, достойным самой суровой кары, тем более, что вся задуманная им игра сводится именно к наказанию — к казни как ритуалу маньяка-самодура. Анджела Картер использует понятие «Каинова печать», чтобы полнее отразить размеры спеси и сомнения маркиза.

К религиозным символам, используемым Анджелой Картер в рассказе «Кровавая комната», относится образ святой Цецилии — одной из славнейших дев-мучениц Католической Церкви, символу принятия мученической смерти. Подобно святой Цецилии, героине также предстоит принять мученическую смерть.

Анджела Картер сравнивает действия своей героини, которой руководит любопытство, с действиями героини древнегреческих мифов Пандоры. Подобно Пандоре, узнавшей от мужа, что в доме есть ларец, который ни в

кчем случае нельзя открывать, иначе весь мир и его обитателей ждут неисчислимые беды, героиня Анджелы Картер узнает от мужа, что в замке есть тайная комната, в которой муж хранит свои секреты, и в которую нельзя входить. Подобно Пандоре, не устоявшей перед соблазном открыть ларец, героиня Анджелы Картер открыла тайную комнату, оказавшуюся комнатой пыток жен маркиза, комнатой-склепом. Из ящика Пандоры на человечество хлынули необратимые беды, а на героиню «Кровавой комнаты» обрушилась кара маркиза. Ключ от ада маркиза — ящик Пандоры — символ необратимых негативных последствий.

В ряду мифологических символов Анджела Картер использует образы амазонки и Медузы Горгоны. Оба персонажа древнегреческих мифов используются при описании матери юной героини рассказа. Сравнение с амазонкой недвусмысленно: именно представители этого женского воинственного племени, не терпевшие при себе мужчин, способны без промедления расправиться с ними и угрозой, которую они представляют. Ссылка на Медузу Горгону также символична: реакция маркиза на появление у места казни матери героини возымели на маркиза такое же шокирующее действие, как и взгляд Медузы Горгоны, способный обратить человека в камень.

Наряду с символами древнегреческих мифов, Анджела Картер использует и древнеримскую мифологию. Пробираясь по коридору, ведущему к кровавой комнате, героиня видела фрагменты полотен с изображениями каких-то кровавых событий: «...„Похищение сабинянок“? Обнаженные мечи и лошадиные трупы свидетельствовали о каком-то кровавом мифологическом сюжете» (с. 16). Похищение сабинянок — эпизод из древнеримской мифологии, приведший к кровавому столкновению римлян и сабинян, и хотя по легенде столкновение закончилось примирением, и та и другая сторона понесли значительные потери. Ссылаясь на эпизоды кровавой бойни, Анджела Картер предвосхищает то, что ждет героиню в кровавой комнате, готовя ее к более страшным картинам.

Произведения А. Картер рассчитаны на довольно эрудированного читателя. Автор создает яркое мифологическое «лоскутное одеяло», предлагая читателю поупражняться в декодировании символов.

Примечания

¹ Кофман А. Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Совр. роман: опыт исследования. М., 1990; Flores A. Magical Realism in Spanish American Fiction [Электрон. ресурс] // Hispania. Md. 1955. V. 38. № 2. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt069.htm>.

² Літературознавчий словник-довідник / за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка. Київ, 2006.

³ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Романы. Кишинев, 1987. С. 540.

⁴ Там же. С. 583.

⁵ Там же. С. 638.

⁶ Там же. С. 641.

⁷ Шамсутдинова Н. З. «Магический» реализм в современной британской литературе [Электрон. ресурс]: Анжела Картер, Салман Рушди: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. URL: http://www.erlib.com/Анджела_Картер/Адские_машины_желания_доктора_Хоффмана/1/.

⁸ Картер Анджела. Кровавая комната [Электрон. ресурс] / пер. с англ. В. Е. Лапицкого (в формате .fb2). С. 13. URL: [webreading.ru > prose...andghela-karter-krovavaya...](http://webreading.ru/prose...andghela-karter-krovavaya...) Далее все цитаты приводятся по этому источнику с указанием номера страницы за текстом в круглых скобках.

Список авторов

Аверина Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: nv.averina@gmail.com

Алтухова Мария Кимовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: maralt@list.ru

Асташова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: olga_astashova@mail.ru

Бабкина Александра Юрьевна, редактор Редакционно-издательского центра, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Баева Тамара Ахматовна, кандидат педагогических наук, секретарь учебно-методической комиссии по лингвистическим дисциплинам, доцент кафедры иностранных языков, ГБОУ ВПО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова», г. Санкт-Петербург

Байкова Светлана Борисовна, научный редактор редакционно-издательского отдела, Центральная военно-морская библиотека, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: vetlanabaykova@gmail.com

Беляев Николай Сергеевич, кандидат педагогических наук, заведующий Лермонтовским кабинетом Отдела БАН при ИРЛИ РАН, Библиотека Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
e-mail: Belyaev_77@mail.ru

Богданова Надежда Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

Вилков Михаил Иванович, ассистент кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: msko_@list.ru

Вильцина Марина Андреевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, методист, ГБОУ гимназия № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: marinavilt@gmail.com

Воскресенская Галина Владимировна, преподаватель английского языка, высшая категория.
ГБОУ республики Крым «Керченский учебно-воспитательный комплекс-интернат-лицей искусств», г. Керчь, Республика Крым
e-mail: ha-li-na@yandex.ru

Гордеева Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород
e-mail: Elgord1@yandex.ru

Григорьянц Елена Игоревна, кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: alena_vld@mail.ru

Гринфельд Владимир Александрович, член Союза писателей и Союза журналистов Санкт-Петербурга, доцент кафедры журналистики.
СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: vlsobol@yandex.ru

Гринченко Наталья Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела редких книг, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: books@nlr.ru

Гулова Екатерина Константиновна, доцент кафедры экономического английского языка № 1, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: 1227k@list.ru

Евменова Анастасия Анатольевна, член Союза художников России, доцент кафедры графики, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: a.e.8@ya.ru

Кардинская Светлана Владленовна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: kard16@mail.ru

Катаева Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург
e-mail: klandim@yandex.ru

Кочешкова Любовь Евгеньевна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, руководитель педагогической лаборатории, ГБОУ гимназия № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: literator085@gmail.com

Кручинина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, учитель французского языка высшей категории ГБОУ СОШ № 553 с углубленным

изучением английского языка, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: kroutchinina@gmail.com

Кубачева Кабият Ибрагимовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: gabib101155@mail.ru

Лавренко Галина Борисовна, член Союза художников РФ, доцент, заведующий кафедрой графики, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург

Ландер Инга Георгиевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры рекламы, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, Сотрудник отдела эстампов РНБ, г. Санкт-Петербург
e-mail: lander_inga@mail.ru

Лезунова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, директор Высшей школы печати и медиатехнологий СПбГУПТД, заведующая кафедрой книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: dir@hspm.ru

Лисковец Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры технического перевода и профессиональных коммуникаций, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: irina.liskovets@gmail.com

Любищенко Анна Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: annalyubimenko@gmail.com

Лярский Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: lam732007@yandex.ru

Магалова Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры технического перевода и профессиональных коммуникаций, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Малышев Михаил Леонидович, старший преподаватель кафедры технического перевода и профессиональных коммуникаций, СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: michelmalysheff@gmail.com

Матвеева Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Московский государственный институт культуры, Российская Федерация, г. Москва
e-mail: e.o.matveeva@gmail.com

Махо Дарья Михайловна, магистр графического дизайна, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: dmakho@gmail.com

Махо Петр Георгиевич, старший преподаватель, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета

промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: pmakho@gmail.com

Мельцин Максим Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: maxmel@eu.spb.ru

Мельцина Элла Борисовна, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: meltsina@gmail.com

Метелкина Анна Геннадьевна, старший научный сотрудник Отдела гравюры XVIII — начала XXI веков Государственного русского музея, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: meteolcina@ya.ru

Мозохина Наталья Александровна, кандидат искусствоведения, заведующий сектором, Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург
e-mail: natalymoz@mail.ru

Николаюк Надежда Григорьевна, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: ngelpis@gmail.com

Полякова Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург
e-mail: belnata70@yandex.ru

Смирнов Алексей Викторович, доктор философских наук, доцент, институт философии, кафедра культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург
e-mail: darapti@mail.ru

Смирнов Николай Валентинович, кандидат исторических наук, директор, учитель истории и обществознания, ГБОУ гимназия № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: istorik085@gmail.com

Смирнова Юлия Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры технического перевода и профессиональных коммуникаций. СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург

Смольская Наталия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: N.Smolskaia@yandex.ru

Столярова Ирина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: stolirina@gmail.com

Тимофеева Любовь Анатольевна, научный сотрудник, Отдел БАН при ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), г. Санкт-Петербург
e-mail: l_tim@bk.ru

Фахрутдинов Олег Наильевич, доцент кафедры графики.
СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: olfena@list.ru

Цесник Елизавета Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: gumyantseva82@inbox.ru

Цылина Анастасия Алексеевна, аспирант, Брауновский университет, США, Провиденс

Чигиринова Марина Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
e-mail: chigirinova61@mail.ru

Шаровалова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры технического перевода и профессиональных коммуникаций. СПбГУПТД Высшая школы печати и медиатехнологий, г. Санкт-Петербург
e-mail: nsharov30@yandex.ru

Яковлюк Александр Николаевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков. Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург
e-mail: arniluk@yandex.ru

Ямианова Виктория Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода. Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: vaifl@mail.ru

Научное издание

ПЕЧАТЬ И СЛОВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Петербургские чтения – 2016

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1. Книжное дело. Культурология.
Межкультурные коммуникации

Подписано в печать 25.12.2017
Гарнитура Newton. Формат 70 × 108¹/₁₆
Усл.-печ. л. 24. Тираж 250. Заказ № 1

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД)
191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18

Отпечатано с оригинал-макета
в Издательско-полиграфическом центре СПбГУПТД ВШПМ
191180, Санкт-Петербург, пер. Джамбула, д. 13
тел. (812) 315-91-32 (145)